От редакции

В прошлом – восемнадцатом – номере альманаха мы опубликовали "Календарь памятных дат "Одессика-2004", посвященный 210-летию Южной Пальмиры.

Год еще не завершился, а список уже пополнился новыми событиями, достойными вызвать живой интерес у потомков.

Практически завершилось воссоздание Свято-Преображенского собора, разрушенного тоталитарным режимом в 30-е годы XX века.

Открыты памятники легендарному городскому голове Г. Маразли и великому польскому поэту А. Мицкевичу.

Более того, в Одессе открылся первый и, видимо, единственный в Украине памятник Померанцу. Это не фамилия – так в начале XIX века называли апельсин. Воз этих душистых фруктов (тогдашний крутой дефицит!), посланный горожанами российскому императору, принес послабление и обеспечил процветание городу и его жителям... Бронзовый Апельсин, по которому взбирается обоз со сладким презентом, произрастает нынче по соседству с Лаокооном.

Кстати, один из членов редколлегии недавно видел во флорентийской галерее Уффици еще одну копию этой античной скульптурной группы. Так вот, наша – лучше!

В то время, когда пишутся эти строки, в Одессе завершился Международный конкурс скрипачей имени Д. Ойстраха и начался Международный джаз-карнавал, состав участников и результаты которых свидетельствуют о высоком уровне нашей музыкальной школы и неувядающей притягательной силе бренда "Одесса".

В юбилейном году фирма "Харрисонс-Транс-Сервис" и редколлегия выпустили Дайджест, в который вошли материалы из 16 номеров альманаха, на наш взгляд, представляющие интерес для тех читателей, кто безуспешно ищет в книжных магазинах первые его выпуски – они уже стали библиографической редкостью.

Вы держите в руках 19-й номер, а мы готовим – 20-й, который должен выйти в начале 2005 года.

Надеемся, что приятных юбилеев, независимо от их масштаба и общественного звучания, у нас и наших читателей будет немало.

И еще о юбилеях – поздравляем члена редакционного совета Альманаха, парижского журналиста и поэта Виталия Амурского с 60-летием. Его новые стихи мы готовим в следующий – 20-й номер. И, конечно же, редактора Альманаха Феликса Кохрихта, с 65-летием. Не пора ли от журналистики перейти к литературе?

Александр ТРЕТЬЯК

Рождение города

1. Очаковская область

Территория, на которой суждено было появиться Одессе, в русских документах именовалась Очаковской областью. Другим ее названием было Едисан, или Западный Ногай, по названию кочевавшей здесь орды ногайцев. В турецких документах она фигурировала под названием Узу (Осу), так же, как на турецком языке именовались река Днепр и собственно Очаков. Простиралась данная территория от Днепра до Днестра, ограничиваясь на севере речками Ягорлык и Кодыма, а на юге Черным морем.

К началу русско-турецких войн второй половины XVIII в. Очаковская область являлась составной частью Крымского ханства, которое, в свою очередь, выделилось из состава Золотой Орды. Но, обретя независимость при хане Хаджи-Гирее в 1443 г., Крымское ханство уже в 1475 г. попало в вассальную зависимость к Османской империи, находясь в ней вплоть до русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

В отличие от крымских татар, появившихся в Северном Причерноморье еще в период завоевания Крыма в XIII в., ногайцы перекочевали сюда из приволжских степей лишь в XVII в. По своему языку и внешнему облику они довольно значительно отличались от крымских татар. В не меньшей степени отличался и их жизненный уклад.

Ногайцы Едисанской орды, как и их сородичи в Буджаке и Восточном Ногае, вели полудикий, кочевой образ жизни, занимаясь крайне мало земледелием. Огромные стада коней, быков, овец составляли главное их богатство. В пищу ногайцы предпочитали употреблять конину, а из напитков кобылье молоко. Передвигаясь со своими кибитками с пастбища на пастбище, ногайские татары, при случае, не гнушались ограбить путников, а грабительские набеги на соседние земледельческие территории Украины, Польши и Дунайских княжеств являлось для них делом обычным. Причем, жалованье за подобные военные походы они, естественно, не получали. Поэтому их набеги за добычей и невольниками, которых нередко затем перепродавали в Турцию, отличались особой жестокостью. Впрочем, была сила, которую крымские и ногайские татары по-настоящему боялись. Это были запорожские казаки, не раз совершавшие походы в глубь татарских степей, чтобы освободить уведенных в неволю людей и отомстить за грабежи.

Можно сказать, что в Европе, вступившей в век просвещения, существовал своеобразный исторический заповедник, где время как бы остановилось на несколько столетий. Скифы, сарматы, гунны, готы, аланы и десятки других кочевых племен, предшествовавших во времени вторжению татаро-монгол, могли бы найти бескрайние причерноморские степи в точно таком же состоянии, как и в период их владычества.

Следует отметить, что турки и крымские ханы редко вмешивались во внутренние дела Едисанской орды. Более того, отличаясь дикостью и необузданностью нравов, эта орда настолько окрепла, что была способна оказывать давление силой на решение первостепенных политических вопросов в Крыму. Так, в 1758 г. в результате восстания ногайцы свергли с престола неугодного Едисану Амем-Герей-хана, и посадили своего ставленника, Крым-Герей-хана.

В свою очередь Турция, традиционно рассматривавшая Черное море как внутреннее озеро Османской империи, ограничивалась в Едисане тем, что контролировала устья трех крупнейших водных коммуникаций — Днепра, Южного Буга и Днестра. С этой целью турецкие гарнизоны размещались в крепостях: Очаков, на Днепровском лимане, и Аккерман, в Днестровском лимане, между которыми, на территории нынешней Одессы, находилась небольшая крепость и гавань Хаджибей, служившая временным укрытием турецкому флоту.

Если добавить, что в Буджаке Турция имела на Дунае такую мощную крепость как Измаил, то становится понятным, что все самые крупные водные пути Восточной и Центральной Европы, ведущие к Черному морю, безраздельно контролировались Османской империей. Это создавало почти непреодолимые препятствия для вывоза продуктов из огромных плодородных районов Украины и сопредельных ей территорий в страны Западной Европы. Решить данные вопросы суждено было в период царствования Екатерины II (I762-1796).

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. изменила положение Очаковской области. Русские и украинские войска сумели нанести ряд серьезных поражений противнику. В свою очередь Едисанская орда, уже в самом начале этой войны, перешла на сторону России и в своем большинстве добровольно перекочевала в степи, прилегавшие к Кубани.

Но, хотя Очаковская область и была занята русскими и украинскими войсками, по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., а затем по Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. она отдавалась Турции. От территории, на которой ранее обитала Едисанская орда, к России отошел лишь угол

между Днепром и Бугом. Однако данные, казалось бы, скромные результаты в реальности явились поворотным историческим событием для всей Южной Украины.

Прежде всего, Россия получила долгожданный выход к Черному морю, что позволило начать строительство новых городов и портов. В частности, в 1778 г. в устье Днепра был заложен Херсон, задуманный в тот момент в качестве главного порта на Черном море. Вторым немаловажным фактором являлось признание Турцией независимости Крыма. Данные обстоятельства позволили России весной 1783 г. бескровно занять Крымский полуостров и присоединить его к составу империи.

Между тем к середине 80-х гг. XVIII в. всем европейским политикам стало ясно, что ключ к господству в Северном Причерноморье лежит именно в Очаковской области. Знаменитое путешествие Екатерины II в Крым весной 1787 г. лишь утвердило мнение на этот счет многочисленных дипломатов и политиков Европы, сопровождавших императрицу. Турция, имея мощь бастионов только Очаковской крепости, в любой момент по своей прихоти могла перекрыть проход торговых и военных судов со стороны Буга и Днепра в Черное море. Вот почему с точки зрения стратегических интересов новая война между Россией и Турцией была неизбежна. Первая исходила из позиции, что товарное производство плодородных районов Украины тормозилось из-за невозможности экспорта в широком масштабе в страны Средиземноморья. А потому выход на широком пространстве к Черному морю являлся жизненно необходимой задачей. Вторая, не без подстрекательства извне, стремилась к реваншу и восстановлению своего единоличного контроля над всем Северным Причерноморьем, включая Крым. Поэтому ни для кого не явилось неожиданностью объявление Турцией 15 августа 1787 г. (даты приводятся по старому стилю) войны России.

Война началась 21 августа с попытки турецкого флота высадить десант на Кинбурнскую косу, который был успешно отражен гарнизоном русской крепости под командованием А.В. Суворова. А весной следующего года русская армия вторглась в пределы Очаковской области и под командованием Г.А. Потемкина осадила Очаков. После многомесячной осады в декабре 1788 г. Очаков был взят. Однако это было лишь прелюдией в упорной борьбе двух империй за обладание территории между Бугом и Днестром.

С потерей турками Очакова резко возросло значение Хаджибея как одного из основных мест базирования турецкого флота вблизи главных русских сил.

2. Взятие Хаджибея

Штурм и взятие Хаджибея русскими войсками 14 (25) сентября 1789 г. вряд ли являлось бы столь значительным событием и датой в анналах отечественной истории, если бы этот день не стал хронологической точкой отсчета летописи предыстории Одессы. Но так как этот факт давно совершенно очевиден для потомков, то и понятен тот большой интерес, который проявлялся к подробностям падения турецкой крепости Ени-Дунья, именуемой в русских документах Хаджибейским замком. Впрочем, не будем умалять и чисто военное значение операции, проведенной в ночь с 13 на 14 сентября по ст. ст. отрядом генерал-майора Дерибаса. Конечно, в ряду кровопролитных и тяжелых сражений в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг. эта операция отнюдь не выделялась. Но и не случайно ведь в Петербурге прогремели салюты в честь Дерибаса, а Суворов не преминул с победой над Хаджибеем честь иметь поздравить Осипа Михайловича, усердно пожелав ему "побеждая и далее неверных, заслужить лавры".

Между тем кажущаяся легкость, с которой русские войска овладели Хаджибеем, во многом обманчива. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть документы предшествовавшего штурму времени, где отчетливо видно, насколько тщательно подготавливалась данная операция в течение нескольких месяцев до ее фактической реализации. Эта продуманность действий, а именно она определяет уровень военного искусства, и принесла в конечном итоге заслуженные лавры Дерибасу и его соратникам.

Следует отметить, что из многочисленных документов того времени особую ценность для понимания рассматриваемого вопроса имеют письма Осипа Михайловича Дерибаса начальнику канцелярии главнокомандующего Г.А. Потемкина, Василию Степановичу Попову, выдержки из которых, касаемые Хаджибея, мы и приводим ниже. Но предварительно несколько замечаний.

Хаджибейская крепость, по-турецки Ени-Дунья (Новый Свет), была перестроена, или, лучше сказать, вновь выстроена, в 1764 г., и представляла собой подобие четырехугольника, окруженного с суши земляным валом. Она размещалась на территории современного Приморского бульвара, недалеко от того места, где позднее был построен Воронцовский дворец. Судя по ряду описаний, главной достопримечательностью крепости был каменный дом паши и глубокий пороховой погреб. Вокруг и внутри

ее были разбросаны несколько десятков татарских хижин, и в случае опасности жители или прятались в крепости, или в спешном порядке перекочевывали в глубь степей. Лишь небольшой редут да овраг служили внешними оборонительными средствами для Хаджибея, гарнизон которого не превышал 300 человек при 12 орудиях. Вот почему турки при возможном нападении особое значение придавали поддержке со стороны своего флота. Последнее обстоятельство следует заметить особо.

После долгой и изнурительной осады Очакова, который был взят русскими войсками лишь в декабре 1788 г., многим казалось, что война близится к завершению. Так думали не только в Петербурге, но и некоторые высшие сановники в Стамбуле. Во всяком случае, турецкий султан Абдул-Хамид I явно склонялся запросить мир. Но в апреле 1789 г. старый султан неожиданно умер, и ему на смену пришел Селим III. Вот эти события как бы затормозили развитие хода действий в русско-турецкой войне. Однако пока правительство России ожидало запроса от турецкой стороны на начало мирных переговоров, не в меру горячий и воинственный Селим III развернул небывалую активность по реорганизации своей армии, играя, при неистовой поддержке янычар, на струнах национальной уязвленности и жажде реванша.

Хаджибею при этом отводилась достаточно значительная роль, как одного из основных мест базирования турецкого флота вблизи главных русских сил. Эти обстоятельства не могли не быть замечены в русской армии, и уже с начала лета 1789 г. все данные относительно Хаджибея стали поступать к Дерибасу. Так, 20 июня (1 июля) он писал Попову: "Полковник Машлыкин утром возвратился из Гаджибея. он был там со 150 /казаками/, проведшими ночь в лощине по ту сторону большого Куяльника, в пяти верстах от укрепления, а утром он пошел с одним есаулом открыть неприятеля в расстоянии одной версты. Он заметил, что в укреплении мало людей, насчитал 23 лодки одномачтовых, которые он принял за запорожские суда, и 37 больших и средних якорных судов на море, на расстоянии пяти верст. Я говорил с ним и его есаулом и, судя по тому, что они мне сказали, нечего сомневаться в том, что они видели все и очень хорошо, только не могли разобрать качество судов, и я замечаю, что в числе средних они видели несколько двухмачтовых. Один сметливый и смелый есаул Кумчатского полка возвратился вчера с таким же открытием и донес слово в слово то, что Машлыкин. Поэтому можно судить приблизительно по трем этим разным донесениям о силах неприятеля до сих пор не очень значительных. О них точно узнают, когда гр. Войнович пошлет для разведки офицера".

Как видим, уже в своих первых донесениях Дерибас не спешил с выводами и полагался на соответствующие данные от контр-адмирала Войновича. В то же время, со своей стороны, он не прекращал разведку в Хаджибее. 2 (13) июля Дерибас писал: "Посланный вчера к Гаджибею старшина, сей минут ко мне явился благополучно, и рапортовал: он сего числа весь Гаджибейский берег открыл, а далее оного против последнего за Гаджибеем большого мыса, не у самих берегов, а близь оных стоит небольших (примерно как наших черноморских казаков суда) двадцать семь суден; из оных на глазах его пять отошли за мыс к Аккерману; сверх того примечено им далеко в море стоящих противу первого Куяльника неприятельских больших и малых тридцать четыре судна; из коих одно двухмачтовое также пошло к Аккерману: на берегу никаких следов не примечено, также из крепости Гаджибейской никто не выезжал".

Видимо, разведывательные вылазки русских солдат и казаков стали настолько регулярны, что не могли оставаться незаметными для турок, и это приводило к небольшим вооруженным стычкам. Например, 25 июня (5 авг.) Дерибас докладывал в канцелярию главнокомандующего: "Кроме маленькой стычки вчера под Гаджибеем, в которой мы ни одного человека не потеряли, не имеем ничего нового". Тем временем, пока длилась своеобразная пауза на театре боевых действий, Осип Михайлович не ограничивался только получением регулярных сведений о состоянии противника, но и стремился, по возможности, получить точные топографические данные относительно окрестностей крепости. Вот характерные строки, написанные им в конце августа: "Все это время я занимаюсь местностью Тилигула и Куяльника. Все находящиеся у вас карты не верны; я вам скоро пришлю одну очень хорошую, потому что открыл здесь такую в Таврическом полку у поручика Игнатьева, который аккуратно работает и везде был сам".

Даже из приведенных выдержек из донесений Дерибаса понятно, что приказ Потемкина об овладении Хаджибеем не являлся для него неожиданным и не застал врасплох. Уже 31 августа (11 сент.) Дерибас изложил свой давно вынашиваемый план: "Прошу вас, мой генерал, передать его светлости (т. е. Потемкину. — **А. Т.**), что я готов; канонерские лодки поставлены в хорошем месте, и я начну огонь только тогда, когда начнет батарея, поставленная со стороны гр. Гудовича. В случае если город посмеет стрелять по нас, завидя нас с рассветом, я отвечу только по трем первым выстрелам, и тогда буду продолжать, пока не будет приказано перестать. Канонерские лодки будут стрелять по очереди: всех их 28; значит 14 будут

стрелять, остальные судна, приблизившись тоже, и стоять будто бы наготове к помощи другим".

Если отбросить определенную неуклюжесть стиля, столь свойственную большинству военных того времени, то даже этот предварительный набросок планируемой операции наталкивает на объяснение одного весьма важного момента, который нередко выпускается из вида. Дело в том, что Дерибас ставил перед собой цель значительно шире, чем просто захват Хаджибейской крепости, — но и комплексный удар с суши и с моря по турецкому флоту. Этот своеобразный капкан для военных судов неприятеля мог бы стать одним из решающих моментов, существенно влиявших на весь ход войны. Именно поэтому, как мы увидим, столь огорчительны были минуты, когда нерадивость графа Войновича свела на нет блистательно задуманный план.

А события разворачивались следующим образом. 3 (14) сентября из Очакова к Хаджибею вышли три конных полка и три полка казаков Черноморского войска. Дабы скрыть маневр, войска продвигались только ночью и 12 (23) сентября достигли Пересыпи. На следующей день отряд, с присоединившимися к нему еще двумя батальонами с полевыми и осадными орудиями, расположился в Кривой балке. Посланные ранее к Хаджибею казаки донесли Дерибасу, что видели около 40 турецких судов в море и 33 лансона, стоявших на якоре близ берега. Поэтому на перешейке между морем и Куяльницким лиманом генерал разместил батарею из 4-х осадных и 12-ти полевых орудий, чтобы боковым огнем попытаться нанести урон неприятельскому флоту. В то же время были точно распределены действия отрядов при штурме крепости. Секунд-майор Воейков должен был занять окрестности замка, отрезая возможность как высадки десанта с турецких кораблей, так и возможность бегства из крепости гарнизона. Основная роль отводилась батальону под командованием полковника Хвостова, который при поддержке с флангов двух полков черноморских казаков должен был штурмом овладеть крепостным валом. Расчет был и на внезапность, и на слаженность действий всех отрядов. И надо отметить, что эти расчеты были реализованы блестяще.

14 (25) сентября в 4 часа утра турки заметили приближающиеся отряды русских, но было уже слишком поздно. В считанные минуты батальон полковника Хвостова, где находился и Дерибас, овладел крепостью. Ни беспорядочный огонь крепостных орудий, ни корабельной артиллерии турок не смогли нанести существенный урон русским, потери которых составляли 5 убитых и 33 раненых. Турецкие потери выглядели зна-

чительно ощутимее: более двухсот убитых, взяты в плен двухбунчужный паша Ахмет-бей, бин-паша, 5 агов, 5 байрактаров, 1 капитан судна и 66 нижних чинов. Русским достались также неплохие трофеи: 12 пушек, 22 бочки с порохом, 800 ядер и, кроме того, 7 знамен и 2 флага. Было подбито два турецких лансона, один из которых вскоре затонул, а другой вынужден был подойти к берегу и сдаться.

Однако это еще не был конец баталии. С рассветом турецкий флот подошел к Хаджибею. И хотя перевес сил был на стороне турок, вернуть себе крепость они не смогли. Этому способствовал сильный ветер и неудачное маневрирование турецких судов с одной стороны, и умелый огонь русских пушек, с другой. При этом как генерал Гудович, так и Дерибас в своих последующих рапортах единодушно отмечали батарею майора Меркеля, ведшего точный и прицельный огонь с правого фланга.

Еще не успев остыть от боя после наполненной бурными событиями бессонной ночи, Дерибас написал приводимое ниже письмо. Судя по некоторым последующим замечаниям самого Дерибаса, он, чтобы не упустить благоприятную возможность заманить турецкий флот в ловушку, продублировал свое донесение от 14 (25) сентября в штаб главнокомандующего несколько раз. Вероятнее всего, что французский оригинал письма Дерибаса, хранящийся ныне в фондах Одесского историко-краеведческого музея, является первым из них. Во всяком случае, на это указывает несколько признаков, в том числе и явная торопливость писавшего, с множеством стилистических и орфографических ошибок. Приведем часть данного донесения:

"Мы отпраздновали праздник Воздвижения Креста пушечными выстрелами: в течение получаса продолжался адский огонь, особенно со стороны моря. Но он не причинил нам вреда, так как берег очень высок. Я восхищен храбростью полковника Хвостова, а также многих других, и, в частности, капитана Трубникова, подателя сего /донесения/; он был невежлив, оставив меня у подножия лестницы, дабы доказать мне, что и он умеет идти на приступ: я был удовлетворен, видя штурмовую лестницу всю покрытую наступающими, среди которых мои молодые люди не были последними. Если бы только граф Войнович проявил бы желание рискнуть потерей нескольких лодок, он мог бы оказать большую услугу, и мы все покрыли бы себя славой: возможно, этот момент еще не потерян, хотя ветер достаточно силен, однако слабее чем прошедшей ночью: я отдал бы два пальца, чтобы увидеть появление нашей флотилии завтра с восходом солнца; я разделяю это желание с большим количеством людей, которые все убежде-

ны, что ни одно вражеское судно не смогло бы от нас уйти, и среди других два больших с батареями, которые очень тяжелы, и, кроме того, двигаются как пьяные, после трепки, полученной ими сегодня". Далее Дерибас посвятил чуть ли не половину своего донесения желанию увидеть Днепровскую флотилию у Хаджибея, уповая при этом и на Бога, и на большую решительность графа Войновича, вполне справедливо подчеркивая, что если и есть риск потерять несколько небольших судов, то их экипаж спасется, так как весь берег полностью контролировался казаками.

Однако ни на следующий, ни в ближайшие дни корабли Войновича не появились у Хаджибея. Не случайно Дерибас писал Попову 17 (28) сентября: "Я печален и очень, несмотря на многие причины быть довольным".

Между тем 18 (29) сентября из Севастополя вышел флот под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова, который имел задачу не допустить повторного нападения турецких кораблей на Хаджибей и заставить неприятельский флот удалиться, что и было выполнено.

Остается добавить, что за взятие Хаджибейской крепости Дерибас был награжден орденом Святого Георгия третьей степени. Не были забыты также и наиболее отличившиеся при взятии Хаджибея представители регулярной армии и украинских казаков Черноморского войска. Что касается крепости, то уже через месяц после ее взятия укрепления было приказано срыть, что, в свою очередь, диктовалось стратегическими соображениями, существовавшими в тот период войны. Но главное было сделано, место, где в скором времени было суждено появиться Одессе, стало освобожденным от турецкого владычества.

3. От войны к миру

После закрепления России на территории между Бугом и Днестром Южная Украина оказалась как бы в эпицентре политической жизни Европы. И это вполне закономерно, так как вопрос стоял не только, вернее, не столько об очередном территориальном перераспределении, сколько о начале качественно нового этапа европейской торговли, что делало данную проблему жизненно важной для большинства государств Европы, как великих, так и второстепенных. Именно через призму так называемого Очаковского вопроса рассматривались многие острые международные проблемы начала 90-х гг. XVIII в., следствием чего явилась глобальная перегруппировка политических сил на континенте.

В одной из своих записок Екатерина II процитировала полюбившую-

ся ей китайскую поговорку: "Не следует пренебрегать уменьшением могущества наших соседей". Пожалуй, ни одному из государственных деятелей нового времени не удалось со всей полнотой и убедительностью продемонстрировать данное утверждение на практике, как это сделала русская императрица. Некогда окруженная могущественными соседями, Российская империя за годы царствования Екатерины получила в лице своих бывших грозных противников либо сошедшие на второстепенные роли державы, правители которых чутко и подобострастно прислушивались, в каком настроении пребывать изволит царица, либо вовсе вычеркнутые с политической карты Европы. А ведь в числе таких соседей оказались Крымское ханство и Польша, где помнили, как их войска пировали в Москве. И вот переменчивость фортуны. Территории некогда самых опасных соседей русского государства, Крымского ханства и частично земли, отошедшие к России после первого раздела Польши в 1772 г., стали главным делом внутренней и внешней политики русской царицы. Ибо именно здесь, создавая Новороссийский край, Екатерина II должна была продемонстрировать перед лицом всей Европы созидательность своей политики. А это было уже вопросом чести и престижа, как в целом государства, так и ее лично.

Впрочем, было бы ошибочно утверждать, что южная политика Екатерины строилась исключительно на честолюбии и тщеславии императрицы и ее окружения. Отнюдь нет. Выход к Черному морю и вовлечение плодородных районов Украины в полнокровную экономическую жизнь Европы представлялось делом исключительно важным для всех стран. Это была объективная потребность, имевшая в европейском торговом балансе, без преувеличения, революционное значение, выводя товарообмен между Восточной и Западной Европой на качественно новую ступень развития. И хотя эта международная тенденция в будущем далеко не была единственным условием и залогом процветания Одессы в XIX в., но, как мы увидим, удивительно бурное развитие города произошло во многом благодаря ей. Если уместно подобное образное сравнение, то можно сказать, что еще за несколько лет до своего основания Одесса уже имела своеобразный ракетоноситель, который должен был вывести ее за считанные десятилетия на орбиту самых процветающих городов Европы. Но не будем забегать вперед и вернемся к событиям, которые определили государственную принадлежность территории, предназначенную волею судьбы Одессе.

В декабре 1790 г. русские войска и казаки Черноморского войска под

командованием А.В. Суворова штурмом овладели крупнейшей турецкой крепостью Измаилом. Это было едва ли не самое кровопролитное сражение в XVIII в., в котором турки потеряли 26 тыс. убитыми и 9 тыс. пленными. Со стратегической точки зрения выход русской армии к Дунаю и взятие Измаила должно было стать решающим в войне с Турцией.

Преследуя поставленные цели, Екатерина II через своих представителей тут же предложила Османской империи заключить мир, соглашаясь вернуть занятый русскими войсками Буджак с Измаилом. Однако весной 1791 г. разгорелся острейший международный конфликт, вошедший в историю как "Очаковский кризис" и нередко называемый в литературе борьбой кита и медведя, т. е. противоборством сильнейшей на континенте России с самой могущественной морской державой того времени — Великобританией.

Англия не была заинтересована в закреплении России на Черном море. Безраздельно господствуя в Балтийском море, британский флот до этого момента имел полный контроль над всем восточноевропейским экспортом. Обеспечивая собственную промышленность жизненно необходимыми товарами и сырьем, а также перепродавая их в другие страны, Англия стремилась к сохранению своих преимуществ. Вот почему 22 марта 1791 г. британский кабинет министров принял на своем заседании ультиматум России. Если последняя откажется вернуть Очаковскую область Турции, то Великобритания и союзная ей Пруссия объявляли войну.

Нельзя сказать, что британская угроза не подействовала на Петербург, ибо подавляющее число членов русского правительства, включая и фаворита императрицы князя Г.А. Потемкина, полагали, что требованиям Англии придется уступить. Однако Екатерина II проявила политическую твердость. В этом неоценимую услугу ей оказал российский посланник в Лондоне Семен Романович Воронцов, отец будущего Новороссийского генерал-губернатора Михаила Семеновича Воронцова. Используя традиционные и нетрадиционные методы, российский дипломат сумел поднять общественное мнение английской нации против войны из-за Очаковской области и заставить британское министерство отказаться от своих требований России.

Таким образом, летом 1791 г. Турция оказалась без поддержки извне и вынуждена была запросить мир. В октябре этого года в Яссах начались мирные переговоры, которыми руководил со стороны России канцлер Александр Андреевич Безбородко.

29 декабря 1791 г. (9 янв. 1792 г.) был заключен Ясский мирный дого-

вор. От России его подписали Самойлов, Дерибас и Лашкарев, от имени Турции — Абдула-эфенди, Ибрагим Исмет бей и Мехмед-эфенди. Так завершилась русско-турецкая война 1787-1791 гг., а Очаковская область, на территории которой в скором времени суждено было появиться Одессе, приобрела новый государственный статус. Завершающая точка в многолетней борьбе за Северное Причерноморье была поставлена.

Еще не успели отгреметь в Петербурге праздничные салюты по поводу успешно завершенной войны, как 26 января 1792 г. именным указом Сенату "о присоединении земли, между рек Буга и Днестра лежащей, к Губернии Екатеринославской", Екатерина II определила административную принадлежность этой территории.

К тому времени вся Южная Украина входила в состав Новороссийского края, вверенного с 1774 по 1791 г. князю Г.А. Потемкину. После смерти последнего ему на смену был поставлен новый фаворит императрицы, Платон Александрович Зубов. Больше всего в жизни ценивший драгоценные камни, а потому и называемый при дворе "бриллиантовый князь", Зубов отнюдь не блистал ни умом, ни талантами, ни усердием. Формально управляя из северной столицы обширными южными территориями, он фактически переложил все бремя забот о крае на екатеринославского губернатора Василия Каховского.

Исполняя предписание царицы, генерал Каховский весной 1792 г. лично осуществил экспедицию в Очаковскую область, о результатах которой доложил в Петербург в мае и сентябре этого года. Нам особенно любопытны его заметки относительно Хаджибея, где первоначально планировали сделать поселение для вольнонаемных матросов, служивших в Средиземноморской флотилии: "Аджибей, назначенный Вашим Императорским Величеством для обитания служивших в Средиземном море на флотилии, лежит на возвышенном и приятном месте. Вода в колодцах пресная и хорошая... От развалин бывших тут строений камня много.

Оного будет достаточно на построение при первом случае домов для ожидаемых к обитанию в сем месте".

Каховский предложил разделить всю область на четыре уезда, с соответствующим строительством четырех уездных городов. Однако Хаджибей в этот список не вошел, хотя генерал и отметил его удобное местоположение. Впрочем, следует отметить, что в это время на юге России возникновение любого населенного пункта нередко сопровождалось пышным указом о строительстве города, десятки, если не сотни из которых не только городами, но и крупными селами не стали. Порой дело доходило

до нелепости, когда на карте империи конца XVIII в. обозначался город, а в реальности на указанном месте находилась небольшая деревушка с несколькими десятками жителей, а то и таковых не было.

Близость границы с Турцией продиктовала необходимость строительства военных укреплений. С этой целью в июне 1792 г. решено было начать строительство так называемой днестровской линии, в которую должны были войти пять крепостей: 1) "Средняя крепость" (будущий Тирасполь), 2) Гаджидерская (Овидиополь), 3) Гаджибейская (Одесса) и две около Очакова, непонятно почему включенные в днестровскую линию.

Закладка Хаджибейской крепости состоялась 10 июня 1793 г. Соответственно в это же время началось и обустройство гавани для гребного флота. Непосредственное руководство строительством крепости и гавани возлагалось на незадолго до этого получившего звание вице-адмирала О.М. Дерибаса и подполковника инженерной службы Ф.П. Деволана. Общий контроль за всеми работами на Днестровской линии был поручен А.В. Суворову, возглавившего учрежденную в Херсоне Экспедицию строения южных крепостей.

Крепость рассчитывалась на 2000 человек гарнизона при 120 орудиях. Находилась она на территории нынешнего парка им. Т.Г. Шевченко, примерно на том месте, где до наших дней сохранились остатки карантинной стены. Формально крепость просуществовала вплоть до 1811 г., но в действительности она прекратила свое существование в сентябре 1803 г., когда по приказу герцога Ришелье ее строения были используемы под карантин, с соответствующей перестройкой двух ее казарм инженер-полковником Ферстером.

Впрочем, уже летом 1793 г. развернулись события, которые резко изменили все планы относительно Хаджибея, поставив его в центр политической жизни Южной Украины.

Еще Г.А. Потемкин понял невыгодность Херсона в качестве главного порта на Черном море. Скованные в зимние месяцы льдом Днепр и лиман не были безопасны для навигации и весной, когда река выносила льды, опасные для деревянных корпусов кораблей. Аналогичные неудобства представлял собой и возникший в устье Буга в 1789 г. Николаев. Кроме того, данные порты были удалены на значительное расстояние от моря, и проход через мелководные устья крупнотоннажных судов был затруднен. План Потемкина, вынашиваемый им в конце жизни, соорудить порт на острове Тендра, в 40 км от Кинбурна, также был явно неудачен. Так как строительство в песчаном грунте, сооружение обводных каналов, мелко-

водье и сильные подводные течения требовали огромных затрат и усилий. Поэтому в 1793 г. правительство распорядилось продолжить гидрографические изыскания вдоль черноморского побережья всей Очаковской области, вплоть до устья Днестра.

4. Первостроители

Возглавлявший Черноморское адмиралтейство вице-адмирал Николай Семенович Мордвинов предлагал строить новый порт в Очакове. С точки зрения здравого смысла этот план был достаточно привлекательным — прямое сообщение с внутренними губерниями страны через Буг и Днепр, близость крымских портов и целый ряд других преимуществ, вытекавших из удачного местоположения. Поэтому Очаков казался наиболее приемлемым для большинства специалистов в Херсоне, Николаеве и в Петербурге. Между тем Дерибас, Деволан и подполковник инженерной службы Андрей Шостак, лично обследовавшие все побережье от Очакова до устья Днестра, измеряя глубины рейдов и заливов, выдвинули неожиданно смелый проект — строить главный порт на Черном море в непосредственной близости от турецкой границы, в Хаджибее.

Сторонники Очаковского проекта расценили предложение Дерибаса как вызов общественному мнению, за которым, говорили они, стоит не более чем желание "испанского выскочки" увековечить свои ратные дела при взятии Хаджибейского замка. При этом не без основания утверждалось, что предлагаемый город и порт должны строиться в безлюдной, пустынной местности, где нет ни достаточных ресурсов, ни соответствующего строительного материала. Да и где это видано, чтобы значительный порт и город воздвигался там, где нет непосредственных речных коммуникаций?!

Приведенные аргументы не были лишены смысла. Если бы не два обстоятельства: блестящее гидрографическое и инженерное обоснование Деволана и не менее замечательное геополитическое решение вопроса Дерибасом. О роли последнего нам еще предстоит говорить. Что касается Деволана, то его имя, наряду с Дерибасом, должно быть по праву вписано золотыми буквами в раннюю летопись Одессы.

Выходец из Брабанта, Франц Павлович Деволан был родом из небогатой дворянской семьи. Поменяв малодоходную служебную перспективу в Нидерландах на полную опасностей, но доходную должность военного инженера в русской армии, Франц Павлович, благодаря своей личной храбрости, несомненному природному таланту и удивительному трудо-

любию, сумел со временем подняться на высшие государственные должности. Так, уже в 1797 г. он получил генеральский чин, а в начале XIX в. стал министром водных путей сообщения в правительстве Александра I.

Многим была обязана Россия Деволану. По его проектам построены десятки каналов и гидросооружений, крепостей и береговых укреплений на севере и на юге страны. Под его личным наблюдением строились обходные каналы и шлюзы на Днепре, Буге, Неве, Онежском и Ладожском озерах, укреплялись черноморские берега Крыма и Ахтырской бухты в Севастополе. Но самым замечательным его деянием, без сомнения, следует признать осуществленный им проект города и порта в Хаджибее. Не случайно у старых одесских архитекторов была присказка, что Одесса с самого начала была спланирована таким образом, что все последующие архитекторы не смогли ее обезобразить. Это, конечно, шутка, но с известной долей правды.

С присущей ему лаконичностью и точностью Деволан обосновал несовершенство Очаковского проекта: "Худая рейда при сем последнем пункте и неудобное якорное место соединены были с невыгодами мелководья, препятствующего судам подходить к берегу ближе 500 или 600 сажен. Сверх сего льды и периодическое замерзание лимана делают там от ноября до мая месяца судоходство невозможным... А потому и не осталось выгоднейшего места для передовой гавани, неподверженной вышеупомянутым неудобствам, и коей расположение соответствовало бы намерению, к каковому она предполагается, как только залив Хаджибейский".

Но как бы ни важны были инженерные расчеты преимуществ Хаджибейского варианта, над ними все же преобладали высшие государственные и политические интересы. Именно с этих позиций проект обосновывал вице-адмирал Дерибас.

Осип Михайлович Дерибас (1749-1800) был по национальности испанец, хотя его мать, Маргарита Планкет, была ирландка, из старинного дворянского рода Дункан. Родился он в Неаполе, где его отец, Мигель де Рибас, служил в военном ведомстве короля обеих Сицилий.

Имя и фамилия — Осип Дерибас, являются производными в русской транскрипциях, достаточно широко принятые в современной литературе. Хотя можно встретить его имя в испанской, итальянской, немецкой и др. транскрипции, как, например, Хосе, Джузеппе, Джозеф, Иосиф, а написание фамилии варьируется до настоящих дней: де Рибас, де-Рибас, Де-Рибас и Дерибас. Но весь этот калейдоскоп написания имени Дерибаса ничто по сравнению с его бурной жизнью, наполненной невероятными приключениями, дворцовыми интригами, смелыми проектами и ратными подвигами.

Став в семнадцатилетнем возрасте подпоручиком в Самнитском пехотном полку неаполитанской армии, Дерибас в 1769 г. случайно познакомился с Алексеем Григорьевичем Орловым, главнокомандующим объединенными морскими и сухопутными силами на Средиземном море. Умный, дерзостный, храбрый, любящий риск и ищущий риска, но вместе с тем расчетливый, не боящийся ни пули, ни ответственности, — как характеризовал его Тарле, — будущий Чесменский князь, а тогда еще граф Орлов безошибочно определил в молодом итальянском офицере точно такие же качества и пригласил его на русскую службу.

Став участником знаменитого Чесменского сражения в июле 1770 г. Дерибас затем был зачислен в русскую армию под командованием Румянцева. В 1774 г. он в чине майора назначается инструктором в Шляхетский сухопутный корпус в Петербурге. Но за этой достаточно скромной должностью скрывалось одно из деликатнейших поручений, так как фактически Дерибас выполнял обязанности воспитателя юного графа Бобринского, незаконнорожденного сына Екатерины II и Григория Орлова.

Конфиденциальные услуги Дерибаса не были забыты Екатериной. С ее согласия он женился на камер-фрейлине императрицы Анастасии Ивановне Соколовой, побочной дочери видного просветителя России, президента Академии художеств И.И. Бецкого. В свою очередь царица была крестной матерью детей Дерибаса. Все это являлось верным признаком его влияния при дворе — удобная и безбедная жизнь царедворца Осипу Михайловичу была обеспечена, а этой жизни он не только не гнушался, но и всячески добивался ее. Впрочем, его деятельная натура при этом вступала в явное противоречие сама с собой. Желая проявить себя, он создает проект гигантского моста через Неву, демонстрируя его макет публике, но вскоре понимает, что инженерное дело не его стихия. Определенный успех ожидал его на дипломатическом поприще. Выполняя секретное поручение в Неаполитанском королевстве в начале 80-х гг., Дерибас успешно справляется с возложенной на него миссией, добившись присоединения этого крупнейшего государства Италии к вооруженному нейтралитету — блестящего политического акта Екатерины II, выдвинувшего Россию в мировые державы. Он же заложил фундамент и для подписания торгового договора между Россией и королевством обеих Сицилий. Следует также выделить и тот факт, что Осип Михайлович по просьбе императрицы перевел с итальянского на французский язык книгу о денежном обращении видного экономиста XVIII в. аббата Галиани. Этот перевод высоко был оценен Екатериной II.

Однако тишина кабинетов не давала ему чувства удовлетворения. В 1785 г. он возвращается в армию в качестве командира Мариупольского легкоконного полка, а в начале войны 1787-1791 гг. становится дежурным генералом при кн. Потемкине. Упросив главнокомандующего отпустить его, Дерибас с 1788 г. в чине генерал-майора находился в действующей армии и, командуя различными частями, отличился при взятии о. Березань, Очакова, Хаджибея, Бендер, Аккермана, Измаила и др.

В этот период он узнал и полюбил казаков Черноморского войска, бывших запорожцев, с которыми не расставался до конца войны. В 1789 г. Дерибас предложил оригинальный проект по поднятию затопленных турками у Очакова лансонов, усилив тем самым Черноморский гребной флот; именно казаки составили основной костяк вверенной ему гребной флотилии, сыгравшей решающую роль в овладении устьем Дуная и Измаилом. Не случайно с подачи Дерибаса казаки Черноморского войска получили от Потемкина земли в Очаковской области еще до официального закрепления ее за Россией. И только человеческая глупость и политическая недальновидность Платона Зубова, ликвидировавшего позднее Черноморское казачество, переместив черноморцев на Кубань, не позволили этим в высшей степени нужным и полезным для освоения Северного Причерноморья людям остаться здесь. Впрочем, около 2 тыс. черноморцев не пожелали переезжать на новые земли, и Дерибас сделал все возможное, чтобы предписания относительно насильственного перемещения казаков не выполнялись. Многие из их числа нелегально поселились в окрестностях будущей Одессы, основав известные слободки за чертой города.

К моменту, когда Дерибас возглавил экспедицию для выбора главного порта на Черном море, он обладал, помимо богатого военного и жизненного опыта, необходимыми для этой цели качествами: опытом дипломатической работы и соответствующим доступом к информации по международным делам на высшем государственном уровне; знанием основ экономики и инженерного дела и, что было немаловажно, имел авторитет и обширные связи в окружении русской императрицы, обладая известной долей влияния как собственно на Екатерину II, так и на ее фаворита, князя Зубова.

А события, происходившие летом 1793 г., были эпохально важными в судьбе всей Украины. Второй раздел Польши позволил воссоединить этнически однородные Левобережную и Правобережную Украину. Положение Очаковской области по отношению к внутренним губерниям значительно изменялось. Теперь она должна была соседствовать с террито-

риями, непосредственно связанными с плодородными Подолией, Волынью и Галицией, что, в свою очередь, резко повышало стратегическое значение Хаджибея.

Дерибас совершенно верно оценил предстоящие результаты этого нового политического течения, доказывая, что сухопутная и каботажная торговля должны сделать Хаджибей подлинным центром для всей Украины и Дунайских княжеств. А что касается отсутствия прямой водной коммуникации к нему, то она с лихвой компенсируется выгодностью его геополитического положения. Большинству современников не были до конца понятны мотивы, выдвинутые Дерибасом. Если даже такой умный, образованный и, без сомнения, безупречно честный человек как граф Мордвинов считал Хаджибейский проект авантюрой, то что говорить о менее знающих и информированных людях. К чести Екатерины II, она по достоинству оценила аргументы своего вице-адмирала в пользу Хаджибея. И не ошиблась.

5. От основания

"Приманчивые и корыстолюбивые предубеждения не укоснили возникнуть и, напрягая усилия свои возродить недоверчивость и затмить важное сие предприятие, вопияли о невозможности приведения сего в действо; но твердость духа и усердие тех, на коих возложено руководство к произведению работ, противостояли буре сей и устроение возымело свое начало 1794 года августа в 22 день".

Франц ДЕВОЛАН

К январю 1794 г. императрица уже сделала свой выбор, о чем свидетельствует секретный рескрипт на имя Дерибаса от 16 января 1794 г., на который почему-то мало обращали внимание исследователи. В этом рескрипте Екатерина II, ожидавшая новой войны с Турцией, предписывала командующему Черноморским гребным флотом привести его в полную боевую готовность: "так, дабы в апреле месяце можно было соединить все части оного в Аджибее, где и ожидать могущего последовать разрыва, как в таковом месте, в котором в одну сторону можно надзирать за лиманом днепровским и закрывать его, а в другую простирать примечания на устья дунайские, к коим тот час после разрыва и плавание ваше направить удобнее от порта сего".

Ожидавшийся разрыв с Турцией не произошел, так как конфликт удалось отрегулировать дипломатическим путем. Взвесив еще раз все аргументы за и против, Екатерина II 27 мая 1794 г. издает два рескрипта на

имя Дерибаса и Платона Зубова о строительстве города и порта в Хаджибее. С этого дня проект Дерибаса и Деволана обрел силу закона.

Рескрипт на имя Дерибаса широко известен, но мы приведем документ на имя Зубова, подписанный в тот же день. Вот его дословный текст: "Желая распространить торговлю Российскую на Черном море и уважая выгодное положение Гаджибея и сопряженные с оным многие пользы, признали Мы нужным устроить тамо военную гавань, купно с пристанью для купеческих судов. Устроение гавани сей возложили Мы на вице-адмирала де-Рибаса и Всемилостивейше повелели быть ему главным начальником оной, где и гребной флот Черноморский, в его команде состоящий, впредь иметь будет главное расположение; работы же производить под надзиранием генерала графа Суворова-Рымникского, коему препоручены от Нас все строения укреплений и военных в той стране заведений, придав ему в пособие инженер подполковника Деволана, коего план города и пристани Гаджибея утвердив, повелели приступить, не теряя времени, к возможному и постепенному произведению оного в действие. По таковом расположении, повелеваем открыть свободный вход в Гаджибейскую гавань, купеческим судам, как Наших подданных, так и чужестранных держав, коим в силу трактатов с Империей Нашей существующих, можно плавать по Черному морю, дозволяя привозить и нагружать для вывоза товары законами не запрещенные, с платежом пошлины по черноморскому тарифу. Устроение таможни и карантина почитаем Мы необходимо нужным; а потому и не оставте поднести штаты оным к Нашему утверждению с сметами потребных для таможни и карантина строений. Впрочем надеемся Мы, что конечно не оставите способствовать вице-адмиралу де-Рибасу в деле на него возложенном, всеми зависящими от вас средствами, дабы сие благое предположение Наше, могло вскоре получить свое событие".

Тотчас по получению рескрипта Дерибас энергично приступил к подготовительным работам. Соответствующим распоряжением от 30 мая на имя Каховского Зубов приказал выделить для будущего города 29500 десятин удобной и 1200 десятин неудобной земли. В свою очередь Дерибас получил возможность использовать строительные материалы и инструменты, находившиеся в Очакове.

В то время, когда Екатерина подписывала рескрипт, где указывалось, чтобы работы производились под надзиранием А.В. Суворова, в Польше вспыхнуло мощное народное восстание, возглавленное Тадеушем Костюшко. Поэтому, по приказу фельдмаршала Румянцева, в конце мая

1794 г. Суворов был отправлен к польской границе, а в скором времени был назначен командующим русскими войсками для подавления этого восстания, и более к своей должности на юге не возвращался. Вот почему Дерибасу пришлось в большей степени контактировать с командующим войсками в крае генерал-поручиком князем Григорием Семеновичем Волконским (отец будущего декабриста князя Сергея Волконского).

22 августа (2 сент.) 1794 г. состоялась торжественная закладка нового города и порта. Для освящения строительства в Хаджибей специально прибыл митрополит Екатеринославский и Таврический Гавриил. В этот день были заложены фундаменты: 1) Большого мола; 2) Малого жете, т. е. гавань для гребных судов; 3) Эллингов и верфи для починки судов; 4) Двух пристаней для купеческих кораблей; 5) Двух церквей во имя св. Николая и св. Екатерины, а также была проведена первая борозда для фундаментов городских строений.

Одна из старых легенд гласит, что едва успели вбить первые сваи в порту, как в заливе показались 7 турецких торговых кораблей с фруктами и вином, просивших в обмен пшеницу и муку, так как в Турции в 1794 г. был сильный неурожай. И хотя эта легенда документально не подтверждается, но она удивительно точно отражает предназначение нового города с момента его рождения — мирная торговля, а не вооруженное противостояние.

По приказу Дерибаса была учреждена специальная Экспедиция для строения города и порта, начальником которой вице-адмирал назначил Деволана. Ближайшими помощниками Франца Павловича были назначены инженер-капитан Федор Кейзер, капитан-лейтенант Николай Дзивович и секунд-майор Петр Небольсин — люди деятельные, энергичные и знающие. Приступая к строительству портовых сооружений, Деволан прежде всего поставил задачу возвести мол, чтобы "доставить убежище и потребные выгоды для судов, которые только от западных, восточных и северо-восточных ветров терпели беспокойства". Причем, Деволан опирался в этом на опыт строительства средиземноморских портов Италии: "Для того признано за нужное, — писал он впоследствии, — соображаясь с гаванями Неаполя, Ливорны, Анконы и Генуи, построить мол, и произведя в рассуждении сего надлежащие рассмотрения, удостоверились, что мол сей доставит все прочие удобства...".

Собственно город с 1794 г. делился на два форштадта — Военный и Греческий, сами названия которых говорят о первоначальном их смысле. Военный форштадт включал в себя 52 квартала, поделенных на 560

участков; Греческий состоял из 65 кварталов, включавших в себя 720 участков. Естественно, что улиц, а тем более их названий, еще не было. Поэтому кварталы обозначались цифрами. Например, Дерибас первым получил открытый лист на владение 1-ым и 5-ым кварталом в Военном форштадте. А всего в 1794 г. было выдано 159 открытых листов на владение городскими участками, главным образом военным, государственным служащим и купцам.

Благодаря взаимопониманию Дерибаса и князя Волконского для казенных работ ежедневно выделялось около тысячи солдат. Сама природа благоприятствовала первостроителям, когда ранняя и суровая зима сковала льдом прибрежную полосу моря, что значительно облегчало проведение работ в Хаджибейском заливе. Сохранились любопытные расценки этих работ. Так, "произведение свайной бойки" близ берега оплачивалось по 40 коп. за каждую сваю, а дальше — от 50 до 75 коп. Деньги хоть и не очень большие, заметим, но и не столь маленькие, как может показаться.

Если вспомнить историю построения Петербурга в начале XVIII в., то вся тяжесть бремени строительства тогда легла на плечи простых русских солдат, крестьян и пленных запорожцев. Огромная мощь и ресурсы государственной машины обеспечивали неуклонное воплощение плана Петра I по возведению новой северной столицы империи. Подобными преимуществами Хаджибей не располагал. Достаточно сказать, что на строительство в 1794 г. было выделено всего 38 тыс. руб., да и те были по большей части из сэкономленных Дерибасом сумм, предназначенных для флотилии.

В декабре 1794 г. вице-адмирал Дерибас выехал в столицу, вверив Хаджибей под надзор инженер-капитана Кейзера. А 10 января 1795 г. императрица подписала документ, в котором, в частности, предписывалось создание "в городе Одессе запасного соляного магазина, в коем полагается содержать миллион двести тысяч пудов соли". Это было первое официальное упоминание нового названия города.

Когда и кем было предложено переименовать Хаджибей в Одессу, с документальной точностью установить не удалось, ввиду того, что в архивах какие-либо документы на этот счет отсутствуют. Правда, как и водится в подобных случаях, отсутствие исторически достоверного материала восполняется домыслами и легендами, с чем в Одессе недостатка не наблюдалось никогда. Но из всех вероятных, маловероятных и совсем невероятных исторических анекдотов на сей счет, несомненно, выделяется следующий. На одном из придворных балов по случаю Рождества, следо-

вательно, не позднее конца декабря 1794 г., некто (здесь идут вариации от митрополита Гавриила и Дерибаса до представителей Академии наук) предложил назвать новый город Одессос, в честь древнегреческого поселения в Северном Причерноморье. Императрица закапризничала, почему все названия городов на юге в мужском роде, и таким образом появилось на свет слово Одесса. Надо сказать, что последнее маловероятно, слишком нехарактерно и непохоже на Екатерину, да и города с женским окончанием в Новороссии были, например, Евпатория и Феодосия.

Но обратим внимание на то, что большинство исторических анекдотов, а их десятки, приписывают возникновение названия города на придворном балу, и что первоначальную основу связывают, как правило, с древнегреческим Одессосом. Следовательно, устная традиция должна иметь под собой основу.

Но, так это или нет, повторимся, с достоверностью сказать невозможно. Впрочем, нет худа без добра, ибо поиски истинного смысла наречения Одессы подвигли многие поколения одесситов подзаняться этимологией и пофантазировать вволю.

Второе упоминание Одессы в официальных документах встречается в указе Екатерины II об учреждении Вознесенской губернии. Эта искусственная, а потому недолговечная административная единица являлась детищем Зубова, которому не давали покоя лавры Потемкина. "Одесса, татарами Гаджибей именованный", упоминается в указе в качестве одного из приписных городов Тираспольского округа учреждаемой губернии. И хотя роль Одессы в тот период была еще весьма скромной и ничем не примечательной, рождение города состоялось. Ведь не случайно говорят, что Одесса не знала детства, шагнув сразу из младенчества в зрелость. Тем весомее и значительнее представляются в исторической перспективе первые шаги, сделанные городом на пути к своему экономическому, торговому и культурному величию "золотого" века.

Сергей РЕШЕТОВ

Французский негоциант Карл Яковлевич Сикар и его внебрачное потомство

Фамилия Сикар или Сикард (по-французски Sicard) была очень известна в Одессе. В первую очередь, эта известность связана с первым представителем этой семьи, Карлом Яковлевичем (Шарлем) Сикаром.

Карл Яковлевич прославился сразу на нескольких поприщах: торговом, дипломатическом и литературном. Водил дружбу и был хорошо знаком с самыми выдающимися людьми, как управлявшими Одессой или краем, так и посещавшими Одессу в то время, когда там проживал Сикар. Вот лишь некоторые из них: первый градоначальник Одессы Арман-Жан герцог де Ришелье (1766-1822), знаменитый "Дюк", после отъезда из Одессы назначенный Людовиком XVIII министром иностранных дел Франции (учитывая тот факт, что сам Сикар и два его брата ввозили товары из Франции в Россию через Одессу, дружба с таким покровителем была отнюдь не лишней, однако к чести Ришелье, он отказался помочь Сикару предоставить льготы по торговле брату последнего Людвигу, пребывая в должности градоначальника); Михаил Семенович Воронцов, в начале знакомства с Сикаром еще граф, только что вернувшийся из Франции во главе оккупационных войск, а впоследствии князь и светлейший князь, а также генерал-губернатор Новороссии; и знаменитый поэт Александр Сергеевич Пушкин.

По свидетельству И.П. Липранди[1], "с Сикаром Пушкин познакомился или, лучше сказать, только два раза виделся, в Кишиневе, в 1821 году". По его же словам, позднее "из всех домов, посещаемых Пушкиным в Одессе, особенно любил он обедать у негоцианта Сикара". Однако, судя по всему, выбор места для проживания в то время в Одессе был невелик. "...В Одессе было тогда только два заезжих дома под именем отелей, принадлежащих двум купцам — французам Сикару и Рено", — рассказывал приехавший тогда в Одессу петербургский знакомый Пушкина Ф.Ф. Вигель (1786-1866)[2]. — Первый из них был настоящий торговец из Марселя, умный, веселый, приятный человек". Далее следует довольно нелицеприятная характеристика, которую Вигель в своем обычном стиле дает барону Рено.

[1] Липранди И.П. Из дневника воспоминаний // Русский архив. — 1866. — № 10. — С. 1475-1476.

[2] Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. 6. — М., 1892. — С. 89.

Интересно, что по приезде в Одессу Пушкин (он пребывал здесь с июля 1823 г. по август 1824 г.)[3] сперва остановился в "Hôtel du Nord" — так называлась гостиница Сикара в его доме на Итальянской улице, а затем поселился в гостинице Рено.

В настоящее время в бывшей гостинице Сикара (Итальянская ул., д. 13, в 1880 г. была переименована в улицу Пушкинскую) расположен Одесский музей А.С. Пушкина, который является филиалом Одесского литературного музея.

Отель Сикара был одним из первых отелей молодого города, где были комнаты для приезжих, каретные сараи с конюшнями. По приезде в Одессу 3 июля 1823 г. Пушкин остановился в этой гостинице и прожил здесь месяц. За время пребывания в Одессе им создана поэма "Цыганы", закончена поэма "Бахчисарайский фонтан", написано тридцать лирических стихотворений и две с половиной главы романа "Евгений Онегин". Описав Одессу в главе "Путешествие Онегина", Пушкин, по выражению поэта В.И. Туманского (1800-1860), подарил городу "грамоту на бессмертие".

Что же известно о биографии Карла Сикара? Он родился в 1773 г. в Марселе, в 1804 г. приехал в Одессу и, по словам А.М. де Рибаса[4], состоял в числе ближайших советников герцога де Ришелье, градоначальника Одессы. В ГАОО хранится их переписка за более поздний период (1818-1822 гг.).

К.Я. Сикар — автор очерка, написанного и изданного на французском языке, изданного в Санкт-Петербурге в 1812 г.[5] В 1818 г. в СПб. был опубликован русский перевод этого произведения, осуществленный Николаем Трегубовым (Сикар К. Письма об Одессе). В этом произведении Сикар восхваляет Одессу, и, главным образом, ее градоначальника герцога де Ришелье, с личностью которого связывает расцвет Одессы. По мнению одесских краеведов[6], перу Сикара принадлежит очерк "Lettres sur la Crimee..."[7], также написанный в то же время, также на французском языке, с похожим стилем, но менее восторженным, однако не подписанный автором.

Сикар активно занимается коммерцией, основывает черноморскую

[3] Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. — М., 1951. — Т. I. — С. 323, 392.

[4] Де Рибас А.М. Старая Одесса. — Одесса, 1913.

[5] Sicard aine. Lettres sur Odessa. S-Petersbourg, 1812.

[6] Атлас Д. Старая Одесса, ее друзья и недруги. — Одесса, 1992

[7] Lettres sur la Crimee, Odessa, et la mer d'Azof. Moscou, 1810.

компанию с центральной конторой в Париже и отделениями в Марселе, Константинополе и Одессе. 8.2.1807 г. он принимает русское подданство[8]. Во время вторжения войск Наполеона в Россию он занимался снабжением российских войск, дислоцировавшихся в Бессарабии. Уже будучи одесским 1-й гильдии купцом, по ходатайству Херсонского военного губернатора графа А.Ф. Андро де Ланжерона (1763-1831) он в 1814 г. был высочайшим указом пожалован коммерции советником[9]. В 1817-1829 гг. он состоял русским генеральным консулом в Ливорно. За свою службу в этой должности он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (14.12.1818 г.) и орденом Св. Анны 2-й степени (20.12.1826 г.)[10].

В начале 1830 г. Карл Яковлевич Сикар отправился по делам в Константинополь и погиб при кораблекрушении, обстоятельства которого покрыты мраком. Современники излагали две взаимоисключающие версии этого события. Одесский краевед В.А. Чарнецкий полагал[11], что Сикар имитировал свою гибель, так как скрывался от кредиторов. Судно "Бисон", по официальным данным, пропало без вести в феврале 1830 года. Свое обстоятельнейшее завещание Сикар написал 4 мая 1829 года, а дополнение к нему 15 февраля 1830 года. Что же заставило Сикара писать завещание, готовясь именно к этому путешествию (событию вообще заурядному для купца, ведущего торговлю по морским путям), писать дополнение к завещанию перед самым отплытием? В расцвете сил, в возрасте 57 лет он пишет завещание, проникнутое настроением человека, находящегося на смертном одре или, во всяком случае, ожидающего близкой смерти. Рассматривает он и возможность вторичного замужества своей жены, которой в то время было 32 года, и заключает завещание словами: "Такова моя последняя воля".

Личный врач М.С. Воронцова, губернатора Новороссии, Эраст Степанович Андреевский, так описывал в своих записках[12] исчезновение К.Я. Сикара: "Утверждали тогда, что он пропал без вести не без намерения, так как торговые дела его приняли было для него очень скверный оборот. Неутешная вдова и вся семья консула-купца осталась в Одессе".

Карл Яковлевич Сикар в 1814 г. женился на Лауре де Тиш (или де Тис) (1797-1864), от которой имел семеро детей: Каролину-Елизавету-

[8] РГИА, Ф. 1343, Оп. 29, Д. 3004.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Чарнецкий В.А. Загадка Сикара // Вечерняя Одесса. 1989. — 21 окт.

[12] Андреевский Э.С. Записки. Т. 3. — Одесса, 1914. — С. 157 (прим.)

Екатерину-Марию-Лауру (род. 04.04.1818, в замужестве Лисаковскую), Жана-Людвига-Теодора (род. 10.03.1819), Карла-Христофора-Николая (род. 30.04.1820), Лауру-Софию-Елизавету (род. 08.05.1824, в замужестве Сикар), Сусанну-Лауру-Георгию (род. 01.03.1822, в замужестве Сорон), Каролину-Елизавету (род. 08.04.1826, в замужестве Вассал) и Михаила (род. 28.10.1830).

В 1841 г. вдова К.Я. Сикара Лаура обратилась с прошением на высочайшее имя, ссылаясь на пожалование ее мужу орденов Св. Владимира и Св. Анны, о выдаче ей и ее детям дипломов на дворянское достоинство. Положительное решение по этому вопросу было принято 10.2.1845 г.[13].

В Государственном архиве Одесской области (ГАОО) хранится документ о получении канцелярией Одесского военного губернатора Д.Д. Ахлестышева и дальнейшем вручении восьми свидетельств на дворянское достоинство Лауре Сикар и ее детям[14]. Впоследствии Сикары были внесены в родословные книги Бессарабской губернии.

Известно, что в 1847-1850 гг. дворянин Людвиг Сикард состоял Бендерским уездным депутатом для надзора за правильною продажею напитков[15].

Целью данной статьи является внебрачное потомство К.Я. Сикара. Кроме законных детей у него был и побочный сын, *Карл Карлович Сикар*, родившийся в Одессе примерно в 1809 г. и скончавшийся в июле 1885 г. в Тайполе близ Выборга (вел. кн. Финляндское).

В дополнении к своему духовному завещанию[16] отец, К.Я. Сикард, завещает сыну "любить и уважать жену мою, а ей любовь и снисхождение к Карлу" и указывает его возраст, что и позволило определить примерную дату его рождения.

Согласно отцовскому завещанию, он обеспечивался ежегодной рентой в две тысячи рублей до достижения 30-летия. Кроме того, в завещании отец писал относительно него: "...надеюсь, что он тотчас по окончанию курса политехнического училища возвратится в недра семейства своего в Одессу для пособия всеми средствами моим душеприказчикам и умножения семейного счастья, а более всего для услужения моей жены и воспитания своих братьев и сестер...".

Душеприказчиком К.Я. Сикар назначает своего брата Жана-Батиста.

[13] РГИА, Ф. 1343, Оп. 29, Д. 3004.

[14] ГАОО, Ф. 457, Оп. 1, д. 159.

[15] Полный список лиц, избранных Бессарабским дворянством на областные, губернские и уездные должности со времени присоединения Бессарабии к Российской Империи по 1912 год. С историческим ведением А.Н. Крупенского. — СПб., 1912. — С. 39.

[16] ГАОО, Ф. 18, Оп. 3, Д. 18.

Однако он оговаривает в завещании: "в случае же смерти брата моего Ивана Батиста прежде совершеннолетия моих сыновей Людвига и Христофора, назначаю вместо него сына моего Карла".

Через 6 лет, в 1837 г., мы встречаем его имя в "Новороссийском календаре" как купца первой гильдии и члена коммерческого суда[17]. Затем он служил в экспедиции пароходных сообщений (1847 г.), в 1850 г. дослужился здесь до губернского секретаря, с 1851 г. старший член коммерческого суда и коллежский секретарь. Он состоял гласным Одесской думы на протяжении двух десятилетий подряд — с 1863 г. до самой смерти в 1885 г.[18].

Известно, что К.К. Сикар проживал в доме по ул. Канатной, 17. Этот адрес указывается в "Адрес-календарях одесского градоначальства" вплоть до его кончины[19]. Участок под этот дом был выделен еще его отцу, К.Я. Сикару в 1820 г., после постройки дома там проживала вся семья Карла Яковлевича. Факт постоянного упоминания этого адреса как места проживания К.К. Сикара позволяет говорить не только о том, что он не обзавелся собственным домом, проживал совместно с вдовой отца и своими сводными братьями и сестрами, но и о здоровой внутрисемейной обстановке и отсутствии имущественных претензий. Во 2-й половине 20-го века дом был снесен, в настоящее время на его месте пустырь.

Уже упоминавшийся выше Э.С. Андреевский в своих записях[20], сделанных в 1867 году, дает характеристику К.К. Сикару и вообще всей семье Сикаров: "...Общая дума ... теперь высоко ставит такие личности, как, например, г. Карл Сикар, который никогда для нее ничего не делал, но всегда очень важно отстаивал свои <...> ничем не обнаружившиеся достоинства". Далее в примечаниях к запискам Андреевский пишет: "Замечательно то, что Charles Sicard еще смолоду всегда вертелся в высших кругах одесского общества, между тем как законные дети играли довольно незавидную роль. Sicard, которого в отличие от Charles Philibert Sicard'a[21] всегда называют Charles Sicard, — побочный сын одесского купца и вместе с тем французско-

[17] Новороссийский календарь на 1838 год. — Одесса, 1837. — С. 84.

[18] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1884 год. — Одесса, 1884. — С. 61.

[19] Там же.

[20] Андреевский Э.С. Записки. Т. 3. — Одесса, 1914. — С. 157 (прим.)

[21] Карл-Филиберт Сикар (ум. 1905) — муж мл. дочери К.Я. Сикара, Лауры. По некоторым предположениям, не родственник по мужской линии, а "однофамилец" вышеописанной семьи Сикаров.

го консула Сикара ...Сикары из евреев южной Франции — я долго недоразумевал, правда это или нет, но однажды, лет 35 тому назад, я занял деньги у Jean Baptist Sicard'a, их дяди, известного в городе ростовщика, и легко мог из его выговора, характеристических манер и всей обстановки прийти к убеждению, что он не только жидовского происхождения, но, по всей вероятности, смолоду еще и сам был еврейского вероисповедания".

В настоящее время мне не удалось по архивным сведениям обнаружить сведения о супруге К.К. Сикара. По данным генеалогической базы мормонов, которая доступна пользователям на сайте www.familysearch.org и собрана на основании записей, полученных в архивах различных государств, его супругой показана некая Trumpi (эту же фамилию без имени приводит Ж. Ферран в генеалогии Кантакузиных)[22]. Следует отметить, что такая фамилия не находилась "на слуху" среди одесских граждан того времени и не обнаружена в мемуарной литературе. Кроме того, длительный опыт работы с данной базой позволяет говорить о том, что в случаях, когда приводятся данные о супругах отдельных семей, эти данные неточны, а иногда и ошибочны. Даты же жизни родителей для жен составители базы вообще приводят условно, высчитывая их приблизительно по следующей схеме: привязываясь к известной дате рождения какого-либо персоналия, они принимают, что отец этого лица родился примерно на 26 лет раньше, а мать — на 22 года.

Интересно, что в этой базе можно обнаружить целое семейство Сикаров, по хронологии проживающее в то же время в Марселе, т. е. именно в том городе, откуда Сикар выехал в Одессу. Однако, проследить связь Карла Яковлевича с этими Сикарами в настоящий момент не представляется возможным.

Достоверно известно, что супруги имели дочь *Елизавету Карловну Сикар*, которая родилась в Одессе 11.3.1848 г. (здесь же следует отметить, что по указанной выше мормонской методике ими датируется рождение К.К. Сикара 1822 годом). Умерла Елизавета Карловна 3.3.1923 г. в Vanduzy, Мозамбик[23] (по другой версии — 3.3.1934, оба варианта такое государство образовалось только в 1975 г., до этого — португальская колония, есть в базе мормонов). Супругом Елизаветы Кар-

[22] Jacques Ferrand. Les famillies Princières de L'Ancien Empire de Russie V. 1. — Montreuil, 1978. (стр.) 210.

[23] И Ферран, и мормоны приводят как место смерти Мозамбик, хотя такое государство образовалось только в 1975 г., до этого - португальская колония.

ловны с 12.4.1874 (Одесса) стал князь Михаил Родионович Кантакузен[24] (5.10.1847, СПб — 25.3.1894, Arcachon, Франция)[25].

Он окончил курс в Новороссийском университете по юридическому факультету; в своей магистерской диссертации "Опыт определения понятия военной контрабанды" (Одесса, 1875 г.) выступил сторонником своевременности кодификации международного права и приверженцем международного суда. Впоследствии был действительным статским советником, занимал должность директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий, был шталмейстером высочайшего двора. По высочайшему указу 19.5.1872 г. ему было разрешено присоединить фамилию и титул его прадеда по матери графа М.М. Сперанского и потомственно именоваться князем Кантакузиным графом Сперанским. Соединенные фамилии и титулы передаются старшему в роду.

В двух главных одесских газетах того времени — "Одесском вестнике" и "Одесском листке" за июль 1885 г. было помещено сообщение следующего содержания: "князь и княгиня Кантакузен-Сперанские с детьми с глубоким прискорбием извещают родных, друзей и знакомых о тяжкой утрате их в лице Карла Карловича Сикара, их отца, тестя и деда, скончавшегося в Тайполе, близ Выборга (вел. кн. Финляндское)". Таким образом, можно предположить, что из самых близких родственников (жена или др. дети, если они были) в момент кончины у Карла Карловича была только его дочь Елизавета Карловна, ее супруг и дети.

В семье М.М. Кантакузина-Сперанского и Е.К. Сикар было три сына и дочь, чьи потомки благополучно существуют и сегодня (кн. Кантакузины гр. Сперанские и кн. Кантакузины, графы Нироды, бароны Корфы и другие).

Старший сын, Михаил Михайлович князь Кантакузен граф Сперанский (25.04.1875, Одесса — 25.3.1955, Сарасота, Флорида, США) вступил в брак (25.09.1899, Ньюпорт, Род-Айленд, США) с Джулией Дент Грант (7.6.1876 — 4.10.1975). Она была дочерью Фредерика Дента Гранта (1850-1912) и внучкой президента США Улисса Гранта (1822-1885), героя Гражданской войны. Родилась она в Белом доме, когда заканчивался второй президентский срок ее деда (к слову, его портрет до сих пор украшает американскую банкноту достоинством 50 долларов). После брака мо-

[24] Руммель и Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. — СПб, 1886. — С. 361

[25] Jacques Ferrand. Les famillies Princières de L'Ancien Empire de Russie V. 1. — Montreuil, 1978. (стр.) 210.

лодая семья вернулась в Россию. Михаил Михайлович служил в Кавалергардском полку, был ранен в I Мировой войне. Впоследствии был назначен командиром полка и произведен в генерал-майоры. После переворота 1917 года Михаил с женой, сыном и двумя дочерьми покидают Петроград и в 1918 году добираются до Америки. Однако Михаил возвращается в Россию, и в составе армии адмирала Колчака сражается с большевиками. Верховный правитель адмирал Колчак назначает Михаила своим представителем в США. В связи со смертью Колчака представительство было закрыто в 1920 году, после этого Михаил управлял апельсиновыми плантациями во Флориде, затем был заместителем управляющего банком. В 1934 году Михаил и Джулия развелись. Его супруга Джулия в США стала известна также как журналист и мемуарист, большинство ее материалов было посвящено России. Скончалась она в Вашингтоне в возрасте 99 лет.

Их единственный сын, также Михаил Михайлович князь Кантакузен граф Сперанский (21.7.1900, Санкт-Петербург — 25.12.1972, Лэйк-Форест, Иллинойс). Он окончил Гарвардский университет и работал брокером на бирже Нью-Йорка, а затем Чикаго. Был трижды женат и оставил сына Родиона (род. 22.10.1928, Чикаго), он капитан американского военно-морского флота, и дочь Ирину (1925-1984), в браке Эриксон. У Родиона Михайловича два сына и дочь.

Проф. К.П. ДОБРОЛЮБСКИЙ

Е.Н. Щепкин как историк (1860-1920)

Константин Павлович Добролюбский, выдающийся историк, оставил воспоминания, которые только в этом году увидели свет. Не о многих своих современниках он говорит с таким пиететом, как о профессоре Е.Н. Щепкине, в честь которого Одесса, скорбя по неожиданной смерти Щепкина, переименовала улицу Елизаветинскую в улицу Щепкина.

В архиве К.П. Добролюбского сохранился оттиск специальной мемориальной статьи, посвященной учителю. И хоть политические взгляды Щепкина могут сегодня кого-то удивлять, а то и раздражать, но память о нем как о выдающемся ученом должна храниться в наших сердцах.

12-го ноября 1925 г. исполнилось пять лет со дня безвременной и внезапной смерти профессора Евгения Николаевича Щепкина. В его лице мы лишились не только крупного ученого-историка, выдающегося педагога и образцового лектора, но и видного общественно-политического деятеля и незаурядного оратора. Талантливый и разносторонне одаренный, Евгений Николаевич Щепкин и по своему происхождению принадлежал к богатой талантами фамилии, вышедшей из самых народных низов. Он был внуком знаменитого артиста Михаила Семеновича Щепкина (1788-1863), сына дворового человека и управляющего графа Волкенштейна (Курской губ.). Один из сыновей артиста М.С. Щепкина — Николай Михайлович (1820-86), издатель и московский общественный деятель, и был отцом Евгения Николаевича. Братьями последнего являются известный славист Вячеслав Николаевич и бывший видный московский деятель и активный кадет Николай Николаевич Щепкин.

Основные моменты научно-педагогической деятельности Е.Н. Щепкина, на основании бумаг Университетского архива и его краткой автобиографии, написанной им в 1920 г., за несколько месяцев до смерти, вырисовываются в следующем виде.

Родился Е. Н. 13-го мая 1860 г. Среднее образование получил в немецкой школе в Москве. Сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости, он в 1879 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Участвуя в студенческой жизни (в 1880 г. он был старостой 2-го курса), Е. Н., по его собственным словам, "примыкал к конституционному течению среди профессуры, возглавлявшемуся проректором А. Муромцевым, проф. М. Ковалевским, ректором Тихонравовым и др. В декабре 1880 г. был арестован со всей сходкой, собранной студентом

П.Н. Милюковым". По окончании в 1883 г. университета, Е. Н. был оставлен на частную стипендию для подготовки к профессорской деятельности по кафедре всеобщей истории. По сдаче магистерского экзамена по всеобщей и русской истории и по политической экономии, он был зачислен 2-го июня 1892 г. приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета. Преподавательская же деятельность его в средней школе началась еще в 1886 г. С лета 1893 г. по 1897 г. Е. Н. пробыл четыре года в заграничной научной командировке, работая в архивах и библиотеках Вены, Берлина и Копенгагена и изучая "вопрос об иноземных влияниях на русскую историю". Плодом изучения им архивных материалов по дипломатической истории семилетней войны и по истории Лже-Димитрия I и древнескандинавских памятников и явились главные его работы о русско-австрийском союзе, о личности Лже-Димитрия I и о русско-варяжских отношениях.

По возвращении из научной заграничной командировки Е.Н. Щепкин был неполный год (с конца 1897 г.) исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории в Нежинском историко-филологическом институте, а с осени 1898 .г. переводится на ту же кафедру в Одессу, в Новороссийский университет. В высших учебных заведениях г. Одессы и протекала почти вся профессорская деятельность Е. Н. (1898-1920). В начале 1902 г. Е. Н. защитил в Московском университете свою магистерскую диссертацию "Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1746-1758 гг.". Из Одессы он получил еще три летних научных командировки за границу: в 1899, 1901 и 1904 гг. Последняя командировка была испрошена им в Париж для работы в Национальной библиотеке по вопросу о походе Наполеона I в Россию в 1812 г., о чем предложили ему написать редакторы английского издания общей истории нового времени "Cambridge Modern History", в IX т. которого и появилась в 1906 г. соответствующая статья Е. Н. Осенью 1902 г. Е. Н. принимал участие в трудах комиссии Ванновского по преобразованию высших учебных заведений.

С конца 1904 г., вместе с развитием революционного движения в России, Е. Н. Щепкин "стал втягиваться", как он сам говорит, в общественно-политическую жизнь, что и привело скоро к его удалению из университета. Не останавливаясь здесь на его общественно-политической деятельности, отметим лишь связь ее с вопросом о дальнейшей работе его в университете. С осени 1905 г. он состоял членом профессорской коллегии, управлявшей автономным университетом. Когда же в апреле 1906 г.

Е. Н. Щепкин был избран депутатом от Одессы в 1-ю Государственную думу, то группа профессоров (в частности, Н. Ланге, Е. Васьковский, Н. Лысенков, А.Я. Шпаков, Б. Ляпунов, В. Циммерман) возбудили ходатайство об оставлении его профессором Новороссийского университета в виду его "выдающихся заслуг, как профессора и общественного деятеля". Совет университета поддержал это ходатайство (большинством 38 против 2), но министр народного просвещения Мусин-Пушкин разъяснил (10/VI-1906), что нельзя одновременно состоять членом Государственной думы и занимать государственную должность с определенным окладом содержания. Пока продолжалась дальнейшая переписка об оставлении Е. Н. в университете "без сохранения содержания", 1-я Государственная дума была распущена, а Е. Н. был приказом министерства уволен от службы, ввиду привлечения его к суду за подписание Выборгского воззвания. Министерство ответило отказом и на повторное ходатайство об оставлении Е.Н. Щепкина профессором в университете, поддержанное особенно настойчиво ректором Занчевским; оно в течение двух лет (28.VIII.1908 г.) не удовлетворяло даже бесспорного ходатайства о назначении Е.Н. Щепкину пенсии в половинном размере, вследствие исполнения 6 января 1906 г. 20-летнего срока его государственной службы, несмотря на указание Е. Н. (в заявлении ректору от 26.IX.1907 г.), что министерство не оспаривало прав на пенсию проф. Шершеневича и допустило к чтению лекций в качестве сверхштатных профессоров и приват-доцентов ряд других профессоров, подписавших Выборгское воззвание: Петражицкого в Петербургском, и Муромцева, Котляревского, Кокошкина и Новгородцева в Московском университете.

11 лет царское правительство не пускало Е.Н. Щепкина в университет. В это время он состоял профессором частных высших учебных заведений г. Одессы: Высших женских курсов и потом Международного института. Февральская революция 1917 г. вернула его снова в университет. Интенсивная политическая деятельность Е. Н. за последние три года его жизни не помешала ему вести в течение более двух лет и серьезную преподавательскую работу в университете. До конца он не переставал быть интересным и увлекательным профессором, тщательно подготовленным к каждой своей лекции. Об этой тщательности и необычайной добросовестности, с какой Е. Н. подготовлял свои курсы, свидетельствуют как отзывы слушавших его студентов и студенток и некоторые мои личные наблюдения, так и бумаги, оставшиеся после его смерти и содержащие массу конспектов к лекциям.

Лично я знал Е. Н. лишь за последние три года его жизни, когда он вернулся в университет, а проф. В.Э. Круссман, занимавший там перед тем кафедру всеобщей истории, перевелся осенью 1917 г. в Пермь. Его отношения ко мне были все время неизменно внимательными и доброжелательными. По личным воспоминаниям, Е. Н. рисуется мне, как большой эрудит, умелый руководитель, талантливый лектор, интересный собеседник и хороший старший товарищ.

Научная деятельность Е.Н. Щепкина сосредоточилась преимущественно на изучении трех вопросов, касающихся культурных и политических взаимоотношений России и Западной Европы: на русско-европейской дипломатической и военной истории половины XVIII века, на выяснении личности Лже-Димитрия I и на русско-варяжских отношениях. Исследования и статьи Е. Н. по этим вопросам, особенно по двум первым, основаны на изучении материалов, главным образом, Венского и Копенгагенского архивов. Остальные работы и научно-популярные статьи, написанные Е. Н., касаются вопросов методологии истории, социологии, феодальных отношений средневековой З. Европы, английской революции и контрреволюции XVII в., крепостного права З. Европы, восточного монашества и методики истории. Наконец, его перу принадлежит ряд тщательно подготовленных литографированных и рукописных курсов по истории Востока, Средних веков, нового времени и по социологии. Как научный исследователь Е. Н. изучал моменты тесного соприкосновения славянского Востока с германским Западом; как профессор по кафедре всеобщей истории он читал лекции и писал статьи и курсы не только по истории З. Европы в Средние века и новое время, но и по истории Востока и Византии, и был типичным представителем всеобщего историка в условно принятом смысле этого слова.

Е.Н. Щепкин не был особенно плодовитым писателем, как довольно многие всеобщие историки, не касался он и новых, неразработанных проблем, но предпочитал углубляться в изучение старых спорных вопросов, привлекая для решения их новые данные и применяя особые приемы разработки источников. По собственным словам, "он примыкает к тому течению в западноевропейской историографии, которое в исследовании по новой истории пытается внести интенсивные приемы, прочно укоренившиеся в научных трудах по античной жизни и Средневековью". По его мнению, "интенсивная разработка нескольких лет иногда успешнее может раскрыть пути исторического процесса или основные мотивы действующих лиц, нежели картина жизни за целый период, односторонне отвле-

ченная от наиболее доступных памятников и набросанная крупными мазками". Но при применении к изучению нового времени приемов медиевистов исследователь "должен искать такого оазиса, на возделывание которого затрачено уже много труда его предшественниками. Присоединив какой-нибудь новый источник или применив иной прием изучения, историк может тогда углубить исследование исторического события и обнажить еще несколько корней, ускользавших при экстенсивном научном хозяйстве"[1]. В качестве такого оазиса Е. Н. и избрал дипломатическую историю в эпоху Фридриха II, написав по этому вопросу самую крупную свою работу, являющуюся его магистерской диссертацией: "Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746-1758 гг." (1902). Из новых данных он привлек все донесения и наказы австрийской дипломатии в государственном архиве в Вене, раньше лишь частично использованные Л. Ранке, А. ф.-Арнетом, А. Шефером и А. Ноде, а для установления влияния русско-голштинских отношений — материалы, хранящиеся в архиве датского министерства иностранных дел в Копенгагене. В другой работе "Wer war Pseudodemetrius I?" Е. Н., привлекши некоторые новые материалы, найденные им в западноевропейских архивах, пытался решить очень темный вопрос о личности Лже-Димитрия I путем тщательной критики и сопоставления свидетельств русских, польских и немецко-голландских источников о нем. При изучении русско-варяжских отношений Е. Н. мастерски применял в широком масштабе сравнительно-исторический метод исследования, сопоставляя системы наследования у европейских народов первой половины Средних веков[2], денежные единицы, ходившие в Европе в эпоху кодификации обычного права, и скалы вир (славянскую, англосаксонскую, скандинавскую и варяго-русскую)[3]. Есть, наконец, у Е. Н. и специальная работа по исторической критике источников, посвященная вопросу об авторе начальной русской летописи: "Zur Nestorfrage", где он в частности сравнивает возникновение русской начальной летописи с развитием немецкой средневековой анналистики. Это сравнение подтверждает его вывод, что русская начальная летопись — плод коллективной работы ряда монахов, причем записи Нестора были лишь одним из многих источников при редакции этой летописи[4]. Таким образом, ценность главных исследований Е. Н. — прежде всего ценность методологическая.

[1]Русско-австрийский союз. Предисловие, стр. VII.

[2]Порядок престолонаследия у древне-норвеж. конунгов, 1909 г.

[3]Варяжская вира, 1915 г.

[4]Archiv für slavische Philologie, B. XIX, S. 552 — 3.

Изощренность в критике исторических источников — наиболее сильная сторона в исторических работах автора.

Интенсивные приемы исследования, сторонником и мастером которых был Е. Н., являются, однако, лишь средством для историка при реконструкции им прошлой действительности. Восстановление исторической действительности из разрозненных фактов требует установления между ними связи и правильного их истолкования. В отношении исторического синтеза Е. Н. до революции придерживался психологического толкования исторических фактов. "По методу, заявлял он, мы примыкаем к началам психологического истолкования исторической жизни и придаем важное значение интенсивной разработке мотивов, направлявших деятельность лиц, групп и учреждений"[5]. Для него "истолкование исторических фактов, так называемая историческая интерпретация, сводится к установлению между предыдущими и последующими фактами психологически понятной для нас связи. Итак, цель интерпретации не искание исторических законов и следов их влияния, а прослеживание в событиях действия психических законов[6]. На значение идей в истории он смотрит также с психологической точки зрения: "Для историка-психолога идеи — только отвлечения от современной или ожидаемой действительности, т. е. мысли или желания отдельных мыслителей или целых общественных классов, даже народов; идеи — это естественным путем возникшие решения, цели и мотивы действующих в истории людей. Но мысли людей — единственные причины всякой исторической деятельности и событий. В этом смысле историческая жизнь направляется идеями, а историческая наука есть исследование идей, т. е. воли и действия исторических людей и человечества"[7]

Отношение между бытием и сознанием Е. Н. мыслит идеалистически: "Не сами исторические условия, пишет он, не состояния окружающей географической или экономической среды, а определенные взгляды на эти условия, своеобразная оценка их — направляют волю исторических деятелей. Все экономические, географические, этнологические условия, все исторически прошлое, даже чрезвычайные бедствия, как чума, землетрясение, голод, должны отразиться сначала в виде представлений, понятий и суждений о них в субъективном духе и только тогда могут как мотивы

[5]Русско-австрийский союз, стр. V.

[6]Вопросы методологии истории, стр. 5. Ср. Курс новой истории (литограф.), Одесса, 1903 г. стр. I и д.

[7]Ibid, стр. 39.

воздействовать на волю деятелей или толпы"[8]. Для него "сущность исторического процесса проявляется в воле человечества и отдельных лиц. Изучение человеческой воли на протяжении веков составляет прямой объект истории... Перелом от Средних веков к новым есть перелом в человеческой воле; ему предшествует переоценка ценностей". Воля, направленная в Средние века на интересы религиозные, с эпохи Ренессанса направляется на мирские интересы, на осуществление своей личности в мире. Открытия, колонизация, создание крупного капитала, государств и городов, гуманистические интересы — все это лишь различные цели для воли, направленной на мирские интересы[9]. Волюнтаризм из психологии перенесен здесь в историю. "Воля поколений", "воля эпох" — это тот же "народный дух" историков-романтиков, лишь перешагнувший национальные рамки.

Считая психологию "родной почвой" для истории, Е. Н. находил нужным в качестве политического историка изучать "волевые организации и системы целей", "не только живые личности, но и некоторые общественные механизмы с своеобразными системами целей, каковы государство, церковь, сословия, правительство, династия, правящий класс, политическая партия, система политики, международный союз, далее национальность, общечеловеческая идея и т. п.". Он прагматик и сторонник взаимодействия исторических факторов. Он признает и большое значение экономического фактора, особенно в современной истории, но отвергает "крайности" экономического монизма. По его словам, "даже верно понятый массами экономический расчет только постепенно проектируется в заметный исторический процесс, медленно организуется в систему и лишь за крупные периоды лет дает себя чувствовать изменениями в социальном и политическом строе"[10]. Е. Н. сам уделял большое внимание экономическим и социальным отношениям в своих курсах и статьях о западноевропейском феодализме и в более поздних своих работах о русско-варяжских отношениях. Его исторические взгляды более гармонировали с его народнической идеологией и с его политическим мировоззрением, как левого с.-р., каковым он был в 1917-19 гг. Насколько можно судить по некоторым устным его заявлениям, в последние два года (1919-20) своей жизни он довольно близко подошел к историческому материализму[*].

[8] Ibid., стр 40.

[9] Курс новой истории, 1903 г., стр. 5-6.

[10] Русско-австрийский союз, стр. 111, V; Вопросы методологии истории, стр. 2-3; Курс новой истории, 1903 г., стр. 4.

[*] См. ниже — Характеристика общественно-политической физиономии. Е. Н.

По социологии Е. Н. оставил лишь одну статью: "Социологическая оценка прогресса" (1914), где он излагает мнения, высказанные о прогрессе на XIII-ом конгрессе Международного института социологии, состоявшемся в 1912 г. в Риме, и часть напечатанного курса о социологии Герберта Спенсера. Сам автор названной статьи считает, на основании статистических данных о росте населения и увеличении средней продолжительности жизни в Европе за последние 150 лет, материальный прогресс установленным с достоверностью, как господствующее течение в новейшее время[11]. Биологическую систему социологии Г. Спенсера, рассматривающего общество как организм, Е. Н. критикует с точки зрения психологической и исторической[12].

Магистерская диссертация Е. Н. "Русско-австрийский союз во время Семилетней войны" является главным его трудом по русско-европейской дипломатической и военной истории.

Общий вывод автора тот, что "жизнь и деятельность русского государства определялись не размером власти императрицы, признанной абсолютной, а силой, равнодействующей всем тем влияниям, которые преломляли ее самодержавную волю"[13]. В книге собрано много материалов для выяснения этих безответственных придворных влияний и темных сторон дипломатии старого порядка вообще.

Самая Семилетняя война (1756-63) описана Е. Н. в небольшой статье, помещенной в 57 т. Энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона (стр. 441-9). Описанию главных битв русских с пруссаками в эту войну и набега русских на Берлин в 1760 г. посвящена другая его статья, написанная в начале прошлой европейской войны: "До ворот и у ворот Берлина". В статье выяснена и измена из корыстных интересов героя этого набега — графа Тотлебена. Наконец, Е. Н. проанализировал "душевное настроение Фридриха Великого во время Семилетней войны", отметив изменчивость его настроений и его мысли о самоубийстве и господстве случая.

По военно-дипломатической истории у Е. Н. есть еще две статьи, посвященные походу Наполеона I в Россию в 1812 г.: "Russia under Alexander I and the Invasion of 1812" и "От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска". Кроме того, нужно отметить опубликованный им "Дневник Датского посольства Мальте Юля ко двору царя Михаила Федоровича в 1631 г." на немецком языке (Malte Juel, Relation und Bericht, Anno 1631 d. 18 Maij).

[11]Социологическая оценка прогресса, стр. 320-4, ед. хр. 42, л. 9.

[12]Социология Г. Спенсера, стр. 1, 23, 57, 61 и др., ед. хр. 37, л. 122.

[13]Ibid., стр. 698.

По вопросу о личности Лже-Димитрия I Е. Н. написал на немецком языке работу: "Wer war Pseudodemetrius I?" и несколько статей и заметок с материалами, примыкающих к этой работе. Обстоятельно проанализировав русские и западноевропейские источники по этому вопросу и ряд высказанных историками предположений о личности Димитрия I, Е. Н. выставляет свою интересную, стройную и очень вероятную гипотезу, что Лже-Димитрий I не был ни истинным царевичем Димитрием, сыном Ивана Грозного, убитым в Угличе в 1591 г., ни дьяконом Григорьем Отрепьевым ("Гришка Отрепьев"), жившим в 1600-2 гг. в одном из московских монастырей и у патриарха Иова; он был третьею, отличной от них личностью, проведшей молодость в русских монастырях тоже под именем Отрепьева. Отрепьев № 2, считавшийся сыном Богдана Отрепьева № 2 (родословная Нелидовых-Отрепьевых знает двух Богданов: Богдана Ивановича с Углича и Богдана Елеазаровича с Галича), мог быть каким-либо знатным отпрыском, сыном какой-либо боярской семьи, преследуемой Борисом Годуновым, или незаконным сыном самого Ивана Грозного или царевича Ивана Ивановича. Его высокое происхождение способствовало как его личной уверенности в своих правах на русский престол, так и поддержке, оказанной ему русскими монахами, дьяками, беженцами на русско-польской границе, Вишневецкими и Мнишками в Польше, королем Сигизмундом III и иезуитами. Исходным пунктом построений Е. Н. является, главным образом, хроника Бусова, который, заимствуя свои сведения от Басманова и поляков, пришедших с Лже-Димитрием в Москву, одинаково отвергал и подлинность последнего, как царевича, и его тождество с "Гришкой", т. е. официальную версию московского правительства Бориса Годунова[14].

Помимо массы приведенного и разобранного в работе: "Wer war Pseudodemetrius I?" материала, Е. Н. опубликовал часть его и отдельно: "Оценка материалов по истории Лже-Димитрия, найденных в Копенгагенском Архиве" (1896 г.). и "Краткие известия о Лже-Димитрии I" (1900 г.). Научно-популярное изложение истории Лже-Димитрия I дано им в статье: "Димитрий I". Наконец, Е. Н. сделал разбор книги иезуита П. Пирлинга: "La Russie et le Saint-Siège" (II-III, 1897-1901), краткий на немецком языке и подробный на русском под заглавием: "Политика пап-

[14]Archiv für slavische Philologie, B. XX, S. 275-6; B. XXI, S. 114-5; B. XXII, S. 321-2, 357 и т. д., 375, 381, особ. 419-20.

Оценка материалов по истории Лже-Димитрия, стр. 1-6.

Политика папского престола в Смутное время, стр. 348-9.

ского престола в Смутное время" (1901 г.). Он критикует взгляды Пирлинга, который в ранней своей работе "Rome et Demetrius" (1878) являлся защитником подлинности царя Димитрия I, а в новом своем исследовании "La Russie et le Saint-Siège" считает Димитрия самозванцем, великоруссом, сыном боярским Отрепьевым, православным монахом и тайным католиком. В разборе отмечены и нити, связывавшие Смутное время с политикой папского престола, и освещено отношение Лже-Димитрия I к католической церкви[15].

Работа над тремя главными вопросами, занимавшими внимание Е. Н. как исследователя, протекала у него параллельно, основываясь на данных, добытых в западноевропейских архивах, музеях и библиотеках. Первая его статья о русско-варяжских отношениях "Скандинавский обряд погребения с кораблем" написана еще в 1894 г. В ней он на основании памятников древней скандинавской литературы и особенно археологических находок, сделанных в различных частях Норвегии и Швеции в течение второй половины XIX в., доказывает существование среди скандинавских народностей в эпоху викингов обряда погребения с кораблем, как с сожжением, так и без сожжения. Для русских археологов и историков скандинавский обряд погребения с кораблем важен при истолковании свидетельства арабского писателя Ибн-Федлана о похоронах знатного руса[16].

Особое внимание на русско-варяжских отношениях Е. Н. сосредоточил в последний период своей научной деятельности. В интересных историко-юридических параллелях: "Порядок престолонаследия у древненорвежских конунгов" (1909), опубликованных позднее и на немецком языке: "Das Erbfolgrecht bei den altslavischen Fürstenhäusern" (1912), он, сравнивая системы престолонаследия у древних скандинавов, хорватов, чехов, поляков и русских, отмечает ряд пережитков родовых отношений у названных народов и различает сходства вследствие заимствования норвежских юридических норм от сходств "вследствие тождественного уровня социального роста"[17].

Самой интересной и важной в научном отношении является последняя крупная работа Е. Н.: "Варяжская вира" (1915 г.). Она разделяется на две большие главы, из которых первая исследует "Вехи и бакены древнерусского денежного и весового обращения" (стр. 3-57), а вторая — "Скалы

[15]Политика папского престола в Смутное время, стр. 341 и д., 348-9; 351 и д.; Archiv für slavische Philologie, B. XXIII, S. 291-3.

[16]Журнал М. Н. Пр., 1894 г., сент., стр. 38-61.

[17]Порядок престолонаследия у древненорвежских конунгов, особ. стр. 164-7 и д. 175-6 и д., 206 и д., 215-6.

вир — славянскую, англосаксонскую, скандинавскую, варяго-русскую (стр. 57-153). Изучив денежные единицы, ходившие в Европе в эпоху кодификации обычного права, и отмеченные скалы вир, автор устанавливает тожество русской виры в 40 гривен с англосаксонской "ценой мужа" в 40 марок, а не с норвежской, как думали другие исследователи. Древнеисландское право не знает этой нормы в 40 марок, в англосаксонских землях ее вводят норвежские викинги, а в Норвегию она проникает не позднее Кнута Великого, господствовавшего одновременно в 1020-35 гг. над Англией, Данией и Норвегией[18]. В спорных вопросах о трех редакциях "Русской Правды" и значении ее денежных выкупов за проступки Е. Н., в противоположность новому течению, представленному Сергеевичем и Гетцем, примыкает к господствующим в русской историко-юридической науке взглядам, выраженным, в частности, М.Ф. Владимирским-Будановым, Н. Рожковым и А. Пресняковым, что I и II редакции "Русской Правды" характеризуют правовые порядки XI-го в., а III редакция — XII в.[19].

Е. Н. до последних лет не переставал следить за скандинавско-русскими взаимоотношениями. В 1917 г. он написал статью о новостях шведских археологических журналов под заглавием: "Древнейшие сношения Швеции с Востоком". Исследования его по этому вопросу остались незаконченными. Нужно отметить еще его перевод с предисловием и примечаниями древнеисландской саги: "Гюнлейг Змеиный язык" (Gunnlaugs saga Ormstunga).

Кроме разработки трех отмеченных вопросов, Е. Н. в своей научно-педагогической деятельности уделял довольно много внимания изображению феодальных отношений, написав о западноевропейском феодализме несколько статей научно-популярного характера: "Феод и сеньерия", "Иерусалимское королевство", "Рыцарство" (2 статьи) и ряд курсов, напр.: "Лекции по средней истории, составленные слушательницами I курса исторического отделения Женских педагогических курсов под ред. проф. Е.Н. Щепкина (Одесса, 1903 г.), и "Курс истории Средних веков (Древнейший быт европ. народов. Происхождение феодализма в Италии. Крестовые походы), составл. слушательницами 4-го курса историко-филологич. фак. под ред. проф. Е.Н. Щепкина" (I-II ч., Одесса 1908-9 г.). Е. Н. здесь правильно отличает феодализм в социологическом смысле как стадию развития при переходе от родового быта к государственному, от феодализма в историческом смысле, как видового понятия, приложи-

[18]Варяжская вира, особ. стр. 124-5, 127, 133-4, 141 и д., 152-3.

[19]Ibid., стр. 93-4 и д.

мого к отдельным странам средневековой Европы: Франции, Англии, Германии и Италии (Курс 1908-9 г., II ч., стр. 83-4). При разборе же разных теорий он обыкновенно является эклектиком.

По новой истории Е. Н. любил останавливаться на истории Англии в XVII в. и написал об этом две научно-популярные статьи: "Борьба партий при создании Английской республики и "Контрреволюция Англии". Статьи основаны на изучении всей главнейшей литературы.

Наконец, у Е. Н. есть ряд статей по отдельным вопросам научно-педагогического и научно-популярного характера: "Максимальная схема средневековой и новой истории Англии в курсе средних учебных заведений" (1893 г.); "К. Гиллебранд, историк-публицист 1824-89", где отмечено участие последнего в Баденском восстании 1849 г.; "Падение крепостного права в Западной Европе", описанное, главным образом, по работе Г. Кнаппа об освобождении крестьян в Пруссии, и "Аскетизм христианского Востока", единственная его статья по истории Византии, которой он занимался довольно много и по которой читал и курсы[20].

Таковы в самых кратких и общих чертах результаты научной деятельности Е.Н. Щепкина[21]. Мастерство методов исследования, тонкая критика источников, переоценка значения человеческой воли и увлечение крайностями психологической школы, углубление в старые спорные вопросы, преобладание интереса к всеобщей политической истории, прагматизм при построениях и обилие фактов при изложении — вот основные его черты как историка-исследователя и историка-профессора.

[20]За недостатком места я не останавливался на ряде мелких печатных отзывов и отчетов, вроде "Постановки преподавания всеобщей истории в Венском университете. Из отчетов о командировке за летний сем. 1896 г.", помещ. в Ж. М. Н. Пр. и др. изд.

[21]О научной деятельности Е.Н. Щепкина имеются краткие отзывы двух прежних одесских профессоров-историков, П.М. Бицилли: "Тридцатилетие научной деятельности проф. Щепкина" (Одесский листок, 6 января 1916 г., № 5) и А.В. Флоровского: "Памяти Е.Н. Щепкина" (Народное просвещение, №№ 6-10, 1922 г., стр. 68-9).

Михаил ПОЙЗНЕР

Мои корабли...

Мое детство прошло в Одессе, на Молдаванке.

Что окружало нас?

Дворы и подворотни, пруды Дюковского, пыльные мостовые Разумовской и Раскидайловской. Голубятни на Ризовской и Южной, грохот 5 и 15 трамваев, разноголосица Староконного, уличный футбол, старая 20-я школа. Люди и события местного масштаба...

И, конечно же, море — огромное теплое море, у которого посчастливилось родиться, Аркадия, Ланжерон, Отрада, Люстдорф — все это еще с детства "сидело" внутри, первоначально ассоциируя с волшебным словом "пляж".

А что наши дворы?

У нас в доме жили даже китобои — по тем временам настоящая одесская "белая кость". Кто не помнит "Белую акацию"?! Дети китобоев росли в роскоши. Их мамы одевались пестро и прямо "с самого Парижа", курили болгарские "Трезор" или "Джебл", с окружающими здоровались исключительно в виде одолжения. Когда весной флотилия возвращалась в Одессу, меня брали за компанию ее встречать. На "старый" морвокзал, на Крымскую — к причалам Военного мола. Еще бы! В те дни нам могла перепасть испанская жвачка (!) или другая пестрая заграничная безделушка. А само ощущение причастности к морской экзотике?! Эти дни мы ожидали долгие восемь месяцев. И всю детскую жизнь.

Сейчас, через много лет, когда бываю на "старом" морвокзале уже по роду службы, всегда становится как-то грустно. Перед глазами снова пробегают праздничные картинки — нарядные люди из "раньшего времени", море цветов, транспаранты, "ЗиМы", 407-е "Москвичи" и новенькие тогда 21-е "Волги". Оркестры, смех и слезы... Сопоставить все это с нынешними буднями Военного мола невозможно. Всегда стараюсь побыстрее покинуть этот уголок. По инерции иду в сторону Приморской улицы, откуда когда-то мы свободно проходили на "старый" морвокзал. Увы! На этом месте давным-давно высокий забор, как бы преграждающий дорогу в прошлое.

А в прошлом осталось многое...

В 50-60-е годы главный вход в Высшую мореходку или проще, в "Вышку", был с улицы Перекопской Победы — почти с угла моего дома. Утром, днем, вечером и даже ночью люди в морской форме мелькали перед глазами. 15-й трамвай всегда был переполнен курсантами, снующими

из слободского экипажа в город и обратно. Моряки определяли наше восприятие мира. По обрывкам фраз можно было узнать, что такое ДВС или азимут; кто, где и на каком "корыте" ходил "в каботажке" на плавпрактику или какой попался кретин этот ротный, этот капитан Капелюшный. Здесь я впервые услышал магические слова — Фамагуста, Пирей, Танжер, Бейрут... Эти слова мы знали задолго до школьных уроков географии. Казалось, все хотели в "моря". У кого-то эти мечты сбылись. И даже сегодня, после развала Черноморского пароходства, у нас, наверное, не меньше друзей плавает, чем передвигается по суше.

Что касается меня, то я соглашался идти с мамой на Новый базар при условии — на обратном пути мне будет разрешено остановиться у решетки Водного института. Там, за забором, была вбетонирована шлюпка, на которой тренировались гребцы. Собственно, с этой шлюпки началась и моя морская дорога, сначала — в Водный институт. Не могла не начаться... А кто-то стал маляром, учителем, электриком, инженером, оставаясь в душе моряком из одесского детства. Эти "моряки в седле" до сегодняшнего дня окружают меня.

С "пятой графой" в "Вышку"? Туда не то чтобы не брали — туда даже не подпускали. Но об этом еще только предстояло узнать...

С детства я полюбил корабли (тогда мы все плавающее называли кораблями). Полюбил навсегда. Сначала всю эту "морскую мелочь" — пассажирские однопалубники, эти "трамвайчики" — и "Май", и "Аркадию", и "Жемчужину", и "Старшину Приходченко", а потом и всех "побратимов Одессы"... Мы-то их принимали за настоящие корабли!

Перед глазами пляж в Лузановке, слепящее солнце, низкий берег. Над городом дымка, а эти "малыши", прорезая горизонт, с интервалом каких-нибудь 20-30 минут причаливают к берегу. Громкоговорящая связь, летит "выброска", паренек в тельняшке лихо соскакивает на причал, крепится "конец". Уже сброшены сходни, валит толпа "не с пустыми руками", музыка... Покуривая, команда снисходительно поглядывает со стороны за этим бурлящим потоком... "Вот они, видавшие виды моряки!", — замирало внутри...

Помню, как мы завороженно смотрели на корабли с Приморского бульвара — на эти огромные тела, ловко маневрирующие у Воронцовского маяка, на входе в ворота порта.

Кораблей много. Но есть корабли, которые врезались в детскую память, как бы прошли с нами параллельным курсом через всю жизнь. От берега детства и дальше, к другим берегам...

О таких кораблях я и хочу рассказать.

Хочу рассказать о том, как они вошли в мою жизнь, сначала поразив детское воображение, и как потом, повзрослев, я переосмыслил и все пережил заново. Как годами — шаг за шагом, факт за фактом — складывал ПРАВДУ о моих кораблях, как доносил ее до новых слушателей. Как боролся, пытаясь в конце концов восстановить человеческую и историческую справедливость.

Кто сказал, что корабли плавают только по воде? Разве это так?!

Они плыли и плывут по нашей жизни. От одного события к другому, от мифов к реальности, от реальности к мифам, от внутренних личных переживаний к всеобщей обеспокоенности. И на пути этом — яркие вспышки в размеренной жизни, взлеты и падения, тревоги и предательства. Когда минуты перечеркивают годы и судьбы.

Не ушли мои корабли из детства куда-то в безвозвратную даль.

Они все еще на горизонте...

"Умань": последнее прости...

Как воины в битве сражались,
Вы мужества полны,
С ревущей стихией...
Но вот океанские волны
Вас скрыли в пучине...
И мы никогда не забудем
Ваш подвиг,
Родные, советские, смелые люди!

Морякам т/х "Умань",
трагически погибшим при исполнении служебного долга.
13.01.1964 г.
(Надпись на обелиске. Одесса. 2-ое Христианское кладбище)

В ночь с 12 на 13 января 1964 года затонул одесский теплоход "Умань".

Было мне тогда чуть больше четырнадцати лет.

Похороны погибших на "Умани" — одно из самых ярких воспоминаний детства. В нашем дворе жили несколько морских семей. Кроме того, прямо на нашем углу — ул. Перекопской Победы (Градоначальницкая), 18 — находился дом сотрудников Высшей

мореходки. Уличные ребята дружили между собой, поэтому разговоры об "Умани" буквально висели в воздухе. Тогда вся Одесса, кажется, говорила только об этом.

Хоронили с Приморского бульвара, из Дворца моряков. Тот февральский день выдался холодным и сырым. Снега не было. Свинцовое небо... Мы сбежали с уроков. Когда подошли, бульвар уже был забит людьми. А люди все шли и шли. Казалось, поднялась вся Одесса. Слышны заводские гудки, гудки судов в порту и на рейде... Помню, пацаны взбирались на деревья. Таких "желающих" было много. Народ скопился, в основном, на пятачке между "Лондонской" и полукруглым зданием – тогда кассами морского агентства (теперь здесь ресторан "Дежа-вю"). Ко Дворцу моряков не могли подогнать машины, они ехали буквально через людей...

Сплошные слезы, сплошная боль.

Гробов мы не видели. Поняли, что выносят куда-то влево, в сторону здания горсовета. Помню траурные повязки, автобусы, на каждом – фотографии погибших...

Помню наши разговоры на обратном пути домой. Не укладывалось в голове, что советское (!) судно может затонуть. Тем более, что западные (!) немцы, т. е. фашисты, могли спасать наших... Мысленно проигрывались ситуации в бушующем море, спорили о крене, о температуре забортной воды, о спуске спасательных шлюпок... Потом в школе и на улице мы собирались группками, с видом морских знатоков рассказывали "темным" приятелям, что же там, на той "Умани", произошло.

Может быть, это был первый урок взросления. Когда морская романтика "из кино" отодвинулась на последний план.

Может быть, именно тогда стало ясно, что морская профессия сопряжена с реальным риском для жизни. Море – это не только цветы, это еще и слезы потерь, а моряки – это не только модная дорогая одежда, бесшабашная удаль, "машины-дачи" и прогулки по бульвару или Дерибасовской.

...Много воды утекло с тех пор, хотя мы по-прежнему живем в нашей "новой-старой" морской державе. Теперь я часто задаю себе вопрос: "А была ли вообще "Умань"?!

Почему я задаю себе этот вопрос?

По роду службы, общаясь со специалистами ведущих морских организаций, – Департаментом морского и речного транспорта, объединением "Укрморпорт", Регистром судоходства, Госфлотинспекцией, все-таки Черноморским пароходством, портами, судоремонтными заводами, различными НИИ, бывшими Водным институтом и Высшей мореходкой, я задавал одни и те же вопросы.

"Откуда вышла "Умань"?" – спрашивал я.

"Где она погибла?"...

В лучшем случае, ответы этого "мини-социологического" опроса делились неожиданным образом. Порядка половины опрошенных считали, что "Умань" вышла из... Поти, грузилась марганцевой рудой – об этом писалось даже в серьезных журналах. Где-то про-

центов 20 — что из Мариуполя, 15 — из Керчи, 5 — из Туапсе... Практически все опрашиваемые не сомневались, что "Умань" погибла в Бискайском заливе. Практически все считали, что утонул весь экипаж...

Неужели все забыли?!

Неужели событие это переместилось в разряд повседневных, затертых человеческой памятью?!

А ведь опрашивал я не случайных людей с "трамвайной остановки"...

И только однажды, находясь в кабинете одного "большого" морского начальника, бывшего когда-то капитаном, я услышал обрывок телефонного разговора: "Смотри! А то получится как тогда на "Умани"...".

А что же было тогда на "Умани"?

1. Как это было...

Что же из себя представляла "Умань"?

Головное судно этой серии — т/х "Углеуральск". В общем-то, "Умань" — современное на то время судно. Построено в 1958 г. в Варнемюнде (ГДР). Однопалубное, с баком и ютом, надстройкой и машинным отделением в корме, наклонным носом и крейсерской кормой.

Предназначено для перевозки угля и руды. Вот некоторые характеристики судна: длина — 133,7 м; ширина — 17,0 м; водоизмещение — 11800 т; дедвейт — 7185 т; регистровая вместительность: брутто — 5628,38 р. т.; нетто — 2743,91 р. т.; скорость в полном грузу — 15,5 узл.; район плавания — неограниченный; дальность плавания — 6000 миль.

Серия судов типа т/х "Углеуральск": "Урицк", "Усолье", "Ургенч", "Урюпинск", "Устюжна", "Устилуг", "Умань".

Углерудовоз "Умань", принадлежавший Азовскому управлению ЧГМП*, под командованием капитана дальнего плавания А.Н. Тропина, **31 декабря 1963 г.** прибывает в порт Новороссийск — под погрузку железорудным концентратом.

2 января 1964 г., погрузив 2265 т (1130 т — в трюм № 2 и 1135 т — в трюм № 4), "Умань" снимается в порт Туапсе — на догрузку. По данным Новороссийского порта, влажность погруженного на "Умань" рудного концентрата составляет не более 10% (другими сведениями о влажности порт не располагал, влажность при хранении в порту и погрузке не определялась).

*В то время Черноморское морское пароходство называлось Черноморским Государственным морским пароходством (ЧГМП).

В трюмах № 2 и № 4 концентрат погружен в виде усеченного конуса. Погрузка в Новороссийске производилась при ясной сухой погоде (температура воздуха от плюс 1,7° до минус 4,5°С).

3 января 1964 г. "Умань" прибывает в порт Туапсе, **4 января** в 5.00 отшвартована к причалу № 10. В 6.00 — начинается погрузка железорудного концентрата в трюмы №№ 1, 3, 5.

Погрузка производится портальными кранами с помощью грейферов. Температура воздуха в Туапсе -10°С.

4 января 1964 г. в 21 час 15 мин. погрузка закончена: в трюм № 1 погружено 1000 т, в трюм № 3 — 1600 т, в трюм № 5 — 1415 т. После окончания погрузки во всех трюмах произведено разравнивание груза. Так называемая "штивка" выполнялась бульдозерами, затем в каждом трюме в грузе вырыли специальные траншеи.

"Штивка" груза и отрытие траншей производились по рекомендациям службы мореплавания пароходства в связи с тем, что еще в декабре 1963 г. на т/х "Магадан" и "Ургенч" имели место случаи фильтрации влаги на поверхности груза, а также разжижение и смещение верхнего слоя груза с образованием опасного крена судна.

Влажность концентрата, погруженного в порту Туапсе, по данным лаборатории ГИКЮЖРУДА, составляет в среднем 10,2-10,8%.

Для наблюдений за погрузкой концентрата, его состоянием и поведением во время перевозки морем, а также для разработки рекомендаций по перевозке груза службой мореплавания пароходства в рейс на т/х "Умань" капитаном-наставником направлен капитан порта Туапсе Г.Г. Клементьев.

Погрузка произведена в соответствии с действующими "Правилами перевозки сыпучих грузов Регистра СССР" (1962 г.), а также требованиями хорошей морской практики, исходя из свойств груза и др. данных, имевшихся в пароходстве, а также у капитана судна на момент погрузки.

5 января 1964 г., после окончания бункеровки, в **15.00** "Умань" снимается на Роттердам, имея на борту: экипаж — 38 человек, груз — 6280 т, бункер — 590 т, вода — около 70 т. Средняя осадка 7 м 34,5 см, дифферент на корму около 60 см. Судно имело класс Регистра СССР до ноября 1965 г. Все это свидетельствует о том, что "Умань" снялась в рейс, находясь в мореходном состоянии.

В течение рейса ежедневно 2-й штурман С.Б. Бабицкий (по распоряжению капитана-наставника Г.Г. Клементьева) перед заступлением на дневную вахту осматривает состояние груза во всех трюмах.

Плавание в Черном море, в основном, проходит при благоприятных условиях. Однако, **5 января 1964 г.** вечером судно испытывает бортовую качку, достигнувшую 15° на оба борта.

6 января при очередном осмотре груза было обнаружено, что траншеи несколько осыпались и приняли в сечении форму трапеции с нижним основанием около 0,6 м (в трюмах №№ 2, 4 — в воронках на дне траншеи скопилось порядка 7-8 л воды).

Плавание в Средиземном море также проходит при благоприятных условиях, судно испытывает незначительную качку.

7 января и при дальнейших ежедневных осмотрах состояние груза в трюмах не изменялось: форма траншеи остается прежней, обвалов или дополнительных осыпаний не происходит, влажность груза на дне траншей в трюмах №№ 1, 3, 5 не меняется, в трюмах №№ 2, 4 — количество воды в траншеях не увеличилось.

С **10 января**, при следовании в Средиземном море в условиях хорошей погоды, произведена вентиляция трюмов.

12 января около **15 часов*** "Умань" проходит Гибралтарский пролив, выходит в Кадисский залив** и ложится на курс 294°, являющийся обычным для судов, следующих вокруг Пиренейского полуострова. Ветер восточный силой 5-7 баллов. Состояние моря 4-5 баллов, зыбь — от зюйд-веста. С удалением от Гибралтарского пролива, около 20 часов, зыбь увеличивается, судно начинает испытывать качку на оба борта — до 10-15°.

Около **23 часов**, когда большинство членов экипажа смотрит кинофильм, по судовой трансляции дается распоряжение закрепить в помещениях все по-походному. Судно продолжает следовать прежним курсом, испытывая смешанную качку, вызванную восточным ветровым волнением (4-6 баллов), а также зыбью юго-западного направления.

Около **23 час. 50 мин.** обнаружен постоянный крен 7-10° на правый борт. Капитан принимает решение изменить курс вправо — для уменьшения бортовой качки, с целью предотвращения дополнительного смещения груза. В момент поворота на мостик поднимается капитан-наставник Клементьев Г.Г., 2-ой штурман Бабицкий С.Б. Судно разворачивается вправо, при этом качка уменьшается, крен же продолжает увеличиваться. Около **00:05 мин. 13 января** т/х "Умань" ложится на курс 90°, на этом курсе бор-

*По судовому (среднеевропейскому) времени

**Залив (Golfo de Cadif) Атлантического океана у юго-западных берегов Пиренейского полуострова. Глубина до 100 м. Впадают реки Гвадиана и Гвадалквивир. Главные порты: Вила-Реалди-Санту-Антонью, Кадис.

товая качка незначительна. Однако палубу правого борта почти все время заливает водой.

В **00:10** мин. капитан-наставник Клементьев Г.Г. и капитан Тропин А.Н. направляют в адрес пароходства аварийную радиограмму.

В связи с образовавшимся креном после **00 час.** никто из членов экипажа не спит. Не занятые на мостике и в машине моряки выходят из кают и находятся на палубе, в районе рабочей шлюпки.

Около **00:10 мин.** все иллюминаторы и заглушки задраены.

Между **00:10 мин.** и **00:25 мин.** с мостика поступает распоряжение заполнить танки №№ 34, 26, но вслед за этой командой дается команда заполнять только танк № 40. Одновременно в машине предпринимаются меры к подаче пресной воды из умывальников для охлаждения двигателя.

Около **00:37 мин.** по просьбе старшего механика дают малый ход в связи с появлением забортной воды в масляной системе.

В связи с конструктивными особенностями расположения откачивающих систем, выкатка воды с правого борта машинного отделения при крене 30° становится невозможной.

Около **00:45 мин.**, когда крен составил около 50°, иллюминаторы в столовой команды выдавлены, вода начинает поступать в помещения.

Примерно в **00:49 мин.** вследствие большого крена и попадания воды в картер двигатель останавливается

Судно перестает слушаться руля.

В **00:49 мин.** на широте 36-35 северной долготы, 07-45 западной, начальник рации Афанасьев Н.А. дает сигнал "SOS". По судовой принудительной радиостанции с мостика дается команда всему экипажу: "Надеть спасательные нагрудники, выйти на верхнюю палубу". Приблизительно в это же время спасательный бот № 1 сорван с правого борта и смыт водой за борт. Крен судна — около 50°.

Около **01:00 мин.** все члены машинной команды выходят на палубу и присоединяются к остальному экипажу. К этому моменту крен судна увеличивается до 60-70°. Правый борт палубы до диаметральной плоскости уходит под воду.

27 членов экипажа, находящихся на левом борту, в районе надстройки, удерживаются за рединги, фальшборта и др. Все, за исключением матроса В.В. Сероштана, — в спасательных жилетах. Остальные 11 человек находятся на мостике.

Около **01:07 мин.** капитаном А.Н. Тропиным дается распоряжение второму штурману С.Б. Бабицкому: "Дать красную ракету". Однако Бабицкий С.Б. смыт за борт...

В **01:14 мин.** радист Н.А. Афанасьев передает в радиоцентр ЧГМП сообщение: ***"Судно агонизирует, уже легло бортом на воду, работать невозможно, закрываю вах..."***.

Радиосвязь с "Уманью" прервана.

Навсегда...

Вот весь экипаж "Умани". Все 38 человек, указанные в судовой роли:

1.	Калиновский В.Е.	3-й механик
2.	Шлятов А.Т.	4-й механик
3.	Никитин Л.М.	электромеханик
4.	Алексеенко В.М.	матрос
5.	Яковлев Е.А.	матрос
6.	Рынгач В.С.	матрос
7.	Коршун В.У.	матрос
8.	Фиров Л.А.	практикант
9.	Степанов И.Н.	матрос
10.	Кохан В.И.	матрос
11.	Ловкин О.А.	матрос
12.	Лисин И.А.	токарь
13.	Дедескул А.А.	электрик
14.	Королюк П.К.	электрик
15.	Гончарук П.И.	электрик
16.	Полищук Л.Н.	электрик
17.	Брицкая М.М.	повар
18.	Королюк Л.И.	буфетчица
19.	Клементьев Г.Г.	капитан-наставник
20.	Исаенко Г.С.	судовой врач
21.	Тропин А.Н.	капитан
22.	Лобанов Н.Е.	старший штурман
23.	Бабицкий С.Б.	3-й штурман
24.	Богомолов Е.П.	4-й штурман
25.	Афанасьев Н.А.	начальник рации
26.	Булавко В.П.	радиооператор
27.	Потыкун В.Д.	боцман
28.	Зайцев В.И.	матрос
29.	Грицай В.И.	моторист
30.	Пеха А.Р.	моторист

31.	Гоцуляк В.Н.	моторист
32.	Мисаил В.Д.	матрос
33.	Сероштан В.В.	матрос
34.	Сечин А.И.	матрос
35.	Дегусар И.Д.	матрос
36.	Туренко В.Н.	матрос
37.	Волобуев И.Д.	старший механик
38.	Округин В.С.	2-й механик

Погибло 14 моряков:

Шлятов Алексей Тимофеевич,
Алексеенко Владимир Михайлович,
Гончарук Петр Иванович,
Клементьев Георгий Георгиевич,
Исаенко Геннадий Семенович,
Тропин Александр Николаевич,
Лобанов Николай Егорович,
Богомолов Евгений Петрович,
Афанасьев Николай Александрович,
Булавко Владимир Прокофьевич,
Грицай Владимир Иванович,
Пеха Александр Федорович,
Мисаил Владимир Дмитриевич,
Волобуев Иван Дмитриевич.

Из 14-ти удалось найти только тела пятерых:
Гончарук П.И.; Пеха А.Ф.; Исаенко Г.С.; Шлятов А.Т.; Клементьев Г.Г.

Расследованием причин и обстоятельств гибели т/х "Умань" занималась созданная распоряжением министра Морского флота СССР Бакаева В.Г. специальная Аварийная комиссия. Состав комиссии был более чем представительным:

Зотов Д.К.	зам. министра, председатель.
Василевский П.И.	и. о. главного ревизора Министерства по безопасности мореплавания, зам. председателя.

Свирский В.Д.	капитан Одесского порта.
Яскевич П.П.	ст. инженер-капитан Главморревизора.
Кирис В.Д.	зам. начальника Черноморского пароходства по мореплаванию.
Брагин В.А.	капитан т/х "Урюпинск".
Резницкий Л.Я.	зав. кафедрой строительной механики корабля Одесского института инженеров морского флота.
Галицкий В.А.	нач. отдела Центрального проектно-конструкторского бюро (ЦПКБ № 1).
Пинсон Н.П.	нач. инспекции Регистра СССР Черноморско-Азовского бассейна.
Луговской В.В.	рук. сектора теории корабля Центрального НИИ морского флота.
Сизов В.Г.	доцент кафедры теории корабля Одесского высшего инженерно-морского училища.
Хромой Р.С.	представитель Управления горнодобывающей промышленности Приднепровского совнархоза.
Сарнев Д.С.	капитан-наставник Черноморского пароходства.
Радченко С.С.	представитель Главсудхоза.

2. Дело N 288.
Без комментариев...

Передо мной ***"Аварийное дело т/х "Умань"***. Начато 4.01.64, окончено 23.03.64. Срок хранения — постоянно.

Как же развивались события?

РДО* т/х Магадан 2.12.63.

*Перемещение руды судно получило крен тчк Осмотрены трюмы тчк Обнаружено: руда приняла горизонтальное положение зпт имеет подвижку высотой 1,5-2 м тчк Выжимаю воду из груза зпт поверхность удаляю мотопомпой зпт ведрами.***

Следую Стамбул зпт прошу следить за мной

*РДО — радиограмма.

Аналогичная ситуация сложилась с т/х "Посьет" (прим. — **М.П.)

26.12.63. 240 т/1099 *Главному инженеру ЦПКБ № 3*
*А.К. Цымарному**

Приказом начальника пароходства № 299 от 24.12.63 г. поручено срочно разработать рекомендации по перевозке железорудного концентрата из порта Туапсе. Такая необходимость возникла в связи с тем, что суда типа "Углеуральск" при погрузке в зимнее время в порту Туапсе в трюмы смерзшегося железорудного концентрата в виде обледеневших кусков, затем в рейсе, при входе в широты с плюсовой температурой, происходит оттаивание погруженного в трюмы концентрата, в них скапливается большое количество воды, имеющей свободную поверхность. Это приводит к образованию крена судна, сползанию руды на один борт, увеличению крена до аварийного состояния.

В связи с этим просим вне всякой очереди проработать этот вопрос и дать рекомендации по следующим основным направлениям:

а) обеспечение своевременной и надежной откачки воды, образующейся в трюмах при оттаивании руды — технические средства, конструктивная привязка их к судам типа "Углеуральск", технологические указания о их использовании, необходимость дополнительных устройств в трюмах и т. п.;

б) предотвращение передвижения руды в трюмах, исключение ее сползания на один борт, необходимость в дополнительных специальных устройствах внутри трюмов, конструктивные решения, технологические рекомендации;

в) внесение изменений и дополнений в "Инструкцию об остойчивости...", отражающих особенности указанных вариантов перевозки руды и обеспечивающих нормальное плавание судну.

Результатом проработок должна являться "Инструкция по перевозке железорудного концентрата на судах типа "Углеуральск" в зимних условиях".

Просим выполнить эту работу оперативно, как это требуют условия эксплуатации.

Оплата нами гарантируется по представленным сметам и договору.

И.о. Начальника техотдела ЧГМП ***Г. Любарский***

РДО т/х Северолес

Соответствии рекомендациям Туапсе после погрузки руда разравнена всему трюму одинаковую высоту зпт диаметральной плоскости выбраны траншеи зпт влажность при погрузке руды 10% зпт очень мелкая консистенция зпт предполагалось что вследствие вибрации тряски влага будет

*По утверждению ЦПКБ № 3 письмо было получено 14.01.64 (прим. — М.П.)

подниматься вверх собираться в траншеях тчк Наблюдения пять суток показали увлажнения рудной поверхности траншеях нет зпт прибыли льялах нет тчк Сейчас копаем в трюмах целью обследования состояние руды внутренних слоях тчк Руда того же рудника т/х Умань зпт грузились позже тчк Случае неблагоприятного прогноза Атлантике зайду отстоя Гибралтар

КМ* Капитонов

РДО Срочно
Т/х Умань, КМ Тропину
Порт Туапсе, КНМ Клементьеву

Учитывая случай подвижки руды теплоходов Магадан Ургенч при следовании районе повышенный температуры зпт что создало угрожающее положение судна зпт считаем необходимым после окончания погрузки руды тщательно ее расшивывать зпт после чего по диаметру судна сделать траншею глубиной до метра

130/041405 4.01.64 ЧЗМ Кирис

РДО 4.01.64 Москва
Одесса ЧМ Данченко*1)

Целях выявления причин разжижения руды трюмах судов зпт выработки рекомендации обеспечению безопасности плавания командируйте Туапсе руководящего работника пароходства тчк Необходимости помощь ему будут командированы представители Главфлота Союзпромэкспорта тчк Результатах рекомендаций сообщите

КМ-12 ЦЗМ Савинов*2)

Резолюция:
Кирису В.Д. — прошу направить Вашего представителя.
*т. Брухис Г.Е.*3)*
4.01.64 — дано указание т. Клементьеву

*Здесь и далее условные наименования должностных лиц предприятий ММФ СССР: КМ — капитан судна; КНМ — капитан-наставник; ЦМ — министр морского флота СССР; ЦЗМ — зам. министра; ЧМ — начальник пароходства; ЧЗМ — зам. начальника пароходства.

*1) Данченко А.Е. — начальник ЧМП;

*2) Савинов Н.В. — зам. министра морского флота СССР;

*3) Брухис Г.Е. — нач. коммерческого отдела;

РДО Срочно
Одесса Фоменко[4)]
04 1930 26122 4 1910

КМ Тропин указания моем следовании Умани не имеет зпт прошу срочно дать указание ему включения роль

0104 КНМ Клементьев

РДО 4.01.64
23.50 срочно
Т/х Умань КНМ Клементьеву КМ Тропину

Имелись случаи при перевозке туапсинской руды образования жидкой массы перетекания один борт создания опасного крена тчк КНМ Клементьеву поручается произвести наблюдение поведением груза течение рейса т/х Умань зпт все материалы зпт касающиеся перевозки руды до отхода рейса направить нам тчк КМ Тропину внести в роль КНМ Клементьева тчк Исполнение подтвердите

130/042340 ЧЗМ Кирис

11.01.64, ЦПКБ № 3
Начальнику технического отдела ЧГМП Нунупарову С.М.

Для разработки Инструкции по перевозке на судах типа "Углеуральск" железорудного концентрата, отгружаемого из порта Туапсе, необходимо иметь конкретные данные о поведении концентрата во время штормовой погоды.

Собранные нами в пароходстве сведения, к сожалению, несколько противоречивы.

Так, Вы указываете, что после оттаивания в широтах с плюсовой температурой на поверхности погруженного в Туапсе в зимний период обледеневшего концентрата выступает вода, свободная поверхность которой приводит к образованию крена судна и сползанию руды на один борт. В то же время, в имеющихся в пароходстве материалах по т/х "Дм. Пожарский", указывается, что в штормовых условиях влажный концентрат пришел в состояние, схожее на "жидкую глину", которая и начала перемещаться на борт, вызывая опасный крен. Таким образом, если в первом случае предположить наличие свободной поверхности воды, которая будет поддаваться откатке, то во втором случае предполагается разжижение концентрата, откатать который уже не представляется возможным.

[4)] Фоменко Н.В. — зам. начальника службы безопасности мореплавания ЧМП, известнейший "танкерный" капитан.

Таким образом, намечаемые мероприятия по перевозке агломерата будут всецело зависеть от характера его поведения на судне в штормовых условиях и поэтому не могут быть приняты до получения достоверных данных по этому вопросу.

Обследование концентрата на берегу и даже лабораторные исследования вряд ли смогут с достаточной ясностью имитировать поведение концентрата в процессе его оттаивания на судне в штормовых условиях. По имеющимся у нас данным, согласно распоряжения пароходства, капитан Туапсинского порта Клементьев (КНМ) пошел в рейс на т/х "Умань", снявшись 5.01.64. из п. Туапсе, с целью обстоятельного изучения поведения концентрата, погруженного на это судно.

На основании изложенных выше соображений, мы считали бы наиболее рациональным приступить к разработке мероприятий по возвращению т. Клементьева из рейса и получения достоверных данных по этому вопросу.

Однако, учитывая Ваши указания, мы командируем в настоящее время в порт Туапсе нашего сотрудника для сбора необходимых материалов по железорудному концентрату.

Главный инженер ЦПКБ №3 А.К. Цымарный

РДО Умань Срочно
Одесса ЧМ Данченко

Широта 36-37 гр. долготы 08-10 шторм юго-востока образовался крен 25 гр. очевидно подвижки руды зпт следуем укрытие Кадис

130010КНМ Клементьев КМ Тропин

SOS!
Всем судам Кадисском заливе
Немедленно следуйте терпящему бедствие т/х Умань тчк шир. 36° 45 сев. дол. 07° 45 зап. тчк Держите связь ним
130/130310 ЧЗМ Кирис

РДО Москва
ЦМ Бакаеву

Репетую РДО полученную от немецкого судна BybloS — у затонувшего русского судна поднято большое количество моряков зпт ведутся поиски еще 10 человек

ЧМ Данченко

130/39 от 17.01.64 *Министр морского флота СССР*

Партком

Комитет Госбезопасности

Прокуратура

Настоящим сообщаем Вам, что на следовавшем с грузом руды в количестве 6280 т т/х "Умань" 13.01.64 в 00 час. 10 мин широте 36°37' северной и долготы 08°10' западной, в 130 милях к западу от Гибралтарского пролива, образовался крен 25°, как сказано в радиограмме капитана Тропина, очевидно, из-за подвижки руды. Т/х "Умань" сделал попытку изменить курс, укрыться в порту Кадис. Сообщение об этом получено 02 часа 30 мин. Тотчас пароходством были приняты меры к оказанию помощи т/х "Умань" судами, находящимися в Кадисском заливе.

В 02 часа 49 мин т/х "Умань" получил крен 35° и подал SOS, находясь в широте 36°35' северной и долготе 07°45' западной.

В 03 часа 14 мин 13.01.64 г. с. г. т/х "Умань" получил крен 50°, лег бортом на воду и затонул на глубине 620 м.

В спасательной операции принимали участие суда "Лихославль", буксир "Головной", были непосредственно танкера "Бугуруслан", "Кострома". В поисках людей принимали участие также иностранные суда: "Вулкания", "Тассо", "Чамплейс", "Ханберн" и "Дардеркер".

Через агента в Гибралтаре на поиск людей были направлены два самолета.

Удалось спасти 24 человека, погибло 14, из числа которых обнаружено 5 трупов.

Спасенные члены экипажа будут доставлены в Одессу на танкерах "Грозный" и "Бугуруслан". Сюда же доставят 5 покойников.

Убытки будут уточнены.

Этот аварийный случай квалифицируется как кораблекрушение.

Зам. начальника ЧГМП по мореплаванию ***В. Кирис***

3. "Ключ" без права передачи...

Рассказывает радиооператор радиоцентра ЧГМП Надежда Илларионовна Шевченко, осуществлявшая связь с т/х "Умань".*

...Я заступила на смену 12 января, в 23.00**. Работало нас 30-32 человека, включая сменных механиков, радиотехников, радистов.

*Беседы записаны в январе-марте 1999 г.

**Здесь и далее время московское.

Как обычно, в "три минуты молчания" (с 15 по 18 мин. и 45-48 мин. каждого часа. — **прим. М. П.**) слушала эфир. Я на память знала позывные всех судов. И тут внезапно, уже после двух часов ночи, услышала позывные "Умани". Запомнила их на всю жизнь — **"uihw"**. Было это как раз в "15 мин.". Мгновенно почувствовала, что произошло несчастье. До этого с "Умани" были обычные рабочие сообщения. "...Вышли в Кадисский залив... Шторм, бортовая качка...".

На "ключе" работал Афанасьев — начальник радиостанции "Умани", которого в пароходстве хорошо знали. Разговаривали чуть больше часа. В 2 часа 49 мин. Афанасьев сообщил: "...Судно не слушается руля. Даем "SOS"...".

Мы были на связи до последней секунды. Я грызла себя, почему не спросила его: "А ты успеешь выбраться?..".

Он не успел.

Работал "ключом" до последнего. Судно уже лежало на воде правым бортом. Крен — больше 49 градусов!

У Афанасьева был очень красивый почерк. Почерки эти бывают всякие — и ровные, и беспорядочные, но в те страшные минуты его рука не дрогнула, хотя он, наверное, уже не сидел, а "висел" в кресле.

В такой ситуации многие бы попытались спастись, а Афанасьев продолжал делать свое дело. По звуку радиосигнала услышала, как судно начало погружаться, как в радиорубку хлынула вода...

Он не успел закончить: **"Закрываю вах..."**. Надо понимать — **"Закрываю вахту"**, т. е. выключаю радиостанцию. Произнес это своим обычным, ровным тоном. Сам звук напоминал скорее стон, который внезапно оборвался.

...Передо мной стояли начальник смены Жора Певзнер, начальник моринспекции. Я встала, сняла наушники и сказала: "Все...".

Было это глубокой ночью с 12 на 13 января 64-го — на 4-ом этаже здания пароходства, в помещении радиоцентра.

Моя смена длилась до утра.

Помню, спустилась вниз, в гардероб, начала одеваться. Все, как в тумане. И тут меня кто-то дернул за рукав: "Надя! Ты слышала? "Умань" утонула...". И это было сказано мне!!!

Страшная весть мгновенно разнеслась по городу, уже в вестибюле пароходства толпились родственники.

Шла пешком домой, на Канатную, и проклинала себя: "Именно я — виновник этой трагедии, я первая донесла до всех эту черную весть...".

Меня всего один раз вызывали на заседание аварийной комиссии. Мой вахтенный журнал, где все расписано по минутам, говорил сам за себя.

...В пароходстве проработала с 46-го по 83-й. На моей практике такой случай был единственным, хотя аварийных ситуаций было достаточно.

Когда привезли погибших, печаль в городе была огромной. А для меня вообще — страшный удар. На похороны не ходила, не могла это вынести...

Еще долго не могла прийти в себя.

Вообще-то я человек сдержанный, но до сих пор, когда слышу слово "Умань", как-то теряюсь, опускаю глаза.

...Сейчас на судах радисты не нужны. А мы были "слухачами" — принимали на "слух" и тут же печатали на машинке. По удару "ключа" я могла безошибочно узнать любого начальника радиостанции, любого радиста!

Мы были уважаемыми людьми, я всегда с гордостью говорила, что работаю в пароходстве, что тоже имею отношение к морским делам.

За последние 40 лет в пароходстве ни разу не было задержек выплат зарплаты, раньше на несколько дней — такое было...

А какие люди окружали нас!

...Сейчас живу, как все живут.

Что остается?

И сегодня, когда слышу "морзянку", сжимается сердце...

Последние сообщения Николая Афанасьева:

13 января 1964 г.

2 часа 10 мин. ***"Попали юго-восточный шторм. Образовался крен 25 градусов. Следуем укрытие Кадис".***

2 часа 25 мин. ***"Полный вперед!"*** *(Приказ капитана — для противовеса крену набрать в левые балластные танки забортную воду. —* ***прим. М. П).***

2 часа 41 мин. ***"В двигателях упало масло. Крен 35 градусов".***

2 часа 49 мин. ***"Судно не слушается руля. Даем "SOS".***

2 часа 58 мин. ***"Крен 50 градусов. Работать становится невозможно".***

3 часа 14 мин. ***"Закрываю вах...".***

Судно погрузилось в воду...

Я беседую с Надеждой Илларионовной Шевченко в ее, мягко говоря, скромной квартире – в Одессе, на ул. Канатной, 101в. Эта худенькая сосредоточенная женщина "держит в голове", наверное, все, что может касаться пароходских "радиодел".

Когда-то она хотела стать врачом. Помешала война. В Одессе живет больше 60-ти лет. Приехала сюда из Котовска. Мать – коренная одесситка, отец – сельский учитель. Оккупацию пережила в Одессе, как-то перебивались...

Она была в первом послевоенном наборе (1944-46 гг.) ремесленного училища № 3 Минморфлота. Как она повторяет: "Училась на Комсомольской, у самого Тонконого-го..." (Е.Б. Тонконогий – многолетний начальник училища № 14 ММФ, впоследствии главный инженер материально-технического обеспечения ЧМП).

С ней вместе занималась сестра-близнец. Жить было тяжело, а здесь все-таки одевали и кормили. Девочки стали первоклассными радистами. И не изменили выбранной профессии.

С 55-го года Надежда Илларионовна увлеклась радиоспортом. Стала мастером спорта СССР, чемпионом Украины, а в начале 60-х годов – членом сборной Союза.

Можно себе представить профессиональный уровень радиста Шевченко – рядового работника пароходства.

Надежда Илларионовна – цвет и гордость нашего флота.

А что сегодня?

Пенсионные копейки, профессиональные заболевания – глухота, искривление кисти правой руки. И... всеобщее забвение.

Одна ли она такая сегодня?..

4. "Считаю, что судно погибнет"....

...5 января 64-го после погрузки в порту Туапсе не все члены экипажа ушли в рейс. Изучая аварийное дело "Умани", я заинтересовался фамилией Топор. Здесь он робко упомянут, как бывший 2-ой штурман "Умани".

2-ой штурман "Умани" А.Г. Топор перед самым отходом был списан с судна.

Может быть, на это я и не обратил бы особого внимания, но 2-ой штурман, так сказать, по заведованию, отвечает на судне за погрузку!

Как же спустя 35 лет найти Топора?

Зная из личного дела, что он уроженец Херсона, я начал поиски именно с тех мест. Упущу подробности самих поисков, длившихся, наверное, около полугода. Оказалось, что А.Г. Топор работает лоцманом в государственном предприятии "Дельта-Лоцман", в его Херсонском отделении. После длительных уговоров мне удалось "выманить" его в Одессу.

Давайте послушаем этого "списанного на берег"...

Топор Анатолий Григорьевич, бывший 2-ой штурман т/х "Умань"*:

...На "Умани" я был со дня приемки вплоть до начала того трагического рейса. Принимали ее в "нашей" Германии. А вообще-то я в 57-ом окончил Херсонскую мореходку. Потом сразу "сел" на "2-ю пятилетку", потом — "Волгодон" (около года матросом), потом "Ногин" (сначала 3-м, потом 2-м) и вот "Умань" — тоже сначала 3-м, потом 2-м помощником.

Как развивались события с "Уманью"?

Сейчас, если кто-то и вспоминает, вокруг этого много сплетен и неправды.

В Новороссийске, когда догрузка рудой подходила к концу (догрузка производилась в порту Туапсе. — **прим. М. П.**) меня пригласил к себе капитан-наставник Клементьев — я отвечал за погрузку на судне. Мы ознакомились с "радио" из пароходства. Что будем делать? Есть сомнения... Я знал, что уже были неприятности и с другими судами, перевозившими такую руду. В частности, имел место большой крен судов, а "Усолье" даже возвращали на "перештивку".

Посчитал тогда (и сейчас считаю), что "практические" указания пароходства были, в лучшем случае, малоэффективными. Как помнится, речь шла о рытье в руде специальных траншей, "откатке" скапливающейся в них воды... пожарным насосом. Но разве было непонятно, какой к. п. д. такой "откатки"? Производительность?! Если учесть, что насос — единственный на все судно. Мы-то знали, что им даже нельзя потушить обычный пожар...

А как была проведена сама загрузка трюмов? А "штивка"?! Если учесть сложные условия предстоящего плавания, штормовую обстановку после Гибралтара, зимнее время года — мне стало ясно, что трагедии не избежать. Именно этот груз не был вообще приспособлен для транспортировки морем. Я же все-таки профессионал, и свое дело знал...

Об этом сказал Клементьеву. Сказал, что если ничего не изменится, в рейс не пойду. Потом доложил и капитану Тропину.

Надо сказать, что Тропина Александра Николаевича я знал с 57-го года, еще по "Ногину", где он был капитаном, а я — "вторым". С ним мы всегда "жили" хорошо — и профессионально, и чисто по-человечески. Тропин тоже уговаривал остаться на борту, повторял: "Толик! Не уходи!..".

Как положено, написал по сути рапорт на имя капитана и... ушел.

Ночью мне приснилось, что мы тонем на "Умани"... Что это было? Утром в каюту приходили ребята — и Сережа Бабицкий, и Афанасьев, и Ви-

*Беседа записана весной 2000 г.

тя Потыкун. Уговаривали, просили... Кстати, тогда в каюте со мной была моя жена. Я стоял на своем: "В рейс не иду, загрузка — опасная. Считаю, что судно погибнет...".

...Я остался на причале.

"Умань" ушла. Было это 5-го января 64-го. Многие наши, глядя на меня, плакали. Получилось, что я противопоставил себя всем. Как бы бросил их...

Только одному мне известно, чего это стоило, и что пришлось пережить в те минуты.

...В принципе, после всего случившегося я должен был явиться в пароходство, в Одессу — доложить начальству и попытаться разобраться. Не получилось, надо было заскочить буквально на пару дней в Херсон (потом это мне ставили в вину).

14-го января мне в Херсон позвонил наш помполит (в этот раз он не пошел в рейс): "...Толя! Срочно приезжай в Одессу". Я переспросил: "Зачем?". Он ответил: "Надо...". Можно было подумать, что меня просто вызывают "на ковер". Но я тут же сказал жене: "Моя "Умань" утонула!". Любовь Ивановна испугалась: "Ты что, очумел?!".

Не очумел. Утонула...

В Одессе, в пароходстве, я, как назло, никого не мог найти. Помню, поднялся по Дерибасовской, и тут навстречу мне идут знакомые ребята из пароходства. Завидя меня, они онемели. Оказалось, что меня... похоронили вместе с "Уманью" и даже успели уже помянуть.

Многие тогда меня похоронили.

...Я встречал гробы погибших, хоронил ребят, был рядом с родными. Был на поминках. Вспоминать больно и горько...

Потом было следствие.

"Таскали" порядка трех месяцев. За все это время денег не платили. Чего они добивались? Хотели, чтобы я сознался, будто виновен в гибели ребят... Я не мог оправдываться. Не мог и оговаривать погибших... Я им не судья.

Вот такая крайняя, тупиковая ситуация.

Рапорт (с объяснением моего поступка), который я подал капитану, исчез с судном... Я говорил о его существовании везде — и в Комиссии пароходства, и в следственных органах. Увы! Это, как говорится, прошло мимо. Так, очевидно, кому-то было надо.

...Со мной встречался сам Алексей Евгеньевич Данченко — тогдашний начальник пароходства. Выслушал, распорядился мне заплатить за месяцы вынужденного простоя, потом сказал: "...Ты хороший моряк. Пойдешь

на приемку "Минска", старпомом..." (многие моряки с погибшей "Умани" были направлены на "Минск". — **прим. М. П.**).

Увы! Тем не менее, я был уволен с пароходства. Надо думать, КГБ не позволило меня использовать на флоте дальше... Я был не совсем желательным свидетелем. Не могли простить и мое пророческое предупреждение о несчастье.

...Жена моя Любовь Ивановна со мной уже 40 лет. Многое из того, что я пережил, пережила и она. Были такие мысли, чтобы вообще сойти на берег. Но флот — это вся моя жизнь. С малых лет дышу этим. Люблю воду, люблю пароходА... Такой уж уродился.

После "Умани" работал в Херсоне, на "Ленинской кузнице" капитаном завода. Пришлось быть в контакте со многими нашими моряками — в той или иной мере они принимали участие в строительстве и приемке судов.

С 67-го — в Херсонском порту лоцманом, после реорганизации — в "Единой морской службе" со штаб-квартирой в Ильичевске. А с 98-го по сей день — в госпредприятии "Дельта-Лоцман".

...Многие с той "Умани" уже ушли из жизни, многие живут в Одессе. Последнее время мы видимся реже, чем хотелось бы. Да и в Одессе сейчас бываю только от случая к случаю. Работа... Насколько это возможно, наша дружба продолжается.

А года три назад "заводил" балкер, и тут 2-й механик спрашивает: "Анатолий Григорьевич! Вы меня что, не помните?! Я же был матросом на "Умани"!". Хотя уже прошло столько лет, я его, конечно, узнал. "Умань" — она у меня где-то внутри, где-то возле сердца...

...Сейчас мало кто вспоминает эту трагедию.

Не прощу себе, что тогда доказывал всем, что "Умань" погибнет. И она... погибла.

Это для меня по-прежнему самое страшное...

Из протокола опроса А.Г. Топора Аварийной комиссией ЧМП (26 января 1964 г.)

Вопрос: *Какова причина вашего списания с судна?*
Ответ: *Взаимоотношения с капитаном...*
Вопрос: *Какова причина гибели судна?*
Ответ: *Предположительно — передвижка груза.*
Вопрос: *А при погрузке у вас не было сомнений?*
Ответ: *Нет, не было...*

Марк СОКОЛЯНСКИЙ

"Отец!.. Мне кажется, его я вижу"

С годами чаще ощущаю потребность достать в свободную минуту альбом со старыми семейными фотографиями и, неторопливо "листая жизнь свою", всматриваюсь в лица тех, кого уже не вернешь. Вот на пожелтевших снимках родители совсем молодые, то одни, то в приятельской компании, вот они со своим чадом (со мной, то бишь)... А вот вышеупомянутый во младенчестве; забавная фотография, на которой делаю первые шаги, вот-вот упаду... Фотографировал отец своим старым аппаратом с громким названием "Фотокорр". Сегодня, в век дигитальной фототехники, истинные коллекционеры, говорят, охотятся за этим черным ящичком, крепившимся на шатком деревянном штативе, раздвинуть который стоило немалого труда, с объективом на выдвижной гармошке, с пластинками, проявлять которые было совсем не просто. Этот наш аппарат со штативом пережил, как ни странно, и ленинградскую блокаду, и переезды поздневоенных лет, и еще несколько лет служил после войны. Папа, любивший фотографию, но занимавшийся ею от случая к случаю, очень ценил его. Потом появились у нас камеры поновее, а он все вспоминал замечательную "глубину резкости" того старого "Фотокорра".

Где взять ту "глубину резкости", чтобы воспроизвести словами достаточно живой и узнаваемый портрет отца моего, Георгия Гавриловича Соколянского?

Почему-то даже самые близкие люди, как правило, запечатлеваются в памяти не столько целостно, сколько по отдельным рельефным деталям, житейским приметам, наименованиям, исключительно с ними ассоциируемым. Помню, как в первые два-три года своего профессорства я невольно вздрагивал, когда кто-то рядом произносил эти два слова "профессор Соколянский": отца уже не было в живых, а названное словосочетание у меня связывалось с ним и только с ним.

Рассуждая в реалиях XIX столетия, на исходе которого отец успел родиться, нужно сказать, что принадлежал он к *разночинной* интеллигенции. Его родители происходили из крестьян. Дед мой был уроженцем Харьковской губернии, в молодости отслужил в царской армии. Сохранился ветхий документ — "Свидетельство о выполнении воинской повинности", где четким писарским почерком зафиксировано, что "ротный каптенармус Гавриил Макаров сын Соколянский уволен в запас в сентябре 1891 г."; дальше идут отметки, как мы бы сказали, о взятии на учет и сня-

тии с оного. Правда, к моменту появления на свет старших детей (у отца моего было двое старших братьев и младшая сестра) дед уже овладел профессией почтальона. Эта профессия — при совсем не высоком жалованье и жене-домохозяйке — позволила ему не просто прокормить семью, но и дать четырем детям среднее образование в соответствии с их способностями; трое закончили гимназию. Дальше каждый из них продвигался по жизни собственным путем.

Своей *малой родиной* отец считал Ставрополь, хотя на свет появился — согласно метрической записи — в селе Медвежьем Ставропольской губернии в 1899 г. Правда, вскоре после его рождения семья перебралась в Ставрополь, где прожил Георгий Соколянский безвыездно первые восемнадцать лет. В мае памятного 1917 года он закончил Ставропольскую классическую гимназию с золотой медалью. Отправился в Нижний Новгород, где в годы Первой мировой войны работал в эвакуации Варшавский политехнический институт, был зачислен студентом этого учебного заведения, но, проучившись один лишь семестр, понял, что его влечет совсем другое поприще. Забрал документы, поехал в Ростов-на-Дону и поступил на медицинский факультет Донского государственного университета. Прослушав там "полный курс медицинских наук", сдал весной 1923 г. государственные испытания, после чего ему было "предоставлено" (канцелярит того времени!) звание врача.

Путь отца в медицинскую науку был весьма нелегким. Начать с того, что его университетские годы пришлись на время неспокойное и тяжкое. Гражданская война и ее последствия коснулись Ростова и Северного Кавказа в полной мере. Будучи студентом, впервые узнал отец, что такое голод и как бывает невмоготу заниматься зимой в неотапливаемых помещениях. Начинающим врачом вернулся на два года в Ставрополь, где прослужил ординатором краевой нейропсихиатрической больницы. Сперва пришлось поработать в психиатрическом отделении, но пройдя вскоре курс специализации при Ленинградском институте усовершенствования врачей, потянулся к неврологии, а в начале 1926 г. переехал в Ленинград, где была тогда самая сильная в стране психоневрологическая научная и врачебная школа.

В большом городе молодому врачу сразу же пришлось совмещать работу в разных местах — в диспансерах, поликлиниках и амбулаториях: нужно было не только себе на жизнь заработать, но и по возможности помогать родителям. Желание достичь высокого профессионализма привело его в клинику нервных болезней Ленинградского института усовер-

шенствования врачей (ГИДУВ'а), где он несколько лет без всякого вознаграждения трудился врачом-экстерном, а затем сверхштатным ассистентом клиники, совмещая эти занятия со службой для заработка.

Возглавлял ту кафедру тогда профессор Леонид Васильевич Блуменау — один из основоположников отечественной невропатологии, человек рафинированной культуры, абсолютно далекий от всякой советско-житейской суеты. Отец много рассказывал мне об этой интересной личности, а взятая в рамку фотография Блуменау висела у него и в поздние годы над письменным столом. Замечательную книгу учителя "Мозг человека" с теплым инскриптом папа хранил среди реликвий. Когда в начале 1960-х гг. почти незаметным прошло столетие со дня рождения Блуменау, отец не без труда поместил свою юбилейную статью об учителе в журнале "Врачебное дело". Для меня уже в студенческую пору Л.В. Блуменау представлял особый интерес еще и как поэт-переводчик, знаток классических языков и литератур. Подготовленная им антология "Греческие эпиграммы", где составителю принадлежат все переводы, примечания и вступление, вышла в издательстве "Academia" в 1935 году и до сих пор, как считают антиковеды, не утратила своей ценности.

Под руководством Блуменау выполнил отец в конце 1920-х гг. свои первые научные работы. Самую раннюю из них послал — по совету учителя — в специальный психоневрологический журнал в Германию. Статья была очень скоро опубликована, а редакция приглашала "доктора Соколянского" присылать им и последующие труды. Еще одна его статья увидела свет в том же журнале (тогда же появились у отца публикации и в ленинградских изданиях), но на этом зарубежные научные связи прервались: Германия резко *покоричневела*, а затем и в Советском Союзе контакты с "заграницей" стали рассматриваться соответствующими органами как пятно на биографии научного работника.

Вскоре он смог расстаться с поликлиникой, заняв штатную должность ассистента клиники невропатологии младенчества при Институте мозга, который возглавлял тогда человек с громким научным именем — академик В.М. Бехтерев. Помню, когда летом 1955 г. мы всей семьей приехали недели на две в Ленинград, друзья и сотрудники отца по Институту мозга подарили ему большой фотопортрет Бехтерева. Бывшие коллеги говорили между собой — правда, с недомолвками — о том, что Владимир Михайлович умер-де в 1927 г. не своей смертью, а мне, шестнадцатилетнему, было невдомек, о чем шла речь. Лишь позднее вскрылись факты, подтверждающие версию, согласно которой знаменитому психоневрологу по-

сле того, как он консультировал Сталина и проговорился, что "вождь", по-видимому, страдает паранойей, "помогли" покинуть этот мир.

Нужно сказать, что с учителями отцу крепко повезло. После школы Блуменау и Бехтерева работал он — в разных медвузах и научно-исследовательских институтах Ленинграда — под руководством таких замечательных специалистов, как профессора М.П. Никитин, Е.Л. Вендерович, С.Н. Давиденков. Сергей Николаевич Давиденков, впоследствии действительный член Академии медицинских наук СССР и в послевоенные годы ведущий невропатолог страны, был личностью запоминающейся, харизматической. Точная и образная речь, недюжинное чувство юмора, великолепная память! Кроме того, был Сергей Николаевич от природы одаренным живописцем, хотя в зрелые годы мог уделять любимому занятию не так много времени. Не случайно и то, что его дочь (а для меня и друг детства) Лидия Сергеевна Давиденкова стала прекрасным, признанным художником, успешно совмещая творческую работу с профессорством в Академии художеств им. И.Е. Репина. В тех же старых семейных фотоальбомах сохранились памятные снимки: С.Н. Давиденков рядом с И.П. Павловым, а вот он же с моим отцом, которого Сергей Николаевич считал наиболее одаренным из своих учеников.

Тридцатые годы были, пожалуй, в научной жизни отца самыми событийными. Один за другим публиковались его труды в солидных журналах и сборниках; регулярно выступал с докладами на всесоюзных конференциях и съездах психоневрологов. Без защиты диссертации была ему присвоена степень кандидата медицинских наук, а в 1937 г. он успешно защитил свою докторскую диссертацию. В 1938-40 гг. по совместительству руководил нейрогистологической лабораторией в Институте охраны здоровья детей и подростков. На протяжении двенадцати лет был бессменным ответственным секретарем Ленинградского научного общества невропатологов и психиатров.

Вспоминал папа об этом времени с двойственным чувством. С одной стороны, интересная работа поглощала его целиком, делала жизнь наполненной и содержательной. С другой — все люди его круга жили тогда в тревоге и непреходящем страхе, прислушиваясь по ночам к звукам проезжающих машин. К счастью, отца, его учителей и ближайших коллег репрессии непосредственно не коснулись, и в самом конце тридцатых как будто бы можно было даже вздохнуть чуть свободнее. Но относительное спокойствие длилось совсем не долго: на пороге уже стояла война.

Сравнительно недавно, в 2000 г., вышла в Одессе книга "Одесский

медуниверситет. 1900-2000", где есть глава о кафедре нервных болезней, а там с полстранички — об отце, трудившемся на этой кафедре с 1956 по 1973 гг. Военным годам в жизни профессора Г.Г. Соколянского посвящена там одна лишь фраза: "В годы войны (1943-1944) заведовал кафедрой нервных болезней Самаркандского медицинского института...". Автор этого раздела (вычислить такового несложно, но называть фамилию что-то не хочется) *по рассеянности* или намеренно упустил из виду первые два года войны. В 1941-42 гг. находился отец в блокадном Ленинграде, оставаясь в штате ГИДУВ'а и, кроме того, регулярно работая консультантом военных госпиталей. Пережил самое голодное время, а впоследствии был вывезен из осажденного города в состоянии дистрофии. Был награжден медалью "За оборону Ленинграда" и наградой этой дорожил чрезвычайно.

В январе 2004 г. отмечалось 60-летие прорыва Ленинградской блокады. Даже немецкое телевидение уделило этой дате внимание, а я, просматривая страшные документальные кадры и в который раз видя на экране изможденных, замерзших ленинградцев, думал, конечно, о том, **что** довелось пережить отцу в то тяжкое время. Последствия блокады и на его здоровье сказались, и в житейском поведении давали себя знать. Уже в относительно сытые первые послевоенные годы не мог спокойно смотреть на то, как мама чистит ножом картошку и выбрасывает очистки: ведь картофельная шелуха была в годы блокады *едой*. После обеда хлебные крошки смахивал в ладонь и отправлял в рот, и несколько лет не мог от этой привычки отучить себя. Такие детали, увиденные воочию, говорили о страданиях, перенесенных блокадниками, по-своему не меньше, чем книги или кинофильмы об осажденном Ленинграде.

В 1943 г. получил он назначение заведующим кафедрой нервных болезней Самаркандского мединститута; туда же добрались из сибирской эвакуации и мы с матерью. В конце 1944 г. был папа переведен на такую же должность в Ярославский мединститут, и семья наша переехала в приволжский старинный Ярославль. С этим городом связаны двенадцать лет жизнедеятельности отца.

Не так давно мой сын Андрей, любящий в свободную минуту поискать в Интернете что-то новое о себе и о своих предках, позвонил из Нюрнберга и сообщил новый электронный адрес: "Посмотри, отец! В книге об истории Ярославской медицинской академии очень тепло пишут о деде". Действительно, очень тепло и, думаю, по заслугам. Отец, по сути, "с нуля" создал в Ярославле крепкую кафедру нервных болезней, организовал там научное общество невропатологов и психиатров, кото-

рое возглавлял более десяти лет, немало сделал для улучшения лечебно-неврологической помощи в Ярославской области. Мне довелось в разных городах встречать людей, которые либо лечились, либо учились у профессора Георгия Гаврииловича Соколянского в Ярославле и вспоминали его исключительно добром.

Между тем на Ярославский период жизни выпали тяжелые испытания. Ведь там застал папу рубеж 1940-х — 1950-х гг. — самый мрачный для отечественной науки советского времени период. Прошли в конце 1940-х годов печально известные сессия ВАСХНИЛ и т. н. Павловская сессия, началась *охота на ведьм* — ученых, "не соблюдавших чистоты мичуринского и павловского учений". (Разумеется, великий физиолог И.П. Павлов и провинциальный селекционер И.В. Мичурин никак не повинны в рвении блюстителей *идеологической чистоты*.) Поносилась "лженаука" генетика, а у отца еще в 1930-е гг. вышел ряд серьезных трудов по клинической нейрогенетике, основоположником и признанным лидером которой в стране был его учитель академик Давиденков. Нашелся на кафедре и "борец" с *безродным космополитизмом* (в каком же советском коллективе они не находились!), подсчитавший, что на кафедре работают трое евреев (два ассистента и препаратор) да к тому же у профессора — жена-еврейка. Тяжкий был период, много нервов потрепали отцу: работала на кафедре комиссия министерства, обсуждали "кадровую политику" профессора Соколянского на ученом совете, вынесли ему строгий служебный выговор с предупреждением. (Будь он членом партии, наверное, исключили бы его "из рядов" с более суровыми *оргвыводами* по служебной линии, но тут не повезло комиссионерам: отец был глубоко беспартийным человеком.)

Ярославская глава его жизни могла бы быть и короче. В 1950 году Г.Г. Соколянского избрали по конкурсу профессором кафедры нервных болезней Первого ленинградского мединститута им. И.П. Павлова. Кажется, только трудности с решением *квартирного вопроса* удержали родителей от переезда. Отца, конечно же, тянуло в город на Неве, где прошло его профессиональное становление, но вместе с тем он был настолько предан своей повседневной работе, что и все то, что делалось в Ярославле — на кафедре и в клинике — воспринимал как свое, крайне важное, необходимое, нисколько не тяготясь мнимой "провинциальностью" своего положения.

Переезд в Одессу состоялся в 1956 г. в связи с ухудшением здоровья матери, которой терапевты рекомендовали южный приморский климат. Отца с черноморским городом, по сути, ничего прежде не связывало,

но именно Одессе суждено было стать его последней пристанью[1]. Прожил он здесь более четверти века — дольше, чем в каком-либо другом населенном пункте. Заведовал кафедрой нервных болезней Одесского медицинского института, возглавлял научное общество невропатологов и психиатров в Доме ученых, был областным невропатологом. Регулярно участвовал в работе республиканских и всесоюзных конгрессов психоневрологов, входил в состав редакционных советов двух солидных журналов — Журнала невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова (Москва) и "Врачебное дело" (Киев).

Привязанность к Одессе возникла у отца сама по себе, как-то незаметно даже для окружающих. Причем эту привязанность он никогда не декларировал, не распинался в любви к симпатичному городу, его обитателям, не заявлял, что *видит свою задачу в служении этим людям*. Вообще показная декларативность была совсем не в его характере. Просто выполнял свои профессиональные обязанности, добросовестно и квалифицированно делал свое дело, памятуя и о данной некогда клятве Гиппократа, и о тех обязанностях вузовского педагога, представление о которых получил он от своих замечательных учителей.

Был момент, когда пребывание нашей семьи в Одессе могло завершиться. В 1961 г., после кончины академика С.Н. Давиденкова, отец получил от ректора Ленинградского института усовершенствования врачей официальное приглашение подать на конкурс по замещению должности заведующего осиротевшей кафедрой — флагманской (в то время) неврологической кафедрой страны. Такое лестное предложение вызвало непростые раздумья и колебания, но, в конце концов, поблагодарив за оказанную честь, отец отказался от ленинградского варианта, и мы остались в Одессе. Наверное, в таком выборе сыграли свою роль разные факторы: и возраст папы (в 62 года не так уж сильна "охота к перемене мест"), и состояние здоровья мамы, и та органическая симпатия к черноморскому городу, о которой шла речь выше.

При всем при том, положа руку на сердце, следует сказать, что полной гармонии с одесской ментальностью, одесскими нравами и обычаями у него не было. Прошу читателя-патриота великодушно простить меня, но позже и на своем собственном опыте убедился я, что при всех очевидных достоинствах (живость характера, общительность, чувство юмора и пр. и пр.) у многих жителей Одессы, не говоря уж о временщиках-культуртрегерах, сложилась какая-то особая шкала ценностей, согласно которой лишь то зо-

[1]В 1982 г. в Одессе он ушел из жизни, и прах его упокоился на Таировском кладбище.

лото, что блестит; одесситы традиционно и по преимуществу ценят красивую оболочку, выразительную риторику, громкость и импозантность.

Этими-то качествами природа отца моего не наделила. Он не был ярким ритором, имел негромкий, глуховатый голос, при публичных выступлениях часто прокашливался. Посему услышать в его лекциях и докладах главное, уловить глубокую содержательность могли лишь избранные студенты и коллеги — наиболее толковые и вдумчивые, наименее суетные. Один врач, которому в студенческие годы довелось слушать лекции отца лишь в течение одного семестра, говорил мне впоследствии, что после того, как вышедшего на пенсию профессора сменил другой лектор, склонный к показному витийствованию и "шумовым эффектам", количество студентов, отдававших должное содержательности лекций отца, резко возросло: все познается в сравнении.

Не был он человеком "общественным" в советском смысле слова: безумно не любил всякого рода рутинных собраний-заседаний, никогда не тянулся по поводу и без оного к трибуне, без специального вызова не посещал начальственных кабинетов. Терпеть не мог самовосхваления, саморекламы, никогда "не надувал щеки". Ему была абсолютно чужда непоколебимая уверенность в правильности поставленного им диагноза или назначенного лечения — качество, которое многие пациенты-одесситы (что греха таить!) так ценили в лечащих врачах.

Знал он, действительно, много, но в лечебной работе избегал безапелляционных решений. Нередко говорил, что разнообразие человеческих организмов требует строго индивидуального подхода к каждому пациенту, к каждому случаю. Свято соблюдал главную для врача заповедь: "Не навреди!". Вспоминал притчу, услышанную еще от своих наставников:

— Лечение происходит обычно так. В темной палате находятся двое: болезнь и больной. Входит врач с дубинкой и лупит в темноте наугад: один раз — по болезни, два раза — по больному.

Такая методика борьбы с заболеванием совершенно не устраивала отца; потому-то он и не был чужд сомнений в поисках единственно правильного пути лечения или профилактики болезни. Когда не знал такого пути наверняка, не стыдился признаваться в том ни коллегам, ни пациентам.

Здесь говорю я о профессоре Г.Г. Соколянском как враче. Действительно, каких бы высот в науке он ни достиг, в первую очередь ощущал себя **врачом**. К больному подходил не как величественный олимпиец, всем видом утверждающий свою способность совершить чудо, но как внимательный собеседник, уважающий в любом пациенте человеческую

личность и искренне расположенный помочь ему. Не случайно его обходы больных в клинике занимали добрую половину рабочего дня, а консультация одного поликлинического больного продолжалась, как правило, около часа.

Когда папа вышел на пенсию, его пригласили консультировать неврологических больных в единственной тогда в городе хозрасчетной поликлинике. Он начал там работать, но это сотрудничество вскоре закончилось. Выяснилось, что по нормам того лечебного заведения больному на визит к профессору отводилось 15-20 минут, а самому-то профессору требовалось для серьезного осмотра и опроса не менее 40 минут. Очень уж несхожими были установки консультанта и учреждения: поликлинике нужно было зарабатывать деньги, а профессору хотелось помочь больному.

Нельзя сказать, чтобы так уж везло ему в Одессе с учениками, тем более что был он почти полностью лишен возможности самостоятельно подбирать себе сотрудников и аспирантов (комплектация штата кафедр была прерогативой ректората и парткома). Тем не менее, в возможности большинства своих подопечных верил, стремился помочь им и профессионально, и организационно. Переживал, когда видел, что способный ученик не проявляет достаточного упорства и трудолюбия, а энергично продвигается по служебной лестнице человек шустрый, не слишком преданный врачебной и научной (в истинном смысле) работе, компенсирующий отсутствие знаний и дара божьего своей повышенной партийностью, "общественной активностью" и умением ловко устанавливать полезные связи на всех уровнях.

Слово "ученый" подверглось за прошлый век значительной девальвации. Что тому причиной, не знаю: может быть, виноват советский официоз или сказалось влияние западных языков, в которых этому слову не придается столь высокого смысла. Отец избегал этого громкого определения по отношению к себе и ближайшим коллегам, предпочитая более спокойные: *научный работник, педагог, специалист*. Между тем, по мнению ряда крупных невропатологов, с которыми мне довелось беседовать уже после кончины отца, он был **ученым** в подлинном смысле слова. И дело не только в том, что продолжал он традиции прекрасной психоневрологической школы и уж тем более не в количестве опубликованных трудов или выпущенных диссертантов. (Когда диссертанты и собственные публикации поставлены "на поток", цифры нередко зашкаливают за пределы разумного, а это сразу же настораживает и порождает сомнения в основательности и добросовестности "рекордсменов".)

Профессору Г.Г. Соколянскому удалось сказать **свое** слово в нейро-

гистологии, заниматься которой он любил всю жизнь. Как писал один из его учителей Евгений Леонидович Вендерович, отец "с юных лет был вооружен изощренным гистологическим и патогистологическим зрением". На этой ниве он оставил заметный след. К примеру, разработанный им метод окраски миелиновых волокон до сих пор используется гистологами и известен как "метод Соколянского". Но не меньшее место заняла в его жизни клиническая медицина, где он много сделал и как врач, и как исследователь. Описанный им "синдром внезапного натяжения" при пояснично-крестцовом радикулите вошел в словари неврологических симптомов и синдромов как "синдром Соколянского". По мнению признанных специалистов, не утратили своей ценности многие труды отца, посвященные лечению самых разных, в том числе сложнейших и наименее изученных в его время заболеваний нервной системы. Вообще его научная деятельность была отмечена завидной для клинициста многогранностью.

Как известно, всякий врач начинается с *человека*, то есть с личности, которая призвана вызывать расположение и доверие к себе. Пожалуй, к невропатологу такое правило относится прежде всего. Отец в этом отношении характерологически удивительно соответствовал своей профессии. Никогда не раздражался, не повышал голос, не позволял себе высокомерия или насмешки по отношению к собеседнику; и пациента, и студента (даже самого нерадивого) выслушивал с вниманием и завидным терпением. Был человеком уравновешенным и сдержанным в самых напряженных ситуациях. Любя с гимназических лет многие латинские пословицы, часто напоминал мне поучительную максиму Сенеки:

Imperare sibi maximum imperium est.[2]

Была еще одна особенность у отца как клинициста: он многое умел из того, что, казалось бы, относится к арсеналу врачей иной специализации либо вспомогательного медперсонала. Мог прослушать больного, страдавшего какими-либо внутренними заболеваниями, и услышать шумы в сердце или легких не хуже опытного терапевта. Не хуже манипуляционной медсестры мог сделать любую инъекцию, включая и внутривенные уколы, и новокаиновую блокаду в области позвоночника и т. д. В особо сложных случаях сам делал пункцию — извлекал у пациента спинномозговую жидкость. От его сотрудников — и в Ярославле, и в Одессе — слышал я, что у отца "прекрасные руки".

Работа была для него **всем**; работе отдавал едва ли не все свое время. Уходил в клинику утром, как правило, в одно и то же время, возвращался

[2]Власть над собой — высшая власть

не ранее пяти часов пополудни. Кроме того, были и консультации, и заседания научных обществ, и прочие внекафедральные дела. За своим письменным столом засиживался обычно допоздна. Если на следующий день предстояла очередная лекция для студентов, готовился к ней так, как будто не знал этого материала досконально и не читал лекции на эту тему уже много-много лет.

В кругу его коллег-друзей из разных городов было немало крупных ученых — и морфологов, и клиницистов. С некоторыми из них мне посчастливилось встречаться, назову лишь несколько имен: видный физиолог академик Б.Н. Клосовский (Москва), член-корреспондент Академии медицинских наук Е.Ф. Давиденкова-Кулькова (Ленинград), профессора Д.Г. Шефер (Свердловск), Д.Т. Куимов (Новосибирск), А.С. Ионтов (Ленинград), П.М. Сараджишвили (Тбилиси), В.Н. Ключиков (Ярославль) и другие. Помню, с какой теплотой и уважением относились они к отцу, видя в нем и солидного специалиста, и приятного, душевного человека.

Все, кто общался с отцом по службе или по душе, неизменно отмечали его поразительную скромность и простоту. То не была сомнительная простота из пословицы — простота, что "хуже воровства". Его благородная простота органически сочеталась с подлинной интеллигентностью, проявлявшейся во всем, начиная с внешнего вида. Всегда был аккуратен, подтянут, вплоть до нескольких последних лет жизни моложав. Никогда не позволял себе даже дома, во внерабочее время выйти в гостиную, где находились посторонние, знакомые или незнакомые люди, без пиджака и галстука или в шлепанцах. Никогда не оставлял ни одного письма, полученного даже от самого случайного и малознакомого корреспондента, без ответа. Писал сжато, но безукоризненно грамотно и стилистически точно: сказывались уроки классической гимназии.

Необычайная скромность и, рискну сказать, непохожесть на многих известных одесситам профессоров медицины проявлялась и в быту. В семье нашей — военные годы не в счет — не знали нужды, но никогда не было ни дачи, ни автомобиля, ни каких-то других признаков *избыточного* (по меркам советского времени) комфорта. Не случалось в жизни отца зарубежных научных командировок, да и за границей-то он был один лишь раз, не без трудностей "попав" — вместе с мамой — в туристскую поездку по Болгарии. Причем все эти блага (?) отнюдь не были предметом вожделений: отец не только не переживал по поводу их малости или недостаточности, он просто об этом не задумывался, поскольку в жизни его занимало совсем не то.

Думаю, никто из сотрудников или друзей не назвал бы отца человеком

практичным. Скорее наоборот — во многих вопросах, не касавшихся его специальности, он частенько проявлял поразительную наивность. Склонен был идеализировать людей, преувеличивать их интеллектуальные возможности, верить любому человеку на слово. Потому-то и обманывался нередко, хотя убеждался в собственном заблуждении с явным опозданием. Однако и в крайних случаях огорчался ненадолго, а в минуты расстройств не впадал в "тяжкий грех уныния". Не будучи самоуверенным человеком, был внутренне **уверенным**, уравновешенным, не склонным к резким эмоциональным всплескам.

В апреле 1999 г. по случаю столетия со дня рождения отца в одесском Доме ученых состоялось мемориальное заседание научного общества невропатологов и психиатров. Устроители заседания "забыли", к сожалению, послать мне даже формальное приглашение (не смог бы прибыть в Одессу, так непременно отреагировал бы эпистолярно), но добрые люди — спасибо им! — сообщили о заседании post factum и прислали фотографии, которые вызвали радостные чувства. Имею в виду не столько панораму президиума, сколько зал, в котором значительную часть собравшихся составляла молодежь. Понравились выражения лиц молодых врачей и научных работников (а, может быть, и студентов-старшекурсников?), не скучающих, не отбывающих повинность, а внимательно, серьезно, заинтересованно вслушивающихся и вдумывающихся в то, что говорилось о профессоре, у которого им уже, судя по возрасту, не довелось учиться. Значит, какая-то преемственность в одесской неврологии все-таки намечается, и у нынешней молодежи, по необходимости достаточно прагматичной, не исчезла тяга к чему-то истинному, ценному.

Смотрю на присланные снимки и различаю портрет отца в глубине сцены Зеленого зала Дома ученых. Это увеличенное фото, запечатлевшее его уже в поздние годы жизни, на памятном вечере было призвано познакомить младшее поколение психоневрологов с "бывшим живым" человеком, чьи серьезные заслуги во врачебной и научной работе неоспоримы. Мне же, как правило, вспоминается отец в более ранние периоды своей жизни. Старые фотографии из семейного альбома подкрепляют визуальную память, но дело, разумеется, не только в снимках. Облик отца в более молодые его годы задержался в моем представлении надолго... навсегда, и, думая о нем, про себя в который раз повторяю слова шекспировского Гамлета, вынесенные в название этих заметок.

Любек, ФРГ

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Мамино имя

"Полечка пришла!" — радостный папин крик звучал так, как будто бы мама вернулась домой после долгого отсутствия, а не из булочной на Канатной, в квартале от нас. Полечка — не только для папы, но и для многочисленной родни — братьев, сестер, племянников и племянниц. "Спросить у Полечки", "попросить Полечку", "пойти к Полечке", "позвать Полечку" — варианты были неисчерпаемы. Правда, пока был жив отец, их имена звучали почти слитно: с Полечкой нерасторжимо был связан "Степан Никитич"... Прожив долгую жизнь, они почти никогда не расставались надолго. Мы, видя их трепетное и бережное отношение друг другу, называли их "старосветскими помещиками" и, пожалуй, это было единственное, что роднило их с гоголевскими героями.

Мама родилась на Севере, в Вятской губернии. Когда Полечка подросла, отец отвез ее в город, в школу. Жить она стала в доме то ли родственников, то ли знакомых.

Однажды она так затосковала по дому, что после школьных уроков не вернулась туда, где поселил ее отец, а решила идти домой. Маленькая, хрупкая, она отчаянно шагнула на тракт, ведший домой. Шла весь вечер, началась ночь, она уже выбивалась из сил, а тут еще то ли ей померещилось, то ли действительно увидела огоньки волчьих глаз, но она бросилась бежать к первой же избе, которая попалась ей на пути. Спасибо, в "курной" избе (а она привыкла к янтарному теплу выскобленных половиц родительского дома) ее согрели, а утром отвезли домой. Когда она появилась на пороге своего дома, родители в ужасе закричали: "Полечка, как ты добралась, что случилось?!".

— Соскучилась! — ответила Полечка и зарыдала...

Конечно, и среди родных ее часто величали уважительно по имени и отчеству — Пелагея Андреевна (а в одесском дворе, естественно, в те годы — мадам Королёва!), но все равно за ним звучало нежное — Полечка!

Как-то, когда мамы уже не было, я вдруг подумала, что по лености никогда не поинтересовалась, что же значит ее имя. Я нырнула в словарь имен и была обескуражена. В словаре было определение "Пелагея — греч. *морская*". Таласса, Понт Евксинский, латинское Марина, но как Пелагея может быть морской?

Правда, в поисках однокорневых слов, я вспомнила о пелазгах — морском народе, как писал о них автор моей любимой трехтомной "Греческой

цивилизации" Андре Боннар. Да, а *архипелаг*?! Первая часть слова понятна, а вторая? В словарях была ссылка на итальянское происхождение этого слова, я даже нашла уточнение, что ввели его в научный оборот венецианцы, но объяснения второй части слова не было. Наконец, в совсем старом словаре я нашла толкование термина: вторая часть слова значит по-гречески "морской". Я, увы, не учила никогда древнегреческий, не знаю его лингвистических тонкостей, но нашла в словарях термин "пелагические" обитатели водных слоев и "пелагические" морские отложения...

Так что, Пелагея — морская! Жаль, что я не могу это рассказать маме, ей бы это было точно интересно!

Действительно, есть какая-то связь между именем и судьбой.

Из северного края в вихре послереволюционных лет мамина семья оказалась на Юге. Уже здесь мама окончила школу, а в девятнадцать лет вышла замуж. И Одесса стала ей родной, хоть никогда она не забывала свое северное детство, книги о русском Севере, которые я ей приносила, она перечитывала по несколько раз, всматривалась в фотографии северной народной архитектуры и всегда признавалась, что словно побывала на родине.

А море она полюбила с первого взгляда (у нее и глаза были серо-зеленого цвета, каким бывает тихое будничное море) и на всю жизнь. Ей уже было за восемьдесят, она жила с моей сестрой на поселке Котовского и радовалась, что может хоть иногда ездить в Лузановку (опираясь на свою палочку!) — к морю.

Море смывало ее заботы, ее тревоги за всех за нас, хоть на какое-то время она, не замечавшая пляжной суеты, словно отрешалась от повседневности. В ее жизни море было Праздником.

Даже морскую рыбу она предпочитала речной. А в тощие послевоенные годы мы ходили с ней на Привоз, в снесенный уже давно старый рыбный корпус и покупали сетку мидий, из которых, как многие тогда в Одессе, мама варила пилав — опять же, греческое название. Слово плов в нашем лексиконе появилось гораздо позже. Но никакой самый роскошный восточный плов не затмит в моей памяти тот мамин пилав из мидий.

Почти вся жизнь прошла в Одессе, но северное происхождение, северное детство, может быть, ярче всего проявлялись в маминой речи, в которой сохранились слова и выражения, не встречавшиеся мною больше нигде. Наша Анечка до сих пор любит бабушкино словечко "дековаться". Я это слово нашла у Даля — "смеяться, шутить, насмехаться, подшучивать, издеваться над кем-либо, дурачить кого-либо. Леший декуется над нами, сбивает, заманивает" и т. д. Мама его употребляла в несколько ином смыс-

ле — чрезмерничать, лезть из кожи вон, то есть, все равно вести себя несуразно, перебарщивать, а в итоге быть смешным. Мне пришлось подобрать несколько синонимов, чтобы объяснить этот глагол, в маминых устах звучавший емко и насмешливо. "Что ты декуешься?!" — сказала бы мама по поводу моих "изысканий".

В детстве, когда я пыталась хвостиком увязаться за старшими сестрами, мама предупреждала эти попытки словами: "Ну, вот! Куда люди, туда и мыслети!". С "людьми" все было понятно — это они, старшие, а я, маленькая, отношусь к каким-то незначительным "мыслетям". Я настолько была уверена в таком толковании, что даже никогда не спрашивала, кто же все-таки эти непонятные "мыслети". И только гораздо позже, узнав названия букв в древнерусской азбуке, я поняла, что ничего обидного в этой поговорке не было, что люди и мыслети — Л и М, следуют друг за другом неукоснительно...

В маминой речи открывались исчезнувшие пласты русского языка, с которыми ничего общего не имеют новомодные "ряженые" архаизмы современных классиков. "Декуются!".

Родившаяся в начале двадцатого века и ушедшая в его конце, она пережила, как большинство ее сверстников, все лихолетья, беды, горести этого столетия, незнаменитая свидетельница всех потрясений, из числа тех, к кому не взывают историки, но чьи суждения о времени подчас точнее и искренней, чем многих служителей Клио. Правда, если бы она услышала о себе — "свидетельница истории", то смутилась бы и отмахнулась от этих слов.

Тем не менее, задолго до того, как об этом стало позволено говорить вслух, мы от мамы слышали и о Голоде двадцатых и тридцатых (войну и послевоенные годы мы уже и сами помнили), и об эшелонах с раскулаченными под Одессой, и о "ежовщине", и о разоренных храмах. Эти ее воспоминания естественно вплетались в рассказы о повседневной жизни — о невозможности купить хоть метр ситца или вечном страхе потерять хлебные карточки.

Это все засело в ее памяти такой болью, что и в поздние годы относительного благополучия она никогда не могла выбросить кусок черствого хлеба или старое платье, не разрезав его, чтобы сшить какие-нибудь передники для кухни или мешочки для крупы, это не было скупостью, а отражением все той же боли.

У нее были ясные представления о человеческих ценностях. Одним из самых сильных воспитательных средств было понятие стыда. "Это — стыдно!" — пожалуй, чаще всего употребляемый мамой аргумент. Когда меня

иногда подозревают в лицемерии или ханжестве за мое неприятие ненормативной лексики, я не могу объяснять, что во мне это на клеточном уровне. Мама таких слов, "ненормативная лексика", и не знала. Она знала — СКВЕРНОсловие. В изначальном смысле этого слова, совсем по Далю — "сквернословить, вести непристойные, зазорные, постыдные речи; срамно, похабно ругаться". Это был грех. Это был стыд и срам. Хоть гамму чувств могла передать очень емко и выразительно. "Мама, а что, у вас действительно никто не ругался?" — допытывались мы, став взрослыми. "Почему же, — говорила мама, — шалопуты всякие ругались. А нас строго воспитывали".

Вообще к слову относилась очень строго и трепетно. Терпеть не могла уничижительного отношения к имени.

Однажды в какой-то наш семейный праздник я вышла на кухню и увидела, что мама стоит расстроенная. "Мама, что случилось?" У мамы дрожат губы: "Как она могла тебя так назвать?!" — "Кто, как назвать?" — не понимаю я. "Как Женя могла тебе крикнуть — "Валька!"?" Все мои попытки объяснить, что мы все так разговариваем, только подливали масла в огонь маминой обиды на Женю, к которой она всегда относилась (как и ко всем нашим друзьям!) с большой симпатией. Могу только признаться, что благодаря маме своих сестер ни разу в жизни я не назвала ни Ленкой, ни Тайкой, как и они меня Валькой.

Вспоминаю мамин воспитательный довод в детстве на какую-нибудь мою провинность: "Ты что, хочешь быть похожа на уличную девчонку?!". "Уличная девчонка" — это была угрожающая степень падения, Нет, нет, я совсем не хотела быть похожа на уличную, говорившую дурные слова девчонку!

Приучала нас к терпеливости и выдержке. Любой узелок нужно было развязать(!), не прибегая к помощи ножниц. Признаюсь, я до сих пор развязываю завязанные на узелки полиэтиленовые мешки, принесенные с базара, перед тем как выбросить их в мусор. Мамин урок!

Не знавшая испепеляющего чувства зависти — пожалуй, только в одном случае оно все же очень робко проявлялось. Когда речь шла об образовании. Ценою неимоверных усилий родители сделали все, чтобы мы получили высшее образование. Мама же тайно мучилась его отсутствием в своей судьбе, не позволившей ей реализовать те способности, которыми ее щедро наделила природа — совершенно изумительную память, способность все схватывать на лету, логику мысли.

После войны Лена, моя старшая сестра, учится в мединe. Ее подруги Алла Берлизова, Лиза Шварцапель, вернувшаяся с фронта Лида Вайнберг, Муза Доманская готовятся к экзаменам у нас. Мама тихонечко, что-

бы не мешать девочкам (а она сама еще совсем молодая), что-то шьет или вяжет, внимательно вслушиваясь в медицинские названия, легко их запоминая. "Как, как называется эта косточка (эта мышца, связка etc.)?" — и пока лихорадочно перелистываются учебники, конспекты, мама, смущаясь, подсказывает искомый латинский термин, никогда не ошибаясь. "Мама, ну как ты это все запоминаешь?!" Мама от смущения пожимает худенькими плечиками — "Запоминаю...".

Потом приходит черед постигать науку с Таей и ее подружками. С тем же интересом и вниманием мама вслушивается и запоминает технологические термины. Мне очень жаль, что мама не училась со мной в Ленинградском университете. Ей было бы очень интересно! И мы бы с полным правом ей говорили: "Мама, у тебя три образования!".

Память была потрясающая. Она любила обстоятельно рассказывать, с мельчайшими подробностями описывая пуговички, складочки, воротнички строгих блузок своих дореволюционных учительниц, называя десятки имен нам не известных людей, вспоминая подробнейшие детали северного детства, свои первые впечатления на юге. Часто с юмором.

Так, среди смешных ее рассказов мы вспоминаем историю с арбузом. В первые же дни на юге кто-то угостил детей, маму, ее сестер и братьев — Дунечку, Санечку, Павлушу, Егора и Шуру (перечисление имен всех участников было непременным условием, чтобы никого не забыть и, следовательно, не обидеть!) — арбузом. "Что это?" — спросили дети, не видевшие прежде такой диковины, ведь на их северное детство пришлась первая мировая, революция, гражданская война. Им объяснили. "А он какой?" — "Сладкий" — "А, сладкий! Спасибо!" Через какое-то время угощавшие видят, что арбуз не тронут. "Дети, почему же вы не съели арбуз?" — "Мы его оставили к чаю" — "Как, к чаю?!" — "Но вы же сказали, что он сладкий!"

Жизнь не баловала маму. Редкие путешествия — Ленинград, Москва, Киев, Севастополь, Ялта, Балаклава, поездка с папой на его родину — она хранила в своем сердце, постоянно перебирая в памяти эти драгоценные воспоминания. Только младшая сестра, Санечка, побывала через много лет на их родине. С какой жадностью мама расспрашивала ее о том, что сохранилось от родительского дома, от запомнившегося на всю жизнь пейзажа родных мест...

Я вернулась из Израиля, и мама так же дотошно расспрашивала меня, словно сверяя мои впечатления с папиными рассказами о Святой земле.

В потаенных уголках ее памяти хранилось так много воспоминаний, людей, событий. И много стихов. Вдруг она могла прочесть какую-нибудь балла-

ду Жуковского или "Емшан" Аполлона Майкова, то, что она слышала, учила еще в далекие школьные годы. Она вообще любила стихи, а особенно поэмы с долгим повествованием, сюжетом (особенно историческим). В послевоенные годы при свете керосиновой лампы мама любила читать вслух. Она читала Пушкина, Лермонтова (вспоминаю толстую синюю тетрадку, в которую был переписан "Маскарад" Лермонтова. У нас был только том лермонтовских стихов). Но благодаря маме все мое детство прошло со стихами и поэмами Некрасова. Он был самым любимым ее поэтом. "В мире есть царь, этот царь беспощаден, Голод названье ему", — мамин голос дрожит, а у меня полные глаза слез. Герои и героини Некрасова мне казались похожими на моего дедушку Андрея Сергеевича Семеновых (мама очень любила свою девичью фамилию — из рода Семеновых (!) и злилась на советскую власть, заменившую родовое имя дедушки на простецкое Семенов) и бабушку Анисью Николаевну. Но, конечно же, прежде всего многие строки, образы я связывала с маминым детством. "Плакала Саша, как лес вырубали, ей и теперь его жалко до слез. Сколько тут было кудрявых берез!", "Саша сбирала цветы полевые, с детства любимые, с детства родные, каждую травку соседних полей знала по имени...". Не только о Саше, а о маме в детстве, о маленькой Полечке, казалось мне, были написаны эти и многие другие некрасовские строки.

В молодости она даже попыталась написать в ритмизированной прозе, напоминающей стихи, о своем детстве, о прощании с родиной, о долгом пути на юг, в неизвестность. У меня перед глазами стоит удлиненного формата альбом, страница, заполненная маминым убористым почерком. Мы с сестрами после маминого ухода пытались найти этот альбом, но тщетно. Очевидно, мама его уничтожила, считая свои мемуарные пробы юношеской блажью, нескромностью. Как жаль!

Северная русская семья. Уже здесь, на юге, этот северный круг был разомкнут. Мамин старший брат Павлуша женился на дочери немецкого колониста. А потом все новые этнические ветви появлялись на этом древе, пересаженном с севера на юг. Мамина младшая сестра Санечка мне недавно написала, что насчитала в нашей родне шестнадцать национальностей. "И все родные!" — пишет Санечка. Вот вам русская семья, вот вам юг, вот вам Одесса!

Мама прожила долгую, полную трудов и лишений, любви и достоинства, жизнь, до последнего часа сохраняя ясность ума и прозрачную чистоту речи. Вокруг нее всегда был тихий теплый свет, как от восковой свечи. Она и ушла от нас, отгорев, как свечечка. Наша Пелагея Андреевна. Наша Полечка. Наша мама.

Олег ГУБАРЬ

Дом Либмана

Серия публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом, продолжается. Неизменный спонсор рубрики – агентство недвижимости "Капитал", давно и плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости. На этот раз речь пойдет об одном из самых известных исторических зданий города.

Предшественница дома Либмана, гауптвахта, вплетена как в социальную, так и в культурную историю Одессы. Учреждение это официально именовалось канцелярией или управлением одесского военного коменданта, нередко исполнявшего обязанности градоначальника. Так, например, небезызвестный генерал Фома (Томас) Александрович Кобле (1761-1833 гг.) фактически принял полномочия от герцога Ришелье и целый год, с 1814 по 1815-й, возглавлял администрацию Одессы и края до самого прибытия графа А.Ф. Ланжерона. Именно тогда, по приезде Ланжерона, и было принято решение о строительстве резиденции военного коменданта. Дело это было поручено военному инженеру Ивану Ивановичу Кругу (год рождения неизвестен, умер в 1826-м).

И.И. Круг был потомственным инженером, фортификатором, гидротехником, прибыл на российскую службу из Австрии и в 1804 году откомандирован в Одесский строительный комитет. Под его началом строились многочисленные казармы вдоль черты порто-франко (совместно с Е.Х. Ферстером), большой портовый мол (1810-е годы, при участии А.И. Шостака), укреплялся берег вдоль Карантинной и Практической гавани (1815-1822 годы), возводилось основание звонницы Спасо-Преображенского собора (1825 год, проект Ф.М. Шестакова). По его проекту в 1810 году построен жилой дом на углу Надеждинской улицы и Казарменного переулка, больше известный в нашем краеведении и истории градостроительства как "дом Отона", поскольку принадлежал частично перестроившему его архитектору Л.Ц. Отону.

Ставшая одним из символов Одессы старая башенка и аркадная стена в Александровском парке, над морем, тоже построены И.И. Кругом: строились они для портового карантина вместе с пакгаузами для товаров и оградой (1803-1807 и 1809-1810 годы); башенка предназначалась для

хранения снятого с судов пороха. Он же возводил ряд сооружений для таможни, богадельню на старом христианском кладбище (1826 год; здание сохранилось в перестроенном виде). А гауптвахта сооружалась в 1817-1818 годах на одном из самых престижных в городе мест: рядом с собором, напротив Городского дома (бывший дом Феликса Дерибаса), на пересечении Дерибасовской, Преображенской и Садовой, по сути — на Соборной площади. Из сохранившихся изображений видно, что канцелярия коменданта представляла собой поистине "маленький античный храм" — аккуратный двухэтажный домик в стиле русского классицизма с фронтоном и портиком в четыре ионические колонны посередине фасада, напоминающий уменьшенную копию упомянутого дома Феликса Дерибаса.

Понятно, что гауптвахта — памятное пушкинское место: Поэт служил через дорогу, где ныне дом греческого консульства (бывший дом фотохудожника Александра Хлопонина, 1870 года постройки), а прежде тут помещались здания дипломатической канцелярии новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области графа М.С. Воронцова. Профессор Ришельевского лицея, известный пушкинист К.П. Зеленецкий упоминает гауптвахту в "Записках о бомбардировании Одессы 10 апреля 1854 года", а арестованный герой романа Якова Полонского "Дешевый город" просит полицмейстера позволить ему дойти до гауптвахты в сопровождении друзей. "*Да ведь это близехонько*, — уточнил служивый, — *на Соборной площади*". В другом, ироническом, контексте говорится об этом доме в воспоминаниях одесского старожила В.И. Шрайтеля: "Мой брат, — пишет он, — *однажды около гауптвахты (нынешний дом Либмана) по выходе из дрожек попал в яму выше колена. Только с помощью кучера удалось ему выбраться оттуда. Под многими улицами были проложены сводообразные мины. Влага проникала в глубину, многие из них обваливались; наверху же всегда образовывалась яма*".

В 1840-х годах окрестности гауптвахты приобрели особую значимость. Дело в том, что после начала строительства Пале-Рояля Одесса лишилась так называемого плац-парадного места на Театральной площади, где проводились воинские экзерциции местного гарнизона. И в 1841 году плац для парадов, развода караулов, воинских упражнений был перенесен на Соборную площадь, против гауптвахты и соседних с ним зданий. Территория эта на долгие годы сделалась эпицентром всех выдающихся, ярких событий в жизни города: отсюда начинался или тут завершался крестный ход в ознаменование дня основания Одессы, переноса Касперовской чудотворной иконы в гавань и назад, на этом пятачке при большом стече-

нии народа отмечались церковные и государственные праздники, здесь, в фонтане у входа в Собор, происходил обряд освящения воды в Крещение, Преполовение и др., проводились парады, здесь встречали всех именитых гостей города, включая августейших особ России и большинства европейских стран, здесь в 1863 году был установлен монумент светлейшему князю М.С. Воронцову. По этой причине примыкающая к Дерибасовской и Преображенской часть Соборной площади в начале улицы Садовой стала обретать особый социальный статус и соответственно вздорожала здешняя недвижимость, постепенно стали застраиваться многочисленные пустопорожние места, в том числе между гауптвахтой и домом Лаубаха, а также за ним — близ домов Софьи Гек.

По понятным причинам в домовладениях одесских немцев долго квартировали медики, педагоги, музыканты и тоже преимущественно немецкого происхождения. Так, здесь жили брат упоминавшегося руководителя училища при реформатской общине В.И. Шрайтеля, учитель арифметики, географии и немецкого языка И.И. Шрайтель и его супруга, Мария, преподавательница рукоделия. В доме Лаубаха жили один из лекарей, состоящих на городской службе, Мейер, вольнопрактикующий врач Гатцук, акушерки Бресслер и Шрейдер, учитель музыки Гершгеймер и многие другие. Из ремесленников в доме Гека издавна обосновались изготовители корсетов — Альберт и Цеткина.

В третьей четверти XIX столетия обе стороны улицы Садовой были уже практически полностью, впритирку, застроены. На гравюре 1869 года хорошо видны все пять первых строений, примыкающих к углу Преображенской со стороны Садовой улицы и Соборной площади. На первом плане — "*Управление одесского коменданта, в казенном доме*" (в просторечии — гауптвахта), по-прежнему вызывающее умиление своим пряничным, игрушечным античным видом. Мы видим, кроме того, что подходы к нему окружены низкой оградой, а у входа находится сторожка часового, каковой и сам различим, вышагивающим в портике, за колоннадой. На фотографии 1870-х годов видна и боковая грань этого строения со стороны Преображенской улицы. Протяженность гауптвахты с этой стороны была невелика — фасад в два окна, за которым следовал забор, ограничивающий двор с хозяйственными постройками, за которым находился соседний по Преображенской высокий дом Росси в классическом стиле (прежде дома здесь принадлежали городу, и в них базировалась Одесская питейная контора), носивший тогда № 15 (ранее — №№ 21-23), а гауптвахта — № 17 (ранее — № 25).

Справа — здание гауптвахты

Будка часового окрашивалась в "казенные цвета" — черные и белые угольники. Рядом подвешивался сигнальный колокол. Завидя начальство, часовой два раза ударял в колокол, и тогда караул в полном составе выскакивал из караульного помещения, выстраивался во фронт рядом с будкой и под барабанный бой брал "на караул". Зеваки не ленились специально наведываться сюда, чтобы понаблюдать во всех подробностях "особый военный артикул" — "зарю", когда через четверть часа после сигнала горниста перед тою же будкою проходил регламентированный торжественный церемониал. "Зарю" играли утром и вечером, а от вечера до утра отдание воинских почестей начальству отменялось. В здании гауптвахты имелись отделения камер для нижнего и офицерского состава. Во дворе наличествовала полуофициальная, но непременная "холодная" — для протрезвления пьяных и буянов.

Со стороны Соборной площади и улицы Садовой в промежуток между гауптвахтой и домом Гека к этому времени вписался довольно представительный, в два с половиной этажа, дом барона Стуарта. Другой новый дом, Германсона, занял пустопорожнее место между Геком и Лаубахом. Этот дом еще презентабельнее, в три этажа, на высоком цоколе, с чердачными помещениями. Дом Лаубаха тоже различим на прилагаемой иллюстрации, он двухэтажный. Вот эти-то пять сооружений покрывают собой всю площадь, занимаемую ныне № 21, а отчасти — №№ 19 и 17 по Садовой.

В 1870-1880-е годы в этих солидных уже домостроениях квартировали не только педагоги и врачи, но и довольно высокопоставленные чинов-

ники и военные: начальник штаба войск Одесского военного округа генерал-полковник Николай Иванович Козлов, член Одесского окружного суда Иван Иванович Зерен, чиновник МВД, состоящий в распоряжении одесского градоначальника — статский советник Николай Софронович Пикулов, чиновник особых поручений Одесского окружного интендантского управления — майор Калерий Степанович Алешкевич, состоящий по инженерному ведомству того же управления, — полковник Антон Юрьевич Поцейко и др. Кроме того, здесь, как и прежде, жили учителя, медики, юристы: присяжный поверенный С.Э. Вахович, преподаватель немецкого языка И.Э. Шеттле, французского — И.Я. Лиоте, сотрудник Одесской конторы госбанка А.Е. Бачей — родственник писателя А.П. Катаева, медики Циммерман, Лончинский, Пасхалович и др. Из крупных торгово-промышленных учреждений здесь, в 23-м номере по улице Садовой, помещался офис фирмы греческого семейства "Паспати и К".

Вот та нумерация домов по Садовой улице, каковая сложилась к 1875 году и продержалась без малого три десятилетия. № 25 — барона Стуарта, № 23 — Гека, № 21 — Германсона, № 19 — Лаубаха, № 17 — Оттерстеттера (Оскар-Вильгельм-Карл Иванович, тоже немец, член церковного совета евангелическо-лютеранского вероисповедания). Гауптвахта, как было сказано, числилась под № 17 по Преображенской и одновременно под № 27 по Садовой, нередко обозначалась дробным номером 17/27. Кроме того, существовала еще сплошная нумерация по Соборной площади, начинавшаяся от дома Папудовых (№ 1), как бы опоясывавшая всю площадь и захватывавшая, например, угловой дом Роккo по четной стороне Садовой и весь "хвост" нечетной, включающий указанные выше строения, принадлежавшие Стуарту, Гекам и др.

Перейдем теперь к последнему этапу существования гауптвахты и обстоятельствам строительства дома Либмана. Как свидетельствует известный краевед Ростислав Александров, на исходе 1886 года Управление военного коменданта упразднили; изрядно обветшавший "*казенный дом*", в котором оно располагалось, оказался временно бесхозным и приходил в еще больший упадок. Прошел еще год, в течение которого в Городской Думе не раз бурно дебатировался вопрос о дальнейшем использовании этого строения. Наконец, в феврале 1888 года гауптвахту приобрел "*под снос*" Бернгард Эрнестович Либман, в течение многих лет занимавшийся в Одессе производством хлеба и сдобы.

С 1867 года он заведовал новым кондитерским магазином Дурьяна, открытым в доме Авчинникова на Александровском проспекте. Здесь по

вполне доступным ценам реализовывались "*сдобные печенья всякого рода*" и "*разные кондитерские изделия*". Самоотверженный труд в качестве арендатора на протяжении более чем двух десятилетий позволил "папаше Либману", как его впоследствии величали, сколотить солидный капитал и осуществить давнюю мечту — построить роскошный дом в центре города с собственной пекарней и кондитерской. К осуществлению этой затеи он привлек выдающегося архитектора Э.Я. Меснера, о котором стоит хотя бы немного рассказать.

Эдуард Яковлевич Меснер работал в Одессе в конце XIX — начале XX столетий. С 1892 года служил помощником инженера при Городской управе, с 1899-го — исполнял обязанности архитектора Одесского женского благотворительного общества. Весьма интенсивно занимался частной практикой. Использовал преимущественно стилевые формы необарокко и неоренессанса, композиционные приемы и декоративные элементы неороманского, неорусского стилевых направлений и модерна.

В числе спроектированных им сооружений: трехэтажный дом Бродского на улице Маразлиевской (1887 г.), дом Трояно на углу Ришельевской и Еврейской (1890 г., совместно с П.Д. Токаревым), двухэтажные дома: Боби на Малороссийской, № 17 и Юришича — на Манежной, № 10, двухэтажный дом и флигель Шпака на Ришельевской, трехэтажный дом Шубного на углу Еврейской и Авчинниковского переулка, трехэтажный дом с мансардами Иоффе на Старопортофранковской улице (1891 г.), двухэтажный с подвалом дом Швенднера на Приморской (1893 г.), двухэтажный дом с подвалом Фишера на Колонтаевской, № 24, трехэтажный с подвалом флигель дома Брицци на Греческой, № 17 и другие. Э.Я. Меснер проектировал и многочисленные доходные дома: на углу Нежинской и Спиридоновской (1899 г.), на Мещанской. № 5 (1905 г.), на Екатерининской, № 3 (1912-1913 гг.), на Гаванной, №№ 3-5 (1912-1913 гг., совместно с Х.Я. Скведером), на углу Театрального переулка и Екатерининской (1913 г.), на углу Колодезного переулка и Греческой (1913 г.) и т. д.

Совместно со знаменитым зодчим А.И. Бернардацци Меснер строил здание Одесского отделения Русского технического общества (1892-1894 гг.), сотрудником какового общества состоял и сам. Вместе с архитектором С.А. Ландесманом проектировал "Анатомический музей" на улице Херсонской, № 5 (1910-1912 гг.). Соавтором проекта училища Кефера и Ферстера на углу Гулевой и Каретного переулка (1912-1913 гг.) был Х.Я. Скведер, а столовой судоремонтного завода (1906 г.) — Пауль Клейн. Из других нежилых сооружений Меснер проектировал церковь

для народных училищ (1899 г.), административный корпус мебельной фабрики по улице Гимназической, № 2 (1913 г.), хлебопекарню и прачечную на Слободке-Романовке (1899 г.). Мы видим, таким образом, что именно Э.Я. Меснер идеально подходил на роль, отведенную ему рачительным и дальновидным "папашей Либманом".

Дом Б.Э. Либмана строился в 1888-1889 годах при участии архитектора Альфреда Ниеса и под надзором инженера Игната Антоновича Моргулиса. Можно было бы процитировать какое-нибудь популярное краеведческое издание, описывающее архитектурные достоинства этого сооружения, однако лучше предоставим слово современнику, лично присутствовавшему при освящении нового здания, последовавшем 19 августа 1889 года. "*Вчера происходило освящение дома и кондитерской Либмана на соборной площади*, — свидетельствует репортер "Одесского вестника". — *Дом и кондитерская обошлись владельцу в 240.000 рублей, но зато устройство их не оставляет желать ничего лучшего. Повсюду все новейшие приспособления, электрическое освещение и т. д. Пекарня устроена по образцу берлинских и парижских и заслуживает того, чтобы ее детально осмотреть. Достаточно сказать, что две печи стоят 8.000 рублей и специально выписаны из Берлина. Г-н Либман восемь лет и четыре месяца арендовал фирму Ф. Дурьяна, и насколько это предприятие выгодно, видно из того, что за это время уплачено г-ну Дурьяну 100.000 рублей (12.000 рублей в год), да почти столько же было заработка*".

Здесь надо пояснить, что сначала Либман служил управляющим у Георга Людвига Дурьяна (1812-1870 гг.) и его супруги Луизы Вильгельмины, урожденной Лайдель, а затем стал арендовать пекарню у наследовавшего им сына, Фридриха Людвиговича Дурьяна (1835-1896 гг.), о котором и говорится в газетной заметке.

В начале сентября 1889 года городские службы произвели тщательный санитарный осмотр пекарни, кондитерской, всех хозяйственных помещений и нашли все полностью соответствующим предусмотренным нормативам и правилам. Впрочем, дотошные газетчики по этому поводу не преминули прибавить следующий пассаж: "*Особого помещения для рабочих не имеется. Указанное Либманом помещение для рабочих находится на шестом этаже (на чердаке), куда ведет лестница из 142 ступеней, и состоит всего из двух комнат, плохо освещенных, крайне тесных и ни в коем случае не могущих в санитарном отношении удовлетворить потребность 28 душ рабочих*". Во все это, конечно, можно было бы безоговорочно поверить, если бы в порыве благородного гнева репортер не позабыл, что дом

Либмана не шести-, а четырехэтажный, с великолепной и светлой, кстати говоря, жилой мансардой, почему-то именуемой чердаком.

Кофейня Либмана

В последней декаде того же сентября Городская управа специально рассматривала заявление Либмана, просившего разрешить ему застеклить веранду кафе-кондитерской, примыкающей к дому со стороны Соборной площади. С этим в Одессе всегда было очень строго. Так, в свое время знаменитый ресторатор Пале-Рояля, Жан-Батист Карута, прошел все круги бюрократического ада, обращался чуть ли не лично к графу М.С. Воронцову и военному губернатору Д.Д. Ахлестышеву, дабы получить столь желанное дозволение. Но в 1870-1880-е годы подобные же веранды уже существовали близ кафе братьев Фанкони (а затем — Ф.Я. Скведера), П. Робина и других, а потому Либману разрешили "*застеклить устроенную им металлическую веранду, которая, таким образом, будет служить и зимою*".

С самого начала своего функционирования кафе-кондитерская Бернгарда Либмана привлекла в число своих преданных поклонников аристократическую и студенческую молодежь, которой пришлись по вкусу не столько, может быть, особые кушанья, сколько сама постановка дела, отвечающая самым свежим запросам по части оборудования и обслуживания. В те годы лишь немногие заведения (скажем, пущенная месяцем раньше гостиница "Империал") могли похвастать электрическим оснащением, в большинстве по старинке сохранялось освещение керосином, "*американским петролеумом*" и т. п. Искреннее восхищение вызывало оформление фасада: скажем, два изящных фонаря в виде женских фигур по обе стороны парадного входа, где ныне — вход в рабочий зал фирмы "Ксерокс", изысканно отделанный большой зал, уютная веранда. Но особым признанием пользовались помещавшиеся тут же изолированные роскошные бильярдные комнаты, каковых в других учреждениях подобного рода практически не было: бильярдные столы обычно размещались в общем зале и создавали определенные неудобства как самим игрокам, так

и индифферентным к игре посетителям. Разумеется, как и в каждом солидном заведении, тут использовалась посуда, пепельницы, спичечницы, упаковочные материалы с фирменной атрибутикой Б.Э. Либмана, а впоследствии его наследников.

Вот одно из самых первых его рекламных объявлений: "*Кондитерская Б. Либмана в Одессе, угол Дерибасовской и Преображенской улиц, против Соборной площади, в собственном доме. Прекрасно устроенное помещение с большой верандой и отдельной бильярдной комнатой. Освещение везде электрическое. Чай, кофе, шоколад. Буфет с закусками. Шоколад, оршад и другие прохладительные напитки. Кондитерские печения всевозможных сортов. Принимаются заказы на пасхи, куличи, торты и прочее. Паровая механическая пекарня различных сортов хлеба*". В другом объявлении того же периода подчеркивается, что в этом заведении, помимо обычного, "*приготовляется алейронатный хлеб и печенья для страдающих сахарной болезнью*".

В замечательном романе Льва Славина "Наследник" подчеркивается именно эта, бильярдная, особенность элитарного кафе-кондитерской: "*Мы прошли по Соборной площади, но не через центр, залитый светом, а по темной боковой аллее, меж мароньеров и акаций. На матовых стеклах кафе Либмана мелькали силуэты бильярдистов*". Из этого текста следует, что, в отличие от нынешних, прежние увеселительные заведения в первых этажах были недоступны взору, поскольку их посетители далеко не всегда желали афишировать свое присутствие дефилирующей мимо почтеннейшей публике и разного рода зевакам. Впрочем, в теплое время года хочешь — не хочешь, веранда была открытой, под обычным тентом, так называемым "маркизом" — в поперечную красную полоску на светлом фоне. Может быть, как раз из-за этого многообразия, сезонной изменчивости, старинный интерьер и удостоился присутствия Ивана Бунина, Александра Куприна, Валентина Катаева, Эдуарда Багрицкого, Юрия Олеши, Льва Славина, Сандро Фазини — старшего брата Ильи Ильфа, братьев Бобович и многих других выдающихся литераторов, художников, актеров.

Точно так же, как теперь ближайшие к железнодорожному вокзалу кварталы Пушкинской и Ришельевской служат подлинным "птичьим базаром", так в прежние годы пристанищем пернатых служил дом Либмана, очевидно, привлекавший их внимание своим высоким ростом и обилием импровизированных насестов — деталей декоративной лепнины, скульптурами, вазами, картушами с инициалом владельца — "Л" и прочими выпуклостями. В 1916 году А.И. Куприн написал рассказ "Скворцы", в кото-

ром передает впечатление от занимательного зрелища: "*Сделав опасную переправу через морскую раковину, скворцы отдыхают (...) в определенном, излюбленном из года в год месте. Одно такое место мне пришлось (...) видеть в Одессе, весною. Это дом на углу Преображенской улицы и Соборной площади... Был этот дом тогда совсем черен и точно весь шевелился от великого множества скворцов, обсевших его повсюду: на крыше, на балконах, карнизах, подоконниках, наличниках, оконных козырьках и лепных украшениях... Сколько там было оглушительного крика, писка, свиста, трескотни, щебетанья и всяческой скворчиной суеты...*". Прибавим, что обычно наблюдал эту картину Куприн, выйдя из заведения Гоппенфельдов, "Гамбринус", располагавшегося на противоположной стороне Преображенской, в подвальчике.

Находясь в эмиграции, И.А. Бунин ностальгически вспоминал Одессу, где проходила его молодость, где оставалась его бывшая супруга, и был похоронен малолетний сын... В автобиографическом отчасти рассказе "Галя Ганская" он упомянул "*пятиэтажный угловой дом, где была (...) кофейня — на углу Преображенской и Соборной площади, знаменитый тем, что весной, в солнечные дни, он почему-то всегда бывал унизан по карнизам скворцами и их щебетом... Мило и весело это было чрезвычайно*". В романе "Хуторок в степи" об этом написал и В.П. Катаев, знакомый Бунина по Одессе: "*В булочных пекли жаворонки с подгоревшими изюмными глазками, и на Соборной площади, над громадным угловым домом, над кафе Либмана (...) летали тучи грачей, своим весенним гомоном заглушая шум города*".

У Бернгарда Либмана было два сына — Макс и Пауль (Павел), первый из которых весьма успешно продолжил и даже расширил отцовское предприятие. Так, в 1900-х годах большою популярностью пользовалась вторая кондитерская этого семейства, располагавшаяся напротив кафе, почти рядом с "Пассажем", в Городском доме по улице Преображенской, № 36. Выпечкою многочисленных сортов хлеба, булок, печенья, бисквитов, приготовлением конфет занималось сорок квалифицированных мастеров. Только одних конфет реализовывалось на 80 и более тысяч рублей в год.

Что касается кафе-кондитерской на Преображенской, № 23, то в его биографии было немало как трагикомических, так и вполне драматических моментов. Так, в годы первой русской революции Либманы получили от эсеров-террористов меморандум совершенно в духе Бени Крика: внесите столько-то и столько-то денежных знаков, имеющих хождение,

на нужды партии и революции. А поскольку законопослушные немецкие кондитеры никак не могли выступить спонсорами "мирового пожара", то и отказались от столь заманчивого предложения. Дело кончилось тем, что террористы бросили в окно веранды самодельное взрывное устройство. Слава Богу, даже столь решительные люди как эсеры отказались от методов, ныне широко практикуемых экстремистами: они предумышленно бросили бомбу в тот час, когда кофейня была пуста, чтобы избежать невинных жертв. А потому никто и не пострадал, кроме оконных стекол и кое-какой обстановки. На том все и кончилось.

Когда началась первая мировая война, семейство Либманов попало в весьма щекотливое положение, поскольку Макс и Павел сохранили германское подданство. Согласно радикальному постановлению местного генерал-губернатора, начались аресты австрийских и германских граждан, в том числе и тех из них, кто родился и всю жизнь прожил в Одессе. Арестовали и братьев Либман, а принадлежащие им заведения временно закрыли. Но и эта неприятность минула, покуда не пришел следующий "русский бунт — бессмысленный и беспощадный"...

Дальнейшая история дома Либмана малоинтересна. Все верхние этажи, включая мансарды, были раздраконены на коммунальные квартиры. В нижнем этаже в разные годы размещались многочисленные советские учреждения, из которых дольше всего продержалась Центральная сберегательная касса, находившаяся здесь уже в конце 1920-х — начале 1930-х. Касса эта носила № 5340 и числилась центральной в Ворошиловском (Центральном) районе. В годы оккупации (1941-1944 гг.) в этом же помещении находилось румынское издательство "Букул". В 1950-х годах в этом доме помещался крупнейший букинистический магазин Облкниготорга № 19, в котором, по свидетельству замечательного историка градостроительства В.А. Чарнецкого, размещался первый своего рода историко-краеведческий отдел "Одессика".

Виктор МАТИЗЕН

Гнозис

Года три назад Марчевский ездил к отцу с матерью на сороковую годовщину свадьбы.

Едва он приехал, отец позвал его к телефону.

— Здравствуйте, Эдуард Венедиктович, — сказал голос, обладатель которого явно испытывал удовольствие от того, что его не узнают.

— Здравствуйте, — сказал Марчевский, воспроизводя его интонацию.

— Не узнаете?

— Откуда вы узнали, что я здесь? — изумился Марчевский, будто сообразив, с кем говорит.

— Разведка донесла. Вы что, в самом деле меня узнали?

— Среди моих учеников был только один начальник разведки, — насмешливо сказал Марчевский, довольный тем, что прием сработал.

— Ух ты! — тоже изумился голос. — А ведь сколько лет прошло. Как насчет встречи с нашей классной компанией?

— На счет встречи? — переспросил Марчевский, машинально раскладывая слово на два. — Готов перечислить на него пару бутылок.

— Хорошее вино компании не помеха. Завтра в семь — устроит? Терешковой, двенадцать, третий этаж, квартира шестьдесят девять. Запомнили?

— Один, два, три, шесть, девять... почти ряд Фибоначчи, — ответил Марчевский.

— Ну, вы в своем стиле, господин учитель, — сказал Фридман и попрощался.

Вечером, когда гости разошлись, и Марчевский, проводив давнюю приятельницу, приходившую поздравить его родителей, вернулся, мать спала, а отец на кухне пил чай.

— Все гуляешь? — с укоризной спросил он, когда сын появился в дверях.

— С чего ты взял? — поинтересовался Марчевский.

— Чувствую.

— Что ты хочешь мне сказать?

— Что ты слишком много себе позволяешь.

— Если бы у меня была жена, как мама, может, и не позволял бы.

— Я тебе говорил: выбирай жену по матери.

— Я и выбрал, только по ее матери, — сказал сын.

Класс, где учился Фридман, был последним выпуском Марчевского,

из которого он мало кого встречал с тех пор. Лица в его памяти изрядно стушевались, и восстановить их поначалу не удавалось. Однако чем ближе подходило назначенное время, тем отчетливее проступали изображения: запущенный в себя взгляд воздействовал на память, как проявитель на фотобумагу.

Назавтра бывший учитель с двумя бутылками "Хванчкары" подмышками позвонил в бронированную дверь квартиры на третьем этаже. Ему открыл молодой мужчина, в котором он не без труда узнал мальчика, когда-то проучившегося у него пять лет. Одной рукой Фридман держал сотовый телефон, а другой выражал радушие. Улыбка его, как и раньше, показывала, что он о вас знает больше, чем вам бы хотелось.

— Ну, ты и заматерел... — сказал Марчевский, обмениваясь с ним рукопожатием и проходя в гостиную, где уже расположились четверо тех, кого хозяин квартиры назвал "классной компанией", повзрослевшие на десяток с лишним лет, но быстро совместившиеся со своими прежними изображениями, вызванными из его памяти.

Когда неловкость первого разглядывания прошла, завязался бесформенный разговор, в котором каждый старался как бы невзначай упомянуть о том, чего ему удалось добиться. Меньше других старался Фридман, за которого говорила обстановка его квартиры. Мешков, всегда любивший поразбираться в душе товарища, стал профессиональным психологом и вел частную практику. Конев занялся политическими исследованиями и консультировал местных политиков. Ельникова, успев защититься по биологии, вышла замуж и теперь растила трех детей. Алексеев, судя по его не очень внятным репликам, переменил несколько профессий и теперь раздумывал, не перейти ли на новую стезю.

— Так вы после нас учительствовать бросили? — спросил Алексеев, когда выставка достижений личного хозяйства завершилась, и все уселись за стол. — Уж не мы ли стали последней каплей?

— "После" не значит "вследствие"...

— А вы, Эдиктыч, все так же уклончивы. Почему бы это? — спросил Мешков, привычно сокращая его имя и отчество.

— В силу причин, мой друг... — отвечал Марчевский любимой отговоркой.

— И все-таки?

— А ты не знаешь? На Руси язык доводил до Киева, в СССР — до Магадана...

— А сейчас?

— До парламента, но мне туда не надо.

— Серьезно — почему вы ушли?

— Сам бы не ушел — ушли бы меня, да еще с волчьим билетом. Директор сказал, что от меня одного стало больше вреда, чем от них всех пользы...

— Это вы сами сочинили! Боров бы в жизни такого не придумал!

— Он был не такой тупой, каким казался. Неплохой был мужик, особенно в подпитии.

— Скучаете по школе? — спросил Конев.

— Бывает. Иногда под утро снится, что на урок опаздываю. Понимаю, что вернулся в те годы, рвусь оттуда и просыпаюсь в поту...

— Ой, а я вас как-то во сне видела! — воскликнула Ельникова. — Будто вам орден вручают в актовом зале. И уж как им не хочется! Наконец, Боров с постной рожей склоняется к вам и цепляет планку. А вы его двумя пальцами за нос — рраз!

— А помните, Эвээм, как мы с вами познакомились? — спросил Фридман.

— "Мы" — это ты?

— Не понял. А, ну да — со мной.

— Извини, запамятовал.

— Ну как же! Вы меня за какую-то провинность подняли с места и спрашиваете: "Ты комсомолец?". Я отвечаю: "Ну...", а сам думаю — простите, Эдиктыч: — "Ну и козел пришел!". А вы говорите: "Так поди постой в комсомольском уголке!".

— А как мы вас после уроков выносили, тоже забыли? — спросил Алексеев.

— Как это — "выносили"? Не помню, чтобы я пил на работе.

— Может, потому и не помните? — подбросил реплику Мешков.

— А тебя, Коляша, тогда в нашем садике еще не было, — сказал Алексеев. Вы, Эвээм, с нами поспорили, что в классе есть двое, которые родились в один день. Если нет, обещали весь класс мороженым кормить, пока не обледенеем. А если да, мы вас должны были на руках вынести из школы. Мы сдуру и поспорили. Неужели забыли?

— Задачу знаю, — сказал Марчевский. — При тридцати с лишним человеках в классе у вас почти не было шансов. Но прочее — убей меня бог... Как про другого слушаю.

— Значит, вытеснили, — сказал Мешков со значением.

— Зачем мне было вытеснять? Просто забыл.

— "Просто" не бывает.

— Бывает. Если память переполняется, необновляемые файлы автоматически сбрасываются в архив.

— Так то в компьютере...

— А я кто?

Компания грохнула от хохота.

— И куда же я сказал меня нести?

— Да никуда. По Воеводского.

Марчевский смутился. В коттедже на улице Воеводского, выйдя замуж за сына академика, жила его студенческая любовь.

— Что я говорил? — спросил Мешков, следивший за его лицом.

— Один-ноль в твою пользу. Хотел кое-кому показать, что меня девочки на руках носят.

— Кстати о девочках, Эвээм. Машка-то Годунова замуж вышла и за бугор уехала, — сказал Фридман. — Слышали?

— Нет. А что?

— Не жалко? — спросил Фридман со своей знающей улыбкой.

— Что такое?

— Макс, перестань! — сказал Конев.

— Уже, — сказал Фридман, сделав гримасу.

— Что "перестань"? — жестко спросил Марчевский.

— Да ничего...

— Неправда. Что ты хотел сказать?

— Эдиктыч, извините.

— Не извиню, пока не скажешь.

Фридман покраснел, но продолжал молчать.

— Слушайте, десятый "Б"! — Марчевский завелся всерьез. — Или вы признаетесь, что скрываете, или...

Компания затихла. В напряженном молчании прошла минута, и учитель стал подниматься.

— Эдуард Венедиктович, пожалуйста, не надо, — сказала наконец Ельникова, не глядя на него. — Зачем вы требуете, чтобы мы вам пересказали, что у вас с ней было?

— А что у меня с ней было?! — рявкнул Марчевский.

— Ну Эдиктыч... — сказал Конев. — Мы же все знали. Чего уж теперь...

— Да вы с ума сошли! У меня! С Машкой! Да вы что?!

Компания молча смотрела на него.

— Неплохо вы меня кинули. Три-ноль в вашу пользу, — сказал учитель, пытаясь остыть, и по отсутствию реакции понял, что его и не думали разыгрывать.

— Галя, — сказал он, помолчав, — ты помнишь, что я сказал, когда вы в девятом классе решили испытать на мне свои чары?

— Еще бы. Вы были просто неотразимы, когда сказали, что учителя, который... ну, в общем, это самое... надо пожизненно дисквалифицировать, не задаваясь вопросом из фильма "А если это любовь?". Мы после этого еще больше в вас влюбились.

— Но я разве когда-нибудь на кого-нибудь из вас смотрел, ну, сама знаешь, как мужчины смотрят на женщин?!

— Так то в школе. А в других местах мы вас не так часто и видели. Да вы не расстраивайтесь — никто вас особенно не осуждал. Некоторые даже завидовали.

— Завидовали, значит... — сказал Марчевский с яростью. — Ну, а позвольте вас спросить, с чего вы вообще решили, что у меня с Машкой что-то было? Она, что ли, победой похвасталась?!

— Да что вы, Эдуард Венедиктович! Она вообще скрытная. Просто когда перед выпускными обнаружила, что... Вы извините, что я так, но вы же сами начали.

— Продолжай, — с трудом сказал Марчевский.

— Ну, то ли Машка созналась матери, то ли та у нее выпытала. И мать в таком трансе прибежала советоваться к матери Светки Мальцевой, что Светка уши навострила, а уж от Светки, сами знаете...

— Никакой Светки я вообще не знаю!

— Да рыжая, из десятого "А"... Она все и разболтала.

— А из зала кричат: "Давай подробности!", — сказал учитель с вымученным смешком.

— Если так, это вы могли бы рассказать нам подробности, Эдуард Венедиктович, — сказал Алексеев со странными нотками в голосе.

— Считайте, что у меня полное выпадение памяти или старческий склероз. Так что, продолжай, Галя, не стесняйся.

— Ну, когда Машка призналась вам, что беременна, вы ей вроде сказали: "Хочешь ребенка — рожай. Но я умываю руки".

— Бред... И что же было дальше?

— А дальше вы как раз и ушли из школы. Все, в общем, знали, что у Машки осталась ваша дочь, хотя сама она об этом не помню, чтобы распространялась.

— Так она еще и родила?! И вы поверили, что я отец ее дочери?! Что я мог сойтись с ученицей, наплевать на ребенка и удрать в другой город?!

— Дело житейское, Эдиктыч... — сказал Мешков. — Что ж тут невероятного?

— Да если бы это было, и все об этом знали, как бы это могло сойти мне с рук?!

— Эвээм, разве ж кто на вас стучал, когда вы опаздывали или стеб из политинформации устраивали? — спросил Фридман. — Когда вы Джиласа на задней парте забыли, где сидели во время контры, а Буренка его Борову отнесла, то Конь же взял это на себя. Все боялись, что вас выпрут, если не хуже.

— То есть, как это — взял на себя? — взвился Марчевский. — Кто тебя просил?! А я-то обыскался тогда, даже слег со страху...

— Конечно, вы меня не просили, Эдиктыч, — сказал Конев. — Но мне-то с этого дела ничего, считай, не было. Вызвали в гебе, я им набрехал с три короба: мол, Гродберг оставил, а Гродберг с предками в это время уже в Красном море купался. Вы, кстати, знаете, что ему недавно суперпрестижную премию дали в Штатах? Словом, поклялся я гебешникам, что никому не давал и сам больше не буду, поплакал — и отпустили, даже сексотом не предложили стать. Я думал, до вас это дошло. Вы после этого и здоровались со мной со значением...

— Хорошего же ты мнения был обо мне все эти годы! — взорвался учитель. — Ты меня как минимум от обыска спас, а я принял это как должное и даже спасибо тебе не сказал?

— Да вы что, Эдиктыч, побойтесь бога! У вас же никакого выбора не оставалось. Ну, пошли бы вы вслед за мной в гебуху и сказали, что это ваш Джилас. Нам бы обоим только хуже было.

— Ладно, вы меня не продали. А Машкина мать почему молчала, думая, что ее дочь понесла от учителя?!

— Машка ей сказала, что повесится, если будет скандал. Да и что толку было шуметь? Кому бы от этого легче стало? Позору бы только набрались... К тому же Елена Пална и не такая была женщина, чтоб жаловаться... — сказал Алексеев.

— Была?

— Умерла года три назад.

— Боже мой... — простонал Марчевский. — Умерла в уверенности, что я — отец ее внучки...

— А кто же еще?

— Я вам отцом и матерью клянусь, что у меня с Машкой ничего не было. Ни-че-го!

Компания молчала.

— Да если б было, неужели я стал бы сейчас выяснять, что вам извест-

но? Да если бы я на эту подначку сказал "не жалко" или, наоборот, "жалко" — не было бы этого разговора, в котором я уже час доказываю, что я не верблюд!

— Может, вы все это тогда же просчитали и решили выиграть у нас партию, — сказал Мешков, с удовольствием выслушав учителя. — Вы же всегда были неплохим психологом...

— Значит, не верите?

— Эдиктыч, ну зачем вы спрашиваете? Что бы мы сейчас ни сказали, вы не успокоитесь... — сказала Ельникова.

— У меня с Годуновой ничего не было!

— Если не было, что вы так волнуетесь? — сказал Мешков. — Мало ли на кого напраслину возводят. Похоже, что у вас тут сингулярная точка. Может, зайдете ко мне на группу?

— На какую группу? — не сразу понял Марчевский. — На психоанализ, что ли? Интересно в душу к учителю забраться?

— Так ведь не потоптаться же. Осветить.

— Спасибо, доктор Фрейд.

— Не за что, доктор Брейер.

— Стоп! — сказал хозяин квартиры. — Финиш! Абзац! Капут! Предлагаю немедленно выпить и забыть.

— Что забыть?! — у Марчевского дрожали губы. — Забыть, что я мерзавец? Ты понимаешь, о чем говоришь?

— Хорошо, Эдуард Венедиктович, у вас с ней ничего не было. Она все это придумала. Хотите — Мешок как специалист по всякой шизе объяснит вам, как девушка могла такое выдумать, — сказал Конев.

— Хочу.

— В принципе, можно себе и не такое нафантазировать. — нехотя сказал Мешков.

— Зачем? — настороженно спросил Алексеев.

— Чтобы выдать желаемое за действительное. Были психопатки, которые утверждали, что у них дети от Сталина, хотя никак не могли с ним встречаться.

— Тогда почему вы верите ей, а не мне?!

— А во что, по-вашему, легче поверить — в то, что у вас была связь, или в то, что она ее выдумала?

— Выдумала себе любовника и родила выдуманную дочь, похожую на него... — сказал Алексеев с ехидцей.

— Похожую на меня?! Да вы просто хотели увидеть это сходство!

— Ха-ха-ха...

— Алекся, не выкобенивайся. А то я вспомню, что ты сам неровно дышал к Машке... — вмешался Конев.

— Еще скажи, что ребенка ей сделал тоже я! Мне скрывать нечего! Я ее десять лет добивался, цветы носил, с Алькой сидел, с горя на другой женился, развелся, а она все его ждала, пока за Доминика этого не выскочила...

— Вот и поговорили, — Марчевский поднялся из-за стола и пошел к выходу.

— А все ты, Фрид, — сказал Конев, видя, что его бесполезно удерживать. — Кто тебя только за язык тянул?!

Пятерка потянулась в прихожую и неловко переминалась с ноги на ногу, пока учитель одевался.

— Простите, что мы вас расстроили, Эдуард Венедиктович, — сказала Ельникова, когда тот взялся за ручку двери.

— Оставь. Дайте лучше координаты Годуновой.

— Да она никому их не давала. Где-то во Франции.

— Зачем они вам? — спросил Мешков. — В любом случае вы от нее ничего не узнаете.

— Дочку хочу повидать, — с вызовом сказал Марчевский, ступая за порог.

Возвращаясь домой, он вспоминал все, что было связано с Машкой. Детали всплывали постепенно. Темные глаза и смущенная улыбка, с которой она появлялась у него на пороге, чтобы привести или забрать болезненного братишку, наверстывавшего уроки. Она существовала для него только как ученица и старшая сестра ученика, с которым он занимался полгода или год. Она не сразу поворачивалась, чтобы уйти, а секунду смотрела, словно ожидая чего-то. Как-то на школьном вечере, когда объявили белый танец, вдруг остановилась перед ним. Девочки иногда звали его потанцевать, чтобы щегольнуть перед одноклассницами, и он снисходительно соглашался потрафить их тщеславию. Но здесь было что-то другое, и он поколебался, прежде чем вышел с ней в мгновенно образовавшийся круг и оказался в точке пересечения десятков глаз. А она не замечала его состояния и продолжала смотреть ему в глаза так же, как смотрела с лестницы, когда он закрывал за ней дверь.

И было еще письмо, которое он получил через год или два после того, как ушел из школы. Без подписи, с обратным адресом "До востребования". Подробностей он уже не помнил, только обрывки: "Завтра пять лет с тех

пор, как я люблю вас. Вы это знаете...", "Мне предлагают замужество, но одно ваше слово — и я все брошу, уеду с вами, куда вы скажете, или буду ждать вас, сколько хотите. Только скажите что-нибудь. Мне так плохо...".

Марчевский заподозрил было розыгрыш, но все же решил ответить. "Я не знаю, кто вы, но кто бы вы ни были — постарайтесь вылечиться от этой любви. Я не давал к ней повода и, право, не знаю, что с ней делать...".

Прошлой осенью он оказался в Милане по делам компьютерной фирмы, в которой работал, и на выходные поехал в Турин, где уже лет пять жила с мужем подруга его жены и его мимолетная любовница, позвавшая его, когда он ей позвонил, в гости.

Был конец ноября, холодный ветер крутил по тротуарам сухие листья каштанов, чей хруст под ногами аккомпанировал хрусту чипсов, которые он грыз на ходу. Путь до Турина Марчевский продремал в кресле электрички, сквозь полусон слыша беседу сидевших напротив сербов, говоривших, насколько он мог понять их язык, о контрабанде.

— Where are you from?[1] — вдруг спросил один из них.

— From Russia.

— Did you understand what we talked about?

— Don't worry, — сказал Марчевский и добавил по-русски: — Я не стукач.

Серб выжидательно смотрел на него.

— Не сту-кач, понял? — Марчевский постучал костяшками пальцев по стеклу, отрицательно покачал пальцем и улыбнулся.

— Поньял. Всье славьяне братья навьек? — сказал серб, подмигивая ему.

— А то... — ответил Марчевский, вновь закрывая глаза.

Ему нужно было на Corso Regina Margarita. Сверяясь со взятой на вокзале туристской картой, он пошел пешком, дивясь тому, что туринские улицы, скрещиваясь, непременно производят на свет какой-нибудь памятник.

— В Милане все видел? — спросила Анька, когда они выпили за встречу. — Duomo, Ultima Sera, La Scala[2]?

— Все они гораздо больше, чем их репродукции, но узнаваемы. А вот вокзал миланский просто невероятен. У меня даже мелькнула страшная мысль, что ради такой архитектуры итальянцам стоило потерпеть Муссолини.

— What did you say about Mussolini, Edward?[3] — спросил ее муж, Луиджи.

Марчевский не без труда перевел свою фразу, на которую тот начал отвечать по-английски, но от нетерпения не докончил и перешел на итальянский.

— Переведи, я не понял.

— Спрашивает, стоило бы вам потерпеть Сталина ради здания Московского университета?

— Сравнил хрен с пальцем...

Луиджи удивленно покосился на него.

— Duche was an angel in comparison with Stalin[4]... — But Russians are more patient than Italians, — парировал Луиджи.

— Что Татьяна? — спросила Анька, когда мужчины отсмеялись.

— Татьяна ничего.

— А ты чего?

— То есть?

— Да у тебя на лице написано.

— Какие все проницательные стали, ты посмотри...

— Ну, что там у вас? — спросила она и добавила, обращаясь к мужу: — Questo nostro russi affari, carissimo[5].

Луиджи оторвал голову от пасты, которую с наслаждением поглощал, и улыбнулся.

— Да говори, он по-русски пять слов понимает.

— Что говорить? На грани.

— Да что ты? Говорила же я вам — сделайте ребенка... Может, у тебя опять кто-то завелся, или Танька завела?

Она подмигнула Марчевскому, давая понять, что все помнит.

— Да не в этом дело.

— Вы что, ребята, белены в России объелись? Кого ни спрошу — все в разводе. С советских республик пример берете?

— Вам, итальянцам, не понять русской души.

— Ну и ну... А какая любовь была!

— Love is long, but life is longer[6]...

— Слушай, а ты у нас до понедельника не хочешь остаться? Знаешь, кто у меня в воскресенье вечером в гостях будет? Твоя ученица.

— Да ты что?

— Помнишь такую Машу Годунову?

Марчевский поперхнулся.

— По спине постучать?

— Да нет, ерунда.

Он поднял глаза на Аньку, стараясь не выдать себя, но та говорила безо всякой задней мысли.

— Не знал, что она здесь. За кем она?

— За менеджером с "Фиата". У него были какие-то автомобильные дела в России, там они и познакомились, потом во Франции жили. Дочка у нее прелестная, Галуша моя ее обожает.

— Дочка от него?

— Нет. Не знаю, от кого. Так останешься? Вот сюрприз для нее будет! — сказала Анька и пояснила мужу: — Io invitaro lui rimanere fino lunedi[7].

— Certamente[8], — сказал Луиджи, допивая вино. — Masha is very interesting woman, Edward. If I was her teacher like you[9]...

— Veccio Don Juan[10], — со смехом сказала Анька. — А у тебя с ней не было романа?

— Да ты что, в самом деле? It would be a harassment, Luigi[11].

— Ou! Americans are crazy on their feminism. But we are Europeans, isn't it?[12]

— Si, pero...[13]

— Nessuno "pero". European women don't like the absence of harassment[14].

— Не слушай его. Ему бы только что-нибудь против американцев сказать. У них все помешаны на борьбе с американской культурной... как это? инфлюэнцей.

С утра они поехали в Альпы. Луиджи одной рукой гнал машину по серпантину с такой скоростью, что у Марчевского душа уходила в пятки. Километров через пятьдесят дорога обледенела, и они двинулись в гору пешком. По ней было разбросано несколько средневековых домов. Возле одного из них согнутый в дугу дед в отрепьях и деревянных башмаках взвалил на спину живую овцу, опустив плечи почти до самой земли, и стал подниматься вверх так медленно, будто шел по склону своих лет.

С вершины открывался вид на Пьемонтскую долину. В дымке виднелась древняя дорога, по которой пытался уйти из Рима Ганнибал, потом вел войска в Галлию Цезарь, а еще через две тысячи лет шли Наполеон и Суворов. Анька расстелила скатерть, и они пообедали, запивая сыр и мясо холодным красным пьемонте. Галуша ложилась на снег и с диким визгом катилась вниз, как бревно. Воздух ломил пальцы.

Немного подремав под выглянувшим солнцем, они стали спускаться. Возле дома, где они два часа назад видели согнутого крестьянина, уже стоял, опираясь на полку, другой, более крепкий, с обветренным красным лицом.

— Buongiorno, — сказал Марчевский, проходя мимо.

— Buongiorno, — охотно откликнулся тот, и вдруг спросил: — Russo?

Марчевский удивленно остановился. Старик что-то сказал на местном наречии, в котором можно было уловить только "partisano". Подошли Луиджи с Анькой.

— Причем тут партизаны?

— Он здесь партизанил с каким-то русским, — сказала Анька, вслушавшись.

— А русский откуда?

— Бежал из плена, наверно.

— И что?

Старик улыбнулся, махнул рукой на восток, и продолжал говорить.

— Говорит, что после войны вернулся на родину. И что у него тут женщина осталась.

Старик еще раз махнул рукой.

— Ее дом был на той стороне горы, — переводила Анька. — Лет пять назад этот русский капитан приезжал сюда. На автобусе с экскурсией. Старый стал, совсем как я. Постучался ко мне. Все пошли дальше, а мы присели выпить и покурить. Потом русский спрашивает: "А где Аннунциата?" — "А где ей быть? Сидит у себя дома и все еще ждет тебя". Посидел еще немного, потом встал и пошел на ту сторону. Вернулся какой-то странный, ни слова не сказал, только махнул мне рукой и уехал.

Старик умолк, и на лице его снова проступила улыбка.

Против ожиданий, Годунова приехала без дочки. Пройдя в столовую и натолкнувшись на уставленный в нее взор Марчевского, она вздрогнула.

— Ну, знаешь, Анюта! Могла бы и предупредить. А то ведь до обморока недалеко...

— Что, я такой страшный?

— Похожи на каменного гостя.

Вполне справившись с собой, она посмотрела ему в глаза, усилив его нервозность. За полтора десятка лет из застенчивой худенькой девочки Годунова превратилась в женщину, весь облик которой свидетельствовал о том, что он назвал про себя "буржуазностью". В Аньке этого не было совсем, как не было и в Луиджи, который в свои тридцать семь хоть и был профессором в туринском Политехникуме, а одевался, как аспирант или мэнээс российского вуза.

— Ты на нас не гляди, — сказала Анька, уловив его сравнивающий

взгляд. — Мы не типичные итальянцы. А Мария у нас настоящая дама. Синьора Бассано. Ты что же Альку не взяла, синьора? Галуша будет в расстройстве.

— Температурит с утра... — сказала Годунова.

— А где твой брат? — спросил Марчевский.

— В Массачусетсе. Будете в Штатах, позвоните ему, он обрадуется.

"Человеку, который обрюхатил его сестру?" — мелькнуло у Марчевского.

— С чего бы ему радоваться? — спросил он, глядя ей в глаза. Анька удивленно покосилась на него.

— Говорит, что вы его хорошо запрограммировали.

Они поужинали, вспоминая знакомых, которых за пять-семь лет разбросало по свету от Новой Зеландии до Канады.

— А вы что же сидите? — спросила Мария.

— Я езжу.

— Хотите, я скажу Марику Гродбергу, чтобы он рекомендовал вас как своего учителя? Он теперь такой знаменитый...

— Спасибо. Ты думаешь, что мне это нужно?

— Просто спросила. Ну, я поеду.

— Ты чего так быстро? — удивилась хозяйка.

— Беспокоюсь, как там Алька. Извините меня, ладно?

— Встречался недавно с твоим классом, — начал Марчевский, вызвавшись проводить ее до машины. Он старался быть спокойным, хотя в нем все тряслось.

— Жаль, что меня не было с вами...

— Мне тоже жаль, потому что они меня чуть не убедили, что твоя дочка — от меня.

— Зачем это им понадобилось вас разыгрывать? — спросила Годунова с почти натуральным удивлением.

— Какой, к черту, розыгрыш? Они не могли этого придумать!

— А я, по-вашему, могла?!

— Послушай, Мария. Мы с тобой случайно встретились и видимся последний раз в жизни. Зачем ты сказала матери, что отец твоего ребенка — я?

Годунова остановилась и подняла к нему лицо. Глаз ее не было видно, только в зрачках блестел крохотный месяц. Пауза затягивалась. По стуку своего сердца Марчевский понял, что боится ответа.

— А что я должна была ей сказать?

— Правду!

— Я и сказала правду.

Марчевский не поверил своим ушам.

— Ты что, рехнулась?! Когда это я с тобой переспал?

— В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое апреля 1982 года, Эдуард Венедиктович.

— И где же это было? — спросил Марчевский, ошарашенный точностью даты.

— В третьем общежитии, комната двести десять.

— Чушь!

— Но вы же ходили в универ на танцы.

— Ну и что?

— И плясали с Инкой Беляевой.

— Не только с Инкой Беляевой.

— А в ту ночь пошли к Инке, потому что она осталась одна в "двушке".

— Я не знал, что Инка трепло.

— Инка никому об этом не рассказывала. Просто остаток ночи с вами провела не она, а я.

— То есть как это?!

— Очень просто. Перед тем, как лечь, она выскочила якобы в душ, а вместо нее пришла я. И ушла, когда вы заснули. А Инка, вернувшись, легла на вторую кровать, и утром вас к себе не подпустила.

— Не нужно пересказывать мне "Декамерон", — с бешенством сказал Марчевский.

— Вы проницательны, Эдуард Венедиктович. Мысль о том, как с вами оказаться, я вычитала именно из "Декамерона".

— А любовь — из Стефана Цвейга?!

— Может быть. Вы имеете в виду "Письмо незнакомки"? С девочками такое случается. Только книгу, в отличие от любви, можно закрыть одним движением...

— Я не мог принять тебя за Инку!

— На ощупь вы ее не знали, габариты у нас были одни, и духи тоже. Чтоб было абсолютно темно, мы позаботились. К тому же, вы столько выпили...

— А если бы я все-таки обнаружил подмену?! — спросил Марчевский, поддаваясь ее логике.

— Может, лучше бы было. Может, отравилась бы, если б вы меня выгнали...

— А разговор между тобой и мной о будущем ребенке — тоже был?!

— Не надейтесь, что я скажу "да". Разговор я выдумала. Надо же было что-то наплести матери.

— Зачем ты ей вообще сказала, что ребенок от меня?

— Не знаю.

— Как, не знаешь?

— Не знаю. Сказала, и все.

— И письмо было от тебя?

— Спасибо за ответ.

— Издеваешься?

— Нет. Он лишил меня надежды и вывел... по ту сторону отчаяния. Только тогда я почувствовала, что свободна.

— Это уже не Цвейг. Это Жан-Поль Сартр.

— А стихотворение было чье? — спросила Мария.

— Какое стихотворение?

— В вашем письме. Забыли? А я помню:

"Любовь — амор по-латыни.
От нее бывает мор,
vope слез, тоски пустыня,
Мука, морок и позор..."

— Не знаю, чье. Наверно, вычитал в какой-то книге и послал вам.

— Что ж, рада была вас повидать, Эдуард Венедиктович. Мне пора.

— А твоя... моя... дочь? — спросил Марчевский, запинаясь от неожиданности.

— Она не твоя, она моя, — раздельно сказала Мария, усаживаясь за руль "фиата" и включая зажигание.

— Твоя?! — заорал Марчевский, распахивая дверь. — А ну-ка, выйди из машины!

— И не подумаю.

— Выйди сейчас же!

— Вы не в России, господин учитель.

— Так я не в России? Ладно. Тогда ты завтра получишь судебный иск о признании меня отцом твоей дочери, а послезавтра — генетическую экспертизу.

— Ты этого не сделаешь!

— Не смей мне тыкать. Еще как сделаю! Ты меня выставила подлецом, а я, по-твоему, умоюсь и стерплю?

— Вы этого не сделаете... — повторила Годунова с непонятным выражением. — Ладно. Садитесь в машину.

Недоумевая, он обогнул капот и сел рядом с ней. Автомобиль взревел и рванул с места, яростно набирая скорость.

— Куда ты меня везешь?

— Куда надо, — ответила Годунова, с визгом поворачивая на перпендикулярную улицу и бросая машину в узкий проезд между присосавшихся к ее бокам автомобилей.

Проехав метров пятьсот, она вывернула на полупустую улочку, ударила по тормозам, и "фиат", юзнув по листьям, задними колесами стукнулся о тротуар, замерев возле витрины, сквозь которую виднелось что-то вроде паба.

— Выходите.

— Сначала ты.

— Выходите, никуда я не удеру. Черт же вас принес на мою голову!

— Только не вали с больной на здоровую, — сказал Марчевский, захлопывая дверь.

В пабе за стойкой сидел человек в белой шляпе, из-под которой выбивались длинные седые кудри, с красным шарфом и в черном кожаном плаще. Возле него стояла трость с серебряной львиной головой. В полутьме за угловым столиком виднелась молодая пара.

— Buona sera. Quatro grappa[15], — сказала Мария бармену, жестом предлагая Марчевскому сесть.

— Buona sera. Uno momento, signora[16].

— Зачем ты меня сюда привезла?

— Сидите.

Подошедший бармен поставил на столик четыре рюмки с виноградной водкой.

— Ты же за рулем! — сказал Марчевский, двигая рюмки к себе.

— Вернетесь пешком, — сказала Мария, выхватывая у него одну и отправляя ее содержимое в рот. — А обо мне вам чего волноваться? Если что случится, увезешь Алечку с собой... папаша новоявленный.

— Прекрати паясничать, Годунова.

— Или выйди из класса, да?

— Говори, ради чего приехали.

— А вы уверены, что не пожалеете, если я скажу?

— Это ты пожалеешь, если не скажешь.

— Значит, вы уверены, что хотите знать правду?

— Не толки воду в ступе.

— Хотите, чтобы я выплеснула ее на вас? — спросила Годунова. В ее интонациях уже сказывалась граппа.

— Вместе с ребенком.

— Дорогой учитель, я вас любила.

— Это я уже слышал.

— А вы меня нет.

— Увы.

— А вы знаете, что это такое — первая неразделенная любовь, да еще у девчонки, которая выросла без отца? Вы, сильный и равнодушный мужчина?

— Мне тоже было семнадцать лет.

— Вам всегда было столько, сколько сейчас. Разве у вас когда-нибудь болело сердце?

— Нет.

— Это потому, что нечему болеть. А люди без сердца всегда одни и те же.

— К чему это длинное предисловие? Тянешь время, чтобы придумать новую версию?

— Нет. К тому, чтобы вы поняли, на что можно пойти от безнадежной любви.

— На что можно пойти от неразделенной любви?

— На все.

— Тогда нужно было пойти ко мне, крикнуть "Жить без вас не могу!" и пырнуть ножом в то место, где у меня нет сердца.

— Очень смешно. Я бы засмеялась, если б могла.

— Что же тебе мешает?

— То, что однажды я действительно пришла к вам. Открыл ваш отец. Вас не было дома. И вашей матери тоже не было дома. Мне продолжать?

— Ты лжешь! Ты солгала пятнадцать лет назад, солгала полчаса назад и снова лжешь, только я не понимаю, зачем?!

— А вы спросите Венедикта Александровича. Может, он скажет вам правду?

— Ты знаешь, что я не могу его спросить!

— Почему же? Ах да, не хотите разрушать светлый образ папы...

— Отец умер год назад.

— Mamma mia!

— Ты хорошая актриса. Только вскрикивать нужно было по-русски.

— Я, правда, не знала...

— Теперь знаешь.

— К сожалению, это ничего не меняет.

— Ты будешь лгать на мертвого?

— На этот раз мне очень просто доказать вам, что я говорю правду.

— Попробуй...

— Стоит лишь назвать некую интимную физическую особенность вашего отца, о которой вы не могли не...

— Ведьма!!!

Бармен повернул голову и выжидающе посмотрел на них.

— Tutto bello. Non farsi caso[17]. Не обманывайте себя. Зачем мне было это выведывать? Не в предвидении же нашего разговора.

— Отец не мог...

— Уверяю вас, мог. И, как я сейчас могу оценить, совсем неплохо. Извините, это уже лишнее.

Марчевский дрожащими руками одну за другой осушал рюмки с граппой.

— Видите, и водка пригодилась. Так что, вы еще хотите настаивать на экспертизе?

— Уйди отсюда...

— Сейчас. Я только хочу, чтобы вы поняли, что я спала не с ним, а с вами... в том смысле, что он для меня были вы.

— Я прошу тебя, уйди...

— Ухожу.

Граппа ударила ему в голову и притупила чувства. Он смотрел, как она встает, подходит к стойке, протягивает бармену десятитысячную бумажку, выходит и садится в машину, провожаемая откровенным взглядом посетителя в белой шляпе. Еще через мгновение зажглись фары, "фиат" тронулся и пропал из поля зрения.

— Tutto bello? — спросил бармен.

Москва

[1]— Вы откуда?
— Из России.
— Поняли, о чем мы говорили?
— Не беспокойтесь.
[2]Миланский собор, Тайную вечерю, Ла Скала?
[3]Что вы сказали про Муссолини, Эдвард?
[4]— Дуче был ангел в сравнении со Сталиным!
— Но русские терпеливее итальянцев.
[5]Это наши русские дела, дорогой.
[6]Любовь длинна, но жизнь еще длинней.
[7]Я приглашаю его остаться до понедельника.
[8]Конечно.
[9]Маша очень интересная женщина. Если бы я был ее учителем, как ты.
[10]Старый донжуан.
[11]Это же сексуальное приставание, Луиджи.
[12]Американцы помешались на своем феминизме. Но мы же европейцы?
[13]Да, но...
[14]Никаких "но". Европейским женщинам не нравится, когда к ним не пристают.
[15]Добрый вечер. Четыре граппы.
[16]Сию минуту, синьора.
[17]Все хорошо. Не обращайте внимания.

Владимир ЕФИМЕНКО

Новый Эйнштейн

Мой сосед по лестничной клетке — Геннадий Михайлович Эпштейн — личность невероятно забавная. Небольшого роста, лет за шестьдесят, пенсионер, седой, усатый, патлатый и вечно нечесаный. Он еще и трубку курил. Одним словом, у человека, скорей всего, была маничка раздвоения личности: уж больно откровенно он косил под Альберта Эйнштейна, да к тому же увлекался физикой. Я привык делить его заявления на двадцать, но он рассказывал, как его обошли завистники, отняли кафедру, лабораторию и не дали защитить докторскую. Зная его причуды и закидоны, я не уверен даже, занимался ли он физикой после школы вообще, не говоря о какой-то мифической докторской. Но, чтобы его не обидеть, я ему вежливо поддакивал, потому что человек он был тихий и незлобивый и всегда кормил мою кошку Катю, если мне доводилось уезжать на пару дней. Было страшно неудобно, но чего греха таить, я иногда стрелял у него на сигареты, когда эти гады затягивали с зарплатой. Естественно, я всегда отдавал "с процентами", типа сходить в магазин, починить кран, в таком духе. А он мне каждый раз советовал переходить на трубку. Я догадываюсь, почему: как-то заметил у него на подоконнике тарелку с "бычками" самых разных сортов. Но самое ужасное — было слушать его теории и его "выдающиеся открытия", которых не поняли "проклятые ретрограды" — у меня просто начинали ныть зубы, тем более что я в квантовой механике — ни в зуб ногой.

И вот как-то вечером после работы я поднимаюсь к себе, а он уже меня выловил:

— Володя, вы не зайдете? Замерзли, наверно? Чайку попьем.

— Спасибо, — говорю, — с удовольствием, отчего бы нет. (Я бы сейчас — водочки, с мороза, а не чаю... Главное, чтоб он не начал мне шлифовать уши про физику.) Только вот снег стряхну.

Я шагнул в его квартиру, где всегда по вечерам царил полумрак. Не то чтобы старик сильно экономил на свете — ему нравился приглушенный свет, а меня он немного раздражал. На стене у дивана в бронзовой рамке висела знаменитая фотография Эйнштена — та самая, с высунутым языком. Как будто это помогало Геннадий Михалычу входить в образ. Сходство было.

— Вам с лимоном, Володя? Ах, да, помню. Крепкий, и одна ложка сахара... Но пока он немного остынет, я хочу предложить вам немножко водочки выпить, и представьте себе, есть за что.

Я был приятно удивлен, потому что раньше он никогда не предлагал ничего такого. А я-таки замерз, как цуц. Старик достал в буфете бутылку из-под "Немирова", но со свернутой крышкой, из чего глаз специалиста сразу сделал вывод, что водка — "левая", но пить все равно можно.

— Выпьем за науку и тех, кто ею движет!

— Однозначно. Присоединяюсь, — кивнул я.

Мы хряпнули по сотке, и Михалыча понесло: сбылись мои худшие опасения — про квантовую механику. На трезвую голову я этого не перевариваю, и поэтому мы вспомнили золотое правило: "Между двадцать седьмой и двадцать восьмой перерывчик — небольшой". Дальше я воспринимал уже спокойнее, и местами даже было интересно — Михалыч умел популярно объяснить. Короче говоря, я "фишку схавал". Всю эту "маму" можно прикинуть следующим образом:

Что такое материя — никто не втыкает. Может быть, вещество и энергия — это вообще одно и то же. Альберт даже почти поставил знак равенства между массой и энергией. Вместо двух законов сохранения он предлагал один — сохранения энергии-массы. Свет и электричество состоят из мельчайших далее не делимых шматочков — квантов. Если бы мы могли извлечь энергию ядра, то жменьки этих квантов хватило бы — до фига и еще больше. Фотон — это, типа, квант света, но у него еще и волновая природа. Длина волны позволяет делать спектральный анализ. Короче, каждый на своей волне.

Эйнштейн предложил использовать ось времени как четвертую координату пространственно-временного континуума. Говоря человеческим языком, это та байда, в которой все мы существуем. Вы когда-нибудь видели раскадровки спортивных фотосъемок? Это когда на одном кадре, например, показаны все фазы прыжка и т. п. Так вот, Бог видит всю эту тусню, в смысле, Вселенную, именно таким образом. Потому что времени для него не существует. Кстати, жена мне говорила так же точно, когда я втыкал за компьютером до утра: "Для тебя времени не существует". Значит, я почти бог. Но суть не в этом. Тут мы подходим к гениальному открытию Михалыча: оказывается, время дискретно, то есть состоит из маленьких кусочков, а это и есть кванты времени. Мне это, честно говоря, по фиг, но тут есть одна интересная фишка: оказывается, в промежутках между квантами времени его, времени, как бы нет. И это вся Вселенная: она как бы, то есть, то ее нет. Михалыч назвал свою модель "Мерцающей Вселенной". Дальше — вообще, гайки: Михалыч вычислил величину кванта времени. Суть в том, что время само по себе связано с происходящими в нем

событиями, а его количество говорит о продолжительности. "Длить" — значит, указывать длину. То есть, и тут человек подразумевает пространственную категорию, а стало быть, четвертая координата — это вполне оправдано. Но есть такая предельно малая величина времени, за которое ничто не может произойти. Просто не успевает. А значит, раз нет событий — мир замер и провалился в небытие. Какой-то греческий философ, Парменид, кажется, говорил, что "есть бытие, а небытия нет". Так вот, оказывается, оно есть. Но не везде сразу, а вразброс. Отсюда и "мерцающая Вселенная".

Атом состоит из тяжелого ядра — нейтроны, там, протоны, — и электронных орбит, а точнее, облаков. У электронов есть энергетические уровни, и они только и делают, что тусуются туда-сюда. Массы покоя у электрона нет ни фига, в отличие от заряда. У протона масса есть и заряд тоже, но положительный, а у бедных нейтронов заряда — хрен, знай себе, давит массу. Так вот, перехожу к главному: когда электрон перескакивает с одного уровня на другой, о нем вообще фиг чего можно узнать. Вот, просто, был там, стал тут. И время тут вообще не при делах. А почему так происходит? Потому что наблюдается разрыв между квантами времени, или, другими словами, проходит отрицательный квант времени, то есть, обратный временной поток.

Дальше: электроны движутся со скоростью света, с, или 300 000 км в секунду. Диаметр атома и размер электронных облаков примерно можно вычислить — ноль целых, фиг тысячных ангстрема. Если известны скорость и расстояние, то можно вычислить и время пути. Таким макаром Михалыч вычислил квант времени — что-то около $0{,}31 \cdot 10^{-110}$. Другими словами, три на десять, в хрен его знает какой, отрицательной степени миллисекунды. Меньше этого временных промежутков быть не может, потому что этого не может быть никогда.

Потом Михалыч допёр-таки, что можно оседлать и этот обратный временной поток, за счет отрицательных квантов времени. И это совсем не значит, что материя при этом должна превратиться в антиматерию, а электрон, скажем, в позитрон. Это совсем как электронно-дырочная проводимость: совершенно неважно, как считать, движется ли вперед отрицательный заряд, или положительный заряд движется назад. Это уже — как договориться. Ток течет.

— А вы понимаете, Володя, что это практически значит? — разошелся Михалыч, размахивая руками, так что едва не задел меня по носу.

— Даже близко себе не представляю, — потупился я.

— Это значит, мой дорогой, что теоретически можно попасть в про-

шлое. Я это точно знаю. В будущее — к сожалению, вряд ли, потому что структура континуума, лежащего за ноль-пространством, нам совершенно неизвестна, а скорость света является не только практическим, но и теоретическим пределом. И вот, когда я продвинулся в лабораторных исследованиях, эти тупицы решили, что я могу кой-кому перейти дорогу. Они внушили ректору, что я его подсиживаю, и меня съели. Но кое-что я все-таки успел. Интересно, как вытянутся их гнусные рожи, когда в Стокгольме мне вручат Нобелевскую премию по физике!

Михалыч залпом выпил свой остывший чай и вышел на кухню, подкипятить воды. Я огляделся в полумраке комнаты и заметил, что возле дивана, по обеим сторонам, накрытые газетами, стояли груды каких-то агрегатов. Несчастный человек! А ведь когда-то была светлая голова...

На следующей неделе Михалыч забежал ко мне днем. Было воскресенье, и я надеялся отоспаться за все время, но этот гад мне не дал. Вломился, как на пожар, возбужден до предела. Глаза сверкают, бегают, самый раз карету вызывать:

— Володя! Я, кажется, все понял! У меня получилось! Зайдите ко мне, сейчас же!

Я мысленно, из чистой вежливости, укрыл его семиэтажным. Потом нашел свои тапочки и поплелся за ним через холодную лестничную площадку, вовремя догадавшись прихватить с собой ключи. Я б ему дал эту Нобелевскую премию, чтоб он только отстал. Но Михалыч (Федор Михалыч!) затащил меня в комнату, где стояли расчехленные аппараты, нацеленные стволами на столик, где стояла клетка с белой мышью — любимицей моего чокнутого соседа.

— Вы видите! Вы понимаете, что это значит? — торжествовал он.

Я ровным счетом ни черта не понимал. Мышь как мышь. Это надо было меня ставить на уши...

— Вы видите эти капочки? Эти серые пятнышки у нее? — не унимался гений.

— Ну и что особенного? Обгадилась где-то. Что-то я не догоняю... Гиперболоиды какие-то...

— Вы ничего не понимаете! Это установка, правда, только на шесть киловатт, но она работает! У меня два раза пробки выбило... Это уже не та мышь! Это — она же, но несколько поколений назад! Вот эти самые капочки — свидетельство того, что в обратном временном потоке она прошла на несколько поколений назад, проходя эволюцию своей породы обратно. Ее

гены перестроились, реконструируя ее предков. А самое главное — глаза! Они почернели! Исчез ген альбиносов, который селекционным путем укрепляли много лет, выводя эту белую мышь. Эта мышь — из прошлого! Причем, заметьте, на путешествие длиной во много лет ей понадобилось полминуты. Значит, в обратном токе времени его скорость в тысячи, в миллионы раз больше! Это же сенсация! Я рассчитал удельную плотность тела — у всех позвоночных она примерно равна плотности воды, а потом настроил частоту излучения...

Я сослался на головную боль, простуду, сухо поздравил Михалыча неизвестно с чем и ушел досыпать.

Потом у нас отключилось центральное отопление: где-то лопнула или замерзла труба. Через пару часов подъехала аварийка, экскаватор стал рыть мерзлую землю у меня под окнами, работяги что-то там варили электросваркой, так что на стенах плясали синие зайчики. А потом по всему дому отрубился свет. Вот гадство! Ни света, ни воды. Ни кофе попить, ни помыться. Компьютер не включишь — тоска! Было еще светло, но я щелкнул выключателем люстры — так хоть буду знать, когда эти коммунисты с демократами изволят дать свет народу. Слышно было, как через стенку Михалыч клеймит "страну идиотов" и все наши порядки. Он, видите ли, уже запустил опять свою шарманку, он уже все подключил, а они, сволочи, свет отрубили. Лег я в тот вечер рано, потому что выспаться мне не дали, а сидеть в темноте одному — дело нудное.

Утром я понял, что свет уже дали: ярко горела люстра под потолком. Я его потушил, потому что на улице было уже светло, включил компьютер, поставил кофе и даже перезвонил на работу: не слишком ли я там нужен срочно, или мне можно денек поболеть. Шеф сказал, что я как всегда, прикидываюсь шлангом, но, черт с тобой, болей себе на здоровье. Я поблагодарил, он послал меня в задницу, и я повесил трубку. А еще говорят, понедельник — день тяжелый! Обожаю не ходить на работу, просто прусь от этого. Простуда как-то сама по себе сразу прошла: какой же смысл болеть в свое личное свободное время? Это, кстати, главное богатство общества. Я его использовал не зря: позвонил подругам, поболтал немного, кофе попил, покурил, поубивал немало ботов в "Квейке", сходил в туалет не спеша, покушал, послушал "Кинг Кримсон", короче, с толком провел время.

Потом меня стал преследовать какой-то противный запах: пахло чем-

то горелым, вроде изоляции. Я походил по квартире. У дверей пахло сильней. Тогда я вышел на площадку и слышу — у Михалыча изнутри кто-то шкрябается в дверь. А вонизм — бэ-э! Собаку он, что ли, завел на старости лет? Я звоню ему в дверь — ноль эмоций, только шкрябается сильней. Я, думаю, а если он ушел и животину оставил, а у него там что-то замкнуло — это ж пожар может быть! Слава богу, у меня были ключи от его хаты, а у него от моей. Иногда он мне Катю кормил, а я, если надо, ему цветы поливал, ну и эту, Мышильду его белую, тоже. Я дверь отпираю и говорю грозно: "А ну, Бобик, кыш на место!". Забегаю в переднюю, а там дымина! Я к счетчику — пробки давно сгорели вместе с "жуками", и даже щит пластмассовый, что под счетчиком, поплавился. Я форточку на лестницу распахнул, чтобы вонь выветрить, и иду в комнату.

От неожиданности я даже громко матюгнулся:

Михалыча нигде не было, но посреди комнаты стоял на задних лапах молодой интеллигентного вида игуанодон. Динозаврик такой, травоядный. Небольшой такой, метра полтора в холке. Смотрит на меня умными глазами, почти как милиционер. Вот тебе и "Парк юрского периода"! Смотрю, а он уже и рождественник схавал, скотина такая, лимонное дерево обглодал, ненасытная утроба, и к кактусам стал подбираться, травоядная твоя, в душу, в бога, тварюка! А я эти цветочки поливал! Ка-ак дам ща!

Стал я соображать: как же это получилось? Два "гиперболоида", или как их там, излучатели временных потоков, стояли, нацеленные на диван. Диван был пуст. И тут я допёр: Михалыч вчера возился с опытами своими, а тут отрубился свет. Потом его, наверное, тоже сморило, и он прикорнул на диване, а шарманку свою из сети забыл выключить. Ночью дали свет, и вся эта история с излучателями включилась да прямиком на Михалыча. А он — дрыхнет. Вот его и кинуло на пару миллионов лет назад — обратно по эволюционным ветвям. Вот мы, значит, от кого произошли... Хотя, нет. Шеф — этот уж точно, от тиранозавра, палец в рот не клади.

— Игуаннадий Михалыч, — говорю, — что ж ты наделал? Где ж я теперь сена напасусь?

А он мне в руки тычется, как родной, и даже не пытается куснуть. Я его почесал за ушным отверстием и пошарил в холодильнике — а там все растаяло, творог прокис. Дал ему пару морковок, йогурт "На здоровье" — как за маленьким. Вот так теперь и живем. Если б Михалыч мне объяснил, как пользоваться его приборами, может, я б его

обратно вытащил, в нормальном виде. Но мне кажется, что когда дали свет, его шесть киловатт дали перегрузку по сети. А это ж бытовая проводка, слабенькая, и там что-то у него сломалось. Бог его знает. Был у меня соблазн его выгодно продать в зоопарк, а потом подумал, и совесть заела: вдруг они на нем станут опыты делать? А Игуанна-дий Михалыч — ничего, где попало не гадит, просится, когда надо.

Одна мысль не дает мне покоя: почему Михалыч утверждал, что он точно знает, что это возможно? Может, потому, что уже не в первый раз? Кстати, я недавно прочел, что никому не известно местонахождение могилы Эйнштейна. Это тайна за семью печатями для всех, кроме близких родственников, что его хоронили. Что-то подозрительно...

Анатолий КОНТУШ

Три новеллы

Одесса. "Венгерские танцы"

Наконец я просыпаюсь.

Темнеет.

Свист за окном.

Это Игорь.

Мы встречаемся на углу и считаем оставшиеся после вчерашнего рубли и мелочь. На Бетховена, пожалуй, не хватит, в лучшем случае на Мусоргского. Мы спускаемся по Торговой к бульвару и заходим за Шуриком; увидев нас, он тут же достает из шкафчика "Венгерские танцы". Игорь осторожно вынимает диск слегка дрожащими руками; мы похмеляемся Брамсом и выходим на улицу. Нам лучше, теперь мы втроем, к тому же Шурик сегодня при деньгах. В Малом переулке мы спускаемся в хорошо знакомый подвал и спрашиваем Оффенбаха. "Прекрасной Елены" сегодня нет, вежливо извиняется официант, только "Парижская жизнь". Ну, "Парижская жизнь", так "Парижская жизнь"; мы берем одно действие и "Юмореску" Дворжака вместо закуски. Минут через сорок мы выбираемся из подвала на Гаванную, покупаем Альбинони и Грига в магазине напротив и аккуратно, чтобы не уронить, несем их в городской сад; мы находим пустую скамейку в густой темноте у стены летнего театра, Игорь достает из кармана плейер, подключает три наушника, два из которых отдает нам, и нажимает на "Плей". Проходит не меньше часа, пока мы не возвращаемся из темноты в яркие огни Дерибасовской, немного покачиваясь от "Адажио" и задирая идущих навстречу дам. Еще не поздно, и мы решаем прогуляться; теплый июньский вечер; на бульваре мы видим, как внизу, у грота, интеллигентного вида ребята, озираясь, достают из портфеля "AC/DC" и "Black Sabbath"; на Екатерининской нам попадаются темнолицые алкаши, угрюмо слушающие Эминема в подворотне; на Базарной три веселые девицы балуются Машей Распутиной прямо посреди тротуара. На Пушкинской Игорь останавливает троллейбус и предлагает водителю вместе с нами прямо здесь послушать "Пер Гюнта"; водитель нерешительно отказывается, объясняя, что он на работе. Около одиннадцати Шурик предлагает съездить искупаться в Аркадию, и мы садимся в такси на Канатной, по дороге берем "Танец с саблями" и "Полет шмеля", прохо-

дим налево к "Жемчужине", оставляем вещи на песке и медленно входим в теплую черную воду. Мы возвращаемся в город после полуночи, до краев наполненные Римским-Корсаковым и Хачатуряном, и оказываемся на Греческой. Здесь все еще шумно; какие-то японцы, изрядно навеселе, затаскивают нас в "Иокогаму", откуда мы выбираемся все вместе, обнявшись, не раньше чем через час, раскачиваясь под флейту Горо Ямагучи. Игорь предлагает идти в "Театральный"; никто не возражает, и уже через несколько минут мы сидим там у окна вместе с Шуманом, Шубертом и Листом, сидим до тех пор, пока не замечаем, что, кроме нас шестерых, в "Театральном" давно уже никого нет. Мы заказываем "Маленькую ночную музыку" на десерт; Шурик идет в кухню и выпрашивает у метрдотеля "Рондо каприччиозо" в исполнении Ойстраха. В конце концов мы находим выход из ресторана, пешком добираемся к Игорю на Коблевскую и долго слушаем скрипку, не включая свет и растянувшись на полу с открытыми глазами. Наконец мелодия окончательно растворяется в воздухе; нам хочется еще, но у Игоря больше нет ничего скрипичного. Мы принимаем мужественное решение, спускаемся вниз и едем к Яше, скрипачу филармонического оркестра, который, хотя и недоволен нашим вторжением, но все же играет и играет нам из Вивальди и Паганини, закрыв глаза и стоя посреди кухни в мятой байковой пижаме.

Примерно в половине четвертого я обнаруживаю, что кухня кружится у меня перед глазами вместе с Шуриком, Игорем, Яшей, Вивальди и Паганини.

Я переполнен.

Я больше не могу.

Я с трудом поднимаюсь, выхожу на улицу, останавливаю первую попавшуюся машину и еду домой.

Я засыпаю, когда уже начинает светать, плотно закрыв окна и выключив радио, телевизор, магнитофон и CD-плейер.

Завтра ни ноты.

Одесса. "Старка"

Здесь тесно.

Здесь негде пройти.

Ты выходишь из самолета в аэропорту. Игорь уже ждет у выхода; он везет тебя прямо к себе на Нежинскую. Тот же дом начала века, тот же темный подъезд, те же мраморные ступени. Его родители, Галина Пор-

фирьевна и Александр Александрович, встречают тебя в коридоре, как двадцать лет назад. Из соседней двери выглядывает соседка, с которой ты познакомился в шестьдесят седьмом; она узнает тебя. Стол накрыт; ярко светит люстра; Наташа раскладывает салфетки. Ты садишься там же, где обычно, спиной к черному пианино "Рениш". Игорь говорит тост; все выпивают; ты кладешь себе кусочек брынзы и икру из синих. Громкий звонок. Входит Витя; он только что с московского поезда. Все выпивают еще; Игорь с Димой выходят курить на площадку; Юра с Женей экспромтом произносят тост в стихах; Вождь читает текст, написанный сегодня днем специально к твоему приезду. Александр Александрович зовет тебя к телефону; это Нюма, он уже знает, что ты прилетел. Дима разливает коньяк, Наташа с Любой и Викой несут из кухни горячее, а вы все еще сидите в горячем вечернем воздухе у открытых окон, и Ойстрах играет Сен-Санса среди белеющих в темноте акаций где-то высоко над землей. Ты просыпаешься поздно, завтракаешь с Игорем в кухне, идешь с Галиной Порфирьевной на Новый базар и в рыбном корпусе издалека видишь Сережу, который несет подмышкой двух огромных лещей. Вы покупаете пиво и идете к нему на Ольгиевскую, где вас уже ждет Славик. Через два часа ты звонишь Диме, выходишь на Островидова, ловишь такси и едешь на восьмую Фонтана. Дима уже ждет тебя внизу; вы переходите через дорогу, проходите по Литературной к морю, раскладываете вещи на песке, прыгаете в воду с пирса и плывете к волнорезу. Когда вы возвращаетесь, Сеня с Витей уже играют в карты на топчане рядом с вами; вы расписываете две пульки, изредка делая перерывы для купания, поднимаетесь к Боре пообедать и поиграть на бильярде, встречаете Ларису и Наташу на обратном пути, купаетесь в последний раз и отправляетесь назад в город. Вы выходите на Ленина возле "Двух слонов" и, встретив напротив "Детского мира" Аркадия, проходите вперед к Оперному, чтобы выпить кофе где-нибудь по дороге. На углу Дерибасовской и Карла Маркса стоит Шурик, высокий, сильный, загорелый; он рад видеть тебя. Вы спускаетесь в "Оксамит" за шампанским, потом едете к Ире на Чкалова, потом к Алику на Черемушки, потом в Шалашный, потом еще куда-то, ты уже не соображаешь, куда. Ты просыпаешься у Игоря на Нежинской; солнце уже поднимается над крышами выходящих на Подбельского домов; ты умываешься у открытого окна высоко над городом, выходишь на Петра Великого, покупаешь пакет пирожных в кафе на Садовой и бутылку кефира в магазине на Щепкина, проходишь через горсад к Опер-

ному театру, садишься на каменную ограду в Театральном переулке и видишь, как Витя, улыбаясь, спускается к тебе по широкой лестнице с черной чугунной решеткой. Вы не спеша завтракаете, глядя на пароходы далеко внизу у горизонта; Сеня приходит минут через десять, а когда вы наконец встаете и выходите на бульвар, Игорь уже идет вам навстречу от "Лондонской". Вы берете два такси на площади Потемкинцев, проезжаете по Карла Маркса, Водопроводной и Черноморской дороге и выходите у Таировского кладбища. Игорь покупает бутылку "Старки" в киоске у ворот, вы проходите вперед по центральной аллее, берете немного вправо и долго бродите среди разросшихся кустов и непривычно высоких деревьев, обходя заброшенные могилы. Игорь находит Нюму первым, это далеко, и вы долго идете к ним по заросшим травой проходам. Ты видишь знакомый памятник, открываешь завязанную проволокой дверцу, входишь в ограду и кладешь на камень цветы. Ты плачешь. Через неизвестно какое время ты вспоминаешь, где ты, открываешь глаза и отрываешься от теплого камня. Вы проходите еще дальше вправо, к новым участкам, и распиваете "Старку" за маленьким столиком рядом с Димой и Любой. Жарко и очень тихо; стрекочут кузнечики, высоко в небе крошечный самолетик бесшумно делит мир пополам. Вы выходите на шоссе, останавливаете автобус и доезжаете до нового кладбища на месте аэропорта "Застава". Вечереет; вы быстро находите Шурика и около часа стоите возле него, разговаривая друг о друге. Вы добираетесь до города на попутной машине и ужинаете в пабе; ты напиваешься, как свинья, и Игорь, не менее пьяный, тащит тебя домой через всю Дерибасовскую. Ты снова просыпаешься поздно; твой самолет через три часа. Вы завтракаете в комнате, ты складываешь в чемодан книги, и Игорь везет тебя в аэропорт по Комсомольской, Моисеенко и Щорса. Ты обнимаешь его у дверей, проходишь таможню, выходишь из автобуса и оглядываешься перед трапом. Игорь, Сеня, Шурик, Дима, Алик, Нюма, Лариса, Наташа, Вика и Люба, Юра с Женей, Сережа, Славик и Вождь, Ира, Боря, Аркадий, мама с папой, Галина Порфирьевна и Александр Александрович машут тебе с маленькой площади из-за закрытых ворот. Ты отворачиваешься и, поднимаясь в самолет, уже не успеваешь увидеть, как четверо из них постепенно растворяются в горячем вечернем воздухе. Ты знаешь, что снова увидишь их всех, когда в следующий раз выйдешь в этот воздух из разделяющего мир пополам самолета.

Москва. "Белый аист"

Сначала все будет очень счастливо.

Ты окажешься единственным ребенком, твои родители будут очень любить тебя, и светлыми летними вечерами ты будешь подолгу раскачиваться в темнеющем небе где-то высоко над землей на прочных, надежных канатах, связывающих вас друг с другом. Через какое-то время канаты превратятся в крепчайшие стальные тросы; родители всегда будут рядом с тобой, твоя жизнь будет легка, и ты будешь уверен во всем. Ты сорвешься вниз в первый раз дождливым ноябрьским утром, когда папа выйдет из квартиры со старым чемоданчиком в руках, чтобы вернуться через двадцать семь лет, и один из казавшихся вечными тросов лопнет в сыром воздухе поздней осени с оглушительным звуком, которого ты не услышишь; тебе только исполнится четыре года. Ты навсегда запомнишь это ошеломляющее чувство внезапного падения с огромной высоты, щемящую пустоту под ребрами и застрявший в горле воздух. В этот раз все обойдется, и ты повиснешь у самой земли, накрепко привязанный к маме, и она понемногу, собравшись с силами, снова поднимет тебя туда, где ты был, и ты снова начнешь раскачиваться в высоком летнем небе и узнаешь про осторожность. Теперь тебе всегда будет не хватать этого второго троса, который делал жизнь такой легкой; сначала ты попробуешь заменить его пучком тонких нитей, соединяющих тебя с двоюродными и троюродными братьями и сестрами, а также с их родителями; со временем эти нити утончатся до незаметности, но это случится намного позже, когда ты уже станешь взрослым; а до того ты успеешь пойти в школу. Здесь у тебя появятся друзья, и твоя жизнь начнет постепенно облегчаться, по мере укрепления того тончайшего и неуловимого, что соединит вас при первой встрече. К моменту, когда ты начнешь взрослеть, эти ломкие сочленения превратятся в прочнейшие связи, и твоя жизнь будет твердо опираться на них высоко над землей, и тебе станет легко, и ты снова будешь раскачиваться в вечернем небе. Ты будешь помогать друзьям так же, как и они тебе, и однажды тебе покажется, что все опять так, как было тогда, в самом начале, когда тебя поддерживали только мама и папа; ты станешь взрослым и забудешь про осторожность. Ты будешь кувыркаться в бесконечном августовском небе, опираясь на друзей и поддерживаемый мамой; ты будешь плакать от счастья и умирать от любви, но это все равно будет не так, как раньше. Ты станешь беспечным; ты не заметишь, как трос, соединяющий тебя с матерью, начнет ослабевать, когда она заболеет; женщина,

которую ты наконец выберешь, потребует от тебя поддержки и ничего не даст взамен; у тебя не будет детей; ты несколько раз позволишь себе пренебречь тем, что связывает тебя с друзьями.

Ты сорвешься вниз во второй раз, когда мама умрет. Друзья еще успеют подхватить тебя, когда ты окажешься далеко внизу, и ты сможешь снова подняться, опираясь на них; появившийся из ниоткуда отец тоже попробует тебе помочь, но вас уже не будет ничего связывать. В конце концов, ты все-таки выберешься наверх и снова начнешь раскачиваться в вечернем небе; тебя будут предупреждать, что это опасно, но ты не послушаешь; ты перестанешь обращать внимание на окружающих и практически забудешь о друзьях. Когда ты сорвешься вниз в третий раз, рядом уже не будет почти никого; те несколько человек, появившихся в твоей жизни за последние годы, два собутыльника и эта женщина, не смогут удержать тебя на тоненьких ниточках, едва успевших возникнуть между вами. Ты упадешь назад в ту не имеющую формы темноту, откуда тебя когда-то вытащили мама и папа, и когда ты будешь падать, у тебя в руке будет зажата пустая бутылка "Белого аиста".

Париж

Андрей КРАСНОЖОН

Тетка

Эдуард Мякишев вспомнил слова своей тетки о том, что он с детства не умел завязывать шнурки. За минуту до этого он прошагал несколько сот метров по одной из центральных улиц весеннего города и неожиданно обнаружил, что у него развязался шнурок на левом ботинке. Пытаясь его завязать, Мякишев поставил ногу на чугунную садовую ограду и случайно порвал шнурок. За сорок минут до этого Эдуард выпил бокал пива в кафе на Привокзальной площади. Часом ранее он смотрел в окно своего купе в седьмом вагоне скорого поезда Киев — ***ков. За окном мелькали окрестности его родного города. Грязные беспризорники махали вслед поезду. Двумя сутками до этого Мякишев сходил с трапа самолета, который только что завершил рейс № 362 Будапешт — Киев в столичном международном аэропорту.

В Будапеште Мякишев учился. Он прожил там два года, лишь изредка навещая родину. Дома его ждала тетка, единственный друг Гена Яблоков и последний учебный год на физико-математическом факультете государственного университета.

Кроме тетки у Мякишева здесь больше никого не было. Она жила в большом двухэтажном доме в тихом пригородном районе на берегу реки. Этот дом строило не одно поколение семьи Мякишевых. Тут в свое время обитали деды, прадеды и отцы. Теперь тут предстояло поселиться и Эдику. Тетка с нетерпением ждала племянника и готовила праздничный обед.

Жизнь Мякишева у тетки была спокойной и стабильной, как течение реки: вставал он поздно, ложился рано, делал все что хотел. Позавтракав, на целый день отправлялся на пляж или к друзьям. Теперь он жил в таком режиме, и ему это нравилось.

Но любая река хоть раз в году выходит из берегов. Так и в жизни Эдика произошли внезапные перемены — одним солнечным днем тетку хватил удар. Несчастную увезла "скорая", но она скончалась по дороге в больницу. Врачи констатировали обширное кровоизлияние в мозг.

На похоронах Эдуард как единственный близкий родственник стоял возле гроба и думал о будущем. Он думал не о покойнице. Он думал о себе. Эдик не размышлял о том, сколько уже прожито, он рассуждал о том, сколько еще осталось. Именно об этом думал Мякишев, стоя у гроба, а когда решил присесть, крышка стула с грохотом провалилась, и он за-

стрял в деревянном остове. Окружающие ахнули и бросились на помощь. Суеверные люди тогда сказали, что это плохой знак. Эдуард Мякишев тоже был суеверным человеком...

Так началась одинокая жизнь молодого человека в большом доме на берегу реки. Вскоре будни опять потекли в своем привычном ритме, и Эдика по-прежнему можно было увидеть на пляже или встретить где-нибудь в центре города. Правда, теперь он выглядел каким-то озабоченным, даже обеспокоенным...

Школьным другом Мякишева был Гена Яблоков. У приятеля было странное увлечение. Он собирал старые перезарядные пластиковые карточки для мобильных телефонов. Яблоков обклеивал ими стены своей комнаты.

...Яблоков примчался к Эдику спустя полчаса после его звонка. Он влетел в дом и уселся в большое кожаное кресло, у камина в гостиной.

— Ну, если ты меня вытащил из постели на заре по пустякам! — пригрозил он Мякишеву.

Эдик выглядел ужасно. Он был похож на впечатлительную первокурсницу медицинского института после своего первого похода в морг.

— Я звонил тебе не просто так, — дрожащим голосом выговорил Мякишев. — Насколько я представляю, все очень серьезно.

Яблоков не сумел сдержать улыбки.

— Гена, если еще вчера я сомневался, — продолжал Эдик, — то теперь сомнений нет... Это был знак, тогда на похоронах... Она вернулась...

— Ты всегда любил изъясняться так, чтобы тебя никто не понимал, — воскликнул Яблоков.

В ответ Мякишев предложил другу подняться на второй этаж в свою комнату. Мебель, книги на полках, люстра — все было покрыто слоем пыли и окутано паутиной. На ковре валялись комки высохшей грязи, клочки бумаги и хлебные крошки.

— Извини за истерику, — сказал Мякишев. — Это от перенапряжения. Просто мне кажется, что я схожу с ума...

— Это кажется не только тебе.

— Три недели я гнал от себя эти проклятые мысли, но теперь все стало на свои места...

Яблоков расхаживал по комнате и рассматривал интерьер. Мякишев в это время говорил о трехмерном пространстве, каких-то параллельных мирах и загадках науки.

— Ты веришь в четвертое измерение? — спрашивал он друга.

— Ты же у нас физик, — отвечал Яблоков, рассматривая старинные настенные часы, — тебе виднее.

И Эдуард, заикаясь, продолжал свои рассуждения. А Яблоков переходил к следующей детали интерьера.

— Это случилось три недели назад, — говорил Эдик. — Тетка к тому времени уже находилась в маразме. У нее был приличный возраст. Думаю, душевно она умерла уже несколько лет тому назад.

— О! — оживился Яблоков. — В монологе появились приземленные темы.

— До моего отъезда за границу она была совсем другой. Во время учебы я приезжал к ней пару раз, ненадолго... Тетка быстро состарилась. После моего возвращения мы даже толком и не общались. Не получалось...

— Бывает, — сказал Яблоков.

— Тетка то и делала что убирала, готовила, следила за хозяйством и огородом. А я каждое утро смывался из дому. Ну а когда приходил под вечер — сразу ложился спать... Не могу вспомнить ее голос... Короче, после ее смерти неспокойно в доме стало.

Яблоков отвлекся от дубового комода с мраморной столешницей.

— С тех пор три недели прошло, — произнес Эдик и перешел на шепот. — Вернулась она, Гена, ей-богу!.. Я в приведения не верю, ты же знаешь. Но она стала каждую ночь приходить... Я все проверил! Ты знаешь, сколько лет она тут прожила? Тебе известно, сколько лет этому дому? Это ее родной дом, Гена...

Яблоков несколько мгновений смотрел на обезумевшего друга:

— Ну ты, физик, даешь! — наконец сказал он. — Иди-ка лучше побрейся, причешись, умойся. Гантельки потягай, искупайся. Человеком стань! Посмотри на себя — глаза впали, кожа желтая, руки дрожат... Несет от тебя чем-то... Устройся на работу. У тебя деньги-то есть?

— От сбережений тетки еще немного осталось...

— Работу я тебя подыщу... Есть один вариант. Зарплату высокую не обещаю.

Мякишев обхватил руками голову, закрыл глаза и выдавил:

— Замолчи, Гена! Тихо... Послушай меня!

— Да не собираюсь...

— Послушай!.. После ее смерти в доме каждую ночь, с половины десятого и до одиннадцати вечера, и рано утром — в семь-полседьмого скрипят половицы на первом этаже, там, где ее комната была.

— Тебе показалось.

— Я слышу, как она гремит посудой на кухне. Каждое утро замечаю,

что тарелки по-другому уложены... В прихожей попадаются какие-то вещи, которые я никогда не оставлял да и вообще ни разу не видел. Гена, я все детство прожил с теткой и знаю ее привычки. Она всегда допоздна возилась на кухне. Ложилась где-то в одиннадцать. Вставала ровно в половине седьмого... Это она теперь бродит по дому!..

— Да ты просто рассеянным стал, не замечаешь, где свои вещи оставляешь. А скрип — это сквозняки...

— Сквозняки? — воскликнул Мякишев. — Сквозняки, говоришь? Рассеянный? Пойдем!..

— Куда?

— Идем, идем! — крикнул Мякишев и выбежал из комнаты.

Он сбежал по лестнице на первый этаж и вошел на кухню. Яблоков не спеша спустился следом.

— Вот, — тяжело дыша сказал Мякишев. — Тарелка!

На кухонном столе у раковины стояла большая синяя тарелка.

— Я ее позавчера вечером грязной оставил. Вчера утром — чистая!.. Ложки, вилки, почти всю кухонную утварь берет. Это уже три недели продолжается... И даже после этого я сомневался. Но сегодня...

И Эдик выскочил в прихожую. Он остановился у тумбочки перед зеркалом.

— Я тебе только что говорил о своих финансовых затруднениях, — продолжал Мякишев. — Кто знал о том, что в доме почти нет денег, кроме меня да тетки?

— Да некому, в общем-то... — бормотал Яблоков.

— А теперь смотри! — и Эдик указал на деньги у зеркала. — Тридцать пять долларов! Сегодня утром... Вчера ничего не было. Она помогает мне после смерти, понимаешь, Гена?

Яблоков молчал.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я пойду.

— Куда? — испугался Мякишев.

— Домой. Ты звони, если что.

Яблоков молча закрыл за собой дверь и вышел на улицу...

Через день утром Мякишев позвонил снова. На этот раз его голос был неузнаваем. Он говорил медленно и сдавленно, словно горло зажали в тиски. Это был голос человека, который устал жить.

— Гена, — простонал он. — Я больше не могу... Тихие шаги, такие осторожные, чтобы не разбудить. Скрип половиц. Вот так: раз-раз, раз-раз!.. И потом все замирает. А через минуту из кухни шум. Тихий такой, нежный... А утром снова...

— Ты спал сегодня? — перебил Яблоков.

— Нет. Я как вечером лягу, так и все жду ее... А потом в половине одиннадцатого начинается. Меня в кровать втягивает, я боюсь рукой пошевелить...

— И вчера так же было?

— Было все в точности... Это тетка успокоиться не может. Мне еще на панихиде знак был...

— Выпей валерьянки, возьми себя в руки, я скоро приеду!

Следующую ночь Яблоков решил провести в доме Мякишева. Настроение друга незаметно передалось и ему: он стал замечать за собой легкий мандраж. Эдик показал Яблокову возникший за ночь на диване пиджак покойного дяди и свежие лужицы разлитой воды на кухонном полу. На этот раз Яблоков молча слушал рассуждения Эдика, разглядывая новые доказательства.

Вечером он устроился в широком кресле в гостиной на первом этаже и включил телевизор. Мякишев лег тут же, на диване. Оба не сомкнули глаз до самого рассвета, но никаких скрипов не услышали и приведения не заметили.

Когда рассвело, Яблоков широко зевнул и потянулся в кресле:

— Ну что, может, пожрем чего?..

Позавтракав, он собрался домой.

— Сходил бы на реку Эдик, искупался бы, — посоветовал товарищ перед уходом. — Вода стресс снимает.

— Ты только не подумай, — произнес Мякишев, — что у меня крыша поехала. Я не знаю, почему сегодня она не явилась. Может, и не явится больше, но раньше я не сочинял!

— Брось ты, я и не думал... Хочешь, сегодня еще раз приду?

И пообещав, что вернется, Яблоков пошел спать. Ему теперь все стало ясно. Эдуард с детства отличался чрезмерной мнительностью. Похоже, смерть единственной родственницы наложила отпечаток на его психику. Необходимо было помочь другу и вытащить из этого дома, где ему все напоминало о прошлом.

Как и обещал, Яблоков пришел к Эдику под вечер. Он разлегся на диване в прихожей. Эдик сел рядом, на полу. Тусклые блики уличных фонарей, свет которых проникал через окна, дрожали на липком паркете. Напротив дивана, на котором разлегся Яблоков, располагалась кухня. Дверь слева вела в гостиную, справа находился выход из дома.

Тридцать минут друзья сидели в темноте, не двигаясь. Около один-

надцати послышался шорох по ту сторону входной двери. Мякишев поднял голову и привстал со своего места. Он испуганно глядел на дверь, облокотившись рукой о стену. Это была поза беглеца. Эдик принял такую позу, потому что действительно подумал о бегстве.

Через мгновение в замочной скважине заскрипел ключ, и дверь медленно отворилась. Яблоков вытянулся и уставился на дверь, приоткрыв рот. В прихожей вырос силуэт человека. Он медленно закрыл за собой дверь, затем снял обувь и на ощупь отыскал тапочки. Затем сделал несколько шагов, скинул на диван легкую куртку и вошел в кухню.

В этот момент Яблоков дотянулся до выключателя и зажег свет. Незнакомец выронил из рук тарелку, которую взял со стола. Она разбилась вдребезги.

— Фамилия?! — заорал Яблоков. — Кто такой?!

— Я комнату тут снимаю, — испугался незнакомец, — у Ларисы Ивановны. Квартирант...

— Кто-о-о? — переспросил Яблоков. — Квартирант?!

— Полгода здесь живу, — застонал незнакомец. — А Лариса Ивановна...

— Квартирант! — захохотал Яблоков и рухнул на пол. — Квар-тирант!!! — истерически хохотал он, перекатываясь по полу. — Квартирант!..

Мякишев, недоумевая, выполз из-за дивана.

— Я работаю, — объяснялся бедняга, — жесткий график. Шофер...

— Умерла Лариса Ивановна! — надрывался Яблоков. — У-мер-ла!

— Как? — пролепетал незнакомец. — Когда?

— Три недели тому! — перекатывался Яблоков. — Три недели! Три!!!

Мякишев не двигался. Он смотрел то на незнакомца, то на друга, упавшего на ковер в припадке смеха.

— Водителем на маршруте работаю, — повторял квартирант, — у меня жесткий график...

— Водку! — заливаясь слезами, сопел Яблоков. — Водку неси!.. Чего стоишь, Эдик? Водку и рюмки!.. Сейчас, сюда!.. Тетку твою поминать будем...

10 рассказов об отце

Огурчик

— Скушай соленый огурчик! Ну, пожалуйста, скушай соленый огурчик!

И все это на фоне оперного театра с душераздирающими руладами из тысячи сверкающих окон.

Дался ему этот огурчик, откуда он его хочет достать — из кармана? Нет, из кармана он достает много бумажек, скомканных, надорванных бумажек, и среди них — целая, но тоже скомканная — билет, билет в театр.

— Скушай соленый огурчик, пожалуйста!

— Дался тебе этот огурчик! Где я его должен съесть — здесь или дома?

— Где хочешь! Он вкусный и не очень соленый, малосольный, ты любишь.

— Хорошо, я приду и съем.

— Почему не сейчас?

Честное слово, никакого огурчика я не вижу, хочу, пытаюсь увидеть, но не вижу. Кажется, он сам жует что-то — мороженое?

— Он прибавит тебе аппетит, ты плохо ешь.

Как объяснить ему, что я не хочу быть толстым, мне не поможет соленый огурчик.

— Зачем много есть, папа?

— Чтобы жить! Я хочу, чтобы ты жил!

Я тоже хочу, здесь наши желания совпадают. И тогда мы пойдем, хрустя огурчиками, на балет. И на базар — за огурчиком. Театр дышит черной массой, а из окон — рулады, рулады.

— Как ты достал билет, папа?

— Да, я достал, ты же меня просил, на этот самый, как его... ну там еще ничего не говорят... ну же... я забыл, как это называется!

— Балет, папа.

— А черт его знает, пусть называется как хочет. Директор нашего театра — мой хороший знакомый. Так ты категорически отказываешься съесть?

— Ты издеваешься надо мной, папа?

— Я? Пусть все так издеваются над тобой, я принес тебе билет, ты просил, его невозможно было достать, а ты говоришь, издеваешься!

"Все хорошо, — думаю я. — И море, и бульвар, и вот эти девушки, высекающие из булыжников искры, спускаясь к бульвару, все хорошо".

— Скушай соленый огурчик, пожалуйста, что тебе стоит?

И я ем. На самом деле, как отказать любимому человеку, он принес мне билет на этот... как его... на что и сам не знает, и если он просит о такой мелочи, почему не съесть?

Но, Боже мой, я не помню, я не вижу никакого соленого огурчика, дался ему этот соленый огурчик. Хорошо, я съем.

Голубое утро кувыркается перед театром, или это рябит у меня в глазах море, солнце, все сразу, вместе, или я слишком напряженно вслушиваюсь в заупокойное пение из окон?

— Не понимаю, что ты нашел в этом, как ты его называешь... балете? Могли спокойно посидеть, ты рассказал бы мне про свои дела.

— Я еще успею рассказать тебе, папа.

— Ты всегда говоришь — успею, успею, а я ничего не знаю про тебя.

Ему жарко, он вытирает лысую голову носовым платком.

— Тебе понравился огурчик?

Боже мой, ну конечно же огурчик, я никак не начну его есть, где же он? Такой хрустящий, совсем малосольный.

— Спасибо, папа.

— Правда, вкусный? Меня самого только что угостили. Хочешь, я принесу тебе много, целую банку? Ты будешь есть по утрам. Не каждый же день ты прилетаешь домой.

— А то пойдем со мной на балет, папа?

— Боже упаси! Чего я там не видел? На этот... как его... где поют, я бы еще пошел, а здесь я ничего не понимаю.

— А ты просто смотри, папа.

— На что смотреть? На них жалко смотреть — одни кожа да кости. Что ты смеешься? Старый дурак, да?

— Оба дураки. Что старый, что молодой.

— А то пойдем домой, поговорим...

— Я скушаю соленый огурчик...

— А почему бы и нет? Тебе не понравилось?

Он так тревожно спрашивает, а я не помню, я не помню никакого соленого огурчика, не могу вспомнить, театр, рулады, море, девушки, а огурчика нет, могу поклясться.

— Очень вкусно, спасибо, папа.

— Красивый город, — говорит он и оглядывает свое хозяйство, он живет здесь давно, и весь город, море, порт, театр — его хозяйство. — Правда, красивый? Тебе нравится?

— Я здесь родился, папа.

— Кому ты об этом рассказываешь? — всхлипывает он и тянется за платком, скомканным, не очень свежим носовым платком.

— Пойдем, я провожу тебя, до начала есть еще время, — говорю я, и мы идем, он проходит рядом со мной несколько шагов, а потом мы расстаемся, он никогда не оглядывается, прощаясь, не машет рукой, это я смотрю ему вслед, а он идет быстро-быстро, так быстро, что я, как ни вглядываюсь, как ни вглядываюсь...

Тогда я возвращаюсь к театру, сажусь на скамью и начинаю есть огурчик, вкусный огурчик, совсем малосольный, совсем.

Сикирамотере-трам-та-рам-та

Мне приснился отец. И тут я понял, что все неправильно, что все живы, и первыми догадываются о бессмертии псы, проснувшиеся раньше меня.

— Что ты там поешь, ну-ка, ну-ка!

— А-а-а, ерунда.

— Нет. Ты пой!

Он начал снова:

— Сикирамо...

— Как?!

— Сикирамотере-трам-та-рам-та.

— Как? — хохочу я. — Сикира...

— Сикирамотере-трам-та-рам-та.

Он тоже смеется и одновременно готов обидеться.

— Да ну тебя! Сам заставил.

Он так застенчиво смеется!

— Как это мило! — говорю я. — Научи.

— Не буду.

— Ну, пожалуйста!

— Хорошо, хорошо, только не смей больше смеяться. Сикирамотере-трам-та-рам-та трам-та-рам-та трам-та-рам-та.

— И это все? А дальше?

— Это все.

— Какая длинная песня!

— Меня научила ей твоя бабушка. Она сидела в кресле после удара и все время молчала, а потом я подслушал про сикирамотере.

— И ты не спросил ее, что дальше?

— Нет, она спела только это.

— А ты не спросил, кто научил ее это петь?

— Не приставай, пожалуйста.

— Тогда спой еще раз.

— Не делай меня сумасшедшим.

— Не буду делать. Спой.

И он поет. Странно. Он поет. Я слышу его голос. Он поет, как учила его бабушка: "Сикирамотере-трам-та-рам-та трам-та-рам-та трам-та-рам-та... Сикирамотере-трам-та-рам-та трам-та-рам-та-та...".

И больше я не слышу ничего.

Кто первый?

Скрипит кровать. Это он так готовится. Затаился. Прислушивается к моему дыханию. Нет, улегся. Боится встать. Меня боится. И правильно. Я приехал на каникулы. Даст он мне выспаться хоть один раз? Угомонился, кажется.

Пять утра. И так каждое утро, каждое утро. Комната маленькая. Между раскладушкой и родительской кроватью только стол, квадратный полированный стол. Я могу видеть их кровать из-под стола. Но мне не надо смотреть, я знаю — лежит, думает, прижав костяшки пальцев к губам. Лысая голова на подушке. Мыслитель! Затылком к нему — мама.

Пять десять. Неужели даст доспать? В кои веки я дома. Я до-сы-паю... Скрип. Надо опередить, опередить. Трудно. Силы покинули меня.

Спускается на пол левая его нога, нащупывает тапочек, скоро очередь правой. С ней посложней — не задеть маму. Сейчас, сейчас.

Сейчас он опустит обе ноги — и тогда... Что — тогда? Тогда будет поздно. Он вскакивает проворно, будто проверяет прочность ног, прижимает к глазам будильник. Что же он разглядывает? Двадцать пять шестого. Я определяю не глядя. Боже мой, каждое утро, с ума можно сойти.

Теперь он попытается выйти из комнаты, не задев по пути мебель.

Ему это удается. Но дверь в кухоньку необходимо прикрыть. А она скрипит. Скрипит дверь. Под этот скрип мама и я, мы лежим по-разному. Я — затаясь, она — раздраженно жмурясь. Ей вставать в семь.

Половина шестого. Я должен, должен, не для того я приехал домой, чтобы мой старик... Сейчас, сейчас, еще минуточку, ну, пожалуйста.

Теперь дверь в коридор, она без скрипа, вылезает из петли туалетный крючок, можно еще полежать чуть-чуть, но быть на стреме, быть на стреме! В туалете он не задержится.

Так и есть — застучал по коридору. Теперь — лови. Каждая минута дорога. Тридцать пять шестого.

Я вскакиваю, задеваю виском угол стола. Больно, но некогда. Где брюки, куда он сложил мои брюки? Недовольно вертится мама. Но молчит. Ей вставать в семь.

Что он там делает в коридоре? Почему тишина? Не успею, неужели я не успею, он должен был вернуться за чайником. Да, но какой может быть чайник, если я с вечера не набрал воды? Который час? Еще тридцать минут, еще целых тридцать минут во дворе из крана будет течь вода. Потом ее выключат до вечера, лето, но еще целых тридцать минут мы полуодетые, полусонные выстраиваемся во дворе внизу у крана с пустыми ведрами в руках. Очередь, слава Богу, очередь, конечно же, я успею.

Нахожу брюки, застегиваю сандалии, натягиваю майку. Прохожу мимо спящей мамы, оттуда — в коридор.

Тишина. Какая-то паутинная тишина — с велосипедами на стенах, с паучками в тени коридора.

Сосед-астматик зашелся в кашле, скрипят половицы, шуршит чердак надо мной. Мы на третьем этаже, высоко, черный ход, крутая лестница, над нами только чердак, он всегда шуршит, будто оползает. Кто там — коты?

Надо торопиться — вода в это время идет быстро, бьет струя в ведро, очередь подходит. Я тороплюсь. Застегиваю ширинку, спускаю бачок. Выхожу на кухню взять ведра. Никого. Тишина. Один только чайник собирается начать кипеть.

И стоят два больших жестяных ведра, наполненные до края.

Индийская музыка

Как мы искали эту волну! Вместе. Вырывая приемничек друг у друга. У него не хватало терпения дождаться, пока я найду.

— Дай, я сам!

— Возьми себя в руки, папа.

— Дай сюда. Мама права — ты ничего не умеешь!

И не находил. Кидался по шкале из стороны в сторону и не находил.

— Где она есть?

— Папа, дай мне.

— Ну на, на.

А потом сидел рядом, сложив руки на коленях, и ждал.

— Конечно, ты же умней меня!

— Не торопи, папа. Возможно, у них перерыв.

— Перерыв?!

Этого он не мог перенести. Они должны были петь, они должны были петь для него, и петь тоненькими, почти девичьими умилительными голосами: "Мульмулькинадек мульмульки мульмулькинадек мульмульки а-а-а-а-а-а".

И тогда он расцветал, глаза его светились, он был доволен, представляете, доволен, спокоен, представляете, спокоен!

Вот что с ним делала индийская музыка!

Рукой он вертел в воздухе, как куколкой, в разные стороны, куколка танцевала, куколка подпевала той, что по радио.

Хвала тебе, индийская музыка, негромкая, нежная индийская музыка, несколько мгновений покоя, звучи, звучи.

Мы сидим и слушаем индийскую музыку, а потом приходит мама и говорит, что мы бездельники.

Ты мне не сын

Он улыбается ей, улыбается, а потом, когда мы отходим...

— Ты что, в самом деле вздумал это сделать?

— Что?

— Жениться!

— Конечно, папа.

— Ты негодяй! В кого ты такой негодяй? Мы с мамой порядочные люди. Ты ее видел?

— Кого?

— Ну эту девочку, на которой собираешься жениться?

— Что ты говоришь, папа? Мы только что...

— А если видел, то как ты мог? Она ребенок, посмотри, какой она ребенок, ей можно дать десять лет. Сколько ей лет?

— Девятнадцать.

— Не может быть, ей не больше четырнадцати, тебя обманули. Ты посмотри на нее, она крохотулька, совсем крошечка, вот такая...

Он показал — размером с ноготок.

— Что ты будешь делать с ней? То же, что со всеми твоими бабами? Как ты будешь смотреть этому детенышу в глаза, ты видел ее глаза?

— Что ты хочешь, папа?

— Я хочу, чтобы ты взял свое предложение назад. Если ты, конечно,

не законченный мерзавец. Если ты этого не сделаешь, знай, я тебя проклятую, ты мне больше не сын, слышишь, ты мне больше не сын!

Я сделал это. Мы поженились. Он привык, хотя и смотрел на нее с состраданием. Через несколько лет я полюбил другую.

— Что, ты хочешь опять жениться? Тебе мало одной трагедии, нужно еще?

— Я люблю ее, папа.

— Ты всех любишь, ты у нас уродился таким любвеобильным, никак не пойму, в кого ты уродился? Ты понимаешь, что изуродовал жизнь человеку, понимаешь?

— Понимаю.

— А теперь ты лезешь в петлю, ты ее видел? Ты ее хорошо рассмотрел?

— Кого?

— Твою новую. Ты видел, что она красавица?

— Тебе правда понравилась?

— Мне — не страшно. Она всем понравится — вот что страшно. И тогда тебе — конец, с ней не пройдут те номера, что с этой. Ты видел, какие у нее глаза?

— Конечно, папа.

— Это с ума можно сойти! И тебе этого мало? Если ты женишься на ней, знай, я тебя прокляну, если ты женишься, мама пришлет на свадьбу телеграмму о моей смерти. Если ты женишься, ты мне больше не сын.

С той, второй, мы прожили больше двадцати лет. И счастливо.

Родили двух детей и разошлись. Отец умер. Я собираюсь жениться снова. Хорошо, я — не сын тебе, папа. Только живи.

После драки

Я всегда буду помнить, как мы бежали. Нет, сначала мы, конечно, победили, но потом бежали. О, как мы бежали по пустырям, мимо освещенных дач, вверх — вниз, вверх — вниз. Мы бежали, хотя за нами и не гнался никто. Но мы бежали, и я слышу разрывы его дыхания внутри.

Он молчит, только держит меня за руку и тянет за собой все быстрей, быстрей.

Мы бежали на дачу. Только что уехали оттуда и вот уже возвращаемся, даже бежим. Он — недовольный собой, я — торжествующий.

Я не помню, что хорошего он сделал, но что-то очень-очень хорошее. Если его спросить, он тоже не вспомнит, пусть знают враги, он — ураган, мой папа, его нельзя дразнить, иначе он сорвется, и тогда...

— Как ты его, папа? — говорю, заглядывая ему в лицо. — Пусть не задирается к старым людям, правда? Так ему и надо, правда?

Он молчит, не отвечает, мы бежим все быстрей, быстрей, пока не прибегаем на дачу, где нас, конечно же, не ждут, только отчаянно всплескивают руками и помогают ему снять порванную рубаху, под которой я вижу его кровь и еще чью-то.

В потемках

— Что?!

В темноте что-то рухнуло. Он стоит посреди комнаты и смотрит невидящими глазами. Такое с ним впервые, есть надежда, что это он со сна.

— Тебе что-то приснилось?

Он дрожит, озирается то на луну, то на лампу.

— Тебе что-то приснилось?

Он делает движение, должное что-то объяснить и вернуть в прежнее состояние, но почему-то не получается. Кто его напугал? Начинаю искать и не нахожу.

— Что тебя напугало?

— Сядь рядом, — просит он. И я сажусь.

— Я тебя разбудил? — спрашивает он.

— Ничего.

— Нет, я тебя разбудил, мне, наверное, что-то приснилось. Мне никогда ничего не снится. Когда ты улетаешь?

— Не скоро, папа.

— Это хорошо, — говорит он. — Спасибо тебе.

И целует мою руку.

Это так неожиданно неловко, что я отвечаю тем же. Мы сидим на даче посреди веранды и целуем друг другу руки.

— Ладно, спи. Тебе надо поспать, ты устал.

— Мне уже надоело отдыхать, папа.

— Ты должен хорошо отдохнуть у меня, — говорит он. — На всю жизнь. Чтобы я был спокоен. Ложись.

И мы ложимся. Я гашу свет, но еще долго не сплю, прислушиваясь к его дыханию. Он засыпает сразу, а я долго еще не сплю, до самого рассвета, а я еще долго лежу даже после его ухода, а я еще долго лежу с открытыми глазами и боюсь встать, чтобы не огорчить его.

Болезнь

— Да, он стал гораздо хуже.

— А? — растерянно. И вертит головой.

— Хуже? Он просто ничего не понимает. Один Бог знает, как я с ним измучилась за это время.

— А? — хочет что-то сказать, но не получается. И вертит головой.

— Ничего, ничего, пока он будет в больнице, вы отдохнете.

— Я за ним каждый вечер кал выносила!

Плачет, а потом кричит на него: "Что ты смотришь, что ты смотришь, старый дурень?".

— А? — совсем уже растерянно не то им, не то ей.

— Не надо на него кричать, не волнуйте его. Видите, он волнуется. Сейчас, мой дорогой, мы пойдем с вами вниз...

— А?

— Посидим на скамейке, приедет машина, и мы поедем в больницу, вас должны посмотреть врачи, хорошие врачи.

— А?

— Зачем вы ему объясняете? Видите, он совсем ничего не понимает.

— Ничего, ничего.

Перед тем как выйти из комнаты, попытался ухватиться за дверной косяк, но его слегка подтолкнули сзади.

— Ничего, ничего.

И только внизу на скамейке, когда один из провожающих сказал: "Потерпите, скоро сын ваш приедет", — он повернул голову и внятно спросил:

— Когда?

Призрак

Отец наш Шекспир с чемоданом, и все с тех пор у меня с чемоданами. И совсем не страшно. Да, да, совсем не страшно. Я опоздал из Геттингена.

"У-у-у", — завывает ветер, и где-то на крыше мы оба, высоко, срываемые ураганным ветром. Только он еще почему-то с чемоданом, а я нет.

Ветер свирепый, слов не слышно, да и не умеет он говорить стихами, вообще не умеет говорить. Так что перевод не нужен. Он только хочет сказать, но не умеет и улыбается застенчиво.

Что он таскает в этом проклятом чемодане, у него никогда ничего своего не было, откуда взялся этот чемодан?

Я протягиваю руку, ветер отбрасывает меня к самому краю. Но он не помогает мне подняться, он улыбается и думает: "Он так играет". Обо мне. Это он привык думать так обо мне.

И ни одной звезды на небе, как сказал бы старик наш Шекспир, если бы умел говорить. Но он сидит на чемодане, маленький, лысый, чем-то ужасно довольный, и вытирает лысину платком, совсем не страшный, такой же.

Ночь. Мрак. Молнии драконят небо. Аплодисменты.

Без названия

Я, как ныряльщик, набрал воздуху — и на дно, вынырнул уже, а дышать боюсь. Такая натура.

— Что ты там видел? — спрашивают меня. А как ответишь с закрытым ртом? А если бы даже и открыли, ничего не скажу. Под пыткой. Потому что я такое видел, такое...

Ах, мои славные, зачем вам оно? Вещественности никакой, подтвердить не сумею. И не стану. Это моя жизнь. Блеск помню и звучание. Не музыку, а звучание. Ласковое и дерзкое. А больше ничего. Ни одного лица. Если только отцовское. Да и то в профиль. Это я вам уже слишком много рассказал. А больше там ничего нет. Даже течения.

Одно беспокойство — не поджидает ли там меня кто? А если поджидает, почему я его не вижу? Почему не удерживает оно меня поговорить? Ведь там поговорить не с кем! И я к нему, одинокому, спускаюсь и спускаюсь. О Господи, Боже мой, живи долго! Господи, переживи нас всех.

Дуня ЕЛЕНСКАЯ

Страсти-мордасти

Семен рос послушным черноглазым мальчиком. Ничем особенным среди сверстников не выделялся. По вечерам гонял мячи на стадионе. Лазал по пожарной лестнице на крышу старой пятиэтажки, бывшего доходного дома купца первой гильдии Корытова, во времена детства Семена — общежития № 2 завода "Красный резинщик", сейчас — здания товарно-сырьевой биржи.

Когда в семье в очередной раз заканчивались деньги, Семен устраивался на почту разносить газеты. Мама ругала его за это, но деньги принимала с благодарностью. Им вдвоем не всегда удавалось дотянуть до получки без долгов.

Мама Семена работала в оперном театре актрисой миманса. Когда-то давно, после окончания театрального, все ей прочили блестящую карьеру, но что-то не сложилось, потом беременность и... Впрочем, мама совсем не унывала по этому поводу, и даже Семена изредка пристраивала подработать в больших сложнопостановочных спектаклях, в общих сценах дети смотрелись неплохо.

Потом, возвращаясь домой после премьеры, они весело обсуждали бельканто примадонны или плохую игру нового тенора. Мама в каждом представлении видела свой шаг к будущему, тщательно выстраивала внутренние монологи и свято верила, что не бывает маленьких ролей, есть только маленькие артисты. Это ничего, что актеры миманса — просто толпа. Даже в толпе есть место настоящему искусству.

— Ты заметил, как на меня смотрел из третьего ряда режиссер С...кий? Он сейчас ставит новый фильм, вот увидишь, он обязательно меня пригласит, — восторженно говорила она Семену.

Семен никогда ей не возражал. И она, блаженно улыбаясь, целовала его в кучерявую голову.

Шли годы.

После отличного окончания автодорожного института Семена распределили на обувную фабрику имени товарища Че Гевары, и он как молодой специалист широкого профиля разрабатывал новые подъездные пути к фабрике, а заодно и современные формы коробок для обуви. Одновременно он накропал кандидатскую диссертацию на тему: "Амортизация ботинок отечественного производства в условиях среднеевропейского климата на дорогах с покрытием типа асфальт".

Мама постарела, но сцены не оставляла. Наоборот, с годами, когда ее фигура совсем уже достигла рубенсовских идеалов, ее стали часто приглашать сниматься в модную нынче рекламу.

Семен пропустил мимо перестройку, раннее зарождение капитализма и периодическое знакомство с девушками. Ему было некогда, он корпел над докторской на тему: "Протекторы как альтернатива каблуку и платформе".

Очнулся он только, когда фабрику купил некий иностранный инвестор и его вежливо, но настойчиво попросили освободить занимаемый кабинет в течение трех дней.

Молодой никому не нужный доктор технических наук страдал от невостребованности недолго. Его потребовало родное государство, призвав на переподготовку в армию. Вернувшись после месяца лагерей подтянутым, загорелым и очень голодным, Семен тут же попал в поле зрения авторитетного модельного агентства "Проблемы минус". Рейтинг молодого ученого, рекламирующего исподнее белье нижнетагильской ситцевой фабрики, стремительно рос. Ролики с его участием непременно находились на верхних ступеньках отечественных опросов общественного мнения. Девицы начали писать ему письма. Но в личной жизни Семен оставался аскетом и маменькиным сынком.

Кто знает, как долго продолжалась бы трогательная мамина опека, если бы случай не свел его с ней.

Стояло жаркое сухое лето. Та часть золотой молодежи, которая еще не фьорды, потянулась на дачи. Семена на дачу пригласил его новый товарищ по работе, менеджер по связям с общественностью Тенгиз.

Толпа модников бестолково тусовалась у свежевыстроенного мангала и пыталась готовить барбекю (в простонародьи шашлык, у гурманов — шашлык по-карски). Дача, принадлежавшая непонятно кому, вся была заполнена флиртующими девицами, молодящимися фавнами отечественного пошиба и случайными людьми всех возрастов и профессий. К моменту прибытия наших героев на даче собралось человек двадцать, шныряющих туда-сюда и создающих страшную суматоху и неразбериху. Командовать парадом явно было некому. Эту нелегкую задачу взвалил на себя Тенгиз, он повязал фартуком узкие бедра и бодро раздавал команды направо и налево. Семен остался наедине с самим собой.

Послонявшись минут двадцать перед домом и безуспешно пытаясь с кем-то заговорить, Семен решил удалиться в сад. Обогнув дом с западной стороны, он оказался против солнца, и не сразу понял, что перед ним происходит. Старый разлапистый сад весь подрагивал ветками, и солнеч-

ные пятна беспечно играли и хаотично перемещались на траве, создавая мозаику Мане. В середине сада невесомо лежала в воздухе женщина. До того момента, пока она не начала двигаться, Семен не заметил, что она устроилась в гамаке, а пораженный этой неземной невесомостью, не смог ступить дальне ни шагу.

Возле женщины копошилось двое детей. Она полусонными кошачьими движеньями отбивалась от детских непосредственных атак. При этом огромная шляпа-панама на ее голове сбилась на бок, и прядь огненно-рыжих волос то падала ей на глаза, то отлетала в сторону. Бесстыжее декольте не прикрывало ее небольшой груди, и вишневые соски вызывающе вырывались наружу при неосторожных наклонах. Женщина похохатывала низким альтом, и, руки запрокинув за голову, неожиданно вытянулась, выгнулась, словно отличный супинатор.

Семен стоял оглушенный. Впервые в жизни он увидел самку во всей ее красоте. В нем резко проснулись давно дремавшие инстинкты. Ему немедленно захотелось распластать это длинное гибкое тело, мять, жать, покусывать и не расставаться с ним часов двенадцать подряд. Он даже немного испугался таким непривычным для себя мыслям.

Женщина тем временем опустила с гамака ногу и стала поигрывать носком туфли в траве. Дети бросали на этот жеманный носок мячик, и она вызывающе его откидывала куда подальше, нахально уставившись прямо Семену в лицо.

От этого пристального взгляда синих глазуновских глаз Семен побледнел необычайно, весь промок под мышками и окончательно смутился. Ему захотелось сбежать отсюда немедленно. привкус нехорошей истории густым ароматом заполнял воздух.

Вдруг женщина мастерским ударом послала детский резиновый мячик прямо ему в причинное место, и он неуклюже словил этот комочек послания и, нелепо согнувшись, застыл на месте.

— Что же вы стоите, как истукан? Пасуйте! — донеслось из глубины сада.

— Куда? — глупо улыбнулся Семен.

— Мне, — слегка капризно произнесла нимфа и поманила его пальчиком.

— Сейчас, сейчас, — засуетился герой подиумов и со всей дури лупанул по мячу.

Мяч, не привыкший к грубому мужскому ботинку, съежившись, улетел за забор дачи. Дети с веселым визгом отправились на его поиски.

— Вы такой неловкий, — разочарованно пожала плечами женщина.

— Ну, что вы, — промямлил в оправдание Семен и посмел приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки.

— Степанида Антоновна, — представилась дама и протянула ему под нос свою загоревшую ручку. Семен боком, боком припал к длинным пальцам, но дама тут же ручку одернула.

— Помогите мне подняться, — повелела.

Семен, как мог, помог. Женщина оказалась немного выше его. Семен был роста 1 м 89 см. Посмотрев на него свысока, дама томно взмахнула крыльями своего полупрозрачного одеяния и медленно пошла к дому. За ней неуловимым шлейфом катился аромат восточных приторных духов. Семен послушно и обречено поплелся сзади. Отстать от нее хоть на минуту для него казалось кощунством.

Подгоревшее барбекю источало душераздирающие запахи, от них обильно катилась слюна, и хотелось немедленно выпить сухого вина. Под чутким руководством Тенгиза остатки мяса удалось спасти, и сейчас, щедро посыпав их зеленью и гранатом, Тенгиз сооружал блюдо невиданной красоты и аппетитности. Стол накрывали на улице у крыльца. Многообещающие девушки, покачивая округлостями своих тел, дружно дорезали салаты, пара вездесущих голубков-неразлучников грациозно расставляла тарелки, а самые нетерпеливые из мужчин уже врезались штопорами в упругую мякоть пробок.

Семен ничего не видел и не ощущал. Перед ним маячило только плечо в веснушках. Это острое плечо иногда подрагивало и то приподнималось, то опускалось, и тогда покачивалась земля.

— Перестаньте пялиться и дышать мне в затылок, — не оборачиваясь, произнесла Степанида Антоновна, — вот возьмите, — она нащупала его ладонь и сунула в нее визитку, — позвоните мне завтра вечером.

Маленький кусочек картона врезался Семену в руку. Непонятно, где дама хранила эти кусочки, — ни сумочки, ни кошелька у нее не наблюдалось.

Во время последующего застолья Семен безбожно напился, поскольку Степанида Антоновна, взяв за руки вернувшихся детей, ушла в неизвестном направлении. Рядом с ней ушел невзрачный серый мужчинка с нешироким лбом и выдающимися скулами.

На обратном пути Тенгиз смачно ругал Семена нехорошими словами. Семен со всем соглашался, только иногда выглядывал в окно мелко трясущегося по нашим дорогам "Порше" доисторического года выпуска и мутно глядел на удаляющийся дачный поселок.

Мама заметила неладное сразу. Она колобочком подкатилась к сыну, и, взяв пухлыми ручками его голову, внимательно заглянула в глаза. Обычно мальчик после такой ласки весь расслаблялся и глядел на нее

преданно и нежно, но сегодня он резко брыканулся, вырвался и повалился на старый диван. Мама поняла, что меры принимать необходимо немедленно и неукоснительно. Но какие, собственно, меры — она не знала.

— Кто она? — с хорошо поставленным надрывом спросила мама.

— Не знаю, — честно ответил сын.

— Не сдавайся, — патетично продолжила мать.

— Не буду, — пообещал Семен и заснул, аки младенец.

Из его сжатого кулака нелепо торчал кусочек бумажки, но как ни старалась мать достать его, ей это не удалось.

События дальше развивались стремительно. После вечернего звонка Степанида Антоновна пригласила Семена в гости. Он готовился более тщательно, чем к последней съемке. Визажист агентства "Проблемы минус" Гвоздиков даже одолжил ему свой галстук неотразимой расцветки с Мерилин Монро, забриолинил волосы до безукоризненной степени и выбрил до неприличной синевы щеки. Трехдневная щетина выходит из моды, — мурлыкая, напоследок объяснил Гвоздиков.

Во всеоружии, с букетом гладиолусов наперевес Семен отправился на первое свидание. Степанида Антоновна жила у черта на куличках. Ехать пришлось долго. Поднявшись по грязной лестнице на пятнадцатый этаж — лифт не работал, — Семен с облегчением нажал на кнопку звонка. Ему открыл низкорослый доходяга — дачный спутник Степаниды, он с огромными чемоданами выходил вон. Обменявшись с Семеном рукопожатием, доходяга уточнил:

— Новый коллега по работе?

— Да, — неуверенно пробормотал сбитый с толку "коллега".

— Удачно провести время, — пожелал уходящий и погрохотал вниз по лестнице.

Степанида Антоновна смущенно ждала Семена в темной прихожей.

— Неожиданно вернулся, а ведь уезжает навсегда. Вы проходите, проходите, не обращайте внимания.

Семен церемонно вручил ей немного подвявшие цветы, и она расплылась вся в коралловой улыбке.

— Как мило, как романтично, мужчины сейчас почти не дарят цветов, — и чмокнула его в щеку.

Тут же был забыт непонятный доходяга, и, настроившись на любовный лад, мужчина потянулся руками к женщине. Дотянуться ему не удалось, дети выбежали из комнаты и прожогом промелькнули мимо них. Хлопнула входная дверь.

— Что же мы в коридоре? — спохватилась Степанида Антоновна. — Пойдемте в кухню.

Семен слегка огляделся вокруг. Маленькая двухкомнатная квартира напоминала сарай после пролетевшего урагана. Ободранные обои клоками свисали со стен, полуразбитое бра, висевшее возле треснутого зеркала, плохо освещало прихожую, везде валялись обломки стульев, клочки газет и поломанные детские игрушки. Степанида Антоновна, завернутая в шелковое полинезийское сари, диковинной птицей скользила мимо.

На кухне в мойке застыла гора немытой посуды, везде — на столе, на холодильнике, на табуретках — расплывались жирные пятна, валялись крошки хлеба и остатки еды. Тараканы вольготно ползали по стенам. Степанида Антоновна зажгла плиту и предложила:

— Чай, кофе?

— Кофе, — неуверенно произнес Семен.

Степанида тем временем пристраивала гладиолусы в трехлитровой банке.

— Расскажите мне о себе, — предложила.

— Что тут рассказывать, я вас хочу... — с ходу решился он, не понимая, отчего вид грязной квартиры приводит его в такое неистовое возбуждение.

— Вы понимаете, у меня есть некоторые проблемы, — проворковала Степанида Антоновна, — как бы вам лучше объяснить? — последовала продолжительная пауза. — Прежде, чем завести роман, а женщина я строгих правил, и встречаюся только по любви, и только с одним. Мне необходимо узнать, какие у вас ягодицы.

— Что? — не понял Семен.

— Ну, — потупила глаза дива, — какой формы у вас попа.

Последнее слово она произнесла полушепотом, вся зардевшись.

— И это все? — не поверил Семен.

— Да, это очень важно, это главное. Если мне не понравится, давайте забудем о нашем знакомстве.

— А если понравится?

— Приспустите штаны, станьте на табурет и повернитесь ко мне спиной, — в ответ скомандовала она.

Рассматривание длилось унизительно долго, кофе сбежал и булькал на плите. Оказывается, Степанида наслаждалась увиденной картиной.

— О, это то, что я так давно безуспешно искала, — наконец-то донеслось до него снизу, пройдемте в спальню.

На смятых, давно не менянных простынях Семен познал ее упругое лоно. Познание длилось до прихода детей, которые сквозь плохо закры-

тую дверь настойчиво потребовали ужинать. Узкое, длинное и гибкое тело Степаниды соскользнуло с кровати ровно на пять минут для указания детям направления, в котором находится холодильник. Дальше познание длилось до утра. Не подозревавший в себе столь затаенной силы Семен ушел от нее полностью опустошенный.

Все смешалось в голове у бедного доктора технических наук, он любил ее, она любила его ягодицы.

Визиты, однако, он оставить не мог, и поэтому, загодя запасясь килограммом сосисок или пачкой пельменей для детей, тащился через весь город к ней. Степанида встречала его, шлифуя ногти, и все продолжалось, как в первый раз. Любовники почти не разговаривали друг с другом. Днем Степанида спала, чтобы ночью насладиться в полной мере своей новой страстью. В редких перерывах между ласками Семен мыл посуду, стирал белье, клеил обои и чувствовал полную ответственность за невыученные уроки детей.

Мама жутко нервничала, а на работе сначала дружно обрадовались его новому образу с блестящими неумным светом глазами, но после опомнились и запереживали. Семен терял вес, выглядел уставшим, сонным, постаревшим и помятым.

— Эта женщина высосет из тебя все соки, — сокрушалась мама, насыпая в тарелку макароны по-флотски с горкой.

— Нет, ты не права, — отрицал сын, и, забрав из кастрюли остатки макарон, уходил в темноту.

Незаметно пролетело три месяца. В один из вечеров Семен крепко задумался: а что же дальше? В момент его тяжких раздумий Степанида изучала изрядно похудевший и потерявший былые упругие очертания зад нашего героя.

— Ты знаешь, Сеня, — проворковала дива, — нам, наверное, пора расставаться.

Семен возражать не стал. Натянув штаны и застегнув пояс на последнюю дырку, он забрал Степанидиных детей и ушел жить к маме. Навстречу ему по лестнице поднимался высокий спортсмен, под тесной рубашкой которого весело подпрыгивали бицепсы.

Лена КУТИНОВА

Кулобок

1.

Я работаю в магазине "Чтиво" и люблю обжевывать мозгом страницы, как иные любят обкусывать кожу вокруг ногтей. Мы продаем детективы, мыльную дребедень, словари, газеты и все в таком роде. Под настоящую литературу в нашем магазине отведено четыре полки, которые, благо, регулярно пополняются, и у меня есть возможность скрашивать рабочие часы минутами интеллектуального наслаждения.

В один из особенно жарких дней, когда по скорбной случайности я трудилась на смене одна, и, спасаясь от зноя, массажировала губы кусочком льда, в пустом салоне раздался грохот. Я оторвалась от статьи про неандертальцев и с ужасом заметила на витрине с беллетристикой огромное туловище, увенчанное испуганной головой. Желтое монголоидное лицо, драпированное чайными раскосыми смотрелками было втиснуто в черное каре. Геометрически сложные губы, вмонтированные в лицо с опозданием, будто прикрывали прожженную сигаретой дырочку. Тучное страшилище женского пола лежа ковыряло в большом некрасивом ухе. Я распахнула рот, и брань поперла сама собой:

— А ну вставай! Чего распласталась? Тухесом своим не верти, а то еще что-нибудь сломаешь! Вот корова! Надо же, витрину кокнула и лежит!

От собственной грубости горчило во рту. Толстуха встала и забубнила:

— Это случайно. Равновесия не выдержала — и вот...

— Ты не на улице,— ощерилась я,— это денег стоит. Деньги у тебя есть?

Денег у нее, без всяких сомнений, не было. Я вдруг расплакалась, и, не в силах вынести позора, умчалась в подсобку.

Однажды мне довелось уронить горсть мелочи в чашку с директрисиным бульоном. Подслеповатая Рада Ираклиевна сломала передний зуб о пятикопеечную монету и вычла из моего сердца сто гривень на визит к стоматологу. С этого момента я очень нервничаю на работе. Но начальству звонить было необходимо, и, преодолевая дрожь в пальцах, я сняла трубку: "Алло, Рада Ираклиевна, это Женя. Да, из магазина. Здесь витрина вдребезги. Не я. Кретинка какая-то. Вы бы не могли просчитать по инвентарной смете? Рада Ираклиевна, я не специально на свою смену эти случаи притягиваю. Она же сама... Не надо высчитывать, у меня и так

зарплата...". Пока меня распекала начальница, наглая чукчеобразная раскоряка дернула вон, сбив по пакостной закономерности еще одну витрину. Я чуть не лопнула от ненависти к себе. Только законченная идиотка могла оставить эту великаншу в одиночестве. Любой бы сбежал на ее месте.

Рабочий день подошел к концу. Заперев магазин, я потащилась домой. Неудачный брак железобетона с ландшафтом был щедро расцвечен предвечерним солнцем. Обогнув стоянку, где ржавели грузовики с противными стариковскими мордами, я оказалась во дворе. Суетливые ручки соседки-челночницы упаковывали в багажник здоровенную сумку. В памяти неожиданно всплыло дурацкое объявление из газеты: "Люблю животных. Если вы часто путешествуете, я с удовольствием буду за ними присматривать. Взамен прошу дружбу и понимание".

— Женечка, можно вас на минуточку, — обратилась ко мне соседка, — Вы не посидите с ребенком?

— Конечно посижу, — милостиво согласилась я, втайне взбесившись. Ну кто мешал отказаться? Своих забот под завязку!

— Вы погуляйте с ним, а она вот-вот будет, совсем недолго. Очень вам благодарна, Женечка, время поджимает...

Она на мгновенье застыла, будто отыскивала в голове файл вежливости, в котором хранились подходящие к такому случаю улыбки, еще раз поспешно поблагодарила, завелась со второго раза и скрылась за аркой.

Устимка ковырялся в большой луже, пытаясь утопить желтый мячик. Растирая по щекам жирную грязь, он уперся в меня бирюзовыми глазками и зажурчал стихийным постмодерном: "Пошов кулобок гуять с гъязной писькой, а водитька его утонала".

Мне представилось, как Устимка пробежится в своих говнодавчиках по моему голубому ковру, шлепнется на новое велюровое кресло и станет вытирать об него локти.

С трудом подавляя тошноту, я попыталась воздействовать:

— Не талапайся в луже, смотри, какой уже грязный!

Устимка нахмурился и промолчал.

— Что мне с тобой делать? Может сбегать домой бросить сумку, а ты один побудешь?

— Да, — сказал Устимка.

Преодолевая тревожные спазмы души, я внушала себе разумную безответственность. Ну что с этим крокодиленком станется? Брошу сумку, наспех перекушу — и вниз (я на седьмом этаже живу). Не волочь же его домой, в самом деле.

— Идем со мной, — не очень уверенно попыталась я.

— Я гуяю, сама иди!

— Мама тебя одного оставляет?

— Да — соврал Устимка и отвернулся.

— Никуда не пойдешь? — Устимка замотал головой.

Ландшафт стухал от вечернего расставания с солнцем. Если бы я умела предвидеть будущее, хотя бы на несколько мгновений вперед, то преспокойненько бы поднялась по лестнице, но увы — я вошла в лифт. И в тот самый момент, когда двери кабины сдвинулись, во всем районе погас свет.

Я казалась себе матрешкой. Во мне колотилась обжигающая тревога, я колотила в безнадежно парализованные двери лифта. Лифт раскачивался от моего напора. А дом невозмутимо замер под сумеречными облаками и ничем не обнажал беспокойства, таящегося в самом сердце его кирпичного организма.

Электричество запустили спустя несколько часов. К тому времени Устимки во дворе не было.

До самого утра я пыталась успокоиться надеждой на то, что няня поспела вовремя и, выловив из лужи, увела его куда-нибудь за собой.

2.

Я на базаре работаю. У меня в подчинении два овощных ряда, контейнер с крупами и престижный лоток с цитрусом, фиником и подобным тому фельдиперцем. У меня авокада дешевле, чем в Африке! Эту хрень, конечно, не всякий клиент берет. Я, например, люблю обыкновенную абрикоску. А престиж — это для рекламы.

Жизнь, к сожалению, не математика. В ней ошибок даже достаточней правил. Вот, к примеру, шел я себе с базара. Рыбки купил вяленой с тортиком. Хотя, конечно не купил, а со своими ребятами договорился, у нас на базаре свои калькуляции. Короче, шел себе домой. Вижу — пацаненок в желтом костюмчике в ногах плещется. Вроде как попрошайка. Такой мелкий, едва ходить наумелся, а уже нищий. И с дороги, что главное, не сходит. Жалко, думаю. Надо булку, что ли, ему купить, а то не отцепится. Их этому делу в пеленках еще натаскивают.

— Ладно — говорю. — Как зовут?

— Устимка — отвечает.

"Где я его видел?" — думаю. Что-то мыка знакомая. Аж в пузе запекло.

— Где я тебя видел? — спрашиваю.

А он так конкретно и выдает:

— Ты в моем доме зывешь.

— Надькин сын, что ли? Которая на промрынок штаны-юбки возит?

— Мама в Тутию за товаом поехава, — серьезно сообщил пацан.

— Ух ты ё. Что ж ты сам, такой грязный здесь делаешь?

— Я гуяю.

Глянул я туда-сюда по сторонам — и точно — сам гуляет. Да и какой родитель такую неопрятность в дите допустит? Ну и повезло ему, думаю. Потерялся соседыш и на меня выскочил. Взрослому тут недалеко, а для дитя — смертельное расстояние.

И тут подходит этот еж киношный. В клешиках, с бородочкой, лохматый, как буратино. Я вообще таких не очень-то понимаю. И вежливенько так, давай знакомиться. Я, типа, ассистент режиссера, мы там муйню какую-то снимаем, тыры-пыры. Разрешите представиться — Толик Семенов. Очень приятно, говорю, — Миха.

"А молодого человека как называют?" — заслюнявил Толик и потянулся к Устимке. Тот сказал. И Толик начал его умасливать: "Хочешь сняться в рекламе, Устимка?".

"Хочу", — обрадовался детеныш, слабо понимая, на что соглашается.

— Это мой сосед, — вмешался я. — Он заблудился, и мы идем домой.

— Минуточку, Михаил, вы коньяк пьете?

Сам не знаю, как он меня развел. Наверное, это у них профессиональное. Мы зашли в бодегу. Он взял бутылку "Десны" и пирожное для Устимки. Оказалось, что неподалеку расположилась съемочная группа, в которой Толик ишачил ассистентом. Что именно рекламировал будущий ролик, я так и не спросил. Главным было то, что заказчику приспичился ангелочек. Мамаша малолетки, утвержденного на роль купидона, не удовлетворилась гонораром, обиделась и с типажом подмышкой укатила. Съемочный день у киношников был оплачен. Все, как у них водится — режиссер в бешенстве, помощники в запарке. Толик посеменил накатить сотку, чтобы расслабить нервы, и напоролся на нас с Устимкой.

Устимку отмыли и прикошачили к его голове нимб. Толик пообещал, что съемка займет не больше часа.

Уже стемнело, когда Устимку одели в крылья из куриных перьев. Я выполз на улицу — в павильоне воняло кислым. Купил пива, хлопнул еще двести пятьдесят, сел покурить в каком-то парке или хрен его знает где. Слышу — орет кто-то как недопиленный. Смотрю — несется Шима, бары-

га один, нас типок с базара перезнакомил. Клиент — чистый клоун. Коноплю в заброшенном детсадике растить выдумал. С агрономией у него четко — говно для подкормки, лунный календарь. Шала опупенная получается — стандарт на шестерых, и по цене сходно. Тот садик четыре года назад выселили — он раньше сталепрокатному заводу принадлежал. В нем детей металлургов дрессировали. Завод обанкротился, рабочих пораспускали, а садик бесхозно рушится. Вот у Шимы там и плантарь в клумбах.

Несется тот Шима, зеленый, шо помидора, глаза на выверте — и ко мне. Честь отдал и муть какую-то чешет: "Здравия желаю, Георгий Константинович. Мне дедушка про вас рассказывал". "Але, пацан, — говорю, — ты что же, меня не помнишь?"

Зрачки, вижу, огромные, рожа безмозглая, обштырился, видно, дружбан до присмерти. Я и сам уже пьяный, еле на ногах вращаюсь — цирк, в общем, гуманитарный. Клемануло, короче, и дал я ему в дыню. А он, что б вы думали? "Спасибо вам, — говорит, — за все человечество!" И раскланиваясь умелся. "Во дурак, — думаю, — что с братвой наркота делает!"

Потом я еще водки взял... А про соседа злосчастного только к утру вспомнил.

3.

С возраста, едва затронутого брожениями юности, меня влекла история. Неуклонно проваливаясь на вступительных экзаменах, я решил последнюю попытку подстраховать контрактом. Долгие блуждания в поисках работы привели меня к ослепительно гнусной карьере драг-дилера.

Через неделю я стану студентом платного факультета.

В предвкушении собеседования я впился в книги. Запоминание продвигалось трудно. Пришлось воспользоваться собственными услугами и использовать метапарконтин — новейший стимулятор интеллектуальной деятельности в таблетках. Уже через полчаса меня терзали мучительные сожаления. В животе медленно назревала тяжесть, а тошнотворная духота стен буквально выдавила меня на воздух.

Пространство размякло. Уличный шум затвердел. Дома обступили меня и стали изгибаться собачьими вывихами. Все нормальные люди куда-то поделись, а вместо них заходили злобные выдры с железными рожами. Я обнял дерево, не успевшее вовремя отскочить, и сблеванул. Изо рта,

вместо того, чем обычно тошнит людей, изрыгнулся бес. Глаза в его козловатой морде напоминали внутренность лампочки, а под тяжестью крупа — улица треснула пополам. Пустота в трещине расширилась, вспухла и разъехалась до бесконечности. Реальность будто стерли резинкой.

Каждый несоизмеримо громадный миг бес выглядел по-другому. Ослогубый козлочерт переплавлялся в шевелящуюся микросхему, которая плавно растворялась в воздухе, жонглируя руками в батистовых перчатках, вылепливался в красную бархатную жабу и взметался роем пластмассовых заводных пчелок. Самосжигался, оставаясь огнем, таял, прикидываясь водой, сам себя выпивал до дна, принимая образ бестелесного фрака.

"Вы, кажется, на двадцатом веке остановились?" — с медовой учтивостью пропел бес и сделался Ильичем.

Я окостенело и больно молчал.

"В какую бы позу ни становился материалист, он всегда кончает мышлением", — провозгласил лукавый Ульянов и застыл с вытянутой рукой. Его лоб разросся и лопнул, как перезревший арбуз, из которого, громыхая штыками, потекла мировая революция. К небесам, на лету примеряя нимбы, вознеслась святая чета Романовых. Потускневший от времени залп Авроры прикинулся на мгновение Йосифом Виссарионовичем, отплясывающим зловещую лезгинку на отрубленной голове Александра Меня. Лезгинка плавно перешла в марш, и тут — из-под асфальта явился Гитлер. Он возвысился над пространством, и, подхлестываемый болезнью Паркинсона, облаял меня зверскими фразами: "Edem das sein! Dumkopf kaput!".

Я стал криком и расплылся по всему парку, внезапно нарисовавшемуся в бесконечности. Обезумевшие от страха деревья стремительно неслись навстречу, больно натыкаясь на лохмотья моего тела. Еще миг — и мне пришлось бы стать братской могилой на пятьдесят миллионов персон. Но спокойно и чинно, грациозно отмахиваясь от мух чувством собственного достоинства, под дубом сидел ОН — четырежды Герой Советского Союза, маршал Георгий Константинович Жуков. Я понял, что спасен, и умолк, как младенец, которому в пасть подложили соску.

Георгий Константинович встал, плюнул на кулачище и так шваркнул фюрера, что тот издох. Труп испустил коричневатый дымок и впитался в землю. Но тут из-под почвы раздался взрыв — и зеленый парк провалился в небо.

Бес проявился в образе гигантского мозга с неустанно вылупливающимися губищами, которые втянули меня во влажную среду, и я понесся

по исполинскому пищеводу. Там пришлось расщепиться и вместе с другим перекисшим дерьмом всосаться в кровь.

Когда я бацнулся об асфальт затылком — понял, что выпал из самой задницы беса. Я обнаружил себя в заброшенном детсаду, в котором выращивал драп. Была лунная и звездная ночь. В клумбе с ромашками всхлипывал крошечный ангел. Меня обдало жаркой радостью. Я уложил его в руки, осторожно, будто боялся выплеснуть мировой океан.

Луна затягивала нежнейшим сопрано приглушенное меццо-форте, звезды вторили ей хором, а я был спокоен, будто еще не родился.

С трудом воткнув обмякший в кармане ключ в жидковатый замок я вернулся домой, устроил ангелу кроватку из двух кресел и большой пуховой подушки и провалился в сон.

Насильственно разорвав глаза, я с наслаждением созерцал желтый потолок своей коммунальной комнаты. Какое безмерное счастье ощущать себя на осточертевшей кровати под прожженным бабушкиным одеялом! Не чувствовать себя вычеркнутым из родимой, до скуки исследованной реальности. И знать с неистребимой твердостью, что все повторится: кислый запах соседского супа, трещины в штукатурке, таинственный гул в трубах и тусклое дребезжание лампочки, усыпающей в солнечных объятиях нового дня.

И может быть, мне суждено было пролежать так весь день, предаваясь дурацкой радости, если бы над ухом вдруг не раздался визг. Он больно проткнул сердце вчерашним ужасом, уныло отозвавшись в затылке. Я повернул голову — на полу расселась вчерашняя галлюцинация — помятый спросонья ангел с изогнувшимся в зигзаг проволочным нимбом.

Мигом вспотев, я выскочил в коридор. Круглый, как полная луна, зад соседки Софы вернул меня к жизни. Эта старая дура была такой явной, засаленной, подлинной. Мне хотелось расцеловать ее дряблые щеки, исполненные реальности.

— Ви хотели помиться, Шимочка? — спросила она, скорчив брезгливую морду.

— Неплохо было бы, — промямлил мой рот, скалясь во все лицо.

Она ответно скривилась и, стыдливо прикрыв таз клеенкой, вышла.

Ледяная струя шумно вывалилась из крана и вгрызлась в мою макушку. Мерзость, привычно царившая в кухне, мягко убаюкивала тревогу. Отмыв чашку от чьей-то сметаны и заварив чай, я осторожно прокрался к себе. За дверью звенели детские вопли. Мое туловище, ошпаренное ки-

пятком, рухнуло на пол и зарыдало. В памяти всплыл образ покойного Лени Бакурова, которого мы с пацанами навещали в психушке. Он все пытался прикурить спичку, чиркая сигаретой о коробок.

Примчалась Софа. "Шимочка, у вас кто-то умер?" — проныла она. Я беспомощно тыкал в двери. Софа, сделавшись вдруг суровой, решительно ворвалась в комнату. Ее реакция чуть не лишила меня сознания. Она шаловливо завизжала и с улюлюканьем бросилась к ангелу. Она его видела!

Софа небрежно отстегнула крыло, стащила шелковый балахон и протерла лицо херувима фартуком. Кровь леденящий галюн оказался обычным мальчиком четырех лет. Повелев назвать себя Устимкой, он вполне разборчиво пояснил, что гуляет один с того момента, как мать отбыла в Турцию, и четко назвав адрес, потребовал отправить себя домой.

Софа сюсюкалась и несла спасительную околесицу: "Шимочка, не берите в голову, с дитями сидеть всем мужикам страшно. Мой Сидор как-то остался с племянником, а тот, представьте себе, усрался. Видели бы вы его, точно, как вы сейчас, плакал!".

Натрамбовав ребенка яичницей, я завел свой старый запарик, и мы поехали. День был чрезмерно забрызган солнцем. Мимо носились квадраты зданий, прирожденных служить универсамами, аптеками, парикмахерскими. Жизнь умеренно колебалась в эмалированной рамке быта.

**********Ё!

Глухой удар о капот раздробил мое скучное счастье на десять тысяч осколков. ЕКЛМНОПРСТУФХЧШЩъь Э-Ю-Я! Громадное туловище девушки с заполярным лицом не шевелилось.

Я чуть снова не впал в истерику. Со всех сторон набежали люди. Устимка пронзительно верещал — мир снова повернулся ко мне своим дряхлым обвислым задом.

Дальше все покатилось само собой. С двумя мужиками мы заволокли полудохлую чукчу в машину.

"Иъда, — вопил Устимка, — это моя Иъда". Без всяких сомнений, он ее знал.

В таком аду я мчался в городскую больницу. Девка еще дышала.

4.

Мой дед, Онно Туккай, был эскимосом. Он жил вместе с бабушкой Майей в поселке Янракинот, тянувшемся узкой полоской вдоль Берингова пролива. Онно охотился на моржей и тюленей, а Майя вырезала из кости сказочные фигурки.

Люди говорили, что род Туккаев произошел от женщины-нерпы, которая была "черкичауркан" — наполовину человек, наполовину животное. Ее мать забеременела от самца нерпы. Поэтому Туккаи были особенно близки к природе. Некоторые из нашего рода отличались выдающимися способностями, возможно, на первый взгляд незаметными. Бабушка уверяла, что я одна из таких.

В полярную ночь, когда в Тундре наступали холод и темнота, Онно и Майя ходили к большой яранге, в которой жил искусный рассказчик Ытаин. В этой яранге собирался чуть ли не весь поселок. Бабушка говорила, что северная сказка — это магическое заклинание, слушая ее, люди переживали тяжелые времена и поддерживали друг друга.

Мудрый Ытаин мог не прерывать своего рассказа несколько дней подряд, вплетая в него древние мифы о суровом мире отважных чукчей и эскимосов.

Советская власть объявила Ытаина шпионом и отправила в лагерь. Спустя десять лет он вернулся больным и старым. А когда приходили люди — сильно кашлял и пересказывал только одну легенду — о том, как Ленин приезжал на Чукотку помогать охотникам и оленеводам строить новую жизнь.

Сюжеты сказок Ытаина мне передала бабушка. От нее я узнала о хозяине вселенной Югым Ио, который повелевает жизнью на суше и на море, про великую маму моря Седну, живущую под водой, про мудрых оленей и северных великанов.

Моя мама, Тынатваль Туккай, уехала учиться на юг. Здесь ей было жарко и непонятно. Познакомившись с моим папой, она вышла замуж и навсегда осталась в Одессе.

К бабушке мы приезжали каждый год. Майя Туккай водила беременную дочь к шаману, и тот сказал, что духи велят назвать Ырдой и что, достигнув зрелости, я увижу Югым Ио. Но если мне дадут европейское имя, хозяин вселенной меня не узнает.

Папа до сих пор не может смириться с моим труднопроизносимым прозвищем. В документах меня записали Ирдой, поскольку в русском заглавной Ы нет. По паспорту я не Ырда, но это не помешало мне встретиться с Югым Ио, которого до одного ужасно нервного дня я считала семейной шуткой.

Учусь я в педагогическом институте и подрабатываю няней. Одна состоятельная мама часто бывает по делам в Азии. А маленький ее сын Устимка — мой воспитанник и ученик. Устимкина мать — Оксана — мне хорошо платит, а когда ее нет в городе — в двойном размере. И вот снарядилась она в Стамбул.

Назначенное время я проспала, из дому вышла на час позже, автобуса долго не было, и дернул меня черт заскочить в книжный, где по гнусной случайности разбился стеклянный шкаф.

Торговка попалась из таких фифок, у которых одежда не мнется, пот не пахнет, волосы подмышками генетически не растут. Она бросилась меня оскорблять, но неожиданно прослезилась и скрылась в кладовке.

Я сбежала, зацепив по закону пакости еще и полку. В автобус пришлось вскакивать на бегу. И только когда за окнами показалось подсолнуховое поле, я поняла, что ошиблась маршрутом.

До устимкиного дома я добралась ночью. Двери никто не открыл, и записок никаких не было.

Утром я позвонила устимкиной бабушке, не сомневаясь, что мальчик там. У бабушки задрожал голос: "Разве дите не с вами? Я знала, что чужим нельзя доверять ребенка! Лично провожала Оксану в аэропорт и многократно сказала: "Пусть Устим поживет со мной". А она — нет, мамуся, с ним посидит няня. Да где ж это нянек таких выписывают, в каких, здрасьте пожалуйста, пансионах? Я ей говорила, лучше эти деньги мне дай. Мне для любимого внука времени своего не жалко...".

Не дослушав, я положила трубку. Может быть, соседи его подобрали? А если что — обращусь в милицию.

Почти добежав до стоянки с грузовиками, обезумев от нервотрепки, я не заметила светофора, рванула — и шмякнулась о запорожец.

Тьма.

Из памяти поплыла сказка: Всю зиму проспал великан. Замело его снегом. Весной пришли звери, а медвежонок даже в ноздрю к великану забрался. Чихнул великан — звери разлетелись в разные стороны. Проснулся великан, встал, побрел обратно на свою землю.

Долго смотрели ему вслед удивленные звери.

Где-то далеко брезжил свет — и я полетела. Там за столом сидел Югым Ио, пером и чернилами созидающий жизнь. Автор капризной книги мира, последняя страница которой допишется через несколько коротких мгновений.

Я напряглась и прочла строчку:

"В таком аду он мчался в городскую больницу".

Про меня. Мое тело везут спасать. "А что дальше?" — пропел мой голос.

Югым Ио подумал и написал: "Ирда, с трудом разорвав глаза, узрела желтый больничный потолок. Можно было пролежать так всю жизнь, переваривая встречу с богом, но она повернулась и сладко расхохоталась. В палате рядом с каким-то типом сидел заплаканный и невредимый Устимка".

Белла ВЕРНИКОВА

По причине минимализма
(маленькая поэма)

Пояснительные выражения
объясняют темные мысли.

Козьма Прутков, минималист-классик

I

Автор не ходит в оперу
и балет
по причине минимализма:
нет денег.
Минимализм утешителен,
но не до такой же степени.
Поэтому автор иногда ходит в кино.

В прежние века обнажали шпаги,
в наше время обнажают прием,
чтобы в гламур высокой моды
облечь
обнаженную до предела натуру.
Минимализм утешителен,
но не до такой же степени
(оговорка относится к слову "прием").

II

Минимализм утешителен,
когда поэт Борис Пастернак
в одной строфе, написанной по-русски,
определяет сущность поэзии —
ОБРАЗ МИРА, В СЛОВЕ ЯВЛЕННЫЙ —
и дает метафору окрыленности стиха:
ПРОЩАЙ,
РАЗМАХ КРЫЛА РАСПРАВЛЕННЫЙ,
ПОЛЕТА ВОЛЬНОЕ УПОРСТВО...

когда певец Шломо Арци
в одной строфе на иврите
фиксирует минимализм современных
брачных и внебрачных отношений:
БЕЗ ОБЪЯСНЕНИЙ
ТОЛЬКО ПОЛУЧАТЬ И ДАВАТЬ
НЕЛЕГКО, НО ЧТО ЕЩЕ
ЕСТЬ МЕЖДУ НАМИ?

когда минималист-абсурдист,
классик русской литературы
Козьма Прутков
рекомендует: СМОТРИ В КОРЕНЬ.

III

Один из создателей Козьмы — А. К. Толстой
совмещал минимализм максимы
с максимализмом трагедии.
Еврейская традиция минимализма
уходит корнями к скрижалям Завета —
к Откровению, доверенному Моше,
который вывел древних евреев
из древнеегипетского рабства, —
на двух каменных плитах
еврейскими буквами справа налево
высечено слово Божье:
НЕ УБИЙ и другие заповеди,
см. по тексту Торы —
Пятикнижия Моисеева,
в переводе на греческий
помещенного в начало Библии.

Автор не касается китайской, японской
и прочих традиций минимализма
по причине минимализма:
текст краток.

IV

Голливудская звезда конца XX века,
образец чистейшей прелести на экране,
по причине минимализма
сообщила журналистам:
"Я не знала, кто такой Пушкин,
а "Евгения Онегина" прочла после того,
как сыграла Татьяну Ларину.
Потом долго ругала продюсера,
он меня огорчил, сильно сократив роль.
Если бы я прочитала Пушкина раньше,
то потребовала бы переписать сценарий".

Вослед литературе мировой
минимализм утешителен,
но не до такой же степени
(оговорка относится к Пушкину).

Так художник
узнает законченность своего творенья,
следуя интуиции,
облаченной в пушкинскую максиму:
ТЫ ИМ ДОВОЛЕН ЛИ,
ВЗЫСКАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК?

По причине минимализма
автор был краток,
но не до такой же степени.

Иерусалим

Овидий

"Киммерман печальная страна",
куда он выслан цезаря указом.
На север — Истра плоская волна
И низкий берег в топях непролазных,
С востока — море стылого валы.
Оно звалось у древних Морем мрака.
Обломки кораблей на отмели белы,
Осколки амфор, крытых черным лаком.
Да и зачем они? Не жалуют здесь вин.
Кумыс сарматы мрачные приносят.
Здесь летом пыль безрадостных равнин
Сад засыпает чахлый, низкорослый.
Когда Борей завоет, и стеклом
Предстанут беглые растекшиеся воды,
Щелястый выстудится из самана дом,
Он вспомнит Рим и тот горячий полдень,
В котором в тонкой скользкой кисее,
Как сон, Коринна притекла бесшумно.
Не жизнь мрачна — жестоко бытие,
Сквозь эту жизнь сквозящее угрюмо.
Не рассуждающий его железный лязг,
Где звон закона и мечей бряцанье,
Юпитеровой молнии зигзаг,
Ударившей скалу под основанье.

Письма за океан

Н. Ханенко

I

По ту сторону океана
Вряд ли голос тебя достанет —
Слишком дальний он этот вест

Так во сне происходит бредовом
Губы сжаты сухи и бескровны
И ни звука, ни всхлипа окрест

Что развязано разве свяжешь?
Белой краскою вьюга мажет
На причале сиротском суда

И как будто бы все понимаешь —
От чего же тоска такая
Над шугою декабрьского льда

Брошу черствую черную корку,
Чайка выхватит хлебец прогорклый —
Поминальный обряд в порту

А суда постоят и завоют,
(сердце тронет тоскою ледяною)
и уйдут, пропадут в пустоту

II
Потерянное сердце

Кащеевой иглою с обломанным концом
То вздрогнет то замрет
На севере пустом уже который год
Отсутствующий стук так странно ощущать
Как рыбы за стеклом мы открываем рты
Как трудно передать значение пустоты
Когда так тесен мир
Трещит ночной эфир
И этой полнотой
Как меловой чертой
Мне метит круг судьба
В котором нет тебя

Весна в Мисхоре

"Красные крыши". Провинция, Юг
Я вдали от волнений, я в ссылке
Разорван горами замкнутый круг
Страсти надрывной и пылкой

Здесь на юге весна с февраля
(снега не было и в помине),
от расцветшего миндаля
запах чужой, беспричинный

он не связан с прошлым никак —
Метафора дальних путей караванных
постылой свободы заманчивый знак,
последние главы романа

только к северу, за пограничным хребтом
призрак страсти маячит несытый
с набеленным застывшим лицом,
мною ничуть не забытым

Из Асклепиада

"Долгая ночь в середине зимы
И заходят гиады
Я у порога дрожу,
Вымокший весь под дождем"

Асклепиад

Середина зимы и заходят Гиады
Войлоком двери обиты: стучи — не стучи
Гонишь, жестокая, Асклепиада,
А ведь ему без того так бесприютно в ночи

Холодом веет Борей, продувает
Твой полинявший хитон шерстяной
Пеной обведена береговая
Линия бухты пустой

В доме безжалостной девы — жаровни
Тело ее укрывают меха
Ты эфемерной, почти безосновной
Тканью опутан, окутан стиха

Только ведь нам книгочеям пристрастным
Ясно, что слово превыше всего
Неужели он думал той ночью ненастной
Об искусстве, нетленности, славе его?

Ю. Михайлику

Когда в ту сторону, где юг,
в страну нелепых антиподов
один старинный друг, не друг —
не знаю, как сказать сегодня.

Да что тут скажешь — пустота...
Как будто ветром город выдут.
Не то уехал он шутя,
не то был выслан, как Овидий.

И на далеком берегу, на острове — материке,
он вспоминает Поит Эвксинский,
и ветер с ласкою сестринской
он ощущает на щеке.

И то, что ветер тот принес
зачем-то сманивает, тянет
туда, где дребезжит норд-ост
на дебаркадерах Фонтана.

Танцовщице Кароле фон Хердер

Как много танца в этом мире шалом!
Танцует все: деревья, дождь и ветер.
И листья опаленные, в опале,
Танцуют осенью, как уличные дети.

Танцуют все торговки на базаре,
В такт холоду чечетку отбивая.
И рыбу на весы они бросают,
Капусту достают из бочкотары.

И это тоже пляска серых будней,
Чей смысл в заботе о насущном хлебе.
А дворник двор метет, сопя простудно,
И море дышит в такт ему, и небо.

Как весел танец пламени на спичке!
Как яростен пожара танец древний!
Все движется на свете по привычке.
Движение — язык наш ежедневный.

А танец — это слово без излишеств.
Танцовщица, чтоб быть всегда собою,
Безудержно свою поэму пишет
Всем телом, всей душою, всей судьбою!

Старинные зеркала

Старинные есть в доме зеркала —
Безмолвные свидетели времен
Иль окна в прошлое, хранят событий клад,
Былое помня, словно долгий сон.

И отблеск Леты в блеске серебра,
И образы былого вдруг со дна
Плывут, и возникает их игра
На глади вод — их вижу я одна.

Концы веков, начала, перелом
Времен — все спуталось в пурге седой зеркал.
Вот капитан хромой, что строил дом.
Он эмигрантом был и уезжал

В Бразилию в семнадцатом с семьей.
А вот рабфаковка — то бабушка моя.
А вот война и год сорок второй,
И чуждой речи лязг и толчея.

Столовая для немцев здесь была.
А вот вернулась бабушка с детьми.
Вот тети смерть покажут зеркала:
Была невестой — и не стало вмиг.

Всю правду знают эти зеркала
И в амальгаме сохранят навек:
Кто был отец твой, кем сама была,
И лучше помнят все, чем человек.

Пожар ли снится нам, веселый бал,
Иль треск в печи зимой сухой сосны —
Быть может, это память тех зеркал
Тревожит нас, вливаясь в наши сны.

* * *

Почтовый ящик мой всегда полон:
Зимою — снега, весною — лепестков белых,
Летом нахожу в нем спелые вишни,
Осенью — влажные пестрые листья — открытки.
Еще нахожу я в нем пух, паутину, перья,
Высохших разных я в нем нахожу насекомых.
А я еще жалуюсь, что мне никто не пишет.

* * *

А декорации все те же:
Вот листья — радужные деньги
Из разных стран, они все реже
Висят — витают словно тени.

Сметают их в большие кучи
И поджигают без сомнений.
Что отрезвляет память лучше,
Чем ароматы тех курений?

И в тех кострах сгорает лето,
И тлеют глупые надежды.
Горят вопросы и ответы,
И как броня к зиме одежды.

* * *

Скифские бабы стоят во дворе
Музейном — невидим их взгляд.
В себя лишь глядят в листопада игре:
То видят, о чем молчат.

Во взглядах их степь без края и слов —
Молчанья святая земля —
Наполнена сонмом отснившихся снов,
Останками корабля.

Там скифский царевич на черном коне,
А море ревет и ревет
Он мира не знал, он всегда на войне,
Но песнь о любви он поет.

И бабы богинями древней любви
Стоят, как праматери всех.
И влажные листья ложатся на них,
Как золота радость и грех.

Что-то иное всегда ощущается нами
В зале ли полном, в толпе ли и в дел карусели.
Где-то запахнет осенними резко цветами,
Дымом запахнет горчайшим, и вот мы у цели,
Вот мы у выхода: небо оттенков агата
Там, где иное, как дым над землей, без предела.
И там, где вечер нальет нам в стаканы заката,
И где другим никакого до нас уже дела.

Что-то иное я вижу в тебе полупьяном
И сквернослове — твои небеса и деревья.
И одинокие лодки, что скрыты бурьяном,
И одинокого ливня слепое кочевье...

* * *

Это не листья уносятся ветром, а люди.
Люди как листья: и старые, и молодые.
Ветер уносит эпохи и ворохи судеб,
Лишь остаются дома и деревья седые.

Лишь остаются деревья — свидетели буден.
Только деревья так стары и молоды разом.
Знают, что было, что есть, и предвидят, что будет,
В небо врастая ветвями по неба наказу.

Люди уходят — внезапно срываются с веток.
Жизнь — это лишь черенок, что от ветра трепещет.
Люди целуют, страдают и просят советов —
Миг — и уходят, оставив лишь фото и вещи.

Все же зачем-то нужны наши судьбы и встречи,
Жизни нужны, даже если лишь миг мы прожили
Здесь на Земле. Здесь нужны наши души и речи,
Наши тела — крепость мускулов и сухожилий.

* * *

Как счастлив тот, кто любит, и любим.
О, пропасть меж любимым и — любым!

* * *

Принимала причастие счастия,
И как видишь, помялась отчасти я...

* * *

Я прорастаю из любви,
как из земли, как из основ —
И вырастаю из мужей,
как из коротеньких штанов.

* * *

Любви поток, оскалив зубья,
Отхлынул, галькою шурша.
И, выброшена на безлюбье,
Шевелит жабрами душа.

* * *

Мой сон так бесконечно одинок,
Что кошка вьет гнездо на ветках ног.

* * *

Поднимаю море — не стакан я.
До краев полна — не расплескать...
Господи! Я слышу понуканья,
Только не пойму — куда скакать?

Верю я — ярмо Твое мне впору.
Научусь всему — от "А" до "Ять".
Господи! Я чую боль от шпоры,
Только не пойму — кому кричать?

Не распрячь — ни другу, ни подруге;
Знаю — не сорвать Твою печать.
Господи! Я вою — жмут подпруги,
Только не пойму — с чего начать?

Дай мне океан любви и смеха;
Губы — молоко кому отдать.
Господи! Бича тугое эхо
Не дает подсказки разгадать!

Дай мне потонуть — в равновеликом!
Господи! Помилуй и прерви
Отработку постановки крика
В одиночной камере любви!

* * *

Возможно ли отбросить суету,
Жить, не сутулясь, и любить, не прячась?
Но как судить былую слепоту?
И как принять сегодняшнюю зрячесть?

* * *

Выше рангом, ниже рангом,
Только поздно или рано
Ты вернешься бумерангом —
Обновить былую рану.

Кровь польется, как из крана,
Но, чтоб не заметить убыль,
За улыбку примешь рану —
За распахнутые губы.

* * *

Перемешались мы отчасти...
Жизнь — без начала и конца...
И на лице такое счастье,
Что там уже — не до лица!

* * *

Лежим у Рая на опушке...
За скобку — дочки и сыны.
И топот сердца по подушке
Мне не дает увидеть сны.

* * *

Как сладко — пальцев не разжать,
Вопить на всю округу,
Слова, как ангелов, рожать
И пить взахлеб друг друга!

* * *

Я — в любовной подливе —
Нет в природе счастливей!

* * *

Лежим, прижавшись точно в рифму —
Построчно.
Слепились плотно, словно риф мы —
Посложно.
И все, что срочно было — больше не срочно,
И все, что сложно было — больше не сложно.

Москва

От редакции: Ирина Егорова – московская актриса, поэт, дочь известного одесского живописца Юрия Егорова. Недавно ее стихи были включены во всемирную антологию "Фривольные стихи", издано в Москве.

Не спетая любовь

Я пропиталась ожиданием,
я с телефоном обручилась,
не может быть, чтоб так случилось
на том единственном свидании.

Любовь моя, пока не спетая.
Мелодия пока не быстрая.
Когда же эту песню выстрадала?
Он далеко, а близко где-то я.

Не расставанье — расстояние
меня опять тревожит, мучает.
Я снова доверяю случаю,
благословляя ожидание.

Я пропиталась ожиданием,
я с телефоном обручилась,
не может быть, чтоб так случилось
на том единственном свидании.

Встреча

Я не могу себя заставить
смотреть в окно,
Уже застава...
Упрусь в вокзал довольно скоро.
Как черепаха, поезд скорый
огнями щупает платформу.
Вдруг тени потеряли форму:
они горбаты и круты...

Направо я...
Налево ты...

Прощание

Был вечер одинокий у свечи,
ее уже давно не зажигали,
а мысли наши, словно палачи,
казнили нас, разлукою пугали.
Сползали тени с люстры на паркет,
когда такси к парадной подъезжало.
А сигарета в длинном мундштуке
жгла пальцы
раскаленным длинным жалом.
Два сердца заполняли тишину:
гоняли кровь, похожую на хну,
Таксист не знал, что он увозит счастье.
Я подошла, как пьяная к окну,
луна в меня швырнула желтизну.
Кровать пуста, чтоб в ней отоспалась я.

Уходи

1

Прощай!
Я, стало быть, из тех,
кого любить ты можешь вечно.
Портрет твоих земных утех...
Твои расправленные плечи.
Прощай!
Я выдохнула боль,
а ты ее вдохнешь, мой милый.
Я разберусь сама с собой,
за что тебя боготворила.
Прощай!
Хоть я ушла любя,
ты одинок теперь навеки.
К морям текут ручьи и реки.
Я стану морем без тебя.

2

Прочь, прочь, прочь уходи...
Уходи, пока еще не ушла любовь...
Уходи!
Половинка счастья?
Зачем мне оно?
Половинка песни?
Зачем же ее начинать?
Пусть стучится дождик в окно...
Позже постучится весна...
Прочь, прочь, прочь уходи...
Уходи, пока еще не ушла любовь...
Уходи!
Я хочу сказать: впереди
буду я...
Через боль
уходи!
Я останусь с собой.
Я останусь счастливой.
Забудь.
Уходи!

3

Какую странную игру
затеет память утром ранним:

Опавших листьев вялый хруст,
похожий на обрывки брани...
Сидела муха на окне,
минуты падали как гири.

Тебе приснился обо мне
сон, не досмотренный в Каире —
песок, попавший не в глаза,
а, скажем, в наши отношенья.
И стала первым приношеньем
моя последняя слеза.
Ушли бессмысленные дни,
никто моим слезам не верит.

Глотни вина,
потом зевни
и уходи.
Открыты двери.

* * *

В вещих снах, в метелях белых,
В тусклых сумерках зимы
За углом рябина рдеет,
Не боясь полночной тьмы.

И одна, в сугробах свежих,
Вся продрогшая до слез,
Согревает в гроздях нежных
Синеву далеких звезд.

Прислонюсь к стволу рябины,
Нежно ветки обниму,

И, тобою нелюбимый,
Горьких ягод яд приму.

* * *

Белый пух тополиный
В синеве непорочной,
В голосах соловьиных
Мои летние ночи.

И печали разлуки
Не оставят в покое.

На волшебные звуки
Настежь двери открою.

Небосвод зореносный
Сердца тайну скрывает.
Запоздалые росы
На рассвете сверкают.

Пробуждаюсь и знаю:
Где-то я тебя встречу

В этом мире бескрайнем
В суете человечьей.

* * *

Уснули белые акации,
Ночную мглу околдовав.
Их аромат я и во Франции
В тоске по родине вдыхал.

Акаций гроздья ночью зримые
Кружили голову не раз.
И становились вмиг любимыми
Смешинки чьих-то милых глаз.

И повинуясь верной памяти
В Париже как-то — столько лет!
Увидев девушку на паперти,
За нею бросился вослед.

У церкви с нею познакомился
С названьем дивным "Сакре кэр".
Все это помнится, все помнится
Всю жизнь и вечно, и теперь.

...Уснули белые акации
И где-то Сена тоже спит.
И лишь душа моя по Франции
Бессонной памятью болит.

* * *

Не донимай меня звонками
И не ищи — уже зима.
Ведь все, что было между нами —
И мрак, и тьма.

Но все, что было, я забуду,
Как страшный сон.

Меня средь ночи не разбудит
Мой телефон.

Я отключу его до лета —
Нет, до весны,
Когда разбудят на рассвете
Иные сны.

Когда проснусь я от предчувствий
Большой любви.
Меня ни в радости, ни в грусти
Ты не зови.

* * *

Боюсь не смерти, а тоски
Глухой, как лес непроходимый.
Боюсь предательской руки,
Что где-то прячется незримо.

Боюсь я лести и вранья,
Фальшивых слов, стеклянных взглядов.

Боюсь всегда — признаюсь я —
Когда коварство дышит рядом.

Но жизнь сюрпризами полна,
И я живу, в душе надеясь,
Что ты, как светлая весна,
Однажды нежностью согреешь.

Коснешься губ моих слегка
И грусть развеешь поцелуем,
Душа воскреснет — а пока
Я по любви твоей тоскую.

Ирина ДЕНИСОВА

Из цикла "Бельчонок и думы"

Земляная белка в колесе
Бегала, как спринтер по дорожке.
От кого? Зачем?
Вот так мы все
Бегаем по жизни понемножку.

Клетка у бельчонка моего
В десять раз дороже, чем хозяин.
"Домик" называем мы его.
И зверек согласен, — я уж знаю!

И не пойте вольницу ему, —
Мол, зачем беднягу мучить в клетке?
Может, только скучно одному, —
Ну, так будут белочка и детки.

А потом он сам и проследит,
Чтоб бельчат на волю не пускали.
Здесь у них хороший аппетит, —
В барабане, кстати, накатали!

Сверху вдоволь падает еды,
Брошенной большим каким-то другом.
Если не хватает суеты —
Колесо всегда к твоим услугам!

Только люди так и не поймут
Прелесть колеса и барабана:
Норовят покинуть свой уют,
Часто поздно, часто слишком рано...

Даже если вовремя, — потом
Ищут колесо, — крутиться белкой,
Понимая все же: клетка — дом,
Дом — Земля. А это не безделка.

* * *

Не бегите, крысы, с корабля,
Если в трюме течь, с небес картечи:
Неизвестно, близко ли земля,
А в глубинах вод навряд ли легче.

Как же мы, разбив в смятеньи лоб,
В суть событий проникаем редко...
...Мой мышонок, это не потоп:
Это я всего лишь мою клетку.

Тридцать лет и три года

Отчего старуху с "рыбки золотой"
Только и ругают? Кто судья такой?
Я ее, как бабу, очень понимаю.
Я сама такая, — только и желаю.
Было и корыто, и изба была.
Жили шито-крыто на краю села.

Только, может, рыбка тоже виновата?
Для чего дарила царские палаты?
Объяснила б деду: знай, сверчок, шесток.
А она — карету, новый постромок!

На карете "в люди" хочется старухе...
Кто ее осудит? Мы ведь все как мухи, —
Кушаем, летаем...
Выглядеть хотим.

Рыбка золотая, мы ж тебя съедим!
Не плыви к нам в сети,
Не дари дворцы.
Ведь зажарят, — дети, если не отцы.

Как найти границу, если все дается?
Где остановиться? Жизнь ведь посмеется,
И тогда придется в избу возвратиться...
...Рыбка золотая,
сделай птицей,
муху —

* * *

Примерив тупенький носок
Односезонного товара,
Добротный туфель, только старый,
Я отряхну, как время, с ног.

* * *

Старый год, будто бывший мужчина,
Тает в дымке бегущих недель.
Очень странная мира картина.
Но на ней — и твоя акварель.

Кто-то вычислил

В прошлой жизни, пространства трещине,
Говорят, я была кудесником.
А сегодня я просто женщина
На крутой восхождений лесенке.

Существую в пространстве, скручена
Ускользающим знаньем истины.
Плодородие мной получено
Янтаря-винограда кистями.

Но, в угоду угасшим знаниям,
Отказалась от очищения,
И кудесника наказание
Длится в нынешнем воплощении.

Обреченно вишу над пропастью,
Где инь-ян мельтешат воронкою.
Снова выбора злые лопасти
Норовят скомкать пленку тонкую.

Потому пронзительно хочется
(За грехи прошлой жизни, что ли?)
Наказать себя одиночеством,
Чтобы не было большей боли.

Горы

Мне кажется кощунством альпинизм,
Тем более — канатные дороги.
Все восхождения — лишь полдороги вниз,
А горы ведь по сути — недотроги.

Никто еще вершин не покорил.
Хоть был, намусорил и даже флаг оставил.
Но сколько там разбросано могил
Тех, кто на карту гордости поставил.

Зачем? Смешные гордецы.
Там нет вам места, там селенье духа.
Как в ризах белых Чистоты отцы —
Вершины обостряют чуткость уха

На сердца неземного вещий стук
И музыки несуетной аккорды.
Да, горы — это воплощенный дух,
Природный храм — вот что такое горы.

На горы глядя только снизу ввысь
Мы обретаем их благословение —
Не покорять, а духом вознестись
И вровень стать хотя бы на мгновение.

Похолодание в Артеке

Похолодало. Запахи исчезли,
И Адалары щерят зубы в два оскала.
А море на ветру в сырой одежде
Простуженно чихает прямо в скалы.
Нам кажется его простор безбрежным,
Но видно по всему — ему простора мало.

Иначе выпрямило б спину горизонта.
Не может. Тесно. Нервно бьется в стены
Бетонно-каменных громад сплошного фронта.
Земная суша морю — как измена.

Душа моря

Как не поверить, что у моря есть душа?
Вон горизонт как след карандаша
Иссиня-синего прогнулся от напора
Мятежных сил бурлящего простора.

Доселе не смирился Посейдон
И не простил Земле рожденья суши,
Грудастые холмы под ласками ветров
И горные хребты, где спят бесстыдно тучи —

Предательницы седовласых волн,
С собой морскую влагу увлекая,
Несут ее в края зеленых дол —
Благоуханны края земного Рая.

И море злится, дыбится, рычит,
Бросается тигрицею на сушу,
То, притаившись тихо, копит динамит,
То, устыдившись, как-то кротко смотрит в душу.

Голубоглазое, смиренное, родное,
Мне так и хочется дотронуться рукою
До этих волн, а лучше — с головой
Нырнуть и вынырнуть с очищенной душой.

Интерпретации

Нет фактов достоверных и упрямых.
Чей шип острей — у розы иль акации?
Упрямы **мы**. Стоим, как Фудзияма
На острове своих интерпретаций.

Свет истин нами редко замечаем.
Ему замена — блестки номинаций.
Шум моря тонет в криках наглых чаек,
А истина — в вине интерпретаций.

Нам правда — чтоб на теле рвать сорочку.
Мы с правдою честны, как папарацци.
Свою же правду, искренности дочку,
Третируем бичом интерпретаций.

Великое на сцену, как на плаху,
Ведем, да ужаснется друг Горацио,
Ниспосланное гением с размаху
Сечет топор лихих интерпретаций.

И жизнь свою, немного и немало
Лукавству отдавая провокаций,
Мы радуемся, как корабль причалу,
Уютной лжи ее интерпретаций.

* * *

Не отнимай от рук моих ладони,
Едва согрев, не отнимай уста.
Пусть этот свод небесный нас запомнит,
Запечатлит на вечности холстах.

Пускай родены тех тысячелетий,
Что где-то из туманностей грядут,
Увидят нас и радостно, как дети,
В металлах неизвестных отольют.

Таких, что сохраняют ток волненья
И чувственности трепетную дрожь,
И тексты на губах стихотворений,
Что мы с тобой читали в эту ночь.

Поймут ли что потомки в этих текстах?
Какая разница, забота ли о том?
Когда восходит сладостное тесто,
Потомков оставляют на потом.

Освящены ночными небесами,
Творим обряд, согласный с тишиной.
Весь мир сейчас — лишь то, что между нами.
Вселенная — лишь то, что мы с тобой.

Киев

Александр МАРДАНЬ

Уравнение с одним неизвестным

(Очередь)

Пьеса в одном действии
Трагедия положений
Действие происходит в большом городе,
жители которого говорят по-русски

Действующие лица

Налоговый инспектор
Бизнесмен
Правоохранитель
Дама
Муж дамы
Журналистка
Профессор
Артист
Маляр
Медсестра
Ее Муж
Кавалер
Товарищ с Востока
Маклер
Покупатель № 1
Покупатель № 2
Покупатель № 3
Мастер
Грузчики
Толик
Пожарный
Рекламный агент
Женщина с сумкой
Женщина со шкатулкой
Дамы из санэпидемстанции
Врачи "Скорой помощи"
Милиционеры

Полная темнота. Появляется луч фонарика. Он выхватывает из темноты плакат с изображением мужчины и надписью "Лечу от всех болезней", затем шарит по картине, запечатлевшей человека в римской тоге, моющего руки, затем освещает икону в углу и часы с маятником.
Слышен звук бьющегося стекла и женский голос:
"Господи, этот бардак закончится когда-нибудь?!!".
Луч скользит по солнечным часам, закрепленным на стене. Человек с фонариком ходит по сцене, и кажется, что кто-то невидимый передвигает стрелки-тени. Затем луч уходит вверх — видимо, человек поднимается по лестнице.
На сцене со свечой в руках появляется молодая красивая женщина в коротком белом халате, из-под которого тонкой полоской виднеются кружева ее чулок. Она молча смотрит куда-то наверх, где виден свет фонарика.

МЕДСЕСТРА: Это ты?

ОН: Я.

МЕДСЕСТРА: Зачем полез?

ОН: Так свет... (Ей отвечает мужской голос с легким кавказским акцентом.)

МЕДСЕСТРА: Он тебе нужен? На что тут смотреть?

Вспыхивает свет. На сцене — холл поликлиники. Три двери: на одной — пятно от снятой таблички и номер "6", вторая — с двумя О, к которым кто-то приписал третье, еще на одной двери — табличка "Лаборатория". Стоят скрепленные по четыре стулья с откидными сидениями, два новых кожаных кресла, рядом на больничной кровати-каталке — черно-белый телевизор производства 70-х. На тумбочке рядом с лабораторией — телефон. Возле двери с номером 6 — детская коляска. На стене — плакат: "Больные! Просим не делиться симптомами — это затрудняет постановку диагноза".
В помещении идет ремонт, половина стены покрашена. Вдоль стены — леса, на которых стоит человек в холщовой робе, с фонариком. Он закрывает дверцу щитка.

МЕДСЕСТРА: ...последний день Помпеи. Завтра съезжаем. Можешь уходить.

ОН: Нет, я стену должен докрасить.

МЕДСЕСТРА: Помещение продают, новые хозяева все равно сделают по-своему.

ОН: А что тут будет?

МЕДСЕСТРА: Бог его знает. А может, черт... Одни говорят — молельный дом, другие — ночной клуб.

ОН: А, в этом смысле...

Человек в робе спускается с лесов, открывает банки с краской, переливает краску в ведерко, размешивает.

МЕДСЕСТРА: Так что, заканчивай свою роспись и спи спокойно.

ОН: Нет, я докрашу, раз начал. А пациенты сегодня будут?

МЕДСЕСТРА: Да, человек десять записались.

ОН: Много людей ходит. Значит, врач хороший.

МЕДСЕСТРА: Просто модный. Делает массаж головы. Но изнутри.

ОН: Хирург?

МЕДСЕСТРА: Целитель. Уходят целыми, без потерь. У него знаешь, какие люди бывают? У-у-у! Пришлось в выходной прием назначить. Вот ты мне скажи: воскресенье для человека или человек для воскресенья?

ОН: Это каждый для себя решает сам.

МЕДСЕСТРА: Грех, конечно, но что делать — все позвоночные.

ОН: С радикулитом?

МЕДСЕСТРА: Я ж тебе говорю — по звонку все. (Объясняет жестами — крутит диск телефона.)

ОН: Серьезные болезни?

МЕДСЕСТРА: Люди серьезные. К обычным врачам ходить не хотят. А может — еще не болит по-настоящему, если от всех болезней сразу вылечиться хотят...

(Пауза.)

ОН: А зачем в помещении солнечные часы повесили?

МЕДСЕСТРА: А почему время то в жар, то в холод бросает? Мало того, что в воскресенье на работу выходить, так из-за летнего времени на час раньше вставать...

ОН: А картина?

МЕДСЕСТРА: Тут на третьем этаже управление гигиены было. Заказали одному художнику — в тему — изобразить что-нибудь лечебно-историческое. Изобразил. В римском стиле. Что-то там на латыни еще внизу было написано, врачи все-таки... А кто-то пошутил: Понтий Пилат, умывающий руки...

ОН: Да... Похож.

Пауза. Он заканчивает размешивать краску, берет ведерко, валик и поднимается на леса. Раздается телефонный звонок. Медсестра берет трубку.

МЕДСЕСТРА: Приемная. Да, доктор будет к девяти. По-старому. По-новому — к десяти. Или наоборот. В общем, не опаздывайте. Он сегодня после обеда улетает. (Кладет трубку, подходит к плакату "Лечу от всех болезней", любовно стирает пыль с лица изображенного на плакате, произносит со вздохом.) От всех не улетишь... (Уходит в лабораторию.)

Слышится шум, грохот. Двое рабочих втаскивают в холл пианино, в изнеможении падают в кресла.

ПЕРВЫЙ ГРУЗЧИК: Стащить-то мы его стащили, а вот на первый этаж не стащим. Надо Васю искать...

Отдышавшись, идут к выходу.

МЕДСЕСТРА (выглядывая из лаборатории): Эй, эй! Это что такое?!

ПЕРВЫЙ ГРУЗЧИК: Хозяйка, извини! На полчасика оставим, можно? Щас только третьего найдем... Вдвоем не осилим.

МЕДСЕСТРА: Здесь вам не камера хранения!

ВТОРОЙ ГРУЗЧИК (Первому): Че ты переживаешь? Его отсюда все равно никто не утащит!

ПЕРВЫЙ ГРУЗЧИК: Точно! (Медсестре.) Квитанции не надо, мы вам верим!

Грузчики уходят, оставив пианино в холле. Медсестра уходит в лабораторию. Входит мужчина, озираясь, на цыпочках подходит к двери с номером 6 и приставляет к ней ухо. Потом резко дергает за ручку. Дверь не поддается. Дергает еще раз.

МУЖЧИНА: Маша! Маша, открой! Это я, открой немедленно!

Колотит в дверь кулаками. На крики из лаборатории появляется Медсестра.

МЕДСЕСТРА: Что ты тут делаешь? Сейчас врач придет.

МУЖЧИНА: Врач — от слова врать... Где он?! (Отталкивает ее, заглядывает в лабораторию. Затем заходит в туалет, через секунду выходит.)

МЕДСЕСТРА: Успокоился?

МУЖЧИНА (озираясь по сторонам, поднимает голову вверх, видит человека на лесах, красящего стену): А это кто?

МЕДСЕСТРА: Отгадай с трех раз. Ты меня скоро к святому духу приревнуешь.

МУЖЧИНА: Мария, почему у тебя мобильный уже час как отключен?

МЕДСЕСТРА: Ничего не отключен! (Достает мобильный из кармана.) А, просто не включен! Тебе действительно нужно к врачу... Психиатру.

МУЖЧИНА (примирительным тоном): Ладно. Тут еще с утра про этих террористов передают...

МЕДСЕСТРА: Что передают?

МУЖЧИНА: Что? Ищут, как обычно, терактов опасаются, праздник приближается... А у тебя телефон молчит... За тобой когда зайти?

МЕДСЕСТРА: Как соскучишься — так и заходи. А лучше сторожи здесь, Отелло.

МУЖЧИНА: Ладно, буду звонить.

Уходит, в дверях сталкивается с Первым пациентом.
На сцене появляется мужчина средних лет. Он осматривает холл, смотрит на часы с маятником, на икону. В кармане у него звонит мобильный телефон.

ПЕРВЫЙ (в трубку): Да. Нет, не могу. У меня сегодня совещание. Да, в воскресенье, комиссия из министерства работает. Я сейчас не могу говорить. Позвоню попозже. Пока.

Убирает телефон.
Из лаборатории (видимо, услышав телефонный звонок) выходит Медсестра.

МЕДСЕСТРА: Добрый день. Вы записывались на прием?

ПЕРВЫЙ (не отрывая взгляд от ее ног): Да, на десять тридцать.

МЕДСЕСТРА: Анатолия Михайловича пока нет, присаживайтесь.

Хочет вернуться в лабораторию, но мужчина останавливает ее.

ПЕРВЫЙ (понизив голос): Извините... Это ничего, что я не крещеный?

МЕДСЕСТРА: А какая разница?

ПЕРВЫЙ: Ну, не знаю, некоторые молитвами лечат, перед иконами заговаривают...

МЕДСЕСТРА: Нет, у Анатолия Михайловича другой метод. Вот, почитайте пока.

Вытаскивает из кармана цветной буклет, отдает его мужчине и уходит. Он устраивается в кресле и рассматривает буклет.
На сцене появляется Второй мужчина. Осмотревшись, спрашивает Первого.

ВТОРОЙ: Я за вами буду?

ПЕРВЫЙ (сухо): Не знаю. Мне на десять тридцать назначено.

ВТОРОЙ: Тогда вы за мной. Мне на десять.

ПЕРВЫЙ: Значит, вы опоздали.

ВТОРОЙ: Я как раз пришел пораньше.

ПЕРВЫЙ: Вы часы перевели?

ВТОРОЙ: Господи! Это сколько сейчас?

ПЕРВЫЙ: Без двадцати одиннадцать. И врача, кстати, пока нет.

ВТОРОЙ: Нет?! Не хватало, чтобы сегодня что-то случилось! Я к нему уже год попасть не могу! Каждый месяц записываюсь, и всякий раз не получается. Знаете, сколько в году месяцев?

ПЕРВЫЙ: Знаю. Десять. Без НДС.

ВТОРОЙ (настороженно): Вы где работаете?

ПЕРВЫЙ: В компании "А".

ВТОРОЙ: То есть?

ПЕРВЫЙ: В налоговой.

ВТОРОЙ: А-а-а...

Второй занимает место рядом с Налоговым инспектором.

ВТОРОЙ (показывает на коляску): Это ваш?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Нет, когда я пришел, коляска уже здесь стояла.

ВТОРОЙ (видит человека на лесах, спрашивает Его, кивая на коляску): Ваш? (Он отрицательно мотает головой.)

Из лаборатории выходит Медсестра и спрашивает Налогового инспектора:

МЕДСЕСТРА (глядя в тетрадку): Как ваша фамилия?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Иванов. А что, обязательно фамилия нужна?

МЕДСЕСТРА: Как хотите. Можете взять псевдоним. Пройдите в лабораторию, надо заполнить вашу медицинскую карту и сдать экспресс-анализ крови. Десять долларов.

ВТОРОЙ: А почему в долларах?

МЕДСЕСТРА: Чтобы два раза не менять.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Из вены?

МЕДСЕСТРА: Из Парижа... Умойте руки (показывает на дверь туалета), мы кровь из пальца берем.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Я уже. А больно?

МЕДСЕСТРА: Как обычно — сначала больно, потом приятно. Вы — натощак?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Да. А без крови нельзя?

МЕДСЕСТРА: Можно. Только Анатолий Михайлович вас не примет. Без анализа он диагноз не ставит, не Господь Бог.

ВТОРОЙ: Знаете, чем хирург отличается от Бога? Бог знает, что он не хирург...

МЕДСЕСТРА: Анатолий Михайлович не хирург. Он скорее гипнотизер. Посмотрит добрыми серыми глазами — сразу мороз по коже. Все симптомы исчезают.

Налоговый инспектор с Медсестрой уходят в лабораторию.

ВТОРОЙ (обращаясь к человеку на лесах): Любезный, ты там наверху поаккуратней, а то я в новом костюме.

В холле появляется Третий пациент. Он говорит по мобильному.

ТРЕТИЙ: ...что нового? Саперы уехали? Ничего не нашли? Все равно оцепление пока не снимайте. (Прячет телефон, обращается ко Второму): Вы крайний?

ВТОРОЙ: Сразу видно, что вы из милиции. Крайнего ищете. Я предпоследний. То есть первый. А второй кровь проливает.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Мне не надо, у меня справка.

ВТОРОЙ: Анализам из внутренних органов они не доверяют. Только из внешних.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: А вы чьих будете?

ВТОРОЙ: Из купцов. Президент компании "Ройся-копайся".

Из лаборатории выходят Медсестра и Налоговый инспектор, который зажимает палец ваткой.

МЕДСЕСТРА (Налоговому инспектору): Все в порядке? Вам понравилось?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР (радостно приглашает): Следующий.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (не отрывая взгляд от кружевной полоски): Девушка, а у меня справка, развернутый анализ.

МЕДСЕСТРА: У нас своя методика. Секретная. Экспресс. Натощак. Десять долларов.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: А валютное регулирование?

МЕДСЕСТРА: Чтоб два раза не менять. Не нравится — идите в районную поликлинику. Там лечат даром.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Что да — то да. Пройдемте, девушка.

Скрываются в лаборатории.
Появляется пара. Он — среднего роста, плечистый и крепкий. Она — крашеная блондинка.

ДАМА: Здравствуйте. Кто последний?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР и БИЗНЕСМЕН (хором): Не я.

БИЗНЕСМЕН: Последний из могикан анализ сдает. А вы на какое время записаны?

ДАМА: Анатолий Михайлович пообещал Бориса Семеновича, учитывая его пост, принять без очереди.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Мы все постимся! Но это не мешает записываться.

ДАМА: Я оценила вашу шутку, но Борис Семенович...

МУЖ ДАМЫ (перебивая ее): Галя, это не Четвертое управление. В очередь — значит в очередь. Будем за тем господином... (В этот момент из лаборатории выходит Правоохранитель. Увидев его, Муж дамы продолжает): ...то есть, за товарищем.

МЕДСЕСТРА (Правоохранителю): Все в порядке? Вам понравилось? Следующий.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (достает пачку сигарет, спрашивает Медсестру): Девушка, у вас тут курить можно?

МЕДСЕСТРА (показывает в сторону угла, отгороженного пожарным щитом): Вон там. (Бизнесмену): Идемте.

БИЗНЕСМЕН: А это не больно?

МЕДСЕСТРА: Вы как ребенок!

БИЗНЕСМЕН: А вы знаете, что отличает взрослого мужчину от маленького мальчика?

МЕДСЕСТРА: Цена игрушек?

БИЗНЕСМЕН: Не только. Мальчика можно одного оставить с няней... (Медсестра смеется. Бизнесмен, гордо подняв вверх средний палец правой руки и пытаясь обнять Медсестру за плечи, вкладывает доллары в нагрудный карман ее халата): Если погибну, считайте меня коммунистом. (Скрывается за дверью лаборатории. Через секунду дверь открывается.) А если нет, то не надо.

Правоохранитель идет в курилку, к нему присоединяется Муж дамы. Закуривают.

МУЖ ДАМЫ (кивает в сторону лаборатории): Кто этот юморист?

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Скромное обаяние буржуазии... Свежий русский.

МУЖ ДАМЫ: Лицо такое знакомое...

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Мелькает по телевизору. Детям конфеты раздает... краденые, наверно. Кстати, ваше лицо мне тоже знакомо. Где мы с вами могли встречаться? (Пауза.) Вы не проходили по делу...

МУЖ ДАМЫ: Нет.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Точно, вспомнил! Серия квартирных краж, Одесса, 76-й год. Сколько ж вам тогда было?

МУЖ ДАМЫ: Двадцать пять.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: А вышли когда?

МУЖ ДАМЫ: В 81-м. Пять лет отдыхал на берегу Святого Лаврентия... Павловича. Когда выходил — пинок под зад дали, чтоб не возвращался. Сразу завязал. Уголовный мир должен быть маленьким, для узкого круга. А когда все в стране воруют, теряешь интерес к профессии. Пошел другим путем.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: А на службе об этом деле знают?

МУЖ ДАМЫ: Так это когда было! При старом режиме... Жертва застоя. Вон у соседей... А я — всего лишь скромный работник областной администрации. Земельные наделы отвожу.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Кто старое помянет... И потом — статейку я вам по молодости мягкую подобрал. Если обращусь — не откажете?

МУЖ ДАМЫ: Я же вам еще тогда пообещал: свои люди — сочтемся. Заходите.

Докурив, возвращаются в очередь.
Человек на лесах переставляет ведра, раздается грохот. Все поднимают головы.

ДАМА: Мужчина!!! Вы, пожалуйста, поосторожней. Сегодня воскресенье, химчистки закрыты.

МУЖ ДАМЫ (заметив коляску): ...и ясли тоже. Кто это додумался сюда с ребенком прийти?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: А может, оставить не с кем?

Внезапно из-за стены доносится марш Мендельсона.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: У них что — ЗАГС на третьем этаже?

Из лаборатории выглядывает Медсестра.

МЕДСЕСТРА: Не обращайте внимания, соседнее помещение духовой оркестр арендует. Репертуар стандартный. Свадьбы и похороны.

(По ходу пьесы в самые неожиданные моменты из-за стены раздается самая неожиданная музыка.)
В холле появляются двое мужчин. За ними плетется третий в комбинезоне, заляпанном краской.

МАКЛЕР: ...помещение подходит вам просто идеально. Здесь небольшой холл и несколько кабинетов. Вот закончим перепланировку на первом этаже — и там будет большой зал для собраний ваших клиентов.

ПОКУПАТЕЛЬ (поправляет): Паствы.

МАКЛЕР: Да, паствы. И ваши адвентисты пятого дня...

ПОКУПАТЕЛЬ: Седьмого.

МАКЛЕР: Простите. Все семь дней будут здесь как у Христа... (испуганно и с сомнением смотрит на Покупателя) ...простите, как у Бога за пазухой. Здесь можно сделать ваш кабинет и приемную.

ПОКУПАТЕЛЬ: Кабинеты можно посмотреть?

МАКЛЕР: Этот закрыт, а сюда — пожалуйста.

Заходят в лабораторию. Сидящие в очереди переглядываются.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР (Правоохранителю): Почему — "для паствы"?

Из лаборатории выходит Бизнесмен, занимает свое место в очереди.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Вы что, не понимаете? Здание продают, здесь будут баптисты, иеговисты... Сейчас все сектанты в законе, прости меня, Господи.

ДАМА: Для церкви любое здание не подходит. Нужна особая аура, намоленное место.

БИЗНЕСМЕН: Ну вот, самое то! Здесь всю жизнь поликлиника была. Знаете, как иногда в очереди к врачу молятся? Или результаты анализов ждут?

Из лаборатории появляются Маклер и Покупатель. Очередь замолкает.

МАКЛЕР: Ну что? Соглашайтесь, падре... Святой отец! Ваше превосходительство! Простите, преосвященство. Ну, по рукам? Давайте так: мы отсюда поедем к нотариусу, оформим задаток, а вы прямо сейчас можете распорядиться насчет ремонта этого этажа. Вот, у нас и мастер здесь. Вася! (Делает знак, мужчина в комбинезоне подходит, достает из кармана блокнот и ручку.)

ПОКУПАТЕЛЬ: Да, пожалуй. Можем начать с этого холла. Здесь будет приемная, а здесь (кивает на лабораторию) мой кабинет. Все строго, в бежевых тонах. Вот эту стену не трогайте, будем приглашать мастеров и сделаем мозаичное панно — "Кара за грехи". А на первом этаже...

Все трое уходят. Из лаборатории выходит Медсестра.

МЕДСЕСТРА: Следующий!

Дама поднимается со своего места, но тут в холле появляется молодой парень с синяком под глазом, с бритым затылком, в модном костюме свободного покроя.

КАВАЛЕР: А можно я без очереди?

МЕДСЕСТРА (Даме): Подождите, присядьте пока.

Дама с недовольным видом достает из сумочки сигареты и направляется в курилку, Медсестра с Кавалером отходят в сторону.

МЕДСЕСТРА (показывает на синяк): Что это у тебя?

КАВАЛЕР: А!.. Родовая травма.

МЕДСЕСТРА: Вчера не было... Ты что, забыл что-то?

КАВАЛЕР: Часы. Утром надевать — нету. Всю квартиру перерыл — найти не могу. А тут как раз по телевизору кто-то говорит: "Не укради!". Смотрю — батюшка воскресную проповедь читает. Вот и я думаю — кто ж мог? Задумался. Тут слышу: "Не прелюбодействуй!". Сразу вспомнил. У тебя, точно. На столе. (Идет в лабораторию.)

МЕДСЕСТРА (вслед ему): Только побыстрее, у мужа сегодня вахта бдительности.

КАВАЛЕР (возвращается): Нету. "Ролекс Даитона", двадцатку денег стоят! Ну я, Мань, в натуре, расчехлился не к месту... Кто сюда еще заходил? (Оглядывается на очередь.)

МЕДСЕСТРА: Ты что, с ума сошел? Здесь уважаемые люди, блатные, не тебе чета.

КАВАЛЕР: Какие блатные? Все лохи, за километр видно. Слушай, я у тебя посижу тут...

МЕДСЕСТРА: Зачем?

Кавалер направляется к очереди.

КАВАЛЕР: За кем буду?

МУЖ ДАМЫ: За мной.

Кавалер оценивающе присматривается, садится рядом. Медсестра наблюдает за ним. Возвращается Дама, подходит к Медсестре.

ДАМА: Ну что?

МЕДСЕСТРА: Пойдемте. (Оглядываясь на Кавалера, уводит ее в лабораторию.)

КАВАЛЕР (Мужу дамы): Который час, не подскажете?

Муж дамы отодвигает рукав пиджака, Кавалер подается вперед, разглядывая его часы.

КАВАЛЕР: Вижу-вижу... (Вздохнув, отодвигается.)

Входит женщина средних лет.

ОНА: День добрый, я к Зайцеву. Кто последний?

Молчание. Все смотрят на Кавалера, который занят тем, что пытается рассмотреть руки соседей.

МУЖ ДАМЫ (Кавалеру): Молодой человек!

КАВАЛЕР: А? Что?

ЖЕНЩИНА: Вы последний?

КАВАЛЕР: Да.

Бизнесмен заинтересованно поглядывает на нее. Женщина садится, достает пачку сигарет, открывает ее, с досадой комкает и прячет обратно в сумочку. Бизнесмен протягивает ей раскрытую пачку.

БИЗНЕСМЕН: Прошу!

ЖЕНЩИНА: Спасибо, а здесь можно?

БИЗНЕСМЕН (показывает в сторону места для курения): Вон там. Разрешите сопроводить?

Они вместе уходят в курилку, закуривают.

БИЗНЕСМЕН: Да, как Минздрав ни предупреждает...

ЖЕНЩИНА: Слишком общие слова, нужна конкретика. Французы на пачках пишут: "Курение способствует старению кожи". Но и это, как видите, не помогает.

БИЗНЕСМЕН: Да, как владелец кожевенного завода, могу это подтвердить.

Пауза.

ЖЕНЩИНА: Вы у этого врача уже были?

БИЗНЕСМЕН: В первый раз. Но друзья рекомендуют. Говорят, любые проблемы решает.

ЖЕНЩИНА: Мне тоже посоветовали, но я толком не поняла, как здесь лечат.

БИЗНЕСМЕН: По анализу крови расписывают всю жизнь. С кем жить, как жить, когда и сколько... Что носить, что снимать. А самое главное — кем работать, а кем — не работать.

ЖЕНЩИНА: Астролог... на крови. И что, помогает?

БИЗНЕСМЕН: По крайней мере, не вредит.

ЖЕНЩИНА: Волков со своим Гемокодом определяет подходящие продукты. А тут... Вы, кстати, знаете, от какого слова происходит слово "врач"?

БИЗНЕСМЕН: Я в курсе. Но вы не можете обвинять кого-то во лжи, не пытаясь поверить.

ЖЕНЩИНА: Так вы не только дерете последние шкуры, но и философствуете?

БИЗНЕСМЕН: Шкуры дерут на бойне. Я их только обкуриваю.

ЖЕНЩИНА: А если вам сейчас скажут, что при вашей группе крови нужно заниматься чем-то другим? Переквалифицируетесь?

БИЗНЕСМЕН: Запросто. Не в первый же раз. А вы?

ЖЕНЩИНА: Нет, меня моя профессия устраивает.

БИЗНЕСМЕН: Какая, если не секрет?

ЖЕНЩИНА: Древнейшая.

Пауза.

ЖЕНЩИНА (смеется): И совсем не то, что вы подумали. Вспомните — "Сначала было СЛОВО". Я журналистка.

БИЗНЕСМЕН: Знаете, моя мама мечтала, чтобы я женился на журналистке.

ЖУРНАЛИСТКА: Наверное, вы плохо себя вели в детстве, и она жаждала возмездия.

БИЗНЕСМЕН: Не пытайтесь меня испугать, тем более что интеллигентные женщины — моя слабость. Хотите, я за вас кровь сдам?

ЖЕНЩИНА (смеется): И нам пропишут одинаковый курс лечения? То есть — режим дня?

БИЗНЕСМЕН: Но если наши анализы не совпадут, врач назначит нам разное время приема пищи, и мы не сможем вместе поужинать.

ЖЕНЩИНА: Я больше боюсь того, что мне запретят носить меха и платину...

Смеются. Затем повисает пауза.

БИЗНЕСМЕН (переходит на серьезный тон): Надеюсь, до ужина мы здесь не просидим. Пообедаем вместе?

ЖЕНЩИНА (смотрит на него задумчиво): Может быть.

БИЗНЕСМЕН (воодушевленный согласием): А может — ну его, этого целителя? Позвольте пригласить вас на завтрак.

ЖЕНЩИНА (смеется): В Японии ухажеры тоже приглашают дам на завтрак. Но делают они это вечером... Нет, мне надо попасть на прием.

БИЗНЕСМЕН: Серьезные проблемы?

ЖУРНАЛИСТКА: Делаю материал про новомодные методики. Недавно у трех врачей по системе Волкова кровь сдала, и мне везде разное питание прописали. Думаю, и здесь будет интересно...

БИЗНЕСМЕН: Ну что ж, я готов голодать до обеда.

Возвращаются к очереди, занимают свои места. Кавалер прогуливается по холлу. Как бы между прочим подходит к Бизнесмену.

КАВАЛЕР: Сколько там натикало?

Бизнесмен смотрит на свои часы, но ответить не успевает.

КАВАЛЕР (разочарованно): Вижу.

Из лаборатории выходит Дама, за ней идет Медсестра.

МЕДСЕСТРА: Следующий!

В лабораторию уходит Муж дамы.

ДАМА (неодобрительно поглядывая на закрывшуюся за ними дверь): Безобразие! Медсестра, а халат на ней... вне всяких приличий.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: А по-моему — ничего...

ДАМА (с сарказмом): Это по-вашему. (Назидательно.) Белый халат — это не просто спецодежда врача, это...

В холле появляется новый персонаж, увидев которого Дама умолкает. Мужчина одет в белый халат. В руках у него объемная сумка. Он подходит к двери в лабораторию и стучит.

МУЖЧИНА: Маша! Маш, это я!

МЕДСЕСТРА: Толик, ты? Я сейчас!

Мужчина ждет. Очередь молча смотрит на него. Дама поворачивается к плакату с портретом врача и надписью "Лечу от всех болезней", затем снова смотрит на мужчину в белом халате.

ДАМА: Здравствуйте, Анатолий Михайлович! С приездом.

Вся очередь встает.

ТОЛИК (подходит к очереди, смотрит на собравшихся): Сердце, почки, легкие, печень...

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Доктор, у меня с почками в последнее время нелады.

ТОЛИК: Возьмите сердце.

Налоговый инспектор прикладывает руку к сердцу.

ТОЛИК: ...или печень.

Налоговый инспектор прикладывает руку к боку.

ТОЛИК: Все свежее. И недорого.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: В каком смысле, доктор?

Из лаборатории выходит Медсестра.

МЕДСЕСТРА: Толик, а кроме ливера есть что-нибудь?

ТОЛИК: Есть шея.

МЕДСЕСТРА (достает из кармана халата деньги, пересчитывает): Ну а чего сразу не говоришь? Вечно начинаешь... с почек... (снова уходит в лабораторию).

ТОЛИК (вздохнув): А ливер я куда дену? Может, пациенты возьмут? (Поворачивается к очереди): Господа, печенка свежая, сердце говяжье, легкие для кошек, собачек — никому не надо?

ДАМА (обиженно и расстроенно): Нет.

ТОЛИК (бурчит себе под нос): Гордые все стали... Дети рынка. Свежая печенка никого не интересует! Раньше ко мне очередь была подлиннее, чем в Мавзолей. Шепотом просили. На себе показывали — кому заднюю часть, кому грудинку, кому язык... Особенно у дамочек это забавно получалось!

Из лаборатории выходит Медсестра с кошельком в руках.

МЕДСЕСТРА: Сколько?

ТОЛИК: Семьдесят.

МЕДСЕСТРА: А совесть?

ТОЛИК: Пятьдесят.

МЕДСЕСТРА: Держи.

Мужчина достает из сумки сверток, отдает ей и уходит.
Медсестра собирается вернуться в лабораторию.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Девушка! (Медсестра останавливается.) Этот мужчина — кто?

МЕДСЕСТРА: Толик? Мясник из соседнего универсама. А что?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Нам показалось, что он... на Анатолия Михайловича похож.

МЕДСЕСТРА: Да, все замечают. Если Толика побрить — родная мать не отличит. (Уходит.)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (смотрит на портрет врача): Просто двойник! И брить не надо!

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Ей виднее — где его нужно брить для полного сходства.

ДАМА: Фу-у. Ну и компания собралась!

ЖУРНАЛИСТКА: Говорят, человек — это клетки, сложившиеся в определенном порядке. Вероятность, что однажды клетки сложатся точно так же, очень мала, но — существует.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Интересно было бы, если б в наши дни повторилась какая-нибудь историческая личность.

МУЖ ДАМЫ: А вы бы кого хотели увидеть?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Не знаю... Может, Петра Первого?

БИЗНЕСМЕН: Учтите, он к мытарям был строг.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Вот сейчас научатся клонировать — и кого хочешь повторят.

ЖУРНАЛИСТКА: Ну, скопируют тело, физические данные... А характер, талант, память?..

Звонок телефона. Из лаборатории выходит Медсестра, снимает трубку.

МЕДСЕСТРА: Приемная. Да. Да, Анатолий Михайлович. (Оглядывается на очередь.) Семь человек. (Пауза.) Да, хорошо, я скажу. (Кладет трубку, обращается к очереди.) Это Анатолий Михайлович звонил, там ЧП... В центре то ли что-то взорвалось, то ли ищут взрывчатку, несколько кварталов оцеплены, пробка большая. Он сказал, что приедет через час, не раньше, и поэтому успеет сегодня принять только троих. Так что...

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Что?

МЕДСЕСТРА: Трое могут его ждать, а остальные... (Разводит руками и уходит в лабораторию.)

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Ну, первые трое и останутся. Я первый пришел, вы за мной были, за вами — вот молодой человек...

ЖУРНАЛИСТКА: А при чем здесь — кто когда пришел? Надо посмотреть, кто на какое время записан, и первые трое останутся. Это же не живая очередь.

ДАМА: Что значит — не живая? Типун вам на язык!

ЖУРНАЛИСТКА: Ой, бросьте эти суеверия...

ДАМА: Какие суеверия? Вы слышали? — опять какой-то взрыв!

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Я так понимаю, добровольно уходить никто не хочет.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Вы же знаете, что Анатолий Михайлович здесь больше принимать не будет, когда и где он теперь откроет свой кабинет — неизвестно. Может, еще два-три месяца к нему попасть будет невозможно.

ЖУРНАЛИСТКА: А вам так уж нужно?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: А вам?

БИЗНЕСМЕН: Это мысль! Давайте разберемся, кто с какой проблемой пришел, и решим, кому из нас нужнее...

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Ага! Щас исповедоваться начнем!

БИЗНЕСМЕН: А что? У меня, например, язва.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР (натянуто): У меня — тоже.

ЖУРНАЛИСТКА (глядя на Налогового инспектора): У-у-у! Ясно. Сейчас все, как один, окажутся язвенниками. И болезнь серьезная, и не проверишь. Впрочем, сюда с ерундой, наверное, не ходят, так что рейтинг заболеваний отпадает. Будем бросать жребий? Где возьмем шапку и бумажки?

ДАМА: Тоже мне фильм "Гараж"! Не буду я тянуть никакие бумажки! Мы с врачом договаривались!

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Все с ним договаривались!

МУЖ ДАМЫ: Тогда будем все ждать, пусть сам решает, кого примет.

БИЗНЕСМЕН: Великолепная семерка!

Очередь умолкает, все рассаживаются по местам. Бизнесмен вынимает пачку, достает сигарету, поглядывая на Журналистку, но она этого не замечает.
Входит молодой мужчина. Он прохаживается по холлу, осматривается, долго и внимательно смотрит на леса. Очередь наблюдает за ним.

ЖУРНАЛИСТКА (вполголоса): Нас все больше...

БИЗНЕСМЕН (так же негромко): ...и значит, шансов все меньше.

Мужчина подходит к очереди.

МУЖЧИНА (показывает на сигарету в руке Бизнесмена): Курим?

БИЗНЕСМЕН (непонимающе): Да... (Оглядывается на портрет врача, снова смотрит на Мужчину.)

МУЖЧИНА: Опасно.

БИЗНЕСМЕН: Я знаю. Ускоряет старение кожи.

МУЖЧИНА: Вот сейчас оштрафую!..

БИЗНЕСМЕН: Все ясно... Борьба со стихией. (Прячет сигарету.)

Пожарный уходит в лабораторию.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Дом горит, часы идут...

КАВАЛЕР: Чьи часы?

ДАМА: В каком смысле?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Мы себе по выходным работать не позволяем!

БИЗНЕСМЕН: Если б вы еще и в будни отдыхали...

Из лаборатории выходят Пожарный и Медсестра.

МЕДСЕСТРА: Кто курит? Где? А гинекологическое кресло с пожарной лестницы мы завтра уберем! Ей-богу!

В этот момент Он на лесах переставляет ведро с водой, вода расплескивается и льется вниз.

МУЖ ДАМЫ: Разверзлись хляби небесные!

ПОЖАРНЫЙ: А средства защиты?

МЕДСЕСТРА: Аптечный киоск в воскресенье закрыт.

ПОЖАРНЫЙ: Не смешно! Где багор, лопата, ведра?

МЕДСЕСТРА: Где ж им быть? На щите! И вообще — нищему пожар не страшен.

ПОЖАРНЫЙ: Про нищего — это не со мной. А огнетушитель?

Медсестра бежит в лабораторию.

ЖУРНАЛИСТКА: Простите, вы в каком звании?

ПОЖАРНЫЙ: Майор.

ЖУРНАЛИСТКА: Господин майор, не скажете, почему все-таки Манеж сгорел?

БИЗНЕСМЕН: Вы лучше его спросите, кто Москву в 12-м году поджег.

Из лаборатории появляется Медсестра в противогазе, с огнетушителем в руках.

МЕДСЕСТРА (глухо, из-под противогаза): Что еще? (Сдвигает противогаз на лоб, говорит запыхавшись и с угрозой): Учтите, нам тут кабинет ГО свое имущество завещал, так что у меня — полный боекомплект! Хотите — вся очередь в противогазах сидеть будет!

ПОЖАРНЫЙ: Не надо! Удушиться готовы из жадности! Если завтра кресло не уберете с пожарного хода, я его конфискую. (Уходит.)

Кавалер подставляет Медсестре стул, она в изнеможении садится и снимает противогаз.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Ловко вы с ним!

МЕДСЕСТРА: А что делать? (Достает из кармана сигарету, Бизнесмен и Кавалер подносят зажигалки.) Вот недавно рыбнадзор приходил, по поводу аквариума. Которого у нас нет. Это было посмешнее.

ЖУРНАЛИСТКА: Три визита пожарной охраны равны пожару.

БИЗНЕСМЕН: А санитарных врачей — эпидемии.

МЕДСЕСТРА: Не накличьте!

Пауза. В холл заходит пожилой мужчина интеллигентного вида.

МЕДСЕСТРА (с подозрением): Вы к врачу?

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Да. Простите, за кем буду?

МЕДСЕСТРА: Без разницы. (Уходит в лабораторию.)

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Простите, не понял?..

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Врач задерживается, понимаете ли, сказал, что всех принять не успеет. Ждем-с.

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Ну, что ж, принимайте в компанию.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Семеро одного дождались.

Новый пациент садится на свободный стул, осматривает холл, затем присматривается к картине "Понтий Пилат...", встает, подходит к ней почти вплотную, близоруко осматривает холст, затем отходит, снова рассматривает его издали.

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Очень интересно!

БИЗНЕСМЕН: Что ж тут интересного? Типичная советская халтура. В молочном корпусе на базаре — счастливые доярки, в военкоматах — Брежнев на Малой Земле...

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Да, соц-арт. Но такие нестандартные сюжеты, как здесь, редко попадаются. "Понтий Пилат, умывающий руки"... Это уже перестройка. В семидесятых за ТАКОЕ художнику дали бы по шее.

ДАМА: Могли бы и не догадаться — подписи же нет. Просто человек моет руки. Может, это полководец какой-нибудь древний, из похода вернулся.

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Нет, сразу понятно. (Цитирует): "...взял воды и омыл руки перед всем народом, сказав: чист я от крови этого праведника".

БИЗНЕСМЕН: Так точно помните?

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Еще бы не помнил! Пятнадцать лет в университете научный атеизм преподавал!

ЖУРНАЛИСТКА (присматривается к Новому пациенту): Да-да, я вас помню, профессор... Петр Павлович, если не ошибаюсь?

ПРОФЕССОР: Почти. Павел Петрович.

ЖУРНАЛИСТКА: Да, простите. А сейчас чем занимаетесь?

ПРОФЕССОР: Все тем же — преподаю. Историю религии. И возглавляю фонд "Возрождение".

БИЗНЕСМЕН: Что возрождаете?

ПРОФЕССОР: Храм Божий.

БИЗНЕСМЕН: Все повторяется... Из Савла — в Павла.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Строительство храма — дело очень нужное, а главное — добровольное! Очищаются души наши от скверны.

БИЗНЕСМЕН: И мы сподобились этой благости. Очистились. Поелику возможно. После того, как нам сделали предложение, от которого мы не смогли отказаться.

ПРОФЕССОР: Какое?

БИЗНЕСМЕН: Или налоговый десант, или — установка мраморных плит с десятью заповедями.

КАВАЛЕР (вмешивается): Их десять???

ПРОФЕССОР: А по-вашему — сколько?

КАВАЛЕР (загибая пальцы): "Не укради", "Не прелюбодействуй", "Не возжелай жены... ближнего"... Нет, "жены соседа"... Не помню, блин!

ПРОФЕССОР: А также "Не поминай имени Господа всуе", "Не убий", "Чти отца своего и мать свою"...

КАВАЛЕР (перебивает): Мать твою!.. Вспомнил! Точно!!! (Идет к лаборатории, распахивает дверь): Мань, все нормально! Я ж вчера к маме заезжал! Часы снял, когда руки мыл! Все, пока, я позвоню. (Направляется к выходу.)

ЖУРНАЛИСТКА (вслед кавалеру): Молодой человек! (Кавалер уходит.) Ну вот, на одного страждущего меньше. За кем я теперь?

МУЖ ДАМЫ: За мной.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (подходит к картине и рассматривает ее): А что это, собственно, означает? По какому поводу он руки мыл?

В холле появляется молодой человек приятной наружности, в строгом черном костюме. Он сразу направляется к очереди.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Добрый день, дамы и господа! Я являюсь представителем агентства "Райский отдых". Ознакомьтесь с предложениями нашей компании. Вот здесь (он раздает сидящим рекламные листовки) подробно описаны услуги, предоставляемые агентством. У нас прекрасный транспорт, надежная бронь на самые привлекательные места. Гарантированная глубина погружения. Музыкальное сопровождение. Прогрессивная скидка на все дополнительные услуги. Все средства передвижения изготовлены из ценных пород дерева, отличаются изысканной отделкой и самыми высококачественными аксессуарами...

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР (отрывается от листовки, вскакивает и кричит): Вы что, с ума сошли?!! Какие средства передвижения? Куда?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: На райский отдых.

На крик выбегает Медсестра, видит Молодого человека.

МЕДСЕСТРА: Сколько же можно! Второй раз за неделю! Милиции на вас нету!

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (хмуро): Есть милиция. Хоть сейчас оформлю... Достает из кармана "корочку". Увидев ее, рекламный агент направляется к выходу, говоря уже на ходу: "Я делаю свою работу! Вы не имеете права...".

МЕДСЕСТРА: Который раз выгоняю! Додумался — в поликлинике гробы продавать! В прошлый раз из очереди сразу трое ушли — говорят, рекламные агенты свой товар предлагают там, где выгодно... (Налоговый инспектор медленно поднимается с места.) Да успокойтесь вы! Эти гробопродАвцы везде лезут. И в заведение напротив — тоже.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: А там — что?

МЕДСЕСТРА: Детский сад. За внуками бабушки-дедушки приходят — потенциальные клиенты...

ЖУРНАЛИСТКА (до этого молча читавшая листовку): Тоже буду коллекционировать. (Читает): "Не для вас, а для тех, кто вам дорог". Не хватает только рекламной акции: "Загляни под крышечку"...

Профессор морщится, прикладывает руку к сердцу.

ДАМА: Что с вами?

ПРОФЕССОР: Сердце что-то закололо. (Роется в карманах.) И валидол дома оставил...

В холле появляется мужчина лет пятидесяти, явно молодящийся потертый красавец. Зычным, хорошо поставленным голосом обращается к очереди.

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Добрый день, господа. Вы — к Анатолию Михайловичу? Кто последний?

ПРОФЕССОР: Я.

МЕДСЕСТРА: Мужчина! Я должна предупредить! Доктор задерживается и всех принять не сможет. Будете ждать?

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ (смотрит на часы): У меня вообще-то времени в обрез, но часик я подожду.

Медсестра уходит в лабораторию. Новый пациент садится на свободное место, рядом с Журналисткой. Жена чиновника внимательно смотрит на него, затем отворачивается. Журналистка присматривается к новому соседу.

ЖУРНАЛИСТКА: Простите, мы не знакомы?

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ (польщенный вниманием, с ноткой кокетства): Вряд ли.

ЖУРНАЛИСТКА: Нет, мы точно где-то встречались.

НОВЫЙ ПАЦИЕНТ: Возможно, вы видели меня на сцене.

Очередь заинтересованно прислушивается.

ЖУРНАЛИСТКА: Вы артист? Нет, в театре я давно не была. А на телевидении вы не работаете?

АРТИСТ (с меньшим удовольствием): Да, был один сериал...

ЖУРНАЛИСТКА: Нет, я сериалы не смотрю. А в рекламе вы не снимались?

АРТИСТ (мрачнея): Нет.

ЖУРНАЛИСТКА: Ну как же!.. Вы играли в ролике о кондиционерах, фирма "Ледниковый период".

АРТИСТ (с намеком): Вы не ошибаетесь? Экран изменяет лицо, к тому же рекламу мы смотрим мельком...

ЖУРНАЛИСТКА: Я этот ролик раз двести смотрела. И очень внимательно. Потому что писала к нему сценарий.

Пауза. Очередь заинтересованно ждет ответа, только Дама по-прежнему не смотрит на Артиста.

АРТИСТ (смеется, обращается большей частью к очереди): Да, был грех, уговорили меня на эти съемки. Им нужно было располагающее лицо, хороший голос. Конечно, после роли Мастера сниматься в рекламе... Но — сами понимаете!.. (Журналистке): Кстати, это не вы делали радиорепортажи о безопасном сексе в армии? Про старшину Петрова, который без презервативов солдат в увольнение не отпускает. По-моему, это был ваш голос.

ЖУРНАЛИСТКА: Это был мой вклад в укрепление обороноспособности.

Пока она говорит, Дама встает и направляется в место для курения. Артист смотрит ей вслед и достает из кармана сигареты.

АРТИСТ (стараясь свернуть беседу): Простите, я, пожалуй, пойду покурю.

Направляется за Дамой. Она стоит к нему спиной. Он подходит, становится чуть в стороне. Закуривает.

ДАМА (не оборачиваясь): Ну вот, ты же всегда мечтал, чтобы тебя узнавали. Только хотел, чтобы узнавали в ресторане, на улице. А слава вот где догнала.

АРТИСТ: И место не то, и слава не такая.

ДАМА: Ты что, болеешь?

АРТИСТ: Да вот, гипертония...

ДАМА: Как там говорил этот ваш... Склифосовский? "Не верю!"

АРТИСТ (обиженно): Почему это у меня не может быть гипертонии?

ДАМА: Раньше была другая... любимая болезнь.

АРТИСТ: Я мог измениться.

ДАМА: Помнишь, после свадьбы, у старушки комнату снимали? Она мне говорила: "Галочка, мужчины не меняются. Какого взяла, с таким всю жизнь и проживешь...".

АРТИСТ: Ну и что! Пьяный проспится, дурак — никогда!

ДАМА: Господи, как давно этого не слышала! Вообще — ты как? Женат?

АРТИСТ: Более-менее...

ДАМА: Это которая уже?

АРТИСТ: А ты все еще бухгалтер?

ДАМА: Главный.

АРТИСТ: А здесь почему?

ДАМА: Мужа к врачу привела. И хочу тебя попросить — не надо, чтобы он понял, что мы знакомы.

АРТИСТ: Ты про меня не рассказывала?

ДАМА: Зачем?

Дама уходит и занимает свое место в очереди.

МУЖ ДАМЫ (глядя на часы, недовольным тоном): Что-то долго...

ДАМА: Господи... На минутку пошла покурить!

МУЖ ДАМЫ: Ну что ты! Я говорю — времени столько сидим... А анализы-то надо было натощак сдавать. Перекусить бы.

БИЗНЕСМЕН: Тут поблизости никакого кафе нет? Или магазина?

МУЖ ДАМЫ: Медсестру надо спросить.

ЖУРНАЛИСТКА: Есть магазин. Откуда этот Толик приходил.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Я все равно не пойду. Так можно свою очередь пропустить.

В холле вновь появляется Маклер с другим покупателем. За ними все так же плетется мастер Вася.

БИЗНЕСМЕН: О! — начались голодные галлюцинации. По-моему я его уже видел.

МАКЛЕР (Покупателю № 2): ...помещение подходит вам просто идеально. Вот закончим перепланировку на первом этаже — и там будет большой зал для собраний...

ПОКУПАТЕЛЬ № 2: Свиданий.

МАКЛЕР: Да-да, разумеется, для свиданий. Здесь — кабинеты...

ПОКУПАТЕЛЬ № 2: Под тайский массаж подойдут?

МАКЛЕР: Под всевозможный! Останетесь довольны.

ПОКУПАТЕЛЬ № 2: Показывайте.

МАКЛЕР: Тут медицинский центр был, все выехали, а один врач еще принимает. Но вы не беспокойтесь, завтра здесь никого не будет.

ПОКУПАТЕЛЬ № 2: А какой врач? Что лечит? Может, я его и выселять отсюда не буду. Возьму в штат — и для персонала, и для клиентов.

МАКЛЕР: Нет, он другой ориентации.

Заходят в лабораторию. Очередь молчит, поглядывая на оставшегося в холле Васю.
Вскоре Маклер и Покупатель № 2 выходят из лаборатории.
Последний брезгливо вытирает руки платком.

ПОКУПАТЕЛЬ № 2: Милый, это же не поликлиника, это грязелечебница! Здесь все надо дезинфицировать, а только потом к ремонту приступать! Чтоб рабочие не заразились.

МАКЛЕР: Ну, не преувеличивайте!

ПОКУПАТЕЛЬ № 2: Это вы преувеличиваете. Цену этого сарая. Раза в полтора. Имейте в виду, что меня этот храм бесплатной медицины интересует только потому, что мне нужно здание такой площади в этом районе. Ну что?

МАКЛЕР (хмуро): Договоримся.

ПОКУПАТЕЛЬ № 2: Тогда поехали к нотариусу. (Направляются к выходу, по пути Покупатель комментирует.) На этом этаже перегородки не сносите. Ничего не трогайте, ремонт мы будем делать сами. Все в тонах бордо, с золотом. Здесь — зеркала. А тут — гобелен "Сладость греха". (Уходят.)

БИЗНЕСМЕН: Разве под молельный дом это не продали? Батюшка, вроде, согласился.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Значит, передумал.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (задумчиво): Все может быть.

БИЗНЕСМЕН (прохаживается по холлу): И скучно, и грустно... (Подходит к стоящему в углу пианино, открывает крышку, берет аккорд. Затем возвращается к очереди, обращается к Правоохранителю): Давайте перенесем.

Бизнесмен и Правоохранитель переносят к пианино секцию из четырех скрепленных стульев.
Бизнесмен садится к пианино и начинает играть танго.
На звуки из лаборатории выходит Медсестра, аплодирует Бизнесмену.
К ней подходит Правоохранитель.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (Медсестре): Чай? Кофе? Потанцуем?

Танцуют. Артист подходит к Даме.

АРТИСТ (церемонно, ее Мужу): Вы позволите?

ДАМА: Я не танцую.

МУЖ ДАМЫ: Ну что ты, Галочка...

Дама, поколебавшись, протягивает руку Артисту. Танцуют.
Журналистка слушает игру Бизнесмена, облокотившись на пианино.

БИЗНЕСМЕН: Вы про обед не забыли?

ЖУРНАЛИСТКА: С каждой минутой я думаю о нем все больше. Очень есть хочется!

БИЗНЕСМЕН: Я тоже есть хочу. (Оглядывается на танцующих): И танцевать! Товарищи, меня никто не подменит?

Все смеются.
В холле появляются трое мужчин в робах. С минуту стоят в стороне, незамеченные, наблюдают за танцами.

ПЕРВЫЙ ГРУЗЧИК (громко): Мы за инструментом.

Все останавливаются.

МЕДСЕСТРА (огорченно): Может, завтра?

ПЕРВЫЙ: Наряд на сегодня.

Танцующие расходятся. Бизнесмен закрывает крышку пианино. Грузчики достают ремни, "впрягаются"... Протащив первый метр в сторону выхода, останавливаются, тяжело дышат.

ВТОРОЙ ГРУЗЧИК: Зачем тут пианино? В поликлинике?..

ПЕРВЫЙ: Наверное, нервы психам успокаивают.

ТРЕТИЙ: А у меня от соседского рояля они только расшатываются. Убил бы за эти бемоли!

ПЕРВЫЙ: Ты откуда такие слова знаешь?

ТРЕТИЙ: Учился в детстве.

ВТОРОЙ: Ну?

ТРЕТИЙ: Гну! Выйдешь из дому, папку с нотами в подъезде спрячешь — и в футбол гонять.

ПЕРВЫЙ: Вот выучился — носил бы папочку. А теперь пианино носишь! Поехали, Шуберт!!!

Вытаскивают пианино из холла. Из-за кулис слышны их крики:
"Осторожно, бабки, заденем!". Грохот, крики, удары по клавишам...
На сцене появляются две пожилые женщины.
Одна с большой сумкой, вторая в темном платье и платке, в руках у нее шкатулка.

ЖЕНЩИНА С СУМКОЙ (Женщине со шкатулкой): Очередя, очередя кругом... Во! Я ж тебе говорила — тут всегда народ есть! И покупают!

ЖЕНЩИНА СО ШКАТУЛКОЙ (подходит к очереди): Пожертвуйте на строительство храма! Купите крестик! Крестики — самшитовые, бирюзовые, кипарисовые...

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (Профессору): Конкурирующая фирма! "Возрождение-2".

ПРОФЕССОР: Это к нам не относится.

ЖЕНЩИНА СО ШКАТУЛКОЙ (подходит к Профессору, кланяясь): Купите крестик!

Профессор отворачивается.

ЖЕНЩИНА СО ШКАТУЛКОЙ (подходит к Даме): Купите крестик!

Дама роется в сумочке, дает Женщине купюру. Женщина протягивает ей шкатулку.

ДАМА: Крестика не надо.

ЖЕНЩИНА СО ШКАТУЛКОЙ: Спасибо! Храни тебя Господь! (Идет дальше, подходит к Бизнесмену.) Купите... (Смотрит на него.) Вам не надо... (Подходит к Налоговому инспектору.) Купите крестик!

Налоговый инспектор отрицательно качает головой. Женщина возвращается к Женщине с сумкой. В этот момент Он спускается с лесов.

ЖЕНЩИНА С СУМКОЙ (увидев Его): Ой, а мне сказали, что ваша бригада сегодня не работает, так у меня все обеды штукатуры разобрали, с первого этажа. Ну ничего, у меня кое-что осталось...

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Женщина, что у вас?

ЖЕНЩИНА (роется в сумке): Все, что есть, я ему отдам. Их бригадир мне за неделю вперед заплатил.

ОН: Спасибо, я не буду. Отдайте им.

ЖЕНЩИНА С СУМКОЙ: Что ж ты, голодный будешь целый день?

ОН: Не хочется. Отдайте, им еще сидеть... Врач не скоро приедет. (Берет ведро и снова поднимается на леса.)

ЖЕНЩИНА С СУМКОЙ: Ладно, продам. Но у меня на всех не хватит. (Роется в сумке, достает что-то в кулечках.) Пять булочек, две рыбы. Еще ходоки есть.

ДАМА: Какие ходоки?

БИЗНЕСМЕН: Это она так хот-доги называет. Русский вариант хот-дога — сосиска в тесте. Что может быть лучше?

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Сарделька в теще.

ДАМА: Фу-у. Ну и компания собралась.

БИЗНЕСМЕН: Булочки свежие?

ЖЕНЩИНА С СУМКОЙ: Нет, черствые.

ДАМА: А хот-доги?

ЖЕНЩИНА С СУМКОЙ: Возьмите лучше булочки.

Все подходят к Женщине с сумкой, разбирают у нее булочки, отдают деньги, возвращаются на свои места. Жуют. Женщины уходят.
В холле появляются две дамы в деловых костюмах. Не взглянув на очередь, они прямиком направляются в лабораторию.

БИЗНЕСМЕН: Интересно, что они продают?

МУЖ ДАМЫ: А может, покупают. Вдруг это новые претенденты на здание?

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (к очереди): Какие еще будут версии?

Дверь открывается, и из лаборатории выходят посетительницы и Медсестра.

МЕДСЕСТРА: ...но ведь Анатолий Михайлович с вами договорился!

ЖЕНЩИНА: На ту сумму — договорился на неделю. А сегодня уже воскресенье. И где он сам? (Все вместе они заходят в туалет.)

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Они врача в туалете ищут? Его там нет, точно, я заходил.

Вся троица выходит из туалета.

МЕДСЕСТРА: ...но вода только что была!

ЖЕНЩИНА: А сейчас нет. Туалетом пользоваться нельзя.

МЕДСЕСТРА: Но люди же пришли, я не могу его закрыть!

ЖЕНЩИНА: Мы предупреждали. Будем опечатывать.

МЕДСЕСТРА: Вы нам в пятницу разрешили...

Женщины молча достают бумажки, печати, веревочки, опечатывают дверь в санузел и молча удаляются.

ЖУРНАЛИСТКА: Все. Сортир закрыт. Террористы могут спать спокойно.

БИЗНЕСМЕН: Да-а... Раньше были две беды — дураки и дороги. Теперь — три: мытари, пожарные и санэпидемстанция.

В холле вновь появляется Маклер, он ведет Покупателя № 3.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Не может быть!

МАКЛЕР (Покупателю № 3): Это здание подходит вам как нельзя лучше! На первом этаже — большой зал, здесь, на втором — холл и кабинеты. Вашим массажистам...

ПОКУПАТЕЛЬ № 3: ...Визажистам.

МАКЛЕР: Ну, как изволите... есть, где развернуться. Посмотрите, какая планировка, можно пофантазировать насчет дизайна. Вот эта стена

отлично подходит для мозаики... Что-нибудь древнее. Скажем, царица Савская, делающая депиляцию...

ПОКУПАТЕЛЬ № 3: Это кто?

МАКЛЕР: Была такая. Сваталась к Соломон Давыдычу... к царю Соломону, бриллианты посылала, с загадками всякими, но волосатые ноги помешали.

ПОКУПАТЕЛЬ № 3: Соломона?

МАКЛЕР: И его тоже... Сейчас, к сожалению, один кабинет посмотреть нельзя, тут еще врач принимает, это к нему... (Поворачивается к очереди.)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (перебивает его): Здравствуйте! Мы — участники аукциона на покупку здания. Можно вас на минуточку?

Правоохранитель берет Маклера под руку, отводит его в курилку, достает и кармана "корочку".

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Документы.

МАКЛЕР: Я... Да... (Роется в карманах.) ...в другом пиджаке оставил. Вот визитка.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (читает): Агентство "Варианты"?..

МАКЛЕР: Простите, а в чем, собственно...

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Мне показалось, что с двумя предыдущими клиентами ты уехал оформлять задаток.

МАКЛЕР: Нет, они передумали.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Разве? А куда ты их везти собирался?

МАКЛЕР: В четвертую нотариальную...

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: В воскресенье?!

Маклер молчит.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Мне кажется, что до нотариуса ты их все-таки довез.

МАКЛЕР: Нет, они не поехали...

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (рассматривая визитку): Вариант один. Мы едем в отделение, которое, как и твой нотариус, работает без выходных и...

МАКЛЕР: Не надо. Давайте решать на месте.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (по-дружески обнимает Маклера за плечи): Ты пойми, отдавать или не отдавать мне задатки — так вопрос не стоит... Вот что с тобой дальше будет? Посмотри, сколько свидетелей в очереди...

МАКЛЕР: Я лучше сразу заплачу за консультацию. (Передает ему конверты.)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Можешь обращаться. (Визитку Маклера прячет в карман, а ему отдает свою.) Вижу, предприниматель ты молодой, так что — консультироваться, консультироваться и консультироваться!

МАКЛЕР: А с этим клиентом как?

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Вези в нотариальную. Что мы — не люди?

Возвращаются в холл. Правоохранитель занимает свое место в очереди.

ПОКУПАТЕЛЬ № 3 (Маклеру): Эти люди тоже хотят купить помещение?

МАКЛЕР: Да. Но если вы добавите пять тысяч, оно ваше.

ПОКУПАТЕЛЬ № 3: Срочно едем к вашему нотариусу! Я согласен. (Уходят.)

В холле появляется мужчина восточной наружности с роскошным букетом роз. Осмотревшись, подходит к очереди.

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА (говорит с сильным акцентом): Мне нада врач Мария.

В очереди переглядываются.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Врач здесь — Анатолий Михайлович.

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Нет, Мария.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Он, наверное, медсестру ищет. (Показывает в сторону лаборатории): Там.

МУЖ ДАМЫ: Да-а... Врач отсутствует, зато медсестра ведет прием — за двоих.

Мужчина подходит к лаборатории, распахивает дверь.

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Мария, я приехал!

На пороге появляется Медсестра.

МЕДСЕСТРА (растерянно): Ты кто?

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Али! Ты же мне письма писал.

МЕДСЕСТРА: Писал... Да, писала. Как ты тут оказался?

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Приехал. Звоню. Девушка говорит: нет связи с телефоном вашего абонента. В агентство пошел, договорился. Дали домашний. Позвонил. Брат твой сказал, что ты на работе, я спросил — где...

МЕДСЕСТРА (в ужасе): Брат? И он сказал — где?!

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Сказал.

МЕДСЕСТРА: Все, спасайся, кто может.

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: ...я адрес взял и нашел. Мария, я за тобой приехал. Иди замуж.

МЕДСЕСТРА: Куда?

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: За мной.

МЕДСЕСТРА: Я говорю — куда? Ты где живешь?

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Кушка знаешь? Туркмения.

МЕДСЕСТРА: Что? Мне же в агентстве говорили, что у них только зарубежные женихи... Я же иностранца искала!

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Ты хотел иностранца — раз? Богатый — два? Я сюда ехал — визу делал. Значит, иностранец. Триста овец — значит богатый. Зато тебе английский учить не нада. А мне жена-медработник нада!

МЕДСЕСТРА: Нада — не нада... А если не медработник — тогда не подходит?

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: У меня жена-учитель есть, а вторая — повар. Врач нада.

МЕДСЕСТРА: Две жены?

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Если в семье одна жена, она может стать эгоистка.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Мария, соглашайся! Раз третью жену берет — значит, мужик крепкий! А инородца ты сама хотела.

ДАМА: Куда же ты ему письма отправляла, если не знала, где он живет?

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: В интернат.

ДАМА: Куда???

МАРИЯ (чуть не плача): По интернету мы переписывались.

Мужчина протягивает ей букет. Мария берет цветы, говорит: "Сейчас", — и уходит в лабораторию. Возвращается без букета. В этот момент в холле появляется ее Муж.

МЕДСЕСТРА (Товарищу с Востока, официальным тоном): Проходите, пожалуйста, присаживайтесь.

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА (не понимая): Как?

МЕДСЕСТРА (шепотом): Быстро!!!

АРТИСТ (подхватывает): За мной будете. (Тянет Товарища за рукав, усаживает его рядом с собой.)

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Мария!

МЕДСЕСТРА: ...Николаевна. Сейчас придет доктор и вас примет.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР (вздохнув): Хотелось бы...

МЕДСЕСТРА (подходит к мужу, ласково): Ты что-то хотел?

МУЖ (кивает в сторону очереди): Это кто?

МЕДСЕСТРА: Пациенты. Анатолий Михайлович задерживается...

МУЖ: Я говорю — вон тот, абрек, — кто это?

МЕДСЕСТРА: Тоже пациент.

МУЖ: Он звонил к нам домой, полчаса назад. Спрашивал, где ты.

МЕДСЕСТРА: Ты о чем? Наверное, ошибся кто-то.

МУЖ (с угрозой): Мария!

МЕДСЕСТРА: Николаевна! Что ты хочешь? Тебе опять что-то померещилось?

МУЖ: Померещилось? (Бежит в лабораторию.)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Да-а. От такого — хоть в Туркмению. (Товарищу с Востока): У тебя две жены, у нее, видишь, тоже муж есть. Ревнует. Скажи, что ты к врачу.

Муж выходит из лаборатории. В руках у него — банка, в которую медсестра успела поставить букет.

ЖУРНАЛИСТКА: Мужчина, поосторожнее! Это мои цветы!

МУЖ: Ваши?

ЖУРНАЛИСТКА: Мои. Я врачу принесла, хочу его поблагодарить. Попросила Машу в воду поставить, чтобы не завяли.

Муж ставит банку с цветами на пол, подходит к очереди.

МУЖ (Товарищу с Востока): Ты что, к врачу?

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Да. У меня печен. Понимаешь, да? — печен.

Муж медсестры направляется к выходу. Останавливается.

МУЖ: Мария! Домой не приходи!

Уходит. За кулисами, грохот, что-то падает.
Телефонный звонок. Медсестра берет трубку.

МЕДСЕСТРА: Алло. Да, Анатолий Михайлович! (Все затихают, прислушиваются.) Что? Хорошо, я скажу. (Кладет трубку. Очереди): Доктор звонил. Там все еще оцеплено. Сказал, что приедет, но принять успеет только одного.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (зловеще): Ну, пусть он уже, наконец, приедет, а мы разберемся — кто, как, кого и где примет.

Медсестра уходит в лабораторию.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Я все-таки пришел первым...

БИЗНЕСМЕН: Если на то пошло — я первым записан. Имейте совесть! Я же вам говорил — я год к этому врачу попасть не могу! Который раз записываюсь!..

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Год ждали — значит, еще пару месяцев подождете, ничего с вами не будет!

БИЗНЕСМЕН: Почему я должен ждать? Я на сегодня записан! Первым!

ПРОФЕССОР: Ибо сказано: "И последние станут первыми"...

ДАМА: А мне все равно, кто первый, кто последний! Я лично с Анатолием Михайловичем договаривалась, и он мне сказал, что нас примет.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Вас???

ДАМА: Меня и мужа.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Вас же двое, а времени у него будет — на одного.

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Так говорят, муж и жена — один... этот, с рогами...

ДАМА: Бараны твои с рогами!

МУЖ ДАМЫ (Товарищу с Востока): Да, молодой человек, вы не вмешивайтесь. Машин муж ушел, так что — вы свободны.

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Я Марию жду.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Ждите молча!

ПРОФЕССОР: Послушайте! Мне хотят операцию делать... Я обязательно должен с Анатолием Михайловичем проконсультироваться — может, не надо резать?..

МУЖ ДАМЫ: Почему — "не надо"? Пусть режут. Самый точный способ диагностики — вскрытие.

ПРОФЕССОР: Как вы можете?..

ЖУРНАЛИСТКА (Бизнесмену): Если не прорвусь — у меня будут неприятности. А в редакции — сокращение штатов... (Остальным): Послушайте, давайте кинем жребий.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Еще чего!

ЖУРНАЛИСТКА: Вы-то почему против? Вы — третий, лишний. Вам иначе ничего не светит.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Посмотрим!

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР (Журналистке): Дамочка, вы, кстати, даже кровь не сдавали! (Профессору.) И вы тоже! Кто кровь сдал — те и будут жребий тянуть.

ПРОФЕССОР: Я сейчас сдам!

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Сейчас! Разбежался! Прием крови окончен.

ПРОФЕССОР (растерянно): Почему?

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Маша уезжает. В Туркмению.

БИЗНЕСМЕН: Бросьте эти шутки! Надо все-таки определиться, кто останется!

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Пусть Анатолий Михайлович сам решит.

АРТИСТ: Может, все-таки жребий бросим? Мне очень надо!

ДАМА: Тебе-то зачем! Алкоголик!.. Тебя кодируй — не кодируй...

МУЖ ДАМЫ (непонимающе): Галя?!

ПРОФЕССОР: Послушайте, вы же все — молодые люди, у вас здоровье покрепче...

ЖУРНАЛИСТКА: Вы, кстати, тоже неплохо выглядите.

ПРОФЕССОР: У меня сердце...

ДАМА: У всех сердце.

ПРОФЕССОР: Поймите, меня в пятницу уже хотят оперировать! Я должен посоветоваться с Анатолием Михайловичем!

МУЖ ДАМЫ: Почему именно с ним?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Действительно! Советуйтесь... со своим непосредственным начальством.

ПРОФЕССОР: Вы кого имеете в виду?

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Сходите в церковь, поставьте свечку... Господь и укажет вам... верный путь. По знакомству.

Профессор хватается рукой за сердце.

ЖУРНАЛИСТКА: Только не говорите, что мы оскорбляем ваши религиозные чувства. Лет десять назад у вас их не было.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Точно! Вчера атеист, сегодня храмы строит... А если завтра талибы придут — муфтием станешь?

АРТИСТ: Оставьте вы его в покое! Давайте все-таки жребий бросим!

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Бросим! Но без тех, кто не сдал кровь.

Вдруг Профессор хватается за сердце и падает на пол. Его подхватывают, усаживают в кресло, суетятся вокруг него: "Галстук, галстук ему развяжите!..", "Воды надо...", "Валидол!..". Бизнесмен бежит в лабораторию и возвращается с Медсестрой.

МЕДСЕСТРА: Да нет же ни черта, кроме нашатыря и спирта, все давно продали! (Наклоняется к Профессору и подносит к его носу ватку с нашатырем.)

Тем временем Он спускается с лесов, подходит к очереди и с трудом проталкивается к Профессору.

ОН (неожиданно громко и жестко): Отойдите, отойдите все! (Берет Профессора за руку, нащупывая пульс, обращается к Медсестре.) Вызывайте "скорую", кардио, быстрее! (Медсестра убегает в лабораторию. Он развязывает на Профессоре галстук, расстегивает рубашку, обращается к очереди): Надо переложить его... (Мужчины помогают и перекладывают Профессора на пол.)

ДАМА (в истерике бросается к запертому кабинету врача, колотит в дверь кулаками, потом бежит к лестнице, кричит): Есть здесь врач? Врача, скорее!

ОН: Я врач! Валидол, нитроглицерин есть у кого-нибудь?

БИЗНЕСМЕН: Нет, и в лаборатории тоже.

МЕДСЕСТРА (выглядывая из лаборатории): Не могу дозвониться, даже гудков нет!

ДАМА: У него губы синеют.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Да он уже — все...

ОН: Нет, пульс еще есть.

БИЗНЕСМЕН (бежит к дверям): Я в аптеку, что принести?

МЕДСЕСТРА (выходит из лаборатории): Дозвонилась! Сейчас приедут!

ОН: Пульса нет.

Несколько секунд тишины, затем — визг Дамы.

ОН: Уведите ее. Быстро. Все отойдите.

Артист отводит Даму в сторону, обнимает ее, она плачет, уткнувшись в его плечо. Все чуть отступают, образуя полукруг возле лежащего на полу человека, и Он начинает делать ему массаж сердца. Постепенно круг смыкается, очередь скрывает от зрителей Его и Профессора. Тишина, только часы с маятником вдруг начинают громко тикать, словно вновь слышны удары сердца. Проходит минута, очередь расступается, вдруг Журналистка кричит: "Воды, скорее!!!". Медсестра бежит в лабораторию, возвращается со стаканом воды, по дороге половину расплескивает.

ОН: Его положить надо...

МЕДСЕСТРА: В кабинете врача есть кушетка.

ОН: Ключ есть?

МЕДСЕСТРА: У Анатолия Михайловича.

ОН (осматривается, обращается к Правоохранителю): Вы можете дверь выбить?

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Эту? Легко. Кто отвечать будет? Господь Бог?

ОН: Да. Ломайте.

Правоохранитель вышибает плечом хлипкую дверь, и Он с Налоговым инспектором и Бизнесменом уносят Профессора в кабинет врача.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР (возвращаясь в холл): Этого не может быть. Он же уже не дышал, посинел, и пульса не было.

ДАМА (кивает в сторону кабинета врача): Разве он — врач? Почему он тогда стенки красит?

Из кабинета в холл возвращается Бизнесмен.

МЕДСЕСТРА: Он из Назрани, беженец. А вообще он терапевт, поликлиникой там заведовал, в поселке, недалеко от города...

ДАМА: Чего же уехал?

МЕДСЕСТРА: Да я не знаю толком... У него там, кажется, документы пропали. А потом неподалеку была перестрелка, двоих чеченцев убили, и у одного оказались Его документы. Он все бросил, сюда приехал, в бригаду устроился...

ДАМА: А вы откуда все это знаете?

МЕДСЕСТРА: Знаю. Он моего брата лечит. Брат после аварии лежит. Врачи сказали — ходить не будет. А Он ему всего два раза массаж с какими-то травами сделал — и такое улучшение!.. Целитель от Бога!

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Он лечит? Не Анатолий Михайлович?

ДАМА: А он (кивает вверх, на леса) — все болезни лечит?

ОН (выходя из кабинета): Лечат не болезни, лечат людей... (Медсестре, кивая на кабинет): Маша, побудьте с ним. (Медсестра уходит.)

ДАМА: Доктор, вы просто спаситель! (Бросается ему на шею, целует в щеку.) Если бы не вы!.. Доктор, послушайте, у меня такая проблема! И у мужа...

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Нет, погодите, вы же не первая в очереди! (Подхватывает Его под руку, отводит в сторону): Слушай, я так понял — у тебя с документами проблема? Все сделаем! Не вопрос! Ты для меня — доктор, я для тебя — паспортный стол, визовый отдел и все такое... Такие головные боли! Ни есть, ни пить не могу, в глазах двоится, виски ломит...

Он не успевает ничего ответить, как Его оттаскивает в сторону Налоговый инспектор.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: ...Вы понимаете, я уверен, что со мной — ничего особенного, просто нервное расстройство, бессонница, а они мне про шезлонг твердят. На учет хотят опять поставить. Сами они шизофреники!

АРТИСТ (хватает Его за другой локоть и тянет в свою сторону): ...Вы поймите, для кого-то — алкоголизм, а для меня — профессиональное заболевание. Вы не знаете, что это такое — вечер после спектакля! Ты, например, весь

еще там... на троне сидишь, а домой приходишь — тебе соседский бульдог на коврик написал, жена вместо "здрасьте" обнюхивает... Я все перепробовал, кодировался два раза...

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Брат! Ты понимаиш, печен, печен...

ДАМА: Послушайте! Ну что вам стоит — люди же просят! Врача все равно нет, кабинет открыт, мы же заплатим! Мы в вас верим! Маша нам сказала, вы прямо чудеса творите!

ОН: Я в своей практике в чудо поверил один раз. Вот так же, весной... В больнице девочка лежала, в тяжелом состоянии. Сепсис. Любой день мог быть последним. Ее парень к ней каждый день приходил, однажды нарциссы принес. Они скоро завяли, один остался. Она сказала: "Вот этот, последний, завянет, и я умру". Парень каждый день в пять утра стал приходить со свежим цветком, в палату пробирался, пока она спала, чтобы незаметно поменять... (Пауза.) А потом нарциссы отцвели.

АРТИСТ: И что?

ОН: Стал ходить на перевал, там нарциссы еще были. Восемь километров туда, восемь обратно. Каждую ночь. Чтобы успеть к рассвету.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Она выздоровела?

ОН: Она не могла выздороветь...

ДАМА: А парень? Что с ним?

ОН: На мине подорвался... За день до ее смерти.

АРТИСТ: Постойте... Что-то я читал... Да! У О'Генри есть такой рассказ! Только там девушка выздоровела.

ЖУРНАЛИСТКА: И это было...

ОН: Ваше дело — верить или нет.

ДАМА: Мы поверим! Только вы нас посмотрите!

ОН: Да я уже посмотрел...

ДАМА (не слыша Его): Вот, товарищ первый. (Показывает на налогового инспектора.)

ОН: Не надо — кто первый, кто второй... (Некоторое время молча смотрит на обступивших его людей, затем продолжает.) Вам всем нужно одно и то же. Самое первое — надо очиститься. (Дама и Налоговый инспектор достают блокноты и ручки, начинают записывать.) Попробуйте сами с собой, наедине, подумать обо всем плохом, что вы когда-то сделали. Обо всем плохом, темном... Вспомните — и заплачьте. Слезы лучше любого лекарства очистят. Заплачьте...

ДАМА: Это как аутотренинг?

ОН: Примерно. Потом — обязательно поститься надо. Не для тела — для души...

МУЖ ДАМЫ: Простите, а поститься по какой системе? Мясного и молочного не есть? Или можно по Шелтону?

ОН: Как хотите. Только не будьте рабами своих желудков. Своих денег, своих вещей... Лишнего у вас много. Столько еды добываете, что на диетах сидите. Столько одежды, что за советом пришли — что вредно носить, а что полезно. У кого только необходимое — тот так не мучается... А у вас много — и еще о большем мечтаете. Поэтому нервничаете, суетитесь... И самое главное — не верите! На храм подаете, а ближним в помощи отказываете. Десять заповедей знаете, а живете по одиннадцатой...

БИЗНЕСМЕН: По какой?

ОН: "Не попадись". И не надо десяти! Пусть только одна будет — "Не делай другому, чего себе не желаешь". По ней живите, тогда и здоровье вернется. Говорят: "В здоровом теле — здоровый дух". А я говорю вам — если дух здоров, то и тело, в котором он живет, не болеет.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Мы что, по-вашему, — душевнобольные?

ОН: Вы сказали, не я...

ДАМА: Это что — нетрадиционная медицина?

ЖУРНАЛИСТКА: Смотря что подразумевать под традицией.

БИЗНЕСМЕН: В здоровом теле — здоровый дух. На самом деле — одно из двух.

АРТИСТ: Послушайте, что вы тут — про заповеди?.. Люди вас как врача о помощи просят.

ОН: Я вам как врач говорю: не ходите по целителям, сами исцеляйтесь. Вам диагнозы нужны? Вы гневом больны. По всякому поводу сердитесь друг на друга, а гнев — убивает. Со зрением у вас плохо: чужие ошибки хорошо видите, свои — не замечаете...

ДАМА: А еще клятву Гиппократа давал...

ОН: Давал! "...чисто и непорочно проводить свою жизнь и свое искусство". Где у вас можно — "чисто и непорочно"? Где???

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: "У вас"? А ты сам откуда взялся, чтобы нас жизни учить?

ОН: Из Назрани.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Документы.

ОН: Что?

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Я спрашиваю — паспорт есть? Отметка о регистрации?

ОН: Вы же знаете.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Ясно. (Достает телефон, набирает номер.)

ГОЛОСА В ОЧЕРЕДИ: Умный... Понаехали тут... В метро войти страшно, в театр — страшно... Да, из-за них ребенка отпускаешь на концерт и трясешься — все ли в порядке будет? Взрывы, взрывы... С гор слез — и туда же, учить...

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Алло! Петрович? Слушай, у тебя в сто восемнадцатом есть кто свой? Позвони им, пусть пришлют наряд. Поликлиника, сорок пятая, второй этаж. (Пауза.) Что значит заняты? Операция "Щит-антитеррор"? Ну а я о чем? Тут один без регистрации. Из Назарета. (Пауза.) Оговорился, прости, Господи, — из Назрани... (Пауза.) Более чем подозрительный. (Пауза.) Да это же за углом. Жду. Ну давай.

ОН: Зачем вы?.. Я же никому ничего не сделал плохого.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Это сейчас и установят. А может, посидишь с добрыми людьми и сам чего вспомнишь.

Он садится на свободный стул. Правоохранитель становится рядом.
В холле появляются двое в белых халатах, с носилками.

МУЖ ДАМЫ: Ну наконец-то!

ОН хочет встать и подойти к врачам "скорой", но Правоохранитель кладет ему руку на плечо и удерживает на месте.

ОН (показывает на кабинет врача): Он там.

Врачи уходят в кабинет.
Товарищ с Востока незаметно продвигается в сторону выхода.

БИЗНЕСМЕН: Помолвка не состоялся.

ТОВАРИЩ С ВОСТОКА: Я Марию внизу ждать буду. (Уходит.)

Из кабинета врача на носилках выносят Профессора, выходит Медсестра.

ОН (не подходя, со своего места): Ну как он?

МЕДСЕСТРА: Ничего, уже полегче.

ПРОФЕССОР: Мне дышать больно. Очень больно! Я вдохнуть не могу...

ВРАЧ "СКОРОЙ ПОМОЩИ": По-моему, вы ему ребро сломали.

ПРОФЕССОР: Как ребро? Вы что? Мне просто плохо стало, у меня так бывает... Зачем вы меня трогали?! Я жаловаться буду!

МЕДСЕСТРА (Профессору): Да вы что?! Ребро — ерунда. При массаже сердца это часто бывает. Только не каждый пострадавший потом на это

пожаловаться может. Так и хоронят — со сломанным ребром. Он же вас с того света вытащил!!!

ПРОФЕССОР: Мне просто плохо стало... (Его уносят.)

ДАМА: Да-а... (Смотрит на Медсестру.) А говорили — "целитель от Бога!"... Кость сломал... (Ему): Вообще, лицензия у вас есть? Эта... на право заниматься врачебной деятельностью?

ОН: Нет.

ДАМА: Врач-вредитель!

Бизнесмен направляется к выходу.

МУЖ ДАМЫ: Вы куда?

БИЗНЕСМЕН: Нет, увольте. Дел много.

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Не уходите. Все свидетелями будем: регистрации нет плюс нанесение тяжких телесных повреждений...

МЕДСЕСТРА: Имейте совесть, какие повреждения!..

ЖУРНАЛИСТКА: Добро наказуемо, но не до такой же степени!

АРТИСТ: Между прочим, час назад вы, несмотря на все дела, хотели ждать Анатолия Михайловича...

БИЗНЕСМЕН: Ну сколько же его можно ждать? До второго пришествия?! (Оборачивается к Журналистке): Вы идете?

ЖУРНАЛИСТКА: Да. (Вместе уходят.)

На сцене появляются два милиционера.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР: Где тут незарегистрированное лицо кавказской национальности?

ДАМА: Вот этот, сержант.

Милиционеры подходят к Нему, обыскивают и уводят.
Медсестра уходит в лабораторию.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (отряхивает руки): Краска?.. или белила? Пойду руки помою.

Срывает печать с двери и заходит в туалет.

МУЖ ДАМЫ: Жизнь-то налаживается! Как быстро милиция стала по вызову приезжать!

НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР: Хорошо, что очищают город от всяких бандитов. Вот такие беженцы, может, и на Дубровке перед "Норд-Остом" ремонт делали. Кто там проверит, что в мешках, — цемент или что другое?..

ДАМА: Надо еще с этой... санитаркой разобраться. Чего она его так защищала?

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ (выходит из туалета): Воды-то нету. Даже руки не помоешь. (Трет ладони.) Ну сколько ж этого врача можно ждать? (Смотрит на настенные часы, стрелки которых двигаются в обратную сторону.) Что это с часами? Они опять зимнее время показывают...

МУЖ ДАМЫ: Может, и в самом деле Он что-то подложил? (Осматривается.) Слушайте, а чья же это коляска? Может, бомба в ней?

ДАМА: Ой, я такое в одном сериале видела! Сейчас взорвется! Бежим отсюда!!!

Все бросаются к выходу.

МЕДСЕСТРА (выбегает из лаборатории): Больные! Да не бойтесь вы! Часы старые, у них такое бывает!

Ее никто не слушает.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬ: Пусть саперы разбираются! Бежим! (Хватает ее за руку, Налоговый инспектор — за другую, и силой вытаскивают из помещения.)

МЕДСЕСТРА: Господи, этот бардак кончится когда-нибудь?

Все выбегают.
Часы замолкают и останавливаются. Из коляски раздается сначала тихий, а потом все усиливающийся детский плач. Медленно гаснет свет.

* * *

ПРИМЕЧАНИЕ: Если после окончания спектакля в зале будут аплодисменты, исполнитель Его роли на поклоны не выходит...

Август 2004 г.

Вера ЗУБАРЕВА

Дом-корабль: поэзия сквозь призму жизни

Я не сторонник того, что искусство отображает жизнь. Я также не сторонник того, что жизнь подражает искусству. Для меня жизнь и искусство также неразрывны, как форма и содержание, поскольку жизнь есть постоянное сотворение форм на всех уровнях, от микро- до макрокосма, и все во вселенной направлено на создание причудливо меняющегося полотна мироздания. Бог ли, человек ли, камень ли, птица ли — все, хотя и в разной степени, вплетает свой узор в канву вечности.

Поэт и художник делает то же, что и остальная природа — создает собственный мир отношений между всем сущим и не-сущим, мыслимым и немыслимым. И моя поэзия не является исключением. Порой она переносится в мир житейских отношений, но и тогда не превращается в фотоальбом, лишь делается ближе и доступней по замыслу тем, кто не уносится мыслью в безначальность космоса.

В дождь сильнее привязанность к дому
Дольше улицы вьются к теплу, —
Придается значенье подъему
И разрытой трубе на углу.
В дождь все земли приходят к единству
По слезе, по струе, по реке —
По земному размазавшись диску —
И молчат на одном языке.
Как с педали не снятая нота,
Резонируют капли в окно.
В дождь всегда вспоминается что-то,
Что, казалось, просохло давно.

...Жизнь в маленькой кухне с окном на соседнюю пятиэтажку, похоже, подходила к концу. Тетрадь уже несколько дней задумчиво лежала на кухонном столе и смотрела на лампу своими пустыми страницами. Комнаты были почти разобраны, а чемоданы почти собраны, но легкость комнат все равно перевешивала пузатость чемоданов, потому что в комнатах обитала вся прошлая жизнь. Все уже решено, но от этого не становится понятнее, как переступить, переплыть, перелететь через то, что навсегда слито с тобою.

Где-то тихо движется отец — никогда, никогда он так тихо не пересе-

кал комнат! — и буйно бегает по освободившемуся пространству ребенок — и он так никогда не разыгрывался раньше. Мы покидаем отца, который приедет позже, всего через год, но этот год будет уже не годом, а вехой, эпохой... Время меняется на глазах вместе с пространством, лопается по швам, и сквозь него прорезаются звезды, совершенно не те, к которым мы привыкли. Отцу нестрашно — он знаком со всеми звездами в разных частях земного шара. Так мне хочется думать, иначе — никогда не оставить этой кухни и навсегда прирасти к табуретке у стола с побледневшей тетрадью.

Звоню Ахмадулиной. Книга моих стихов с ее предисловием, готовившаяся к печати, уже никогда не выйдет в Одессе. Она поднимает трубку.

— Я попрощаться.

— Верочка, все будет хорошо, — без лишних вопросов тут же отвечает она.

— У вас все будет замечательно, — повторяет она уже с другой интонацией, как будто знает то, чего не знаю я.

Ну, все. Теперь только нужно пережить глаза отца в момент прощания. Одиннадцать вечера. Собираются друзья. Приходит Елена Куклова, ведущая актриса Одесской филармонии, наша добрая приятельница. Вместо традиционного прощания — чтение стихов. Лена открывает мою рукопись с предисловием Ахмадулиной и читает. Ночь медленно наполняет комнаты черными чернилами. Ребенок уснул на чемоданах в ожидании автобуса.

1

Дом начинен до отказа друзьями.
Три часа ночи. Последний друг —
самый забытый, самый, самый,
из детства, из глупостей, с кем адресами
никогда не обмениваются, и не испытывают мук
по этому поводу (следуя нормам
общепринятым — было и нет),
раскручивая на палке растопыренный кед,
решится,
войдет.
И дом будет взорван.

2

Вена еще далека.
Автобус подъехал к дому.

Каждому — два глотка
Воздуху или рому
Из опухолевых фраз,
Растущих в том, характерном
Направлении для метастаз.
Автобус заводится в нервном
Стремленье рвануть.
Сейчас!..

3

Посредине черной ночи —
Руки поднятые ввысь.
Посредине черной ночи —
Кто простись, а кто — молись.
Посредине черной ночи
То ли падал, то ли плыл
Дом опустошенный отчий
Сквозь ладоней млечный тыл.
Восклицанье "Вена! Вена!"
Заставало вновь врасплох
И, как скрытая каверна,
Прожигало каждый вдох.

4

Автобус юлит над обрывом.
Дорога к границе — что к Господу на суд.
По таким неправдоподобным извивам
Лишь ангелы смерти преставленного несут
По его же замирающим мозговым извилинам.
Каждый чувствует себя распиленным
Или расколотым вследствие грандиозной аварии
На левое полушарие
И на правое полушарие.

Эти стихи напишутся позже, в Италии.

Все. Дорога катит вперед, а ты смотришь назад. И это вопреки себе же самому, стремящемуся вперед и выбирающему дорогу.

"Люди покидали Россию, люди покидали Украину, люди покидали, покидали, покидали... Их дома какое-то время смотрели остекленевшими взглядами на подмерзающие сумеречные дороги, как смотрит недолго тело вслед душе. Но вскоре окна теряли интерес ко всему внешнему и, вытянувшись по стенам, равнодушно и мутно отражали улицы.

Люди покидали свой обжитой мир, а он все равно вскакивал в последний миг на подножку автобуса и прижимался к коленям сумками и одеялами.

— Господи ты, Боже мой! — вздыхал кто-нибудь во сне, ощущая тепло этого сбежавшего и прильнувшего мира." ("Пески Нахэма" из книги "Дом и его обитатели".)

Дом — один из центральных образов в моей поэзии и прозе. Его символика сближена с древом жизни, с мифологическим космосом, где бытие проникает быт, видоизменяет его и поднимает на уровень осмысленности. Осмысленное бытие Дома делает его обитателей значимыми и самодостаточными, неподвластными разрушительному воздействию стихий. Само перемещение в пространстве — это движение не *из* Дома, а *с* Домом. Но происходит это отнюдь не автоматически. Процесс обрастания Домом так же медленен и мучителен, как процесс возвращения в себя после длительного беспамятства.

...Стою под ночным итальянским небом с его низкими звездами и стараюсь отыскать ту маленькую звездочку, всегда сопровождавшую меня в Одессе. Либо смотрю не туда, либо мир значительно сместился с оси. Смотрю еще раз. Ничего нет. Потеря звезды все равно, что потеря отражения в зеркале.

Страшно не то, что оставлен дом
И роздано прошлое неизвестно на чью потребу,
А то, что чувствую себя, как фантом,
Меж созвездий, расставленных по новому небу.
Каждый мой последующий шаг
Все дальше уводит от привычного ориентира,
А инакомыслящий Зодиак
Переворачивает основы мира.
Закрываю глаза, возвращаю себе небосвод,
Где созвездия — как бесформенные скопления.

Ночью звезды России не складываются в аккорд,
Коль от каждой отлучают гения.
Итальянское небо, в котором себя не найти,
Хоть возьми телескоп и обследуй квадрат за квадратом.
Так умерший, проплавав еще в бытии,
Не поняв, что к чему, не распавшись на клетку, на атом,
Наконец-то умрет, потрясенный, возле белых зеркал.
Белых-белых, как шок отразившихся близких.
Так и я, задрав подбородок, чтоб исполнить вокал,
В этом зеркале жизни не вижу самой вокалистки.

Помню, как уже будучи в Америке, я послала Инне Богачинской эти стихи, написанные в Италии. Она откликнулась на них с восхищением, а потом часто цитировала строчку из них на свой лад: "меж созвездий, расставленных по чужому небу".

— Инночка, — поправляла я, — не по "чужому", а по "новому".

— Нет, — отвечала она, известная своей блестящей памятью, — для меня — "по чужому".

И это принципиальная разница в нашем мировосприятии. Я никогда не подхожу к неизвестному с точки зрения оппозиции "свой-чужой". Моему Дому категорически противопоказаны подобные отношения с пространством и временем.

Вообще же, мой Дом — это корабль, плывущий в туманностях и млечностях жизней, однажды посетивших его.

В этом доме,
Как в старинном альбоме —
Много комнат-страниц,
И предметов, и лиц —
Каждый день всех приветствуй и помни.

Он растет в ширину, высоту и длину,
Этот дом, никогда не идущий ко дну,
Не меняющий курса корабль.
Он несет в синеву за главою главу,
И покуда живу — он всегда на плаву.
Лишь со мной только встанет на якорь.

Первые месяцы жизни в Америке... Посторонним вход не воспрещен, но от этого не перестаешь чувствовать себя посторонним или, точнее, *сторонним*: ты — сторонний наблюдатель, который, хотя и окружен новой жизнью, но еще не включен в нее. Ты ходишь по улицам и магазинам, и предметы разглядывают тебя, как диковинку, и хотят познакомиться с тобой поближе, понять, что ты за штука.

Вечер в комнаты уплыл
С видом домочадца.
Ель качнулась у перил,
Думала подняться,
Посмотреть хотя бы раз,
Как живется там у нас —
В нашем надземелье.
Все равно, что мир теней,
Не имеющий корней,
Были мы для ели.

...Так и не вошла ко мне.
Равлик-павлик спал в чалме.
Пела церковь на холме.

Ощущение собственной инопланетности было особенно остро в первую зиму, которая лавиной накатила на город, затихший на своем непонятном языке. Был январь, начало года, которое совпало с началом нашего переселения. Мы — переселенцы, блуждавшие по вселенной в поисках своего пристанища. Вот оно, наше пристанище, плотно облепленное то ли снегом то ли инопланетным небом, выпавшим с утра на город. Если бы хоть строчку написать! Тогда бы пристанище медленно стало превращаться в дом. Я знаю, знаю наверняка. Но строчка не пишется. Белизна инопланетного листа погребла все строчки...

Строка не выписывалась,
а разглаживалась вдоль,
Как график затухающего сердца,
И предметы в комнате умножались на ноль
Их бессловесного владельца.
Начинался снегопад

На планете Нептун.
Подгулявший прадед
Залезал в карету.
Астроном
С расстояния в тысячу лун
Наблюдал за ним
И стряхивал сигарету.
Пепел скапливался
На поверхности Земли,
И ветер сдувал его в открытое пространство,
Засыпал планеты и наезженные колеи,
Для воскресших не оставляя шанса.
Комната зияла посреди миров,
Как след от недавнего инфаркта
В результате нерассчитанной розы ветров
В середине марта.
Хлопья мельчили под фонарем,
Словно поколения под оком истории,
И восстанавливались в конус, острием
Направленный в пол обсерватории.
Ветер целился, как старомодный актер,
И повышал нарочито голос
Перед тем, как дунуть в упор
В пепловидный конус.
И хозяин дома приникал к стеклу,
Когда ветер атаковывал дом с фасада,
И представлял кого-то,
Кто катил во мглу
Инопланетного снегопада.

Фантасмагория продолжалась. Лето накатило той же сумасшедшей лавиной, что и зима, с той только разницей, что лавина состояла из ярких цветений и огненных насекомых, облепивших окна и деревья, и плотных небес, выкачавших воздух из легких покрытого испариной города.

Ныряет ночь
В узорах и изломах
Под тяжесть разодетых насекомых.

Панбархатом обшитое крыло
Дородной бабочки дает внезапно промах
И возмущенно бьется о стекло.
Феерии бессчетных светляков,
Что мчатся на огни особняков,
И разлетаются на мелкие осколки,
И сыпятся на травы и на елки.
Достигнуты заветные места.
Но как же и кому досталась та,
Другая жизнь, в нехитром до-мажоре
Проигранная запросто, с листа?
Опасный аромат любви и скорби
Разлит по дому, и жуки-гиганты
Штурмуют окна замкнутой веранды,
Запаянной, с их точки зренья, колбы,
Откуда ты, должно быть, происходишь —
Второй судьбы искусственный зародыш.

Ощущение искусственности собственного второго зарождения не покидало в течение всего года и закончилось только с приездом отца, когда вдруг пришло осознание, что это все незаметно стало домом, по комнатам которого теперь нужно провести его, вновь прибывшего. Следующее лето уже не было столь оглушительным, оно больше не накатывалось на Дом в стремлении снести его буйностью форм и красок. Дом постепенно прорастал корнями в новую почву, в которой зарождалась красота.

Настежь окна. В комнате прохлада.
По ту сторону большого дома —
Пекло, раскаленный блок фасада
И травы горелая солома.
За окном блуждает сад по стенам
Крохотного дачного квадрата,
По зелено-золотистым венам
Льется магма солнечного яда.
Слепо разбегаясь, с долгим соло
Хлещет муха по оконной раме.
Будто дети, разыгрались пчелы
Возле чашки и горшков с цветами.

Полумрак в зашторенной гостиной,
Чуть скрипят рассохшиеся стулья,
И на полке Бог с лозою винной
Пролил кубок на венок июля.

На новой земле мир пошел навстречу Дому, а Дом — навстречу миру. Помню, как-то раз мы гуляли с мамой по парку в Филадельфии, и она вдруг стала рассказывать о том, как будучи ребенком лежала в траве и представляла себе тайную жизнь цветов и насекомых, придумывая различные истории с приключениями и интригами. Это был момент, перевернувший мое видение мамы. Как в сказке о золотом ключике, за привычной картинкой очага оказалась дверца, ведущая в мир неведомый...

Что остается в памяти, после того, как наши родители покидают нас? Внешние эпизоды? Да, и они дороги нам, поскольку слиты с нами, нашим детством, юностью и взрослением. Но ведь помимо внешних событий, помимо привычных вопросов об учебе, работе, а позже — внуках, было еще что-то, вернее — еще *кто-то*, созерцающий звезды и морские приливы, и уносящийся мыслью за пределы обыденного..

Когда-то Наталья Васильева, литературный критик, заметила, что в моем творчестве много метафор, связанных с миром насекомых и трав.

— Откуда это? — поинтересовалась она.

— Не знаю, — пожала я тогда плечами.

А теперь вот волшебная дверца отворилась, и я оказалась на нашей с мамой изумрудной планете с бархатными бабочками и прозрачными стрекозами, и случилось это после того, как я начисто отказалась обсуждать житейские темы во время нашей прогулки... Так я обрела еще одну комнату своего Дома — самую драгоценную.

Посвящается маме

Цветы, уют, твоя рука,
Стихов листающая томик.
Как это просто все, пока
Со мною движется бок о бок.
И буднично звучат слова,
Привычны все твои заботы.
Я знаю все, чем ты жива.
Но значит ли, что знаю, кто ты?

О, связей родственных тупик,
Зацикленность на ежедневном,
Обыденности жесткий лик,
И быт общений, ставший пленом!
Окаменевшие черты
Знакомых, но давно не близких,
Слагают царство обелисков.
А я хочу туда, где ты,
Чтоб головою к голове,
Прищурясь, сквозь росы обломок,
В чьей призме слиты мать, ребенок,
Владеть вселенными в траве.

Наверное, это и есть самая большая близость — слушать мир на одной волне. Это то, что делает дом — Домом, невзирая на перемену места и образа жизни.

Перемена места — что перемена погоды.
Переживаешь не перелет или переезд.
Переоценка бывшего — вот роды,
Которыми завершается собственный арест.
Это — внутреннее преодоление пространства,
Как движение к Шамбале или Исход,
Или переход из язычества в Христианство,
Или наоборот.
Это путь растения
От озерной кувшинки до Лотоса,
Путь сомнения —
От клокота крови до Голоса,
Путь свершения —
От "аз-буки-веди" до Логоса.

Пенсильвания, США

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

С лица необщим выраженьем

Виталий Сазонов, он же просто Витя — пришел ко мне в осенний день не помню какого года, если я была на втором курсе, то, значит, 1969-70? — и сказал, что меня, с таким носом и глазами, как у пятиклассницы-пуговичницы, нужно нарисовать, что он сейчас и сделает. И нарисовал меня — Аленушкой с братцем-козленочком под уздцы. Ты кого нарисовал? — фыркнула я, ткнув пальцем в козленка.

— О, извини, — Витя укрупнил козленка. Козел был похож на... не расскажу, на кого был похож тот козел. Потому что человек тот — ничего себе человек. Но в тот момент он, действительно, был козлом. И — не был моим братцем-Иванушкой. Скорее, я была ему... внучатой племянницей. Он был... он стал... очень хочется проболтаться, но я обещала Вите, что не скажу никому. У Вити была на голове шишка гениальности, и он давал ее погладить девочкам — чтобы поумнели и — не забеременели по случайности.

Он был хохотун и, как сейчас бы сказали — "прикольщик". Но тогда такого слова еще не было.

Мы с ним тихонько поддруживали — по секрету от старших ребят. Я была вроде как ну, дите, и прозвище у меня среди истфаковцев было "Малэче". Так вот Сазонов втихаря меня взращивал и научал вольностям, теоретизировал со мной, а я потом проверяла на практике. Он же мне объяснял "всю правду" о демократах, анархистах и Вячеке Игрунове. Говорил, что хорошим экономистом станет Вячек, если отрастит бороду, как у Фридриха Энгельса! И я могу подтвердить, Вячек ходил в бороде.

Еще Витя учил размывать акварели, и мои рисунки плакали, потом слезы просыхали, и я могла бы научиться у Сазонова, как рисовать миниатюры в радужных разводах — но я читала "Хроники" и философские книжки, и Сазонов махнул рукой, перестал меня учить рисованию. У меня сохранилась редкая его акварель, я все хочу подарить ее Витиной маме, но мама сказала — храни у себя, девочка. (Я с ней виделась уже после смерти Виталия Сазонова, когда писала статью об одесских художниках семидесятых-восьмидесятых годов, статья вышла в "Вечерней Одессе", и я рада, что о Сазонове что-то смогла рассказать одесситам.)

Когда Виталик уехал в Мюнхен, он ностальгировал, и его художественные работы — а их не много сохранилось, к сожалению, — как те, что я видела, пронизаны воздухом декабрьской Одессы — мряка, бисер, а, может быть, Витины слезы... Не было ему хорошо в эмиграции.

В Мюнхен потом, после Сазонова, многие художники подтягивались, покидая Одессу. Уехал Владимир Стрельников, увез три художественных достояния Одессы — скульптуры Николая Степанова, открыв этим счет расширенной культурной территории — от Одессы до самых до окраин Европы, на этот раз до немецких окраин, а там, глядишь — и мир впереди... У Одессы всегда был и есть большой замах, и возможности немалые!

Вот возьмем Хруща, к примеру. Мне лично нравится поговорить о Хруще. Его знают и принимают даа-ле-ко за пределами Одессы. Он сложный человек, он ведь гениален... А вот лет тридцать тому Хрущ еще не ощущал себя великим. Но его ранние работы все еще экспонируются в родном одесском Грековском училище. Я помню, как просыпалась память в Игоре Павлове — на моих глазах! — (Игорь Иванович — прекрасный поэт и последний одесский барон немецкого происхождения, красивый душой и внешностью человек, люблю его нежно и преданно) — он рассказал мне, что после первой своей выставки в "Комсомольской Искре", газета такая была молодежная, Валентин Хрущ сказал: "Буду работать иначе". И перестал работать вообще. Лет на десять. Ну, конечно, в это творческое время застоя он (А он уже был — ХРУЩЕМ) — он был разным. Он вообще широк по натуре. Он... ну и так далее. А потом вообще семнадцать лет не пил. Вообще стал добродетельным. А то бывало, на всех кидался и упрекал власть, что не дала ему вырасти. Власть еще кончиться не успела, как Хрущ уже начал заниматься авангардом — конечно, какой власти это когда нравилось? И вот светлой памяти директор Художественного фонда, товарищ Стренковский, в ходе выяснения отношений с авангардистом Валей Хрущем, был укушен последним за щеку. Дело в том, что в результате за "покусательство" Хрущика из фонда выгнали. А когда выгнали, то схватились за голову — это как же его выгнали, такого гениального, да он же в жизни никого ни о чем не попросит, как же его теперь вернуть назад? Ну, уговорили, написал Хрущ заявление: "Предлагаю Фонду принять меня назад, так как мой уровень равен мировому"! И — его вернули!

Говорит Игорь Павлов: "Вот интимный момент из нашей жизни — мы с Хрущем смотрим на море и признаемся, кто кем был в прошлой жизни. Я, говорю, был деревом. А он говорит — берегом морским был...

С рыбами отношения у него есть, это я точно знаю. Его фирменный знак — рыба на дереве.

Я однажды пришел к нему в дом, а сын его, Дмитрий, (он потом в Израиле учеником рубщика мяса работал), подает рыбку-тюльку. Я

ее на зуб, а она — деревянная! — Папина работа, — сказал сын, — талантливая тюлечка! Матерщинники они оба, и папа, и сын, но папа — колоссальный эстет.

Работы Хруща можно посмотреть, те, что не в Москве и не в Японии — у Николая Устименко в Одессе. У Коли так много работ Хруща, что Игорь Павлов даже поговорку по Одессе пустил: "Хрущ уехал, но Кела его живет"!

Ау, москвичи, а знаете, что сказал однажды Хрущ о себе? Это очень важная цитата из него, любимого: "Я вырос на Пересыпи и умер там". Сказал это Хрущ — и уехал в Москву.

Сколько нас таких, родившихся на Фонтанах или Молдаванке и умерших там же, живет теперь в Москве... Вот на вскидку — Вячек Игрунов, Аня Федорова, Виктор Лошак, его Марина, Михаил Левитин, Олег Сташкевич, Михаил Жванецкий, Саночка Альперина, Саша Милкус, Валя Игрунова, Сережа Ильницкий, Глеб Павловский, Ира Ратушинская, Игорь Геращенко, Слава Пелюшенко, шесть членов российского правительства и те, кого не назвала, но кто входит во Всемирный Клуб Одесситов Московских... а это более чем сотня, гораздо...! Восклицательный знак тут неуместен. Я его на испанский манер, с ног на голову перевернула бы... Еще переверну, я в Москве только два года как...

Москва – Одесса

К празднику, к свету...*

Именно так я сформулировал бы для себя путь художника Адольфа Ивановича Лозы. От академизма к раскрепощенности, к свободе воли и духа, к желанию осветить своими картинами жизнь современников.

Мы познакомились в конце шестидесятых, когда А. Лоза, окончив Харьковский художественный институт, вернулся в Одессу. И почти тогда же, посмотрев первые (для меня) работы художника, я согласился написать о нем для выставки, которая должна была открыться на одном из судов пароходства. Помню, что Адольф очень волновался – первая персональная выставка, поймут ли ее моряки, туристы, насколько подробно им нужно объяснять, в чем суть живописи, в чем задача художника.

Потом персональных выставок у мастера было множество (я смело употребляю здесь слово – мастер, так как за какую бы задачу Лоза не брался, он стремился довести свой труд до мастерски воплощенного замысла, где чувство и логика были бы уравновешенны, где то, что могло показаться импровизацией, всегда было плодом обдуманной, выношенной идеи).

И вот – трудно писать эти слова – посмертная выставка. Мы вновь увидели его мощный крестьянский цикл и фосфоресцирующее море, влюбленность в цвет и легкий, точный рисунок. Кстати, к осознанию моря Адольф Лоза пришел не сразу, лишь пожив в Одессе, он понял, что море – это и есть пушкинская воля, дух города. Он осознавал, что без урбанистики, без огней – город не город, жизнь – не жизнь. Но городом не исчерпывал себя мастер, его волновал Библейский цикл, его волновали вопросы жизни и смерти.

Несколько раз я писал о выставках Адольфа Лозы, в одном из каталогов моя статья. Но всегда было ощущение – все, что он делает сегодня, лишь шаг в завтра, художник в движении – и движение это к радости, к празднику, к свету.

Нередко мы беседовали. Как-то так получалось, то в мастерской, то в редакции, то встретившись в городе. И речь шла о юной смене живописцев, о мастерах, у которых нужно учиться всю жизнь, о детях, которых хотелось воспитать порой вопреки времени... Может, поэтому мне так легко было делать телевизионное интервью с Адольфом – он, мне казалось, был до конца открыт для меня.

Подчеркиваю, мне казалось. Уже после его смерти я от его дочери Натальи Лозы узнал, что в последние годы Адольф Иванович начал писать записки. Я не сказал бы, воспоминания, – прозу, где жизнь рода, жизнь человека определяет смысл творчества худож-

*Вышли в свет воспоминания художника Адольфа Лозы, недавно ушедшего из жизни, – "По волнам моей памяти". Автор вступительной статьи – Евгений Голубовский.

Оформление Анны Голубовской

Издатели: "Порты Украины", галерея "Либерти"

ника. Прочитав эти его исповедальные страницы, понял, что хоть они не закончены, даже не обработаны, их не следует "причесывать", править. В них есть та же свободная стихия, что и в его последних картинах. А перед глазами – самая последняя, так и оставшаяся на мольберте – мальчик, ведущий лошадку. И все это можно передать одним словом: красота.

Признаюсь, я ощутил радость, что каталог посмертной выставки, куда включены и записки художника, становится Книгой.

Убежден, внимательный зритель, прочитав эти записки, еще и еще раз вернется к живописи и рисункам Адольфа Лозы. И поймет, как глубоко и серьезно он относился к творчеству. Быть может, эта выставка, этот текст записок в каталоге – урок, завещание идущим за ним художникам, зрителям – идти вперед и стараться сделать жизнь праздником.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Адольф ЛОЗА

По волнам моей памяти*

Истоки — предки, история, детство. Вечные добрые силы.
Женщина — мать — Родина.
Отцы и деды.
Земля — Село — Родина. Земля — сад. Тоска по Родине.
Нравственное здоровье людей трудной жизни.
Степь — вечная. Мати жде солдата. Степом падають солдати.
Степом людям жито жати.
Посевы, всходы, изобилие. Жати. Пот и кровь.

Море. Город у моря, у мирового океана. Колыбель жизни.
И город — урбания.
Корабли — плуги, труженики.
Корабли — крылья.
Вода — колыбель.
Дома — глыбы мысли и рифы для шлюпок — жизней.

Цивилизация.

Мир духа. Добро и зло. Добро — труд, мысль, единение.
Зло — тупая сытость, разобщение, мещанство.

*Фрагмент

Учитель — цемент поколений. Главный возбудитель добра. Звери и птицы у ног его.

Беспокойство о будущем — смысл жизни. Гармония отношений между людьми.

Главнейшее зло — равнодушие мещанина, крайнее выражение которого — война, убийство.

Мещанство — фашизм. Извращение всего.

Война — впечатление детства. Оккупация.

Я за дружелюбное отношение друг к другу. Даже среди незнакомых людей. Но не люблю, когда малознакомый человек сразу берет тон сообщника. Как будто само собой разумеется, что мы с ним совершенно идентично воспринимаем мир, окружение и исповедуем один моральный кодекс. Даже если этот человек одной со мной профессии.

Это создавало мне неуют, даже когда я был солдатом. А уж там, действительно, много аксиом совершенно неоспоримых.

Например:

"Солдат спит — служба идет";

"Самая длинная кривая, которая ведет мимо начальства, короче прямой, проходящей рядом с ним";

"Главное в службе — это дембель, а в столовой — ДБ";

"Старшина — лучший "друг" солдата";

"Самоволка — это не увольнение, это настоящая радость".

И т. д.

Человек в те времена был больше другом, товарищем и братом, чем ныне. Однако и тогда я не любил фамильярности.

Но, надо сказать, большая часть срочного состава были люди деликатные. Независимо от образования и происхождения.

Не всегда идеальными были у меня отношения с начальством.

Дверь распахнулась, и вошла девушка. Такелаж на ней был натянут и скрипел.

Кубанская вода — цвета хаки.

Друзья.

Наш Арсений всех мальчишек, да и девчонок, с которыми только что познакомился и поиграл пять минут, называет друзьями.

Безуспешно пытаюсь объяснить, что друг — это большая редкость.

Пробую рассказать — почему. И обнаруживаю, что не имею готового ответа.

Что же это, ДРУГ?

Подразумевается, что это человек, с которым долго находишься в доверительных отношениях. Который всегда поможет.

Бывают друзья детства.

Ельцин любил демонстрировать своих с Фаиной однокашников. Были ли они друзьями? Вряд ли.

Это просто схема, созданная нашей литературой и журналистикой.

Конечно, обстоятельства сводят людей. Учеба, служба, работа. Конечно, очень важны общность интересов, близость взглядов и устремлений, вкусов. Уровень интеллектов играет большую роль.

Но не обязательно.

Ощущал же Максим Максимыч своим другом Печорина.

Но когда говорим о родстве душ, мы ступаем на очень зыбкую почву, где нет ясных ориентиров. Твердая кочка может обернуться плавающим комом травы.

Значит, надо признать, что в дружбе, как и в любви, грандиозную роль играют иррациональные категории. Такие, как симпатия, внутренняя или внешняя привлекательность, из чего создается образ человека и его поведение.

Имеет значение длительное пребывание рядом, и, тем более, сотрудничество.

В этом смысле Орест — конечно, мой друг номер один. Но о нем уже рассказано.

Кто же был еще?

В разной степени и в разное время я определил такие имена:

Женя Кулаков и Феликс Шендеровский.

Иван Порохня.

Энгельс Арефьев.

Кела Краснощек.

Юра Коваленко.

Конечно, было много, да и сейчас есть, людей, которые меня, или я их, называем друзьями. Но это скорей относится к товариществу и сотрудничеству. А вспышки близости не длились долго.

Меня просили быть доцентом,
А превратили в ассистента.
Да лучше буду я мольбертом
Для просто абитуриента.
Прошу назвать преподавателем,
А то уйду к такой-то матери.
При этом, ясно, буду плакать:
Зарплаты нет, и нечем какать.

(Заявление ректору)

Маленькие белые снежинки
Падают, кружатся надо мной,
Нежно покрывая грязь земную
Белою пушистой пеленой.

Черные задумчивые птицы,
Черные деревья и кусты.
Маленькие белые снежинки
Падают с огромной высоты.

М. Горький

Стихами не спасешь Россию
И их Россия не спасет.

Муни

Золотому свечению верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

А. Белый

Из песни трамвайного музыканта:

Не храните, богачи, барышей,
Лучше сладким угостите малышей...

ника. Прочитав эти его исповедальные страницы, понял, что хоть они не закончены, даже не обработаны, их не следует "причесывать", править. В них есть та же свободная стихия, что и в его последних картинах. А перед глазами – самая последняя, так и оставшаяся на мольберте – мальчик, ведущий лошадку. И все это можно передать одним словом: красота.

Признаюсь, я ощутил радость, что каталог посмертной выставки, куда включены и записки художника, становится Книгой.

Убежден, внимательный зритель, прочитав эти записки, еще и еще раз вернется к живописи и рисункам Адольфа Лозы. И поймет, как глубоко и серьезно он относился к творчеству. Быть может, эта выставка, этот текст записок в каталоге – урок, завещание идущим за ним художникам, зрителям – идти вперед и стараться сделать жизнь праздником.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Адольф ЛОЗА

По волнам моей памяти*

Истоки — предки, история, детство. Вечные добрые силы.
Женщина — мать — Родина.
Отцы и деды.
Земля — Село — Родина. Земля — сад. Тоска по Родине.
Нравственное здоровье людей трудной жизни.
Степь — вечная. Мати жде солдата. Степом падають солдати.
Степом людям жито жати.
Посевы, всходы, изобилие. Жати. Пот и кровь.

Море. Город у моря, у мирового океана. Колыбель жизни.
И город — урбания.
Корабли — плуги, труженики.
Корабли — крылья.
Вода — колыбель.
Дома — глыбы мысли и рифы для шлюпок — жизней.

Цивилизация.

Мир духа. Добро и зло. Добро — труд, мысль, единение.
Зло — тупая сытость, разобщение, мещанство.

*Фрагмент

Анатолий ГЛУЩАК

Шелковый путь поэзии и дружбы

Наверное, за всю биографию паромного судна "Грайфсвальд" так часто в каютах, конференц-зале и на палубах не звучали стихи, как в последнюю неделю июня. Это участники пилотного проекта "Шелковый путь поэзии" — литераторы и барды из Украины и России — откликались на многочисленные пожелания пассажиров и команды. Впору заносить "Грайфсвальд" в Книгу рекордов Гиннесса повторно: во время перехода из Ильичевска до грузинского порта Поти и обратно (вместе — четверо суток в море) на борту в режиме "нон-стоп" продолжался песенно-поэтический фестиваль. А о том, что мы плывем на очень знаменитом судне, мы узнали наутро после отхода из украинского порта, на траверзе крымского мыса Сарыч. Капитан Александр Варакса пригласил поэтическую дружину и солидную группу украинских телевизионщиков (УТ-1, "Интер", одесские компании "Черное море" и "АМС") на экскурсию по судну. И на капитанском мостике мы увидели и сфотографировались у сертификата, свидетельствующего, что в Книгу рекордов Гиннесса "Грайфсвальд" занесен как самое большое в мире грузопассажирского паромное судно.

Творческий старт "Шелкового пути — 2004" состоялся в Одесском украинском театре имени В. Васылько. Трудно припомнить, когда у нас проходил поэтический праздник при таком количестве слушателей — театр был почти заполнен одесситами и гостями "жемчужины у моря". Автор проекта — редактор московского журнала "Октябрь" Ирина Барметова на открытии рассказала о концепции и перспективах "Шелкового пути поэзии". Специально приехавший из Киева посол Грузии в Украине Григол Катамадзе рассказал, что в его родной стране идея "Шелкового пути" встретила поддержку не только в литературных кругах, но и нового руководства Грузии. Посол не скрывал, что высказывались мнения о переносе акции на осень. Ведь в Грузии, а особенно в Аджарии, еще совсем недавно было весьма неспокойно, в автономии только в середине июня состоялись выборы в местный парламент. Но было решено, что творческий диалог творческих поколений Украины, Грузии и России, объединенных одним морем и давнишними взаимосвязями богатых и самобытных культур, пойдет на пользу консолидации грузинского общества, его устремлениям к стабильности.

Одесскую программу открывал Анатолий Найман — поэт, прозаик, мемуарист, переводчик. Он вместе с Дмитрием Бобышевым, Иосифом

Бродским, Евгением Рейном в начале 60-х годов минувшего столетия вошел в литературный круг, объединившийся вокруг уроженки Одессы Анны Ахматовой. Был Анатолий Гнрихович и литературным секретарем Анны Андреевны, в последние десятилетия написал несколько книг о ней и людях из ее окружения. К сожалению, Найман из-за недомогания не смог продолжить путешествие по морю, но провожал коллег до самого парома. Гвоздем программы было выступление Михаила Жванецкого: представляете, "живой звук" и первое публичное исполнение в Одессе... собственных стихов. Михаил Михайлович, а также получившие слово на сцене Украинского театра Анна Сон, Валерий Хаит, исполнители авторских песен Александр Бебех и Валентин Куба также по уважительным причинам не отправились в первый рейс "Шелкового пути", но пообещали включиться в акцию в ближайшем будущем.

А на борт "Грайфсвальда" поднялась представительная творческая группа. Москвичка Елена Исаева, автор 16 пьес, один из соавторов телесериалов "Редакция" и "Бедная Настя", лауреат нескольких премий в области поэзии.

Ирина Ермакова родилась в Керченском проливе, на катере, в семье инженеров-мостовиков. Ее родители после выхода на пенсию живут в Черкассах. После окончания института инженеров транспорта 12 лет работала по специальности "мосты и тоннели". Автор полудюжины книг стихов, в частности, "Колыбельная для Одиссея", одним из героев которой является Одесса. Участница авторитетных европейских поэтических фестивалей "Стружские вечера" (Македония), "Варшавская осень", "Москва — город поэтов", лауреат премии "Московский счет" и единственного в России журнала поэзии "Арион", член Русского пен-клуба. Одессу представляли поэтесса и прозаик Ольга Ильницкая, которая в последние годы больше живет в Москве, но часто проводит литературные акции в Украине и родном городе, а также Елена Палашек-Сторожук, автор ряда оригинальных по содержанию и художественно-полиграфическому оформлению поэтических книг, директор "Шелкового пути поэзии" в Украине. И самые молодые — 30-летняя Инга Кузнецова, лауреат Всероссийского студенческого конкурса имени А.С. Пушкина, премии "Московский счет" за лучшую дебютную книгу, поощрительной молодежной премии "Триумф", и 20-летняя тележурналистка из Киева Неля Терновая.

Москвич Дмитрий Веденяпин преподает английский язык, ведет поэтический класс в Институте журналистики и литературного творчества, учит... жонглированию в училище циркового искусства. Переводил

стихи многих европейских поэтов, а также романы М. Каннингема, сборники рассказов И. Башевиса-Зингера. Лауреат премии журнала Союза писателей Москвы "Венец" и спецпремии за переводы стихотворений Х.Н. Бялика. Кстати, Дмитрий увлек жонглированием полдюжины поэтов, и моряки вкупе с пассажирами заинтересованно наблюдали за их занятиями, и на их глазах наши молодые коллеги не только быстро прогрессировали, но и пробовали "выступать сборной командой". На грузинском берегу жонглеры в этот раз себя не проявляли. Но кто знает, может, в следующий раз на прощанье выступит на причале в Поти или Батуми грузинско-российско-украинская сборная жонглеров. Ведь весело!

Максим Амелин, лауреат премии журнала "Новый мир" и независимой премии "Антибукер", автор поэтических книг, о которых много пишут критики, составитель "Избранных сочинений графа Хвостова", переводчик стихотворений Гая Валерия Катулла и "Приаповой книги". Виталий Науменко из Иркутска родился в 1977 году, имеет две книги стихов. Член Русского пен-клуба и Союза российских писателей. Участник Международного поэтического биеннале в Париже, фестиваля молодых поэтов "ООЗ". Игоря Иртеньева представлять в Одессе как бы не с руки — на протяжении ряда лет редактор иронического журнала "Магазин" приезжает на нашу Юморину.

Медик из Одессы Вадим Ланда неразлучен с гитарой — он пишет весьма профессиональные тексты песен, известен в бардовских кругах. Автор этих строк в каждый поэтический сборник включает раздел переложений. В двух переводческих антологиях, как их назвал Дмитро Павлычко, — "Автографи" и "Бродячий сюжет: AVE EVA" — опубликовал украиноязычные версии с 12 языков, в том числе — и переводы поэтов Грузии. Составленная мной первая "Антологія української морської поезії" (2004 г.) также совершила по маршруту "Шелкового пути" свое первое морское путешествие к берегам легендарной Колхиды.

В Поти, буквально на паромном терминале, к нам присоединились литераторы Грузии. Мы возложили цветы к памятнику Т.Г. Шевченко, который появился здесь несколько лет назад благодаря сложению усилий местных властей, руководства порта, украинской диаспоры, консула Украины Л. Котляревского. Далее участники проекта побывали в резиденции митрополита Потийского и Хоптского Григория, который и благословил это важное и своевременное начинание.

В Батуми самые яркие и волнующие впечатления остались от длительной и содержательной встречи с интеллигенцией Аджарии. Она про-

ходила в респектабельном помещении Государственного драматического театра. Руководитель писательской организации Аджарии Вахтанг Глонти, старейшина писательского цеха Фридон Халваши, директор издательства "Аджара", поэт Давид Теодорадзе подчеркивали знаковость "Шелкового пути поэзии" для возобновления активных литературных и культурных контактов между Грузией, Украиной и Россией, необходимости вовлечения в диалоги молодых творцов. Подчеркивалось, что в минувшие десятилетия был создан фундамент духовного единения, а грузинско-русские и грузинско-украинские литературные связи были образцом для многих. В частности, на этом остановился народный артист Грузии, актер Батумского государственного драматического театра Юрий Цанава, прочитавши в подтверждение на украинском языке "Заповіт" Тараса Шевченко. Инициатор проекта Ирина Барметова отметила, что "Шелковый путь" не может не учитывать экономические факторы, влиявшие и влияющие на культурную ситуацию, но он должен быть дистанцирован от политики. Незнание лица поэзии стран-соседей, ее сущностных характеристик на рубеже веков обедняет каждую сторону, подчеркнула Ирина Николаевна, и мы обязаны изменить ситуацию как в плане личных контактов, так и в деле налаживания взаимной переводческой и издательской деятельности, проведения семинаров и мастер-классов.

На встрече, конечно же, звучало поэтическое слово. В один из моментов между хозяевами спонтанно возникла небольшая дискуссия на грузинском языке. Ее резюме еще раз подтвердило джентльменство наших коллег из Тбилиси. Они, а поименно: Давид Гогибедашвили, Коте Кубанешвили, Анна Кордзана-Самадашвили, Бэсо Хведелидзе, Зураб Ртвелиашвили, Шота Иаташвили, Гага Нахуцришвили, предложили гостям и местным литераторам "нарушать" регламент выступлений. Сами же пообещали наверстать свое в неформальной обстановке.

Символическим акцентом встречи было вручение только что переданного в Батуми шедевра Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре" — всегда считавшегося в Грузии особо почетным подарком.

А поздно вечером, когда за дружеским столом все уже перезнакомились, перешли на "ты", обменялись книгами и адресами, прочитали немного стихов, "шелковопутейцев" навестил на полчаса представитель президента Грузии в Аджарии Леван Варшоломидзе. Приятно было видеть этого 31-летнего руководителя (он за несколько месяцев до назначения в Батуми восстановил железнодорожное сообщение в Грузии, расстроенное разрухой) после определенно нелегкого рабочего дня улыбающимся,

спокойным и внимательным. За короткое время он успел пообщаться с гостями и друзьями из Тбилиси, дать интервью украинским телевизионщикам, послушать стихи. Уже собрался уходить... однако Елена Палашек-Сторожук, узнав, что Левон учился в Киеве, а к тому же еще и не женат, с грузинским темпераментом исполнила песню-приглашение "Ах, Одесса моя ненаглядная!..". Грузины, русские, украинцы — певучие нации. И как часто высокую ноту дружбы и душевной открытости брали поэты в автобусе, гостиничном холле, на причалах, приморских бульварах Батуми и Поти. Звучали "Ніч яка місячна", русские романсы, "Сулико", десятки других шедевров вокальной культуры наших стран. Не раз щедрыми аплодисментами был награжден одессит Вадим Ланда, иркутянин Виталий Науменко, Елена Палашек-Сторожук. А пиком песенного единения стало знаменитое мужское песнопение в исполнении грузинских коллег.

В Поти мы побывали в местном отделении Союза художников Грузии, который отмечает свое 75-летие, ознакомились с выставкой, приуроченной к этой дате. И уже приближается время отхода на Одессу нашего парома. Грузины вновь дают гостям зеленую улицу для чтения стихов. Я уже читал свои поэтические строки по телевидению в Батуми, озвучивал свои переводы Григола Абашидзе, уроженца Центральной Грузии. Поэтому на прощанье позволяю себе вслух помечтать, заглянуть в будущее "Шелкового пути поэзии". Верю, что из пошедших нынешней осенью в первый класс школьников в наших трех странах обязательно вырастут новые поэты — им и продолжать святое дело.

Обмениваемся сувенирами, дарим последние имеющиеся экземпляры книг. А Чабуки Коява, редактор литературного журнала "Орнати", действительный член Фазиской академии успевает собрать у каждого хотя бы машинописные экземпляры произведений — в ближайших номерах издания появятся в Поти переводы на грузинский стихов участников акции.

"Грайфсвальд" взял курс на Одессу. Еще полтора суток перехода до Ильичевска все мы — в "плену" грузинских впечатлений, и этот грузинский след еще долго будет сопровождать каждого. Воспоминания, впечатления, наблюдения, новые рифмованные строки... Каждый из нас по достоинству оценил усилия по организации поэтического тура политиков и дипломатов, но прежде всего судоходной компании "Укрферри" и ее президента Александра Курлянда. Приходит на мысль, что капитан парома Александр Варакса имеет поэтическое воображение. Это по его инициативе по пути в Грузию в открытом море была проведена аварийная учебная тревога по спасению пассажиров. Паром был остановлен. Мы были тща-

тельно проинструктированы, надели спасательные жилеты. И вот оранжевая спасательная шлюпка с правого борта с поэтами и работниками телевидения, несколькими грузинскими водителями-дальнобойщиками коснулась штилевой воды. Вокруг резвятся дельфины. Открыты иллюминаторы. Включают мотор, и наша шлюпка делает большой круг вблизи внушительного парома с белыми бортами и синими полосами ватерлинии. Спасибо, капитан, вы подсказали нам метафору "Шелкового пути", иносказание проекта: мы все готовы спасать наши поэтические материки от разобщенности, мы чаще должны чувствовать себя единой командой!

Инга КУЗНЕЦОВА

* * *

Смотри, смотри: вот ангел речи
перевернулся на крыле.
Он так раним, он так доверчив!
Тихонько плачет в полумгле.
И поднимается навстречу
другой, плотней и тяжелей.
Он непрозрачней, он покрепче.
Смотри: над нами ангел речи
с блестящей тубою заплечной
и ангел нижний, ангел встречный
с щемящей книгою полей.
Мы крылья складываем в плечи.
Какая тяжесть на земле,
какая боль! Но ангел речи...

* * *

снова качнулась земля
перетекает небо слоями
лица поплыли дремучие как острова
в теле внезапного счастья воздушные ямы
спутанная трава

как поглощает вода
как же легко отпустить распоясать
выцветшие города
плачь ненасытное сердце-неясыть

Давид ТЕДОРАДЗЕ

Когда властвуют дожди

А Батуми дождь не удивит,
Небо продолжает тучей хмуриться...
Мне от света хочется зажмуриться,
Пусть лучами солнце ослепит
И повиснет радугой над улицей!

Покажись-ка, солнце, из-за туч!
Загрустил мой гость, не улыбается —
Это ж надо! Дождь не унимается!
Словно руку, протяни свой луч,
Ведь погода тоже ошибается!

Поднимись-ка, солнце, над волной,
Чтобы женщины цвели фиалками,
Не казались мокрыми русалками, —
И любовь придет сама собой,
Поцелуями согреет жаркими!

Когда в сердце властвуют дожди,
Сны счастливой юности не вспомнятся,
И желанья не спешат исполниться...
Хватит, дождь! Теперь уж подожди!
Солнцем сердце пусть скорей
наполнится!

Перевод с грузинского О. АЛЕКСАНДРИЯ

Ирина ЕРМАКОВА

Лунатик

(fin de siècle)

Луна скрывающая ущерб
зеленью кроет гербарий сада
мраморный щебень щербатый герб

плешь лунатика-адресата
в ней отражаясь

И спящий ловит
клекот размытой в воздухе крови —
царской голубовато-зеленой
брызги оваций рев распыленный
визг восхищенный цокот парадный
хрупанье жизни твоей плотоядной

Клумбы удушливый аромат
тени набухшие сладким тленьем
Глянь — как моря на луне горят
как расползается лунный яд
водит лунатик пером павлиньим

В лунном нуле распаляя перо
крутит последнее самое летнее
позеленевшее великолепие —
век промотавший свое серебро

Верлен

Я дряхлый диссидент империи распада,
и орды варваров проходят сквозь меня,
но золотым пером, пока идет резня,
я правлю акростих бессильного заката.

В душе — сплошная сушь, ленивая досада,
слабеет под окном кровавая возня.
Как долго тлеет жизнь, не оживить огня,
и не о чем жалеть, и ничего не надо.

И нечего желать, и скучно помирать.
Все выпито... Бафилл, ты кончишь хохотать?
Все сказано — один! Все съедено — довольно!

Один — и пошлый текст, который сжечь пора.
Один — и подлый раб, надравшийся с утра.
Один — и пустота. И ничего не больно.

Дмитрий ВЕДЕНЯПИН

* * *

В траве стоят спокойные цветы.
Заплаканная память смотрит в щелку
И различает комнату и елку.
Соткавшуюся в ней из пустоты.

И снова видит — зренье сносит вбок —
Цветные точки паутинных вспышек,
И свет, как снег, ложится на песок
Под соснами среди корней и шишек.

Шоссе блестит на солнце, как вода.
От радости — сей брат был мертв и ожил,
И муравьи снуют туда-сюда.
Работая не покладая ножек.

От елки на излете декабря
До елки на краю шоссе в июне
Сквозь воздух дней протянута заря
Невыдуманной жизни накануне.

И даже вещи — вестники зари...
Заплаканная память смотрит в щелку,
Где дождь, как свет, качается внутри
И свет, как дождь, стрекочет без умолку.

* * *

Что-то было обещано:
Прилетев из-за туч.
Луч, родившийся женщиной,
Превратившейся в луч.

Трепетал и приплясывал.
Расширялся и гас;
Ветер мял и подбрасывал
То ли тюль, то ли газ.

Время было не связано —
Расплеталось назад;
Что-то было предсказано:
То ли снег, то ли град;

Что-то было отмерено:
Сколько лет, сколько мук;
Что-то было потеряно:
То ли свет, то ли звук.

Виталий НАУМЕНКО

Часы

Часы показывают время.
Они заведены.
Внутри часов — коренья,
зайчата и блины.

По циферблату стрелки,
фосфоресцируя, ползут.
На нем, как на тарелке,
лежит лапша минут.

* * *

Подземное солнце, катяся, грохочет.
Девчата смеются над идолом ночи.
Луна им в отместку,
гримасу состроив,
Язык показала и вышла из строя.

Девчата прижались к своим интересам,
о чем-то еще говоря,

И вдруг за внимательным лесом,
как бабушка, встала заря.

Григол АБАШИДЗЕ

* * *

За роком — рік, мов за рядком — рядок,
Життя поривчасто вперед летіло.
І прагнув я, аби у смертний строк
Не в ліжку покидала душа тіло.

Я мріяв бути до кінця в строю!
Захисником вітчизни і свободи
Хотів покласти голову в бою.
Із ворогом — як Петефі, як Ботев.

А випало оскаржувать судьбу,
Свою судьбу — і праведну, і грішну.
Ні, не збулось... Приймаю, як ганьбу,
Що смерть зустріну вдома... саме в ліжку.

Переклад А. ГЛУЩАКА

Роман БРОДАВКО

Музыкант Божьей милостью

— Папа, что такое — Реквием?

— Заупокойная католическая месса.

— Я знаю.

— Если знаешь, то почему спрашиваешь?

— Так, на всякий случай. Просто очень светлая музыка. Не верится, что она о смерти.

Я вспомнил этот диалог между мальчиком лет десяти и отцом, невольно подслушанный когда-то в филармонии, не случайно. Человек, о котором пойдет речь, безвременно ушел из жизни. Его кончина полгода назад поразила многих людей. Их скорбь была оправданной: утрата таких людей невосполнима. Но время идет — и светлое чувство глубокой благодарности за все хорошее, что этот человек успел сделать, постепенно вытеснило скорбь. Таков закон жизни. Как великое здание Реквиема Моцарта, произведения, которое он любил и фрагменты из которого в разные годы исполнял со своим хором, его личность озарена в нашей памяти негасимым светом. Добрым светом любви и бесконечного признания. Этот человек — Стефан Климентьевич Крыжановский, создатель Одесской школы хорового искусства и великолепного детского хора "Кантилена", который стал стартовой площадкой для многих профессиональных музыкантов и воспитал художественный вкус у сотен наших юных сограждан.

Думаю, что все, кто его знал, согласятся с тем, что как педагог и дирижер Стефан Крыжановский не просто верно служил своему делу, а выполнял некую миссию. Он на протяжении десятилетий создавал тот культурный пласт, который помогал Одессе сохраниться как музыкальному городу. В нем сочетались огромный творческий талант и бесконечная любовь к детям, абсолютное бескорыстие, когда речь шла о нем, и стремление любой ценой поддержать своих воспитанников.

У Крыжановского, высокого, статного, красивого мужчины, была чарующая улыбка большого ребенка. Доверие к нему со стороны детей, родителей, коллег всегда были абсолютными. Бывало, он гневался, но это всегда было справедливое возмущение — и ему, конечно, этот гнев прощался. Такому влюбленному отношению к педагогу, какое было к Стефану Климентьевичу, можно только позавидовать!

Его жизнь складывалась нелегко. Много незаслуженных обид было нанесено Мастеру в разное время от людей, которые и мизинца его не сто-

или. Но, тяжело переживая их, он продолжал свое дело, оставаясь тем, кем был всегда — тонким музыкантом и мудрым наставником.

Он любил свое дело. Любил так, как могут любить только настоящие художники, которые ставят знак равенства между жизнью и творческой профессией.

* * *

Стефан Климентьевич родился в Винницкой области, но с раннего детства жил в Одессе. После освобождения города от фашистских захватчиков подростком начал работать на заводе. Музыку он любил с ранних лет. Эта любовь привела юного Крыжановского в вечернюю музыкальную школу, где он обучался по классу аккордеона, баяна и фортепиано, В восемнадцать лет Стефан Климентьевич уже работал учителем пения в мужской средней школе № 60 — тогда еще существовало разделение на мужские и девичьи школы. Затем он был призван в армию, оказался в Прибалтике, начал играть в военном духовом оркестре, затем был переведен в Ансамбль песни и пляски Прибалтийского военного округа. В ансамбле пел, играл на разных инструментах, дирижировал. Поступил в Рижское музыкальное училище, которое окончил по классу народных инструментов одновременно с военной службой. Руководство ансамбля настаивало, чтобы Крыжановский остался сверхсрочником, но он не согласился — хотел вернуться в Одессу.

По возвращении в родной город Стефан Климентьевич работал учителем пения в средних школах №№ 30, 133 и 92, а летом — музыкальным работником в пионерлагерях. Наличие хора в те годы в школах было обязательным. Работа с хором увлекла молодого педагога. Он отдавался ей полностью. И как результат, в конце пятидесятых годов хор школы № 92 считался одним из лучших в Одессе.

В 1958 году Стефан Климентьевич поступил в Одесскую государственную консерваторию имени А.В. Неждановой на хормейстерское отделение, которым руководил выдающийся мастер — профессор Константин Константинович Пигров. Будучи студентом, продолжал руководить школьным хором.

Однажды Крыжановский решился показать Пигрову свой коллектив. Профессор согласился, а после прослушивания сказал: "Ты — музыкант Божьей милостью!". Что может быть выше такой оценки?

Будучи студентом третьего курса консерватории, Крыжановский по рекомендации Пигрова начал преподавать в музыкальном училище, а после окончания вуза в течение трех лет работал хормейстером в Академи-

ческом театре оперы и балета. С чувством огромной благодарности вспоминал он главного дирижера Н.Д. Покровского, дирижера Е.И. Русинова, главного хормейстера Н.М. Тараканова, общение с которыми способствовало его творческому росту.

Работая в театре, Крыжановский продолжал работать с детьми. В 1966 году он организовал при Одесском отделении Музыкального общества первую в Украине дирижерско-хоровую школу. Тогда он нашел поддержку в лице председателя общества — известного украинского певца Сергея Давидовича Козака и председателя правления одесского отделения — выдающегося хормейстера Дмитрия Станиславовича Загрецкого. Учебное заведение такого профиля существовало тогда только в Москве, в хоровом училище. Стефан Климентьевич взял за основу его учебные планы и творчески переработал их.

* * *

Своего помещения у школы не было. Работали то в зале консерваторской оперной студии, то в вечерней школе № 25, то по вечерам в помещении СШ № 58. Но, несмотря на это, школа месяц за месяцем "набирала высоту". Участие в различных всеукраинских и международных фестивалях, поездки по городам Украины, России, Грузии, Армении, блестящая победа на международном конкурсе в Болгарии стали ярким свидетельством высокого уровня обучения в школе. Специалисты единодушно говорили о превосходном звучании детского хора, который получил название "Кантилена".

Исполняя авторские обработки украинских народных песен и фольклорных произведений других народов, произведения классиков и современных композиторов, Стефан Климентьевич исполнял с хором и духовную музыку. Сегодня это — в порядке вещей, но в 70-80 годы такие педагогические вольности не поощрялись. Но Крыжановский не сдавался. Он считал, что духовная хоровая музыка как огромный пласт мировой культуры не может быть исключена из учебно-воспитательного процесса. Он не просто разучивал шедевры Архангельского, Бортнянского, Каччини, Генделя, Вивальди, Баха, Перголези — он в доступной форме рассказывал детям о композиторах и о содержании исполняемых произведений. Уже позднее в статье "Морально-этический потенциал духовной хоровой музыки" он напишет: "Понятие "соборность"... ориентировано прежде всего на нравственную общность людей, на духовное "единение во множестве", в котором индивид "свободен, как хорист в хоре". Такая параллель между соборностью как одной из важнейших идей отечественной культуры и ду-

ховным хоровым пением вполне закономерна, поскольку именно богатые традиции отечественной хоровой музыки стали одним из ярких проявлений той духовной силы народа, которая не позволила ему раствориться среди других наций и помогла сохранить его самобытность".

Крыжановский умел работать так, что разучивание и исполнение духовной музыки было для ребят интересно. И даже "цеховой" каламбур: "Стабат матер — Стефан-патер" — тоже свидетельство того, что как педагог он был на правильном пути.

В 1978 году школа Крыжановского обретает права гражданства в системе школ Министерства культуры Украины. Многие из ее выпускников продолжили образование в средних и высших учебных заведениях. Но, говоря со многими из воспитанников Стефана Климентьевича, часто слышал одну фразу: "Он заложил в нас ту основу, на которой мы сформировались как музыканты".

Несмотря на то, что за последние полтора десятилетия по объективным, а больше — субъективным причинам уровень учебно-воспитательной работы во многих учебных заведениях, в том числе и в школах эстетического воспитания, стал падать, Крыжановскому удалось удержать планку на достойной высоте. Об этом свидетельствует триумфальное выступление "Кантилены" два года назад на международном хоровом фестивале в Чехии, высокая оценка хора на двух творческих отчетах Одесской области в Киеве.

Концерты хора всегда собирают большую аудиторию. На них каждый слушатель чувствует себя участником процесса музицирования, радостного и возвышенного. Среди воспитанников школы есть уже второе и даже третье поколение хористов: родители и бабушки и дедушки, которые в детстве пели здесь, с удовольствием отдают своих детей и внуков в надежные и добрые руки.

Стефан Климентьевич умел окружать себя единомышленниками, которые проникались его творческими идеями. Почти три десятилетия с ним проработала Наталья Евграфовна Федько, концертмейстер хора и завуч школы — теперь она стала преемницей Крыжановского на посту директора.

— Все начинается с хора! — любил повторять Стефан Климентьевич, и это действительно так. Хоровое искусство, приобщаться к которому надо с раннего детства, не только является мощным средством эстетического воспитания — оно воспитывает нравственно. Участие в хоре воспитывает коллективизм, оно помогает с отроческих лет проникнуться уваже-

нием к национальной культуре и музыкальным культурам разных народов, а, следовательно, воспитывает подлинный интернационализм. Это все прекрасно понимал, а главное — осуществлял на практике Крыжановский. Украинские, польские, русские, белорусские, армянские, еврейские песни всегда выглядели в исполнении "Кантилены" не просто безупречно в плане музыкальной интерпретации — в них всегда был четко очерчен характер, точно расставлены смысловые акценты. Сколько фантазии и юмора, например, в исполнении польской народной песни "Тот, кто деньги имеет". Она развернута в яркую жанровую картинку, действующими лицами которой являются два солиста, не просто поющие, но и выражающие свое отношение к содержанию веселой песенки, а хор словно поддерживает шуточный характер их диалога.

* * *

Каждый человек неповторим, потому что он олицетворяет частицу картины большого мира, в котором мы живем. Без него эта картина будет неполной. Стефана Климентьевича нет с нами. Второго такого не будет, просто не может быть. Будут другие, новые, хочется верить — по-настоящему талантливые его преемники, люди, которые понесут дальше те высокие педагогические и исполнительские принципы, которые он заложил и которые исповедовал всю жизнь. Им, конечно, на первых порах будет трудно. Сравнение с Мастером будет неизбежным. Крыжановский не оставил наследников своего дела: Мастер, как и все мы, по-видимому, не подозревал, что уход его так близок. Сегодня вся музыкальная, вся творческая общественность Одессы должна быть заинтересована в том, чтобы школа заслуженного деятеля искусств Украины Стефана Крыжановского была сохранена. Как учебное заведение она в надежных руках Натальи Евграфовны. Но академический хор — это живой организм, который нуждается в том, чтобы его питали творческими идеями, чтобы его одевали в самом прямом смысле слова, чтобы его пропагандировали — а это поездки на фестивали и конкурсы, организация концертов и т. д. "Кантилене" нужны не только увлеченные профессией музыкальные лидеры, ей нужны и меценаты. Среди родителей учащихся они пока вряд ли есть — в хоровую школу, как правило, поступают дети из семей невысокого материального достатка. Богатые предпочитают иные учебные заведения, хотя подлинная культура воспитывается здесь.

И еще один вопрос необходимо как можно скорее решить: присвоить школе имя ее основателя. Дело тут не просто в дани памяти — педагоги хорошо знают, что и имя воспитывает, тем более — имя человека, отдавшего свое сердце музыке и детям.

Владимир КУПЧЕНКО

Максимилиан Волошин в Одессе

Из Питера пришла грустная весть: умер Владимир Петрович Купченко. Крупнейший специалист по творчеству Максимилиана Волошина. Он успел завершить кропотливый труд – поденную, помесячную биографию поэта, но, увы, лишь два тома из полного собрания сочинений М. Волошина вышли при его жизни с его комментариями.

Конечно же, круг интересов В. Купченко был намного шире жизни и творчества Волошина и его окружения. В недавно опубликованном 2-томнике писем Ильи Эренбурга есть бурное письмо Володи маститому писателю, где он обвиняет его в том, что тот сосредоточил память на великих людях, а фон – к примеру, скульптор Издебский, остался в тени. Интересен и ответ Эренбурга, объясняющий, что всему должен прийти свой час.

В архиве В.П. Купченко его жена Роза Павловна Хрулева обнаружила неопубликованную статью исследователя о связях М. Волошина с Одессой. К этой теме он обращался много раз, но каждый раз находил новые материалы. Эту неопубликованную статью Роза Павловна Хрулева любезно предоставила нашему альманаху.

Впервые М.А. Волошин (1877-1932) побывал в Одессе летом 1914 года — проездом из Крыма в Швейцарию. Настоящее знакомство с "черноморским Парижем" состоялось в 1919 году, когда поэт провел здесь три с половиной месяца. Шла гражданская война — и пуститься в опасное путешествие, в осеннем латаном пальтишке зимой, заставила Волошина нужда. В надежде хоть что-нибудь заработать, он предпринял лекционное турне по городам Крыма, а затем, около 20 января, отплыл с этой же целью в Одессу.

Остановился Волошин на Нежинской улице, 36, у своих друзей по Парижу Марии и Михаила Цетлиных, людей состоятельных и щедрых: дружеская обстановка и определенный комфорт были поэту обеспечены. А в Одессе тогда было неуютно. Город был перегружен беженцами с севера, работы — особенно для представителей свободных профессий — не хватало; постоянно возникал призрак голода. Трудно было с топливом, то и дело гасло электричество; свирепствовал сыпной тиф. По улицам шагали военные патрули: французские и английские моряки, греческие и румынские солдаты, польские легионеры, добровольцы. Тем не менее, процветал бандитизм; как о "рекорде наглости" газеты сообщали об ограблении похоронной процессии...

Очевидец свидетельствовал: "Сюда съехались видные представители всех русских политических партий организаций, различные обществен-

ные деятели, промышленники, финансисты, торговцы, землевладельцы, целые тучи всевозможных спекулянтов, множество видных чиновников старого режима... Этот громадный наплыв большей частью богатых и совершенно свободных людей создавал крайне нездоровую атмосферу всевозможных толков, слухов и панических "настроений"...".

Впоследствии Волошин отразил эти впечатления в стихотворении "Спекулянт":

Кишмя кишеть в кафе у Робина
Шнырять в Ростове, шмыгать по Одессе,
Кипеть на всех путях, вползать сквозь все затворы,
Менять все облики,
Все масти, все оттенки, <...>
При всех режимах быть неистребимым,
Всепроникающим, всеядным, вездесущим,
Жонглировать то совестью, то ситцем,
То спичками, то родиной, то мылом,
Творить известья, зажигать пожары,
Бунты и паники...

Однако культурная жизнь в Одессе не замирала. Выходило ни более ни менее 20 газет! Еще — 12 журналов. Афиши сообщали о концертах Изы Кремер, А. Вертинского, Н. Плевицкой, Леонида Утесова. Спектакли кабаре "Веселая канарейка" шли ежедневно. Иван Поддубный выступал в цирке Трущи. Кружок поэтов "Зеленая лампа" объединял Аделину Адалис, Эдуарда Багрицкого, Александра Биска, Леонида Гроссмана, Веру Инбер, Валентина Катаева, Юрия Олешу, Зинаиду Шишову. Это были местные поэты. Из приезжих в Одессе находились: Иван Бунин, Дон-Аминадо, Влас Дорошевич, Наталья Крандиевская, Алексей Толстой, Тэффи, Татьяна Щепкина-Куперник. А еще профессора, художники, адвокаты, журналисты...

И. Бунин вспоминал, что Волошин по приезде "тотчас же проявил свою обычную деятельность, — выступал с чтением своих стихов в Литературно-художественном кружке, затем в одном частном клубе". Несколько шаржируя Волошина, писатель все же нарисовал выпуклый его портрет: "Наружность его с годами уже несколько огрубела, отяжелела, но движения по-прежнему легки, живы, когда перебегает через комнату, то перебегает каким-то быстрым и мелким аллюром, говорит с величай-

шей охотой и много, весь так и сияет общительностью, благорасположением ко всему и ко всем, удовольствием от всех и от всего... Одет при этом очень бедно — так уж истерта его коричневая блуза, так блестят черные штаны, разбиты башмаки"...

25 января Волошин выступает с чтением стихов в Клубе увечных воинов. 19 февраля читает "политические и лирические стихи" на собрании кружка "Среда". 21 февраля состоялся благотворительный бал в зале Литературно-артистического общества. 6 марта в Русском театре состоялся диспут "Женщина перед судом женщины", а 28 марта — вечер кружка "Зеленая лампа" в помещении Камерного театра. Волошин дважды читал лекции (28 февраля и 3 апреля): в собрании Литературно-артистического общества — о Верхарне, на "четверге" Религиозно-философского общества — о жестокости жизни и ужасах в искусстве; участвовал в "Устной газете" Союза журналистов.

Поэту удалось напечатать в Одессе стихи "Преосуществление" (в ж. "Объединение"), а также "Молитву о городе" и "Видение Иезекииля" в эсеровской газете "Дело". Дважды он выступал в одесской печати в защиту женщин. В заметке "Первое впечатление Одессы" Волошин рассказал о своем визите в дом № 3 по Пироговской улице к знакомым, снимавшим комнату у некоего генерала Кузнецова. Волошина сопровождала молодая поэтесса Татида (Т.Д. Цемах). Раздосадованный тем, что его разбудили (в 5 часов дня!), квартирохозяин захлопнул дверь перед носом посетителей, в кровь разбив руку девушки. Звонки и стук в дверь остались без ответа. "Где и какими путями надо искать законной управы против таких людей?" — вопрошал Максимилиан Александрович.

Другое его выступление имело более общий и политический оттенок. Его знакомая по Петербургу поэтесса Е.Ю. Кузьмина-Караваева была предана в Екатеринодаре военно-полевому суду белых по обвинению в большевизме. В период февральской революции она была избрана товарищем городского головы Анапы и оставалась на этом посту после прихода большевиков. Волошин был убежден, что Кузьмина-Караваева не имела ничего общего с большевизмом. Письмо в редакцию "Одесского листка", оставленное им, подписали также А. Толстой, Л. Гроссман, В. Инбер, Н. Крандиевская, Тэффи, Амари, А. Биск, А. Кипен. "Невозможно подумать, что даже в пылу гражданской войны сторона государственного порядка способна решиться на истребление русских духовных ценностей", — заканчивалось письмо. "Одесские новости" сообщили 29 марта, что военно-окружной суд, приняв во внимание "смягчающие вину обстоя-

тельства", приговорил потомственную дворянку Е.Ю. Кузьмину-Караваеву, 27-ми лет, к двухнедельному аресту.

В Одессе Волошин написал также статью "На весах поэзии", но напечатать ее при белых нечего было и думать. В противовес добровольцам, видевшим в большевизме "заговор злоумышленников — германцев и евреев", Волошин утверждает, что большевизм — явление национальное. "Суть в том, — писал поэт, — что древняя, темная, историческая жизнь России, так долго скрывавшаяся под спудом империи, выступила из берегов". Видя в революции извечный русский бунт, своего рода новую разиновщину, Волошин одновременно признавал: "Большевизм оказался неожиданной и глубокой правдой о России"...

Из одесситов Максимилиан Александрович особенно подружился с поэтом и литературоведом Леонидом Гроссманом. 4 февраля тот подарил ему две свои книжки — "для первого знакомства и возникающей дружбы", "от недавнего знакомого и старинного почитателя". Впоследствии в стихотворном послании к Л.П. Гроссману Волошин вспоминал, как тот "...пел в сонетах млечный блеск Плеяд / На стогнах голодающей Одессы". Гроссман познакомил Максимилиана Александровича с одесскими издателями. Под маркой издательства "Омфалос", принадлежавшего Я.Г. Натансону, должны были выйти две книжки стихов Волошина и его переводы из Э. Верхарна и Анри де Ренье. Е.И. Рузер взялся за переиздание волошинского сборника "Демоны глухонемые", который недавно вышел в Харькове. "Потребность во втором издании громадна, так как оно почти никуда, кроме Харькова, не попало", — писал поэт позднее из Коктебеля своему одесскому издателю. Были уже набраны гранки (в настоящее время они хранятся в Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле). Пытаясь достать бумагу, Рузер ездил в Константинополь, но, по-видимому, неудачно. В конце концов, в Одессе вышел только один сборник Волошина — переводы из Верхарна...

Над переводами из Анри де Ренье поэт работал усиленно с конца февраля. "Ночь богов", "Прощанья", "Пленница", "Ваза", "Пожелания", "Любовь": из мрачной действительности с голодом, грабежами и убийствами Максимилиан Александрович переносился в мир мечты, населенный нимфами и фавнами, блуждал по перелескам, где голос флейты смешивался с плеском фонтанов. 5 апреля он переводит стихотворение "Девочка" и пишет внизу: "В день вступления григорьевцев"...

Фронт уже давно подступал к Одессе. Еще в марте большевики заня-

ли Херсон и Николаев. По всей южной Украине ширилось партизанское движение. В результате умелой пропагандистской работы подпольщиков у союзников оставалось все меньше надежных частей... 2 апреля французское командование отдает приказ об эвакуации. В городе паника. Многие из интеллигентов бегут. 4 апреля Волошин провожает в Константинополь Цетлиных и Толстого с Крандиевской. Алексей Николаевич настойчиво зовет Максимилиана Александровича с собой: "Родина гибнет, промедление смерти подобно!". Волошин кротко покачивает большой головой: "Нет, Алехан. Когда мать больна, дети ее остаются с нею"...

Первыми в Одессу входят части атамана Н. Григорьева, заявившего в феврале о переходе на сторону Красной Армии. В тот же день художники и журналисты Одессы устраивают собрание, на котором возникает мысль об объединении в "Союз искусств". Сохранился волошинский проект этого объединения, в котором программировалось: "Искусство для того, чтобы вернуть себе глубокое и творческое влияние на народную жизнь, должно вернуться к старому единству"... Приближалось 1 Мая. Исполком принял решение привлечь к праздничному украшению города всех оказавшихся в Одессе художников. По свидетельству Амшея Нюренберга, тогдашнего комиссара искусств, в составленную им бригаду входили: Волошин, Гельман, Константиновский, Мидлер, Олесевич, Фазини, Фраерман, Экстер. Бунин рассказывает: "Волошин тоже загорается рвением украшать город; фантазирует, как это надо сделать: хорошо, например, натянуть над улицами и по фасадам домов полотнища, расписанные ромбами, конусами, пирамидами, цитатами из разных поэтов"...

20 апреля газета "Голос красноармейца" сообщала о создании Комиссии по проведению 1 Мая: руководителями литературного отдела этой Комиссии были назначены М. Волошин и некий Монастырский. Сохранилась записка Волошина к Гроссману с просьбой помочь в составлении списка произведений русских и иностранных поэтов, "касавшихся революции, которые можно было бы использовать 1 мая". Однако 25 апреля, судя по дневнику В.Н. Буниной, "Известия" Одесского Совета сообщают, что Волошин отстранен от первомайской комиссии: кому-то запомнилось выступление поэта в эсеровской газете... Пытаясь отстаивать свою позицию "над схваткой", Максимилиан Александрович шлет письмо в редакцию: "Могу Вам сообщить, что я писал в десятках органов, от самых правых до самых левых, — и ни один из них не соответствовал моим политическим взглядам, т. к. я имею претензию быть автором собственной социальной системы"...

Впрочем, к этому времени Волошин уже многое успел сделать. Судя по его пометам в блокноте, с 7 по 2 апреля он был занят устройством "Союза союзов"; тринадцатого выступал в "Зеленой лампе"; шестнадцатого — в университете. 5, 8 и 14 апреля он участвует в заседаниях первомайской комиссии (в Художественном училище на Преображенской ул.), пятнадцатого и восемнадцатого ведет собрания ее Литературного отдела. 10 апреля в его блокноте записано: "Поэты"; 21-го — "Жюри"... Таким образом, несмотря на отстранение от работы в Комиссии за пять дней до праздника, в первомайском украшении города был, без сомнения, и его вклад...

В советской Одессе Волошин общался, кроме Л.П. Гроссмана, с поэтессами А. Адалис и Еленой Кранцфельд, с художниками Е.О. Буковецким, М.К. Гершенфельдом, В.А. Мидлером, П.А. Нилусом, А.А. Экстер, с поэтом и искусствоведом Ф.Г. Гозиасоном, философом К.А. Кузнецовым, фотографом Ш. Масловым, сделавшим два портрета Максимилиана Александровича; бывал в "Омфалосе" и у издателя Е.И. Рузера. Он — частый гость Буниных (об освобождении квартиры которых от реквизиции Максимилиан Александрович успешно хлопотал). Позднее Иван Алексеевич вспоминал: "Волошин часто сидит у нас по вечерам. По-прежнему мил, оживлен, весел. "Бог с ней, с политикой, давайте читать друг другу стихи!" Конечно, восхищается Блоком, Белым — и тут же Анри де Ренье, которого переводит. После девяти запрещено показываться на улице, Волошин иногда у нас ночует. У нас есть некоторый запас сала и спирта, он ест жадно и с наслаждением — и все говорит, говорит и все на самые высокие и трагические темы".

В двадцатых числах апреля Волошин начинает изыскивать средства возвратиться домой. Помочь ему в том берется командующий Черноморским флотом А.В. Немитц, сам пишущий стихи. Как с поэтом Максимилиан Александрович находит общий язык с сорокалетним контр-адмиралом, искренне поверившим в правду большевиков. "Он видит и верит, что идет объединение и строительство России", — говорит Волошин Бунину.

В эти же дни "в гостиной одной хорошенькой женщины (по-видимому, у Пеговых) Волошин познакомился с председателем одесской ЧК Северным (Юзефовичем). "Это человек с кристальной душой", — уверяет поэт негодующего на него Бунина. Позднее, работая над стихотворным циклом "Личины", Волошин зарисовал облик Северного: "Весь звенящий своей мечтой. Мягкие рыжие волосы. Веснушки. В рубашке без воротничка. Пиджак... Он был в отряде подрывателей. Только что вырвался из застенка... Ему вгоняли щепочки под ногти, ему подпаливали пальцы на ог-

не. Ему читали приговор, ставили к стенке, стреляли поверх головы и вели на допрос... Приход большевиков спас его"...

1 мая одесская чрезвычайная комиссия выдала Волошину разрешение на выезд "из Одессы до Феодосии". Немитц предоставил парусный дубок (№ 471) "Казак". Вместе с поэтом в Крым отправляются три матроса — сотрудники Одесской ЧК Врублевский, Малышевский и Борисов, — посланные для связи с Севастополем. Перед отъездом Волошин получил назначение заведовать в Феодосии Отделом искусств Наробраза. Вместе с ним возвращалась в Крым Татида: последний вечер в Одессе Максимилиан Александрович провел вместе с ней у Буниных. "Одет он был уже по-дорожному — матроска, берет, — вспоминал Иван Алексеевич. — В карманах держал немало разных спасительных бумажек на все случаи... Все же все мы, в том числе и он сам, были в этот вечер далеко не спокойны"... 10 мая "Казак" вышел в море. Позади оставался город

Весь в красном исступленьи
Расплесканных знамен,
Весь воспаленный гневами и страхом,
Ознобом слухов, дрожью ожиданий,
Где поздняя весна скользит украдкой
В прозрачном кружеве акаций и цветов...

На рассвете 14 мая, на пятый день плавания, показались берега Крыма...

1979 г. Коктебель

Бенедикт САРНОВ

Непубликовавшаяся поэма Багрицкого

Об этой шуточной поэме Багрицкого я впервые услыхал от С.И. Липкина. Было это, наверно, лет двадцать пять тому назад. Семен Израилевич с наслаждением цитировал запомнившиеся ему самые яркие строки, из которых больше всего его радовали такие: "Гремит боевая халтура..." и "За пушкинской задницей пышно цветет советская литература".

При этом он не забывал пояснить, что в описываемые времена бронзовый Пушкин стоял на Тверском бульваре лицом к Страстному монастырю и спиной к Дому Герцена, где размещался тогда главный штаб этой самой "боевой халтуры".

Тогда же он рассказал мне забавную историю, связанную с созданием поэмы. Сочинялась она, само собой, для домашнего употребления. Но очень быстро, что называется, пошла по рукам. И имела довольно бурный успех. Соблазненный этим успехом, приятель Багрицкого Давид Бродский, принимавший весьма пассивное участие в сочинении поэмы (его перу принадлежала всего лишь одна ее строфа), стал поговаривать о себе как о соавторе, а может быть, даже и главном авторе всего произведения. Зарвавшегося "соавтора" решено было проучить. Его пригласили повесткой явиться в некое учреждение. Там его ожидал "следователь", задавший ему несколько грозных вопросов. Перетрусивший "соавтор" мгновенно от соавторства отказался, чему охотно дал письменное подтверждение. На другой день это собственноручно написанное и подписанное им заявление было ему предъявлено. Роль следователя в этом коварном дружеском розыгрыше талантливо сыграл Евгений Петров, с которым Бродский не был знаком.

Позже ту же историю (с некоторыми разночтениями) я услыхал от Г.Н. Мунблита, который потом изложил ее письменно и опубликовал в своих воспоминаниях о Багрицком (Г. Мунблит. Рассказы о писателях. М., 1989). Воспоминания свои Георгий Николаевич писал по памяти, никаких дневников и письменных заметок того далекого времени у него не сохранилось. Но — сохранился текст поэмы, который он великодушно позволил мне переписать.

Повторяю: поэма сочинялась для тесного дружеского круга. О публикации ее Багрицкий не помышлял, да это было и невозможно по тогдашним цензурным условиям. Однако он охотно читал ее не только в домаш-

ней обстановке. Так, например, однажды он прочел ее "перевальцам", где удостоился неожиданного упрека от присутствовавшего на чтении Карла Радека: тот обвинил автора поэмы в антисемитизме. В другие времена за ту же поэму, стань она достоянием общественности, Багрицкого наверняка обвинили бы (с тем же основанием) в еврейском буржуазном национализме. А в еще более поздние, может быть, даже и в русофобии.

Между тем для любого непредвзятого читателя совершенно очевидно, что некоторый еврейский "акцент", отдельные еврейские словечки, вкрапленные в речи главных героев поэмы, понадобились Багрицкому вовсе не для того, чтобы попрекнуть Лелевича или Авербаха их местечковым происхождением. Это был способ создания определенного комического эффекта, способ травестирования баллады А.К. Толстого о Ваське Шибанове. Точнее — один из способов. В других случаях тот же эффект достигался другими средствами. Часто вводя в текст своей поэмы прямые цитаты из "Василия Шибанова", Багрицкий всякий раз так "поворачивает" цитату, что она обретает новое, комическое звучание. Иногда он просто перефразирует строки А.К. Толстого. Скажем, у того: "Прочтет, улыбнется, и снова прочтет...", а у Багрицкого: "Прочтет, матюкнет и опять матюкнет...". У АК. Толстого: "И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя, аки воду, лиях и лиях...". А у Багрицкого его герои в своих бумажных боях проливают не кровь, а чернила. Но иногда строки А.К. Толстого включаются в травестируемый текст почти дословно:

Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.

Но пытка, которой подвергают заплечные мастера посланца Лелевича, сильно отличается от той, которой был подвергнут герой А.К. Толстого: она состоит всего лишь в том, что ему всю ночь напролет читают стихи пролетарских поэтов. В конечном счете, однако, эта "мнимая" пытка оказывается не менее жестокой, чем та, настоящая: у Багрицкого посол Лелевича в финале поэмы тоже умирает в страшных мучениях, точь-в-точь как посол князя Курбского у его предшественника.

Конечно, все эти травестийные приемы имеют вполне определенную сатирическую цель. Иные сатирические выпады автора кажутся сравнительно мягкими и даже беззлобными. Но некоторые из них достигают остроты и силы подлинного сарказма. Так, например, ту роль, которую у А.К. Толстого играет посох (костыль) Ивана Грозного, Багрицкий в своей поэме отводит вполне реальному, конкретному человеку. Живой человек, ставший тупым (виноват, скорее острым) орудием в чьих-то руках! И не просто орудием, но — орудием пытки! Куда уж злее...

На этом, собственно, можно было бы поставить точку, тем более что я, кажется, уже и так сильно злоупотребил вниманием читателя и даже несколько нарушил четкие границы жанра вступительной заметки. К тому же читатель "Вопросов литературы" наверняка и сам легко сообразит, куда было направлено, как любил говорить в таких случаях Зощенко, жало этой художественной сатиры.

Но я все же считаю нелишним напомнить некоторые исторические реалии.

После известной резолюции ЦК ВКП(б) 1925 года в руководстве РАПП произошел раскол. Так называемые "левые" рапповцы (Лелевич, Безыменский, Родов) категорически отказались от всякого сотрудничества с писателями-попутчиками. Это "левонапостовское меньшинство" возглавил Л.Г. Лелевич, который весной 1926 года "за левооппортунистическую литературно-политическую линию, шедшую вразрез с литературной политикой партии", был выведен из руководства РАПП. Этим же годом "Литературная энциклопедия" (т. 6, М., 1932, с. 167) датирует начало "научной работы" Лелевича в Саратовском университете, что в поэме Багрицкого отмечено строкой: "А я — направляюсь в Саратов".

Скорее всего, поэма была написана по горячим следам всех этих событий, то есть в том же 1926 году.

Строка "С ним некий поэт безымянный" подразумевает не Александра Безыменского, как можно было бы предположить, а отца Лелевича, малоизвестного поэта, печатавшегося под псевдонимом "Перекати поле". Другие соратники Лелевича, вместе с ним образовавшие "левонапостовское меньшинство", — И. Вардин и С. Родов — названы в поэме собственными своими именами.

Г. Мунблит в своих воспоминаниях о Багрицком, пересказывая (очень кратко, одним абзацем) содержание поэмы, послужившей поводом для веселого дружеского розыгрыша, небрежно роняет, что сама поэма "особыми достоинствами не блистала".

Я думаю, что эта оценка чрезмерно сурова и, в конечном счете, несправедлива.

Не сомневаюсь, что читатели некоторые несомненные достоинства в этом шутливом сочинении все же обнаружат. Я уж не говорю о том, что жанр, к которому оно принадлежит, имеет давнюю и славную традицию. "Литературная энциклопедия", правда, перечисляя все былые достижения бурлескной, травестийной поэзии — от ирои-комической поэмы Франческо Бернини (1541 г.) до "Энеиды" И. Котляревского, — меланхолически отмечает, что в новейшей литературе этот жанр "развития не получил и в значительной мере является образцом пережиточной жанровой формы".

Травестийная поэма Багрицкого свидетельствует о том, что это пессимистическое заключение не вполне соответствует истине. "Пережиточная жанровая форма" в ней вдруг обнаружила поистине недюжинную жизнеспособность, оказалась живой и полнокровной.

Эдуард БАГРИЦКИЙ

Не Васька Шибанов и не Ванька Молчанов

Лелевич от рапповской злобы бежал.
С ним некий поэт безымянный.
Лелевич измучен, Лелевич устал, —
Как быть средь дороги туманной?
Но, старых напостовцев столп и оплот,
Лелевич поэту червонец дает:
— Скачи до московских ты хватов,
А я — направляюсь в Саратов.

И пишет Лелевич всю ночь напролет,
Стило его местию дышит.
Прочтет, матюкнет и опять матюкнет,
И снова без отдыха пишет.
И хохму за хохмой он сыплет не зря,
И вот уж, когда заалела заря,
Приспело для вражьего сердца
Послание, полное перца.

Но кто же, кто мужества явит пример?
Кто ринется в пламенный кратер?
Папаша Лелевича слеп, как Гомер,
Ведет его под руку матерь.

Веселый есть дом на бульваре Тверском,
Ночами и днями гудит он,
Пивным перегаром, плохим табаком
И пылью полемик напитан.
За пушкинской задницей пышно цветет
Советская литература.
Вождям славословья там Жаров поет,
Гремит боевая халтура.
Там воет труба, тарахтит барабан,

Травестийная поэма Багрицкого свидетельствует о том, что это пессимистическое заключение не вполне соответствует истине. "Пережиточная жанровая форма" в ней вдруг обнаружила поистине недюжинную жизнеспособность, оказалась живой и полнокровной.

Эдуард БАГРИЦКИЙ

Не Васька Шибанов и не Ванька Молчанов

Лелевич от рапповской злобы бежал.
С ним некий поэт безымянный.
Лелевич измучен, Лелевич устал, —
Как быть средь дороги туманной?
Но, старых напостовцев столп и оплот,
Лелевич поэту червонец дает:
— Скачи до московских ты хватов,
А я — направляюсь в Саратов.

И пишет Лелевич всю ночь напролет,
Стило его местию дышит.
Прочтет, матюкнет и опять матюкнет,
И снова без отдыха пишет.
И хохму за хохмой он сыплет не зря,
И вот уж, когда заалела заря,
Приспело для вражьего сердца
Послание, полное перца.

Но кто же, кто мужества явит пример?
Кто ринется в пламенный кратер?
Папаша Лелевича слеп, как Гомер,
Ведет его под руку матерь.

Веселый есть дом на бульваре Тверском,
Ночами и днями гудит он,
Пивным перегаром, плохим табаком
И пылью полемик напитан.
За пушкинской задницей пышно цветет
Советская литература.
Вождям славословья там Жаров поет,
Гремит боевая халтура.
Там воет труба, тарахтит барабан,

Тачает стихи там Молчанов Иван,
Там Уткин — не Уткин, но Шелли,
Там корчит поэта Шенгели.

А над кабаком, уходящим в подвал,
Величественно из праха,
Одетая в нимб раболепных похвал,
Колышется плешь Авербаха.
Громами крутыми грохочет порог,
И молча лежат у божественных ног,
Пролезшие в двери без мыла
Киршон, Либединский, Ермилов.

И входит папаша с сыновним письмом,
И, остановясь на пороге,
С мамашей застыл в изумленья немом,
Усталый и томный с дороги.
И Фатова[1] в руку схватил Авербах,
Взмахнул им — и в ногу папашину — трах!
Профессорской славной башкою,
Проткнув, налегает рукою.

"Тебе, матюкаему древле от всех
И тонущу в сквернах обильных.
Скажи, лапетутник[2], каких ради грех
Побил ты ученых и сильных?
Не мы ли с Воронским в тяжелом бою
Преславную линию гнули свою?
Блистают средь грозных походов
Лелевич, и Вардин, и Родов!
Ответствуй же, Ляпа, не нами ль, босяк,
В баталии остервенелой
Разгромлен Волошин, затравлен Пильняк,
Булгаков, Ахматова, Белый?
И аз, бенамунес[3], в ужасных боях
С Воронским чернила лиях и лиях,
С тобой пред Плехановым встаху", —
Лелевич писал Авербаху.

Папаша молчал. На ковер второпях
Кровь алым струилася током.
И молча посланцу в лицо Авербах

Глядел испытующим оком.
— Ах, жулик, ах, жлоб, ах, непойманный шкет,
Так вот он каков, боевой твой привет!
Со мной поступил ты по-свински!
Хватай же отца, Либединский!

Приходит, уходит ночная пора,
В харчевне смолкает голота.
Халтурные входят толпой мастера,
Опять зачалася работа.
И пыточный снова затеплен огонь,
И вот из-под спуда достали "Гармонь":
Ты, как ни хитри, все едино,
Ответишь, папаша, за сына!

— О ты, что меня к Авербаху послал
С письмом, преисполненным перца,
Любимый сынок, я смертельно устал,
Заходится старое сердце.
Я чувствую: близок смертельный мой час,
Язык онемел мой и взор мой погас,
В ритмическом громе ударов
Порхает, как фейгеле[4], Жаров.

Приходит, уходит ночная пора,
В харчевне стихает голота.
Халтурные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
И пыточный снова затеплен огонь,
Опять из-под спуда явилась "Гармонь".
Страдания выпита чаша.

Так умер Лелевич-папаша.

[1]Николай Николаевич Фатов (1887-1961) — литературовед, автор монографий о Серафимовиче и Демьяне Бедном. В рапповские времена — профессор Московского университета.

[2]Лапетутник — бездельник, шалопай (идиш).

[3]Бенамунес — честно, честное слово (идиш).

[4]Фейгеле — птичка (идиш).

Творить в области чувств

Менее полугода (с июня по октябрь) выходил в Одессе в 1922 г. журнал "Зритель", но он до сих пор востребован читателями, интересен своей информационной насыщенностью. В "Горьковке" сохранилась подшивка журнала из десяти номеров.

На его пожелтевших, напечатанных на скверной бумаге страницах остались стихи А. Ахматовой, Э. Багрицкого, В. Маяковского, В. Нарбута. И сегодня с большим интересом читаются статьи А. Дерибаса о театре, Б. Шоу о его пьесе "Великая Екатерина", Л. Гроссмана о мемуарах А.Г. Достоевской. Здесь же рассказ А. Толстого "последний день поэта Санди", написанный им в эмиграции в Берлине, критика на новые стихи И. Северянина и книгу А. Франка "Жизнь в цвету".

Но, прежде всего, журнал "Зритель" был посвящен театру и его текущим проблемам в условиях нэпа, т. е. времени "раскрепощения игры частных интересов". Несмотря на то, что редактором-издателем журнала был Губполитпросвет, высказывалось мнение о необходимости идеологической независимости от пролетарского государства.

Журнал привлекает своей интеллигентностью и поразительной актуальностью в дискуссиях на театральные темы. В разговоре участвовали ведущие критики того времени, и мы постараемся помочь читателям альманаха окунуться в театральные тревоги далеких 20-х гг., которые сегодня звучат на редкость современно. Несомненно, и в начале XXI столетия актеры и режиссеры подпишутся под девизом: "Творить в области чувств и только чувств. Красота и музыка интонаций придут отсюда и подскажут неожиданную форму".

Постоянные рубрики в журнале "Зритель": "Театральное обозрение", "Маленькая летопись", "Шепот кулис", "Театральное сегодня Одессы" привлекают не только информативностью, но и заинтересованностью в работе актеров, вниманием к их творческой и человеческой судьбе – какие роли они сыграли в данном сезоне, в какой театр переехали, что представляет собой каждый из многочисленных театров Одессы того времени.

Мы возвращаемся к прошлому, чтобы что–то попробовать изменить к лучшему в нашей сегодняшней жизни.

Татьяна ЩУРОВА

ЗРИТЕЛЬ

В ЭТОМ НОМЕРЕ: Символ веры — передовая. **Юбилей Н. А. Островского. Стих. В. И. Нарбута и В. Кириллова.** **„Чортова мельница“** (Вечер „Артист-журналисту“.) *АНКЕТА „ЗРИТЕЛЯ“:* отзывы — Ю. Золотарева, А. Мурова, А. М. Де-Рибаса, А. Зорова, М. Капчинского, И. Крути, Н. Пересветова, Л. С. Самборской, Н. И. Собольщикова-Самарина, Л. Ф. Лазарева, А. Адашева, Б. Чацкого.

Фельетон — Старого Зрителя. **„Душа на кончиках пальцев“**—Юр. Зо-ва.

Маленький фельетон. — **„КОКАИНЕТА“** (уголовная поэза о Серг. Глаголине).

Театральное обозрение. Шопот кулис. Новости театра. Музыкальные заметки.

„Литературный калейдоскоп“.

„Здесь лечат и вырывают зубы“ (Пресса о М. Горьком).

Кино. Спорт.

Программы театров.

№ 3

1922 год.

Цена

№ 17 р. 50 к.

МОЗЖУХИН. К его возвращению в Россию и предстоящим кино с'емкам в Одессе.

Из цикла "Юность".

Пароход причален, ошвартован,
С мачты снижен карантинный флаг,
Вот и берег, добрый берег снова,
Южный вечер, ласковая мгла.
По крутой качающейся сходне
Я сбегаю — белый, голубой...
Море, море, не тебе сегодня
Эта песнь и сердца перебой.
Шевелит, целует ветер блузу, —
В складках — Яффа, Бейрут и Алжир,
А под блузой и дружеском союзе
Милый Бебель, финики, инжир...

Путь недолог, вот и Молдаванка,
В тихой дреме — старый Дюков сад,
Лебедой поросшая полянка...
Как глаза, глаза ее горят —
О, Рахиль, о сладкий дух акаций,
Звезды — очи, звезды в вышине,
Шепот речи, шелест прокламаций,
Это было или снилось мне?
Никогда не отцветали зори,
Зори в сердце, зори по утру...
Юность, юность, ты свежа, как море,
И крута, как парус на ветру.

В. Кириллов.

Театр, который нужен.

Анкета "Зрителя"

Александр де-Рибас.

– Пока нет театра будущего и еще не народился даже театр настоящего, надо довольствоваться репертуаром прошлого, но выбирать из него те пьесы, в которых лежит зародыш и настоящего, и будущего. Жанр их может быть самый разнообразный.

Назначение театра поднимать слабеющие силы людей. Его репертуар, поэтому, никогда не должен быть утомительным. Театр должен быть местом отдыха, освежающего, возбуждающего и укрепляющего наши силы.

Актеры должны быть людьми, хорошо знающими не только сцену театра, но и сцену жизни. Исполняя чужие произведения, актеры исполняют чужую волю. Эта воля должна быть для них священна. Чтобы передать эту волю зрителям, надо хорошо знать людей, надо уметь так привлечь к себе их внимание, чтобы они, слушая актера, заряжались волею драматурга. Для этого необходимо, чтобы актеры были сильнее и выше публики.

У актера есть то, чего у публики нет:

Искусство и талант.

Д. МАЛЛОРИ.

– Нужны такие актеры как Давыдов, Варламов, Савина, Комиссаржевская, Радин, Юренева и т. д. Но если их нет, то что же делать? За неимением гербовой – пишут на простой. Такие опытные режиссеры, как Собольщиков-Самарин, уж наверное сами выберут из одесских актеров все лучшее. Пусть только антрепренеры не гадят. Все же Собольщиков-Самарин, Харламов, Борин, Лаврецкий, Самборская, Грибунина и им подобные актеры вполне желательны для Одессы.

Пьес хороших нет.

Нужно выбрать лучшие из плохих...

Ставят все же новые пьесы в Москве и Харькове. Наконец, хорошее старое тоже не плохо.

Драма может чередоваться с комедией, но все же превалировать должна серьезная драма.

А называть пьесы излишне, – все равно найдут предлог их не поставить.

Б.Я. ЛОРЕНЦО.

При выборе репертуара и труппы сейчас необходимо иметь в виду не индивидуальные вкусы ценителей искусства, как бы эти вкусы ни были хороши, а вопрос самого существования театра.

Все другие пожелания представляют только академический интерес. Театр же может существовать только тогда, когда он хорошо посещается.

Поэтому репертуар должен быть увлекательным, а актеры талантливыми. Только эти условия в состоянии обеспечить театру существование. А он должен существовать хотя бы для того, чтобы дождаться времени, когда зрители в массе будут реагировать только на высокохудожественное. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что каждая публика имеет такой театр, какой она заслуживает. Остается только пожелать публике дорасти до истинного театра.

Профессор Б. В. Варнеке.

Современный, актер должен быть разносторонен и вооружен технически. Без уменья петь, танцевать еще 20-30 лет тому назад обходилось большинство драматических актеров. Теперь сцена ставит гораздо более широкие задачи актеру, возвращая его к первоначальным условиям импровизации. Эту сторону тонко учел Александр Таиров в своих "Записках режиссера".

Репертуар современному зрителю нужен двоякий. Новый зритель нуждается в приобщении к великим сокровищам мировой драмы. Отсюда успех Шекспира и танцев в современном театре столиц. Но большинству театр нужен как отдых от тяжестей жизни. Отсюда громадный успех легкого веселого репертуара. И кто сумеет эту легкость соединить с художественностью, тот завоюет современную сцену.

И. А. ПЕРЕСВЕТОВ.

– Созыв своего рода "консилиума" для лечения больного театра, чем в сущности является объявленная "Зрителем" анкета, должен привести, надо полагать, к весьма плодотворным результатам. Это ново, но сулит успех.

Однако, разрешите подойти к затруднению с той парадоксальной простотой, с которой доктор некогда вопрошал своего злополучного пациента: "А вы теплой водой с мылом не пробовали?".

И вот мне, простите, думается, не применить ли в данном случае совершенно оригинальный прием: для разрешения вопроса о лучшей труппе и репертуаре попробовать пригласить хорошего режиссера и обеспечить его вместо узкой опеки широкими средствами.

Бывали случаи – помогало.

В преддверье сезона.

Это считается чуть ли не хорошим тоном, в начале или в конце сезона сетовать на отсутствие пьес и актеров, на случайности репертуара и общее упадочное состояние театра. К сожалению, в этом всегда столько же правды, сколько и бессилия помочь беде. Критика недовольна, актеры с этим соглашаются или это оспаривают, а все в целом... остается по-старому...

Предстоящий зимний сезон драмы нарождается в условиях общего недовольства прошлым нашего театра. "Двадцать два и одно" несчастья лежат на его пути, и не о них сейчас речь. В преддверьи нового сезона, в те дни, когда намечаются новые пути и идет деятельная подготовка к первой встрече, часто решающей, мы готовы увидеть новый театр на старом месте, нового актера в новом театре.

Театр обещает – и мы готовы поверить. Многоопытное, изощренное руководство предстоящим сезоном Собольщиковым-Самариным в содружестве с темпераментно-молодым режиссером Лазаревым – залог многого. И если наряду с этим театр найдет еще и силы и средства к сформированию полной и яркой труппы, к созданию настоящего репертуара сегодняшнего дня и к оформлению всего этого в гармоническое целое мы – недовольные, мы – протестующие и будирующие, мы первые отдадим ему наше признание и нашу признательность.

Театр готовится к открытию. Пусть на развалинах старого прорастет прекрасное новое.

В него мы верим. Его мы ждем.

Театр

(Из книги "Крашеные рыла").

Писать пьесы и играть и театре может всякий.

Как, писать и как играть, об этом никто не знает.

Сломай любую комедь и непременно найдешь сочувствующих. И нет такой драмы, от которой кто-нибудь да не умилился, и нет такой комедии, от которой кто-нибудь да не примется гоготать.

Первый государственный актер наверняка заморит циркового зрителя, а случайный и совсем не актер, – на провинциальной сцене, бывает, выпускают за неимением, – да тот же костюмер Семен Иванович Козаков и, совсем не чая, потрясет.

Софокл вызовет крик: подавай борцов. А другому Бог с ними, с борцами, даром не надо, а готов выстоять всего Эдипа.

Говяжий и черепковый закон "по барину говядина"... нигде так не прет, как в театре.

И когда говорят: хорошая пьеса, или про актера – хорошо играет. – И если говорят не в угоду моде или преданию, то говорят только по-своему.

И я буду говорить по-моему.

* * *

Мне было всегда неловко, когда барыня представляла кухарку, ударяя по словам забитым:

– знашь

– знамо

– вестимо

– тапереча

– ушодши

– пришодши

Мне было всегда неловко, когда наши военные писатели и былые рассказчики, представляя солдата, начинали солдатское повествование неизменным

так что.

Мне было всего неловко, когда образованные люди, воспитанные на своей ложке, воротничках и ботинках, обряжались в черные косоворотки и высокие сапоги, чтобы представляться рабочими, при этом обязательно коверкали –

магазин в маг`азин

офицеры в офицер`а

продукты в пр`одукты

калоши в галоши

извините в извиняюсь

Мне было всегда неловко, когда читали юбилейный адрес, сочиненный в русском стиле, где все сводилось к тому, чтобы определение поставить после определяемого, да заключить –

бем челом

Мне было всегда неловко, когда я читал произведения русских писателей, прославленных за свои русские обороты, где все было насыщено подбылинной и подпесенной слащавостью.

Мне было всегда неловко, когда я смотрел пьесы для народа под народное: всякий знает, что это калина-малина балалаешная.

Мне было неловко в Париже на представлении Петрушки, когда вдруг выскочили актеры, наряженные кучерами, и стали откаблучивать что-то в роде кабацкого комаря.

Мне было всегда было неловко оттого, что все это неправда, подделывающаяся под горькую правду, и унижающая.

Алексей Ремизов.

"РЕПЕРТУАРА НЕТ?" – ВОТ ОН, РЕПЕРТУАР!

Зимний сезон начинается.

Актер, который уходит. Актриса, которая остается.

Режиссер, который запрашивает. Антрепренер, который экономит.

Страсть и алчность. Честолюбие. Тоска. Паутина интриг. Океан сплетен. –

Кухня. Только кухня. Театральная кухня, где приготовляется сезон.

Нас не интересуют все эти дебаты о немытой театральной посуде и пререкания о ценах актерского базара.

Нам не важны тайны кухни. Мы ждем таинства театра.

Мы ждем Актера.

Мы ждем Режиссера.

Мы ждем Репертуара.

Мы – голос Зрителя.

Он не властен создать актеров и режиссеров.

Он властен создать репертуар.

В преддверьи будущего, мы не хотим прошлого. В надеждах нового сезона заявляем, что не хотим стыда старого.

Мы не хотим хихикающих комедий с дребезжащим смехом шестидесятилетнего старика.

Мы не хотим смешных историй, которые должны вызывать у нас почему-то слезы и институтские лихорадки, которые должны вызывать, почему-то, смех.

Мы не хотим Щепкину-Куперник в роли Шекспира, Трахтенберга – в роли Чехова, и "дураков" на амплуа Островского.

И больше всего мы не хотим лжи.

Когда вы ставили всю эту шелуху мысли, когда вы пачкали подмостки этими плевками таланта – вы – режиссеры и руководители – вы говорили:

– Так хочет публика.

Шарж И. Мексина.

Пирогов – Дон Базилио
(Севильский Цирульник)

– Таковы вкусы публики.

– Мы не и силах бороться с требованиями публики.

И закатывая страшные глаза и многозначительно подняв палец, замогильным и торжественным шепотом вы произносили тогда это, полное смятенного трепета, в ваших устах слово.

– Касса.

Опытные директора! На зубок знающие публику режиссеры!

Когда вы говорите:

– Касса требует безвкусицы. Публика требует безвкусицы. Касса требует пошлости. Публика требует пошлости.

Верите ли вы в то, что говорите?

Публика... Да такая, как она есть сейчас, когда она бесформенна и безлика и много думает о наживе и мало думает об искусстве, в ней значительно больше молодого вкуса, чем вы смеете об этом заявлять.

...Довольно!

Мы заявляете, что знаете публику, которая была 60 лет тому назад. Может быть.

До 1917 г. С этого времени – месяц за год. 5X12=60.

Великая, величайшая революция произошла. Пришли одни, исчезли другие. – Уничтожены люди, классы, мировоззрения, обычаи и понятия. Создался новый строй, новые люди, новый труд, новый мир, новая энергия, иная воля, иное понимание жизни.

А этот театр будет по-прежнему вспоминать о певице – Трильби и гипнотизере – Свинтили, над которыми плакали наши бабушки.

Но бабушек нет, а в наших глазах слез для страданий певицы не осталось: высохли.

"Я люблю цирк, говорил когда-то писатель, он не меняется. Все течет, все проходит. Но рыжий остается, и также ударяя палец о палец, прихлопывает он: "Бляво, бляво!". И также жалко прибита улыбка наездниц, когда разметывает рядом песок, щелкающий отсталое бич директора.

Но есть нечто более, чем прошлый цирк. Это – нынешний театр.

...Уйдет ли актер? Останется ли актриса? Словно Годунов в слободе своей как пьяница пред чаркой вина. Кончит ли мрощиться режиссер.

Кто бы ни был и что бы ни было, – мы делаем сезону предупреждение.

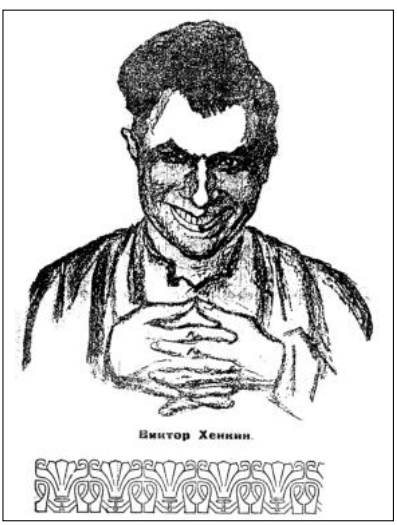
Мы требуем нового репертуара.

Мы будем бороться со старым.

И тогда вы, антрепренеры и режиссеры, сделаете смертельно бледное лицо и также зловеще прошепчете:

– Значит... вы требуете а г и т а ц и о н н ы х пьес.

И так как мы будем глядя на нас иронически

Виктор Хенкин. (*Рис. И. Мексина*)

улыбаться – злобно шаманами – ведунами начнете вычураться тем же заклинанием – табу:

– "Касса".

А мы улыбнемся.

– Нет, осторожнейшие и благонамереннейшие. Мы не будем говорить об агитационном театре, хотя бы потому, что его нет. Мы не будем более агитаторами, чем Луначарский, указывающий, что пока социалистического театра нет, нужно искать театр народный. Как например, он указывает на французскую мелодраму и приветствует реставрацию Дюма.

Нет, осторожнейшие! Мы не требуем от вас пьес агитационных.

Но мы потребуем пьес увлекательных. Но мы потребуем пьес, где факты, где страсть, где интрига и где идеи.

И тогда-то вы с наивностью невежественности грустно, задумчиво:

– О если бы такой репертуар был... Мы бы взяли его.

И грустно, (грустно ли?) качнете головой:

– Такого репертуара нет.

Тогда мы уверенно скажем:

– Вот он – этот репертуар.

Он есть во Франции, в том французском театре, оглянуться на который так своевременно предложил Луначарский.

Со следующего номера ми приступаем к опубликованию наиболее ярких пьес из репертуара французских театров за последнее десятилетие, выбирая, конечно, не ставившиеся на русской сцене.

Среди этих пьес, мы в первую очередь остановимся на пьесах социальных, на тех, где героем – массы, где пружины – те социальные сцепления, которые всегда будут волновать, современного зрителя.

Пьесы, где о социальных идеях не рассказывают, а показывают их.

Где автор бросает эти идеи трепещущими на сцену и заставляет их ходить, петь, кричать, ломать руки.

Где резонерство заменено страданием, а монологи – действием.

Нашим литературным жюри не будут несколько актеров, у которых при выборе репертуара есть два правила:

Первое: Когда пьеса не скучна, они говорят: "Да, но она не художественна".

И второе – Когда пьеса художественна – "Да, но она скучна".

Первой пьесой, которую мы предлагаем, будет социальная драма в 4 действиях:

"КОРОЛИ БИРЖИ".

На визитной карточке, которую нам подал автор, значится:

Эмиль Фабр – создатель французского политического театра. Его пьесы систематически запрещались французской цензурой. "Короли Биржи" была вначале запрещена, а после разрешения выдержала в Париже подряд 227 представлений.

Содержание "Королей Биржи" мы дадим в следующем номере. Само собой разумеется, что подлинник пьесы у нас имеется.

Мы надеемся, что будущие руководители не будут подобно старым девам неизменно верными старым традициям.

Мы надеемся, что они поймут, что над всеми режиссерами есть один ГЛАВНЫЙ ВЕРХОВНЫЙ.

И имя этого ВЕРХОВНОГО:

– Новый зритель.

Уейтинг.

И. И. МЕКСИН

(к 10-ти летию художественной деятельности).

В 1912 году в журнале "Детство и Отрочество", в статье о театре, появляется первый серьезный графический рисунок художника.

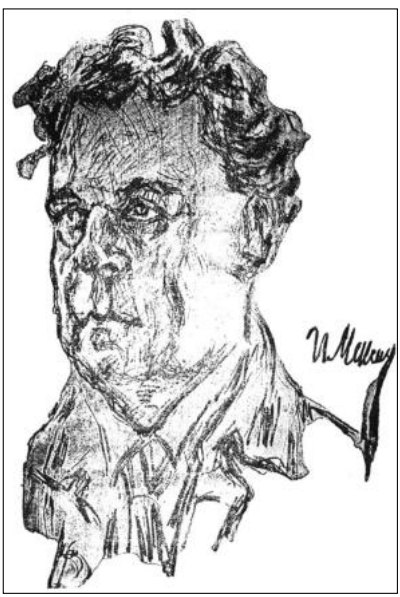
Работы художника пропитаны творческим проникновением, и в станковой живописи, которую он выставляет на выставках "Союза Независимых", он воспевает актера и сцену.

В 1916 году, Летиция (М. М. Симонович) пишет: "И. Мексина прельщает веселая декоративная пестрота мира театров и варьете". Актриса, балет, ночное кафе, трагический актер, театральный костюм, портрет актера, – вот обычные мотивы художника. Его театральные рисунки полны спиритуальной остроты, насыщены близким дыханьем театра, и потому веришь им, веришь искренности экспрессивной линии и живописной гамме нюансов, настроений, движений, транса в фигуре, лице артиста.

И. Мексин преимущественно график. И те произведения его, в которых он подходит ближе к природе, художественнее отвлеченных панно. Таковы в особенности его портреты, продукт самых последних лет, в которых он делает еще более резкий шаг от "нутра" к натуре, от аллегории к экспрессии.

Как театральный рисовальщик, в настоящее время художник И. Мексин является единственной фигурой на фоне пашей местной художественной жизни. В превосходном, полном темперамента, искусстве Мексина мы ждем впереди еще очень многого.

Вячеслав Руканов.

Н.И. Собольщиков-Самарин (*Рис. И. Мексина*)

СОФИТОМ ПО ПАРИКАМ.

Драматический сезон открыт.

Первый спектакль, – всегда свежие декорации, свежие артистические силы и свежие бутерброты в буфете!

Что из сих трех будет интереснее, – увидим, узнаем.

Во всяком случае привет – Драматическому сезону!

* * *

В Опере блестящие дела.

И не даром:

Целых две Добровольских и один Пирогов.

Почти Шаляпин!

Самая главная Добровольская споткнулась на первом спектакле о какое-то "ми".

В театре ее уже "похоронили".

Но следующие спектакли показали, что певице не страшны никакие "ми", и успех артистка имела большой.

Пришлось "выкапывать".

Ужасно скоро за кулисами хоронят товарищей...

Скоро и охотно!

Впрочем, не даром старый театральный сторож Яков, выметая грязь на сцене всегда говорил:

– И то сказать – нешто видано, чтоб кулиссы без грязи? На то они и кулиссы!

* * *

Конкурс юмористов

Это, собственно, самый юмористический номер. Ведь никто из них сам не пишет, кроме одного Коррадо, да и тот лучше бы "заказывал" куплеты.

И все читали куплеты одного-двух авторов.

Конкурс!..

И приз получил Чурский, самый антиюмористический юморист.

Не даром кричали, как на борьбе в цирке:

Неправильно!

И цитировали Грибоедова:

– "А судьи кто?"

Но в общем это хорошо!.. В этом лицо нэповского халтурного театра!

* * *

В "Гротеске" хорошая труппа, но репертуар без соли, без перца и без изюминки.

Совсем не "колониальный" репертуар.

– Что делать? Что ставить?

Что угодно, только не "революционные пьесы", в роде "Лакированного ящика"...

Такая "революция" на сцене хуже всякой контрреволюции.

* * *

У Чехова есть рассказ об одном слишком усердном кондукторе, который на каждой станции будил пассажиров и требовал у них билет.

Этого кондуктора очень напоминают теперь контролеры театра им. Луначарского.

Они по 2-3 раза в вечер подходят к публике:

– Ваш билет!

Этот способ проверки давно оставили даже в Тираспольских или Балтских иллюзионах...

Этого раньше не было: директор театра Крамер и гл. контролер Кремертато прекрасно знают способы контроля, без дерганья зрителя за плечо:

– Ваш билет!..

Это надо прекратить.

Это прекратил уже давно и Чеховский обер-кондуктор.

Д. Мал.

"ПРОБУЖДЕНИЕ СТЕН".

Рис. Мэб.

Пробуждение стен...

– Так будет называться выходящий в ближайшее время в свет первый литературно-научно-художественный

Журнал заключенных...

Этот журнал редактирует и издает

Царгубисправтруддом –

Царицынский Допр.

И просто – бывшая царицынская тюрьма.

* * *

"Подписываетесь!.."

"Пробуждение стен" – даст в текущем году:

"Записную книжку заключенного"

"Университет заключенного".

"Наука. Здоровый смех. Литература и искусство".

"Эхо" – литературный альманах.

"Васька косой" – шикарно иллюстрированная книга.

"На волю" – художественная картина. "Красная тачка" – юмористический альманах.

Не стало старой царской тюрьмы.

Советский Допр разбудил стены.

От Царицына до Ташкента, и до Овидиополя и до Царевококшайска.

– "Пробуждение стен".

Одесский Допр тоже пробудил стены.

Тюремная синагога перешита в школу грамоты.

Церковь – в клуб-театр. В знаменитом "кругу" – библиотека.

В карцерах – мастерские.

Среди старой "шпаны" – рукою Нэп'а брошенные сюда, сбитые с "панталыки" – журналист, художник, актеры.

В тюрьме – студии, – драматическая, музыкальная, хоровая.

* * *

У ворот афиша:

– "Сегодня в клубе – концерт-спектакль. Идет пьеса – "В тихом уголку".

В концерте участвуют: заключенные артисты Госоперы бас Проняев, артист драмы Маркин.

Музыка, пение, балет.

Это – в старой тюрьме, в новом Допре.

* * *

Сумерки. Двери камер – настежь. По воздушным коридорам отделений – под самый купол "круга" взбираются заключенные.

Клуб упруго набух свитками, серыми армяками и щегольскими, френчами.

Пьеса. Сольные номера. Аплодисменты.

"Пробуждение стен"..,

Ал. Светлов.

Маркин.

Алексей СУХОРУКОВ

Восемнадцать картинок

(набор цветных иллюстраций к небольшой драме)

Картинка первая, в которой:

Душным летним вечером сделали свадьбу Лене Кантору. Из дома во двор вынесли столы и поставили под акацией и сохнущим бельем. Взяли у соседей стулья и посуду, красиво накрыли, разбили две рюмки и уронили цветы в салат. Потом привезли Леню с женой и усадили во главе.

Картинка вторая

Коты и старухи смотрят с балконов во двор. Заходят гости, целуются и дарят деньги в конвертах. Женщины бегают на кухню. В ведрах плавают букеты, под музыку плачет чья-то мама. Леня стесняется, потеет и хочет ночи...

Картинка третья

Ночь. Во дворе жарко и темно. В окна орут сверчки, ноют комары, а в доме вздыхает и любит жену Кантор. Соседи курят на балконах, слушают его стон и мечтают о сне. В черных окнах светятся лифчики на дамах.

Картинка четвертая

В кухне мучается и скрипит раскладушкой Ленина мама.

МАМА: ...Больно слушать, как мальчик старается.

С кухонного стола падает споткнувшийся таракан.

МАМА: Дите не умеет... Не знает, как делать... Он еще конверты не открыл...

Таракан бежит по маминой подушке. На балконах вздыхают.

ИЗ ТЕМНОТЫ: Он уже умеет... Успокойтесь. Он уже нас всех...

С балкона, кувыркаясь, слетает окурок.

ИЗ ТЕМНОТЫ: Леня? Бросьте это дело... А??... Завтра закончите...

Картинка пятая

В комнате кричит и обливается счастьем Леня Кантор.

Картинка шестая, в которой:

Раскрытая постель — как теплая ванна. Скомканная простыня лежит на полу. Голый Кантор пьет воду, а его жена возится с полотенцем.

МАМА *(из кухни)*: Ленечка... Дети... Вам хорошо?

Леня хрюкает в стакан.

ЛЕНЯ: Мама... ты такое спросишь... *(Целует жену в мокрый живот.)* Нам хорошо... Рыбка, правда, хорошо?

РЫБКА *(дует себе на грудь)*: Ф-ф-ф-у... Почему??...

Леня кашляет в стакан. Во дворе смеются.

ИЗ ТЕМНОТЫ: Он не знал про ее аппетит. Бедный мальчик... У ней — наказание, а не аппетит...

ИЗ ТЕМНОТЫ: Он мог спросить...

ИЗ ТЕМНОТЫ: Слава Богу, — есть у кого спросить...

Картинка седьмая

Из винограда в окно Канторов смотрит соседская кошка. Глаза у кошки блядские.

ЛЕНЯ *(тихо)*: Мама...

Картинка восьмая

В темном коридоре плачет и бьется о стены Ленина мама. Сильно пахнет водкой и корвалолом. В туалете, за облезлой дверью, шумит вода. Первый сосед, пожилая сволочь, стоит в коридоре и улыбается уборной.

ПЕРВЫЙ *(другим соседям)*: Вот это горе!... Большое горе... Это их Ленечка вешается, наконец...

Мама царапает облупленную дверь.

СОСЕДКА: Почему вешается?.. В такую ночь... Дурачок... Или они вдвоем?..

В темной кухне громко уписывается кран.

ВТОРОЙ СОСЕД: Ленька вешается?.. В туалете? Вот несчастье... Это он надолго?

Толстая соседка гладит маму по плечу.

МАМА: О-о-о-ой...

У мамы трясутся губы с полоской вчерашней помады.

МАМА: Убьет себя, дите несчастное... Идиот такой...

Из-под двери по ногам тянет сыростью.

МАМА: ...босыми ножками стоит на унитазе... залазит в петлю...

ПЕРВЫЙ СОСЕД: Уже залазит?.. Дайте мне послушать.

От пыльной лампочки по стенам прыгают длинные тени. У Первого из майки к свету лезут седые волосы.

ПЕРВЫЙ *(уборной)*: Ленечка?.. Вы там еще стоите?.. Вот несчастье... Вы на чьем кругу стоите?.. А? Вы снова взяли мой круг?!

Мама толкается, и пожилой Первый падает. Слабый Второй прижимается к стене и пачкается в побелке. У Соседки из халата выпадает длинная грудь.

ВТОРОЙ СОСЕД: Сволочь жадная... Пожалел ребенку — повеситься с удовольствием...

Картинка девятая

В узком коридоре плачет мама. Первый посасывает раненую губу.

СОСЕДКА: Он не видит, как мать убивается... Как на ней лица нет...

Из дальней комнаты гавкает собачка.

ПЕРВЫЙ *(маме)*: Так в Вашем возрасте — даже приятно... хоронить молоденьких...

Мама бьет Первым об стену, и с потолка сыпется мусор.

Картинка десятая

Темный двор. В душных комнатах на кроватях крутятся соседи.

ИЗ ТЕМНОТЫ: Канторы... Дайте покоя... Устаньте, наконец...

На балконе чешутся и хлопают резинкой от трусов.

ИЗ ТЕМНОТЫ: С ума сошли со своей свадьбой...

ИЗ ТЕМНОТЫ: Культурные люди. Умеют сделать... гембель из удовольствия...

Картинка одиннадцатая

Узкое окно уборной. На забеленном стекле прыгает худая тень.

ЛЕНЯ: Мне дадут повеситься?! Изверги... гады... Всю трагедию портят мне...

Картинка двенадцатая

ИЗ ТЕМНОТЫ: Он такой влюбленный!.. На всю голову влюбленный...

ИЗ ТЕМНОТЫ: А он повесится?.. Вот это будет драма... Леньку будет жалко... Но женщинам понравится...

Мама тихо падает в обморок.

Картинка тринадцатая

С улицы гремит ночной трамвай. Коридор трясется, на антресоли звенит стеклянный хлам. Мама сидит на полу.

СОСЕДКА: Подняла им свадьбу... Отдала такие деньги... Кольца выбирала... Леньке костюм... белье для невесты, такое красивое, неприличное... И гостиницу — для отцов с той стороны...

Мама стонет.

СОСЕДКА: ...Сумасшедшего Яника, пьяного, привезла на машине, на счастье... Этим паразитам...

Мама качается на полу на грязных коленях. В уборной громко сопит Леня.

МАМА: Задавлю гадюку... Гадину... Рыбку твою...

В уборной шлепают босые ноги.

МАМА: В петлю полез... Только поженился... За такие деньги...

ЛЕНЯ: Мама...

МАМА: Всего раз на ней женился...

ЛЕНЯ: Мама!..

МАМА: Удавлю... гадину такую... Как папочку твоего...

Картинка четырнадцатая

Хлопает дверь. В открывшемся туалете рыдает голый Леня. В дальней комнате у собачки истерика с лаем.

МАМА: Деточка мой...

В кухне громко и с удовольствием писает старый кран.

Картинка пятнадцатая

Тишина. По спящему двору лазают коты. В окне у Канторов горит лампа. Желтая полоса лежит соседнем балконе.

НА БАЛКОНЕ: А я тоже хотел... Ты помнишь?.. Так хотел... И не повесился...

НА БАЛКОНЕ: И я хотела... Сильно хотела... Но ты не повесился... Спи...

Картинка шестнадцатая, в которой:

Солнце лезет в открытое окно. За окном — детские крики и птичий гвалт во дворе. Сквозняк мотает штору и сдувает на пол пустые конверты.

РЫБКА *(раскладывает деньги)*: Леня, не слюнявь подушку... Двести... Сто сорок... Ты меня любишь?

Леня чешется во сне.

РЫБКА: Любишь... Пятьдесят... Но при маме не можешь... Семьдесят... Поставим маме сюда кровать?..

Картинка семнадцатая

На кухне готовят завтрак. Мама режет салат. В холодильнике сохнут свадебные бутерброды.

МАМА: Делать им кофе? Или допьют компот?.. Что они хотят?.. Я старая... Я не знаю, что они хотят...

Картинка восемнадцатая

С подоконника блядскими глазами на маму смотрит кошка.

Одесские лимерики

Однажды сыночек наш Миша
Ловил кошку Масю на крыше.
А Мася-зараза
Пожрала и сразу
Опять убежала на крышу.

Однажды почтенную даму
Постигла ужасная драма:
Куснула вдруг внучка
Любимую Жучку,
А гавканье слушала мама.

Однажды в одесском трамвае
Шепнул пассажир: "Умираю",
Но бабке с косой
Кондуктор: "Постой!
Нет денег? Так брысь из трамвая!"

Однажды в Еврейской больнице
Решил доктор Зицман напиться.
— Где спирт, Иванов?
А фельдшер готов,
И Зицман пьет джин за границей.

Один джентльмен с Молдаванки
Крутил трехлитровые банки.
Каков молодец!
Чтоб был огурец
На закусь для всей Молдаванки.

Две леди в одесской коммуне,
Друг другу сказав накануне
Слова все, что знали,
Сегодня молчали,
И ангел летал по коммуне.

Мадам Стороженко с Привоза
Понюхала чайную розу.
— Не слишком пахуче,
Бички пахнут лучше.
Все так и попадали с воза.

Сэр Жора-рыбак из Люстдорфа
Взял трость, макинтош и два кофра
И в море отчалил,
А с мола кричали:
"Вертайся скорей до Люстдорфа!"

Здоровый амбал из "Бурана"
В бутике служил за охрану.
Купальники мини
И монобикини
Стерег неусыпно и рьяно.

Ударница Зайонц Антония
Работала под филармонией,
А также под "Красной",
Как это прекрасно
Дарить всем любовь и гармонию.

Гертруда Ангелина Алла
Седьмой километр пахала,
Площадка вторая,
На сбор урожая
Друзей соберется немало.

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол

Правда хорошо, а счастье лучше...

В мужской парикмахерской парикмахерша бреет клиента.

КЛИЕНТ. Ну? я вам скажу, салон у вас — высший класс! И бреете вы так чисто — чувствуется опыт. Наверное, трудно сюда устроиться работать?

ПАРИКМАХЕРША. Очень! Я так вообще сюда пришла, можно сказать, по трупам.

КЛИЕНТ. Такая большая конкуренция?

ПАРИКМАХЕРША. Нет. Я раньше в морге работала...

* * *

В автомастерской хозяин "мерседеса" и мастер. Хозяин болтает, мастер осматривает машину.

ХОЗЯИН. Вот, решил на "мерс" перейти. Дорого, конечно, но... Все-таки немецкая техника — это просто чудо!

МАСТЕР. Да, конечно... Машину здесь брали или в Германии?

ХОЗЯИН. Да вот, только из Украины пригнали, там оказалось подешевле... Так я говорю, все-таки немецкие рабочие — это немецкие рабочие! Как они только ухитряются делать такой корпус, такую подвеску?..

МАСТЕР. Ага! А главное, как немецкие рабочие ухитрились поставить сюда мотор от "Запорожца"?

* * *

Двое рабочих на заводе у стенда.

1-й. Говорят, наш завод купили новые хозяева и теперь у нас все-все будет как положено: зарплата, пенсии, больничные... Все будет по-белому, по закону.

2-й. Гляди! *(Показывает на стенд).*

1-й. *(читает)* "Новый хозяин завода — фирма "ASB Ltd" (Южно-Африканская республика)".

2-й. Все ясно — будем работать по-белому... Но как негры!

Давайте помечтаем!

Режиссер и пожилая актриса.

РЕЖИССЕР. Сбывается моя мечта! Я давно хотел снять эротический фильм ужасов, и вот теперь, тьфу-тьфу-тьфу, моя мечта начинает осуществляться. Есть пару интересных ролишек...

АКТРИСА. Да? А для меня ничего нет?

РЕЖИССЕР. Хочешь у меня сниматься?

АКТРИСА. Конечно!

РЕЖИССЕР. А ну-ка посмотри на меня... А может, ты у меня главную роль сыграешь. Разденут тебя перед камерой — и вперед! А что, это идея...

АКТРИСА. Зачем надо меня раздевать?

РЕЖИССЕР. Раздевать, потому что эротический. А тебя — потому что фильм ужасов!

* * *

В лаборатории ученый и чиновник.

ЧИНОВНИК. Ну что, профессор, посмотрел я ваши достижения на благо нашей отечественной науки и теперь хочу услышать, чем вам помочь. О чем вы мечтаете?

УЧЕНЫЙ. Я мечтаю... Я мечтаю работать в Америке!

ЧИНОВНИК. М-да... Не понимаю, что вас в этом привлекает?

УЧЕНЫЙ. Я получал бы там зарплату в тысячи долларов и мог бы спокойно заниматься наукой, а иногда отдыхать — летом ездить в Европу, зимой в Канаду, осенью в Мексику...

ЧИНОВНИК. Зато здесь, с нашей зарплатой вы можете спокойно заниматься наукой круглый год и ни на что не отвлекаться!

* * *

Новый русский сидит за накрытым столом в богатой столовой комнате. Рядом стоит его личный повар.

М. Я не понимаю, я тебе плачу такие бабки, чтобы я мог поесть чего-нибудь действительно уникального. Не фаршированных колибри и не жареные мозги черепахи, которые все едят! Я уникального чего-то поесть мечтаю, уникального, слышишь?

П. *(ставит на стол блюдо и снимает крышку)* Вот! Уникально!

М. Что это? *(Пробует.)*

П. Это египетская сушеная фига!

М. Чего? Ну и что тут уникального — египетская сушеная фига! Я их еще в детстве ел.

П. Ну, не знаю, как в вашем детстве, но сейчас в Египте найти мумию уже далеко не так просто. А во-вторых, чтобы она еще и фигу показывала...

Из жизни замечательных людей

Царь Николай Первый за столом что-то пишет, входит Пушкин.

ЦАРЬ. У вас что?

ПУШКИН. Стихи.

ЦАРЬ. Что?!

ПУШКИН. Ваше величество, вы же сами хотели быть моим цензором.

ЦАРЬ. А, да-да. Только недолго, голубчик, государственных дел невпроворот.

ПУШКИН. Коротко не смогу.

ЦАРЬ. А вы постарайтесь. Слушаю вас.

ПУШКИН. Уж небо осенью дышало...

ЦАРЬ. Короче.

ПУШКИН. Уж реже солнышко блистало...

ЦАРЬ. Короче!

ПУШКИН *(обиженно).* Короче — становился день! *(Выбегает.)*

ЦАРЬ. А говорил, что короче не может! Вот народ! Могут, если хотят!

* * *

Папские покои 19 века. Папа Пий IX сидит в кресле. Входит мужчина, целует руку.

МУЖЧИНА. Ваше Святейшество!

ПАПА. Что привело тебя ко мне, сын мой?

МУЖЧИНА. Хочу вступить в брак, Ваше святейшество! Но для брака между родственниками нужно личное разрешение папы.

ПАПА. Об этом и не проси! Я на браки между близкими родственниками разрешение не даю! Уходи!

МУЖЧИНА. Так мы же не близкие! Мы троюродные!

ПАПА. Да?.. Троюродным можно! Благословляю!

МУЖЧИНА. Благодарю! Я вас так благодарю!

ПАПА. Не стоит, троюродным всегда было можно...

МУЖЧИНА. Так и я говорю! А он мне: ну не разрешит тебе папа жениться на троюродном брате... Огромное вам спасибо!

Говорят старики

— Жениться я решил, Михалыч. Чего одному жить?

— Удивляюсь я на тебя, Фомич. О душе пора вспомнить, а не о девушках. Тебе же за 80.

— А при чем тут мой возраст? Я мужчина хоть куда! Хотя куда — это я как раз уже не помню...

* * *

— Слышь, Михалыч? Вот в газете пишут, что сигналы по мозгу идут с помощью электричества. Теперь мне понятно, почему у тебя мозги не работают.

— Почему?

— Их током убило!

* * *

— Напрасно ты, Фомич, на пенсию ушел. Мог бы еще поработать дворником, особенно зимой.

— Почему зимой?

— Потому что из тебя песок сыплется!

Феликс КОХРИХТ

Проснуться во Флоренции...

Когда Альберто Сандретти — наш добрый друг, собиратель и знаток Нового искусства, в первую очередь — русского авангарда — не только порекомендовал нам поселиться именно в отеле "Logiatto dei Serviti", но и помог обрести там кров, что, поверьте, (по многим причинам!) совсем не просто для наших соотечественников, мы и не подозревали, что будем жить на площади, над которой парит Гений места, хранящий Флоренцию уже столько столетий...

В великом и вечном городе, разумеется, немало площадей, занесенных в путеводители и запечатленных на открытках, но, пожалуй, именно эта, носящая имя Святой Аннунциаты, заслужила право быть удостоенной славы самой гармоничной и самой милосердной. И на то есть все основания.

Еще в XIII веке Генеральный совет народа (вот она — демократия!) обязал богатеньких Буратино, объединенных в гильдии, создать Приют невинных, где незаконнорожденные дети не только обретали бы шанс на жизнь, но и на воспитание, и на профессию. Легендарный флорентийский зодчий Брунеллески получил социальный заказ от города и построил грандиозное здание, под крышей которого (впервые в практике градостроения) находились жилые, учебные, хозяйственные помещения. Со временем по периметру площади выстроились три таких же многофункциональных сооружения, а замкнула ее дивная церковь Святой Аннунциаты. Современники высоко оценили новаторство Брунеллески, и с тех пор этот ансамбль приводится в пример в учебниках по архитектуре.

Сегодня в одном из палаццо расположен музей, среди экспонатов которого — Ботичелли, а в стоящем напротив и находился наш отель. Его номера — не что иное как палаты, в которых создатели госпиталя для "неизлечимых больных горожан" (так в проспекте гостиницы!) члены ордена Сервитов лечили своих подопечных и отпускали им грехи... С тех пор здание не изменилось, о чем свидетельствуют старинные гравюры, но, разумеется, постояльцам отеля обеспечен современный комфорт. Правда

(к нашей радости!), мебель в номерах сделала бы честь солидной антикварной лавке. Мы спали на деревянных кроватях под балдахином, а растворив массивные ставни, видели площадь — с конным памятником флорентийскому полководцу и двумя бронзовыми фонтанами — такой же, какой она была, когда милосердные монахи с молитвенниками и лекарствами спешили к тем, кому была нужна их помощь...

Мы поселились поздним вечером, а утро началось с ударов колокола. Сначала — нежно и мелодично — зазвонили в церкви Святой Аннунциаты, а спустя мгновение — мощно и величественно — где-то совсем близко...

Оказалось, что via dei Servi — улица, вытекающая из "нашей" площади, всего через несколько кварталов буквально упирается в сердце Флоренции! В площадь с собором Санта-Мария-дель-Фьоре, рядом с которым — баптистерий Сан-Джованни и колокольня Джотто!

Об этих шедеврах мировой культуры написаны тома. Робко и, надеюсь, не излишне самоуверенно, осмелюсь добавить лишь молчаливое восхищение...

Любопытно, что на коротком отрезке улицы, соединяющей площади с храмами, находится музей, в котором выставлены реализованные на сегодняшнем уровне инженерные проекты Леонардо да Винчи — зрелище, надо сказать, впечатляющее и не для слабонервных...

...Согласитесь, не просто засыпать под бой разноголосых курантов, отбивающих каждую четверть часа, когда в окошко заглядывает полная луна, в свете которой над крышами бесшумными тенями носятся летучие мыши...

Но зато самым ранним утром в комнату за толстенными каменными стенами проникает итальянское солнце, а за ним, усиленный мегафоном, голос экскурсовода, рассказывающего гостям города о том, кто, когда и зачем построил дом, в котором мы только что проснулись...

Вот и стихотворные строки этих путевых заметок — ночные и утренние...

Площадь Святой Аннунциаты

1.

"Loggiato dei Serrviti, Firenze"...
Ну чье, скажите, не забьется сердце —
Туриста, поселенного в отеле,
Который представлял — на самом деле —
Страданий горьких накопитель...
В тринадцатом, таком далеком веке,
Как мухи, погибали человеки —
От лихорадки, холеры и прочего мора...
И была у горемычных лишь одна опора:
Монахи местной обители,
Преподобные отцы — члены ордена Serviti...
На площади Святой Аннунциаты
Они построили просторное палаццо
Для больных неизлечимых,
Одиноких, нищих и гонимых...
Эти стены, эти коридоры, эти башни
Помнят стоны, хрипы, крики, кашель...
А теперь за тихий скромный номер
С вас возьмут весьма большие башли...
Но зато ты спишь под балдахином,
И твоя футболка в старом шкапе
Пропиталась ароматным духом
Гомеопатических лечебных капель...
Полночь — бьют часы на старой церкви,
И из чердаков, паря над лунными крышами,
Устремляются,
В наши
окна
нацелившись,
бархатокрылые
флорентийские
летучие мыши...

Рвутся в наш номер —
с ванной и душем —
прежних постояльцев
неприкаянные души...
Но все же наступает утро
И солнце стремительным рейдом
Спасает нас — постояльцев —
От смеси Данте и Фрейда!

2.

За окошком — два фонтана
Гонят воду речки Арно резвой...
Всадник с монумента — незнакомец в латах,
Как живой, но все-таки железный...

Сон

...Проснуться во Флоренции....
Это — дело серьезное.
На это надо решиться
И твердо идти до конца...
Потомки Лоренцо Медичи
Всегда иронично-вежливы
И не сулят надежды
Рассчитанные черточки
Породистого лица...
Здесь не любят ярких красок:
Вы убедитесь сразу в том
На летней распродаже масок...
Быть может, в вас не признают
Заезжего молодца...
Тогда подадут вам руку,
Сулящую, впрочем, разлуку,
И вы на вокзал побредете,
Комедии дель-арте,
Не дожидаясь конца...
Флоренция...
Она — вроде мачехи,

пленившей в сказке "Золушка"
доброго, но безвольного пьяненького отца...

Палаццо-Векьо

Живи я во Флоренции в Средние века,
Чую глубинной подкоркой:
Пиццею гвельфы снабжали б меня,
А гиббелины — махоркой!

Улица Данте

Язык Италии златой...
— Ты кто такой?
— Ты кто такой?
На перекрестке Мазаччо и Данте,
Словно на Пушкинской, угол Жуковского,
Качают права местные Балаганов и Паниковский:
Спорят о привилегиях и преференциях —
Делят на сферы влияния улицы старой Флоренции...
Ну все: победил Балаганов — он молодой и могучий!
Он вам предлагает — и выгодно — партию Версаче и Гуччи...
Но вы — потомок Бендера и мосье Тартаковского —
Берете оптом Армани у бедного Паниковского!

Макароны

Подпоясав на пузе передник,
Напевает он что-то из Верди!
Кулинар из соседней траттории,
Что за углом от консистории...
Повара во Флоренции — каста!
Макароны по-ихнему — pasta!
Их готовят в оливковом масле!
Базилик — пармезан:
Полезайте в карман!
Платите шесть евро!
И basta!

Два сольди

"Эта песня за два гроша, за два сольди!" —
Напевал нам басом Коля-второгодник...
Мы справляли с ним весеннюю "казенку"...
А еще он пел нам про японку —
Арию из оперы Пуччини...
...И вот стою я под тосканским небом синим:
Колокольня Джотто — под янтарным нимбом...
Итальянцы позабыли свои лиры
И не знают дети, что такое — сольди...
Вот бы удивились композитор Дж. Пуччини
И мой школьный кореш Коля-второгодник...

Идеи Леонардо — в жизнь!

Узкая дверь, а за нею...
Зовется все это музеем.
И дюжий гвардеец с кокардой
Уже, распушив бакенбарды,
Накалывает на алебарду
Неосторожно вами купленный билет...
Тем самым (на мгновенье!) открывая
дорогу в залы...
И за портьерою мигает тусклый свет....
Там вертятся колеса самобеглых —
никем не подгоняемых колясок...
Там тамбурин, заряженный для плясок,
играет сам собою меж небом и землею...
Там — дерни за веревочку: и вот готов в полет
(из ребер деревянных сработан) вертолет,
который пилотирует огромный черный кот...
К вам выедет — готовый для справок и бесед —
Старец седовласый — оседлал велосипед!
Он здесь хозяин!
Он — в плену привычек!
Он тащит вас — в анатомичку,
где собраны приспособленья

для наилучшего костей дробленья!
Он хочет уложить вас на носилки —
и испытать свою "сенокосилку"!
Здесь нет холстов, подрамников и красок...
Зато на стенах — изобилье масок,
запечатлевших ужас, скорбь и муку...
И вы, его геньальную отринув руку,
стремительно несетесь через залы —
к табличке: "Экспозиции начало"!
Гвардеец поправляет бакенбарды...
И улыбается — привычно и устало —
актер, играющий сегодня Леонардо...

Галерея Уффици

Мазаччо

Мадонна Мазаччо...
Увижу — и плачу...

Филиппино Липпи

Далековато от Флоренции остров Валаам,
Но там пришелся б ко двору Святой Иеролам...
Угостили б рыбкой старца отцы-пустынники,
А он бы граппы им налил, закусили б фиником!

Баччо Бандинелли

Как приятно повстречать в Медичи хоромах
Сослуживцев, земляков, родичей, знакомых!
Здравствуй, друг Лаокоон!
Мы все здесь посмотрели,
но, направляясь к выходу,
Вдруг — тебя узрели!
Твой близнец-одессит
под акацией стоит...

Увы, он тот имеет вид —
жертва гнусных провокаций —
стойко сносит храбрый жрец
пластические шрамы операций!
Случись в Италии такое,
подал б в отставку президент,
сбежались б папарацци!

Вазари

Вот вам — сценарий новых Сатурналий!

...В цветении пышных азалий,
в тени (небольшой!) кипарисов
по коридору Вазари
с кубком настоя мелиссы
проплыли русалки-виллисы...
...Навстречу им (деловито!) —
прямиком из пещер Доломитов —
протопала ватага шумных гномов
по Толкиену нам знакомых...
...Не изменив биссектрисы полета,
промчалась галопом (судача о Джотто!)
четверка крылатых кентавров
с зельем кипящим — для нимф приворота...
ВСЕМ ВЫПИТЬ ДАВНО УЖ ОХОТА!!!
В коридоре Вазари — праздник!
Бал королевы эльфов!
Не обошлось без конфуза:
приглашены гиббелины,
но позабыли про гвельфов!
Впрочем, беда — небольшая!
Оркестр заиграл тарантеллу!
И все закружились в танце.
Даже старушка Кибела!

В десятку!

"Одесса в новых памятниках, мемориальных досках и зданиях"
Альбом
Одесса, "Optimum", Издание Всемирного клуба одесситов
2004 г.

Мы любим, восхищаемся старой Одессой, неповторимостью ее ансамблей, уютом двориков, ставшей символом города Гигантской (Потемкинской) лестницей и Оперным театром. Но сейчас город переживает новый строительный бум. Далеко не все радует в стремительно меняющемся центре. Но запечатлеть это, дать возможность увидеть, как менялась Одесса за годы Перестройки — задача необходимая. Ее и воплотили автор идеи Леонид Рукман, фотохудожник Иван Череватенко, писатель Олег Губарь.

* * *

"Александр Дерибас. "Старая Одесса". Забытые страницы"
Киев, "Мистецтво"
2004 г.

Нет, в этой аннотации нет ошибки. Книга печаталась в Киеве, но работали над ней в Одессе. В 1913 году вышла ставшая мифом города книга А. Дерибаса "Старая Одесса". Но автор до последних дней жизни, до 1937 года продолжал писать очерки, эссе, воспоминания, и лишь сейчас наступило время, когда стараниями публичной библиотеки (О.Ф. Ботушанская, Т.В. Щурова), литераторов (О. Губарь, Е. Голубовский), руководства области и города (С.Р. Гриневецкий, Р.Б. Боделан), книга увидела свет. И новые страницы нашей забытой истории помогут молодому поколению полюбить Одессу так, как ее любили их отцы и деды.

* * *

"Воспоминания об Александре Блещунове"
Сборник. Составитель Е. Голубовский
Одесса, "ВМВ"
2004 г.

Сегодня в Одессе работает Муниципальный музей личных коллекций. Первый музей подобного рода, возникший на территории СНГ (тогда еще СССР). Инициатором его создания был физик, альпинист, воспитатель тысяч альпинистов, одновременно — коллекционер, собиратель многочисленных коллекций — Александр Владимирович Блещунов. Сейчас друзья Блещунова собираются продолжить писать воспоминания о своем друге и учителе. Думается, это лишь первая книга, которая будет продолжена расширенными и дополненными изданиями.

* * *

"Владимир Пяст. Девятнадцать писем.
Татьяна Фоогд-Стоянова. Вспоминая В.А. Пяста"
Составители А. Полторацкая и Е. Мальцева, художник А. Голубовская
Одесса, "Друк"
2004 г.

Публикация материалов Серебряного века, публикация материалов о Серебряном веке коснулись не только Петербурга и Москвы, но и Одессы. Ведь именно здесь в "южной ссылке" (и, быть может, это была последняя южная ссылка) пребывал друг А. Блока, поэт, мемуарист, переводчик Владимир Пяст. Так в нашем городе и в Амстердаме, куда уехала Т.Ф. Фоогд-Стоянова, сохранились Пястовские материалы, которые сейчас стали доступны читателю.

* * *

И. Шкляев. "Одесса в смутное время"
Одесса, издательский центр "Студия "Негоциант"
2004 г.

Окаянные дни, как назвал этот период жизни нашего города Иван Бунин, смутное время — чуть мягче определил его одесский историк Игорь Шкляев. Время героизма и подлости, время крови безвинных людей. Многие лишь упомянуты в этой исследовательской книге, многие имена получают точные характеристики. И уже иначе воспринимаешь блеск и нищету Молдаванки, "подвиги Мишки Япончика", чистоту рук одесской "чрезвычайки". Очень нужная книга, поскольку построена на документах, а не на легендах. И сегодня она открывает глаза тем, кто жмурился от света правды.

* * *

"Вениамин Бабаджан. Из творческого наследия"
Собрание сочинений и комментариев в 2-х томах
Составители С.З. Лущик и А.Л. Яворская, комментарии С.З. Лущика,
ответственный редактор О.М. Барковская
Одесса, "Optimum"
2004 г.

Талантливый одесский поэт, художник, искусствовед Вениамин Бабаджан был расстрелян красными в Феодосии в годы гражданской войны в возрасте 26 лет. Интерес к этой личности, исследователю Сезанна и Врубеля, автора стихов, предвосхитивших обериутов, возник уже несколько десятков лет назад. Но лишь сейчас удалось собрать воедино не только по опубликованным книгам, но и по дневникам, записным книжкам, и само творчество Вениамина Бабаджана, и комментарии к нему.

* * *

Александр Дорошенко, "Мой город", "Одесское пятиречье", "Кольцо Одессы"
Одесса, "Optimum"
2004 г.

Три книжки в малой серии "Вся Одесса" издал профессор, доктор наук Александр Дорошенко. И в городе сразу заметили новую фигуру — не столько краеведа, сколько писателя, влюбленного в Одессу, блестяще знающего ее прошлое и настоящее. Дорошенко-стилист, обладающий тонким чувством языка, Дорошенко-наблюдатель, для взора которого не остаются незамеченными самые тонкие детали. Остается пожелать автору собрать все свои эссе и продолжить радовать горожан наблюдениями, возникшими за долгие годы.

* * *

Григорий Яблонский, "В карман за словом". Афоризмы
Одесса, АО "Бахва"
2004 г.

Писать коротко трудно. Писать остроумно и коротко — еще труднее. Многие годы одесский журналист Григорий Яблонский печатал статьи, фельетоны в московских, киевских, одесских изданиях. Потом пришла пора афоризмов. И здесь Григорий нашел самого себя. вот один из его афоризмов: "Любил себя и пользовался взаимностью".

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Фундаментальная "Мория"

И на то есть все основания.

Во-первых, так называется в Библии скала, на которой царь Соломон построил Иерусалимский храм.

Во-вторых, у одноименного альманаха, недавно увидевшего свет в Одессе, был славный тезка — издательство, которое в начале XX века выпускало книги на иврите.

В-третьих, редактор — Геннадий Кацен — и авторы большинства публикаций первого номера продемонстрировали не только компетентность и профессионализм, но и высокий гражданский пафос, и чувство меры, что особенно важно, когда речь идет о такой сложной и драматической тематике, как история и сегодняшний день многомерной жизни еврейства.

А она, собранная под рубриками — от "Исторических заметок" до "Актуальных размышлений" — предстает в фундаментальных статьях, очерках, эссе, зарисовках, биографических и библиографических заметках известных одесских историков, культурологов, искусствоведов, литераторов.

Знаменательно, что большинство из них активно печатается на страницах "Дерибасовской — Ришельевской". Приветствуя выход нового издания, мы уверены: будем дружить альманахами.

Мал "ленчик" — да дорог!

"Ленчиками" называет свои четверостишья известный одесский врач, литератор, краевед Леонид Авербух. А еще — "стишатами": так называется его новый сборник ("Оптимум").

Оставаясь верным принципам минимализма, Ленчик (так называют его друзья), Леонид Григорьевич, издал его в формате миниатюрных книжечек (сто первых экземпляров — номерные), подтвердив тем самым справедливость постулата про золотник, его размеры и цену...

Авербух — представитель самой гуманной в мире профессии — оттачивает юмористические клычки и сатирические резцы на носителях не только злостных пороков, но и простительных, на мой взгляд, слабостей. К примеру, достается от него любителям выпить-закусить, хотя и автор был замечен...

Но основной пафос обличителя направлен против чинуш, невеж, хамов, которым достается по первое число!

Иная тональность, когда речь идет о том, что ему особенно дорого — о слабом поле. Юмор в этом разделе, озаглавленном просто, но от души: "О женщины...", скорее комплиментарен, что находит отклик у особей пола как бы сильного, но рискнувшего все же приобрести эту занятную книжицу.

В заключение процитируем автора:

Что прошло, порою может стать укором,
Даже пребывая в мире грез.
Прошлое из памяти мы выбросим нескоро,
Разве что крепчать начнет склероз...

Кто станет с ним спорить?

Феликс КОХРИХТ

...В КИЕВЕ

"Есть город, который я вижу во сне..."

Если бы Саломон Резник знал русский язык и эту песню из репертуара Леонида Утесова, то он сделал бы ее первую строку эпиграфом своей книги "Ментальное пространство", вышедшей в киевском издательстве УАП-МИГП. На первой ее странице автор пишет:

"Моему деду Иосифу, жившему в Одессе, и отцу Науму посвящается...".

У старейшины рода, обитавшего в нашем городе в середине 19-го века, было два сына. Наум перед Первой мировой войной уехал в Аргентину, где у него родился Саломон (именно через "А"!). Мирон остался в Одессе, семья продолжала жить в родительской квартире на Большой Арнаутской — свои предвоенные детство и юность его сын Борис, внук Иосифа, вспомнил на страницах нашего альманаха.

Судьбы двоюродных братьев сложились по-разному, но удивительно, что они выбрали одну профессию — стали врачами и добились на этом поприще значительных успехов.

Борис Миронович, фронтовик-орденоносец, после войны закончил медин и стал одним из самых известных в городе урологов, кандидатом медицинских наук.

Саломон Наумович — всемирно известный психиатр, теоретик и прак-

тик психоанализа, профессор Римского католического университета, успешно практикующий в Аргентине, Франции, Италии... Он никогда не был в Одессе, но, как и подобает истинному последователю Фрейда, подверг тщательному анализу свое подсознание и пришел к выводу: если я вижу город моих предков во сне, то просто обязан в нем побывать...

В 2003 году братья Резник (обоим — за 80) встретились в доме № 12 по улице, которая вновь называется Большой Арнаутской...

Лекции и семинары выдающегося ученого стали ярким событием в жизни его одесских и киевских коллег, а книга, о которой идет речь (лекции, прочитанные автором в Сорбонне), — настольной книгой.

О чем она, в чем ее ценность? Об этом читайте в специальных изданиях. Я же позволю себе процитировать редактора украинского журнала "Психоанализ" Светлану Уварову, которая, отмечая высочайшее профессиональное мастерство С. Резника и важность его труда, пишет: "...это — восстановление прерванной филиации (родственных связей), а также соприкосновение с многомерным миром психоанализа".

Иными словами: наше Ментальное пространство приветствует воссоединение семей! Тем более, что по мнению ряда исследователей, мать Зигмунда Фрейда тоже родилась в Одессе.

Феликс КОХРИХТ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ТРЕТЬЯК
Рождение города 6

Сергей РЕШЕТОВ
Французский негоциант Карл Яковлевич Сикар и его внебрачное потомство 28

Проф. К.П. ДОБРОЛЮБСКИЙ
Е.Н. Щепкин как историк 36

Михаил ПОЙЗНЕР
Мои корабли… 48

Марк СОКОЛЯНСКИЙ
"Отец!.. мне кажется, его я вижу" 70

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Мамино имя 82

Олег ГУБАРЬ
Дом Либмана 88

ПРОЗА

Виктор МАТИЗЕН
Гнозис 100

Владимир ЕФИМЕНКО
Новый Эйнштейн 118

Анатолий КОНТУШ
Три новеллы 125

Андрей КРАСНОЖОН
Тетка 131

Михаил ЛЕВИТИН
10 рассказов об отце 137

Дуня ЕЛЕНСКАЯ
Страсти-мордасти 147

Лена КУТИНОВА
Кулобок 154

ПОЭЗИЯ

Белла ВЕРНИКОВА
По причине минимализма 165

Валерий БОДЫЛЕВ
Овидий 168

Анна БОЖКО
Танцовщице... 172

Ирина ЕГОРОВА
"Как счастлив тот..." 176

Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК
Не спетая любовь 179

Николай ЩЕРБАНЬ
"В вещих снах..." 182

Ирина ДЕНИСОВА
Из цикла "Бельчонок и думы" 185

Юрий АФАНАСЬЕВ
Горы 188

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ

Уравнение с одним неизвестным 193

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Вера ЗУБАРЕВА

Дом-корабль: поэзия сквозь призму жизни 234

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

С лица необщим выраженьем 244

К празднику, к свету… 247

Адольф ЛОЗА

По волнам моей памяти 248

Анатолий ГЛУЩАК

Шелковый путь поэзии и дружбы 254

Роман БРОДАВКО

Музыкант Божьей милостью 265

ПУБЛИКАЦИИ

Владимир КУПЧЕНКО

Максимилиан Волошин в Одессе 271

Бенедикт САРНОВ

Непубликовавшаяся поэма Багрицкого 278

Эдуард БАГРИЦКИЙ

Не Васька Шибанов и не Ванька Молчанов 281

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА

Творить в области чувств 285

АХ, ОДЕССА

Алексей СУХОРУКОВ
Восемнадцать картинок 297

Инна РИКУН
Одесские лимерики 302

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол 304

ПУТЕШЕСТВИЕ

Феликс КОХРИХТ
Проснуться во Флоренции… 309

ИЗДАНО...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
В десятку! 318

Феликс КОХРИХТ
Фундаментальная "Мория" 321
Мал "ленчик" — да дорог! 321

Феликс КОХРИХТ
"Есть город, который я вижу во сне…" 322